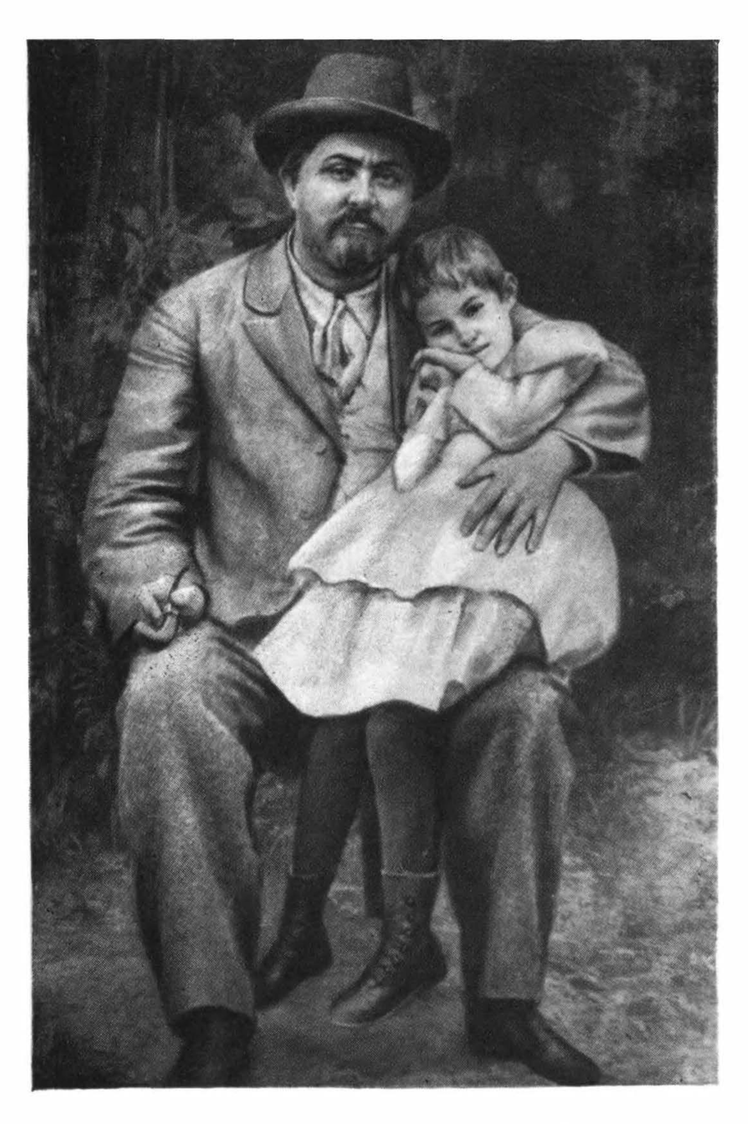
Д. Н. Мамин-Сибиряк

в воспоминаниях современников

Мамин-Сибиряк с дочерью Аленушкой.

Д. Н. Мамин-Сибиряк

в воспоминаниях современников

Свердловское книжное издательство
1962

Подготовка текста и комментарии кандидата филологических наук Б. Д. УДИНЦЕВА.

Общая редакция и вступительная статья кандидата филологических наук И. А. ДЕРГАЧЕВА.

Сборник обсужден и одобрен Ученым советом Свердловского литературного музея имени Д. Н. Мамина-Сибиряка.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1

Как-то странно складывалась литературная судьба Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка, писателя-реалиста, с ярким самобытным художественным дарованием.

Он выступил как писатель в самом начале восьмидесятых годов, и лучшие журналы времени, хранившие демократические традиции предыдущих десятилетий, охотно предоставили ему свои страницы. Он был признан большим русским писателем редактором «Отечественных записок» М. Е. Салтыковым-Щедриным, который увидел в провинциальном литераторе близкого по идейным и художественным принципам человека. Он открыл Урал читателям России и завоевал их симпатии. В своих произведениях он продолжал лучшие реалистические традиции передовой литературы. Он стремился раскрыть читателям, как тесно связаны судьбы людей, их душевные качества, их нравственные понятия с социальным развитием страны, и возбуждал мысль о несостоятельности таких общественных отношений, которые мешают людям быть счастливыми. В его произведениях читатели встречались с полными внутренних сил, душевно щедрыми, жаждущими простора и воли людьми труда. Было это в трудные для России годы реакции, и утверждение идеала свободы, нравственной цельности, последовательности, силы, способной к протесту против угнетения, помогало преодолеть лихолетье, нависшее над всеми.

И все-таки при жизни писатель не получил настоящего, видимого для всех признания. Ни темы, ни образы, ни вопросы, выдвигаемые им, не стали предметом страстных споров критиков и публицистов. Его замалчивали в течение долгих лет. О нем почти ничего не писали, когда он был уже автором хорошо принятых читателем уральских романов и большого цикла уральских рассказов, которые в девяностых годах привлекли внимание В. И. Ленина.

Позднее о нем начали писать, признавая несомненную талантливость и художественную оригинальность его произведений, но и тогда его творческие достижения не были поняты и приняты буржуазно-либеральной и народнической критикой, так как не укладывались в привычные схемы. Журнал буржуазной интеллигенции «Вестник Европы» устами критика Колтоновской с наибольшей прямотой сформулировал общую мысль: Мамин-Сибиряк — «своеобразный писатель и самобытный, стихийный талант был по природе чужд основному

духу русской литературы, и путь его прошел в стороне от тех граней, в которых проложено ее главное русло». Критик Скабичевский определил Мамина-Сибиряка, как «беллетриста-этнографа».

Писатель иной раз был склонен отождествлять подобные отзывы критики с читательским мнением. Неоднократно говорил он с горечью: «Меня не долюбили», «мое время еще не пришло, меня поймут и оценят только в будущем». Слова эти не были проявлением нескромности: Мамин-Сибиряк никогда не добивался ни славы, ни почестей. Мысль о том, что его время придет, рождалась из твердой уверенности: труд его нужен России, нужен тем простым людям, с думой о которых писались его рассказы и романы.

Люди труда — люди исторического будущего, уже тогда ценили Мамина-Сибиряка. По воспоминаниям старого деятеля коммунистической партии Ф. Ф. Сыромолотова, одного из активных помощников Я. М. Свердлова в период революции 1905 года на Урале, рабочие видели в Мамине-Сибиряке «своего писателя». «Наш он писатель, потому что пишет о нас... Почитаешь его, так прямо светлеешь: душа человек»,— приводит он слова одного из участников пролетарской революционной борьбы.

От имени этих демократических читателей с точной, ясной и глубокой оценкой писателя выступила в 1912 году ленинская «Правда». В некрологе, помещенном в номере за 16 ноября, Мамин-Сибиряк был назван «ярким, талантливым, сердечным» писателем. «Мир праху твоему,— писала «Правда».— Нарождается новый читатель и новый критик, которые с уважением поставят твое имя на то место, которое ты заслужил в истории русской общественности».

Пролетарский писатель А. М. Горький, тоже выражая точку зрения «нарождающегося нового читателя», в приветствии к шестидесятилетию Мамина нашел точное определение его труда: «Когда писатель чувствует кровную связь с народом, это дает красоту и силу ему. Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали Вашими книгами, открыв целую область жизни, до Вас незнакомую нам. Земле родной есть за что благодарить Вас, друг и учитель наш».

Время Мамина-Сибиряка пришло. Об этом говорят миллионные тиражи его книг. Его романы и повести становятся достоянием читателей не только нашей страны, их переводят на языки стран народной демократии. На основе ленинской оценки советские литературоведы определили смысл и характер его деятельности, установили место в истории передовой русской литературы. Многое сделано для изучения творчества писателя Е. А. Боголюбовым, работы которого ввели в научный обиход неизвестные ранее материалы. Значительны также работы А. И. Груздева, в частности критико-биографический очерк о Мамине-Сибиряке. В последние годы выявились довольно многочисленные кадры маминистов во всех областях нашей страны и даже в странах народной демократии, занимающиеся изучением творчества писателя. Однако сделано еще не все. До сих пор не издана научная биография писателя, в которой все факты его творческой деятельности были бы документированы и объяснены. Для создания такой биографии много сделал Б. Д. Удинцев, сохранивший и описавший большое рукописное наследство Мамина-Сибиряка, выступивший с рядом интересных публикаций. Но эти отдельные публикации не могут заменить цельного и при том достаточно детального биографического очерка. А ведь все более широкое знакомство читателя с

творчеством писателя вызывает интерес к его личности, к его внутреннему миру, к его жизненному опыту.

Публикуемые в настоящей книге воспоминания должны восполнить в какой-то мере этот пробел. В этих воспоминаниях таких разных и по жанровым признакам, и по содержанию, и по степени талантливости, вырисовывается личность писателя-разночинца, раскрываются его житейские и писательские связи, становятся ясными его взаимоотношения с выдающимися современниками.

Мамин-Сибиряк, став известным литератором, упрочив свое положение в центральных журналах, в течение долгих десяти лет продолжал жить в уездном городе российской империи — Екатеринбурге, в стороне от писательских и журналистских кругов. Это явление было не совсем обычным для литературы 70—80-х годов, когда происходила естественная концентрация литературных талантов в столичных центрах. Мамин-Сибиряк время от времени бывал в Москве, но и тогда не входил в тесные отношения с писателями. Он завязал лишь самое общее знакомство с Короленко, Златовратским, Нефедовым и еще двумя-тремя литераторами.

Такая изоляция от профессиональной литературной среды не сказалась на творчестве Мамина-Сибиряка, по характеру дарования, по его направлению, более нуждавшемуся в постоянной связи с той жизненной почвой, которая питала его, с Уралом. Но эта изоляция во многом объясняет отсутствие писательских, профессионально-грамотных воспоминаний о творческой жизни Мамина-Сибиряка до его переезда в Петербург. Только после 1891 года, когда в силу личных обстоятельств, хорошо освещенных в мемуарах, писатель покинул Урал и поселился в столице, он вошел в литературные круги, стал принимать деятельное участие в редакционных делах некоторых журналов, познакомился с Чеховым, Буниным, Елпатьевским, позднее — с Горьким. Этот второй период жизни и творчества писателя значительно шире и, несомненно, интереснее воссоздается в воспоминаниях. О нем рассказали многие выдающиеся русские писатели. Из воспоминаний И. Н. Потапенко мы узнаем об очень тонкой, выраженной по-писательски образно оценке Мамина А. П. Чеховым. Облик Мамина-Сибиряка, его отношение к современной ему философии пессимизма — предмет части очерка А. М. Горького «Чужие люди». Интересный творческий портрет Мамина-Сибиряка дан в воспоминаниях С. Н. Елпатьевского. Проникновенны немногие слова И. А. Бунина о Мамине-Сибиряке. Ряд воспоминаний написан журналистами, сталкивающимися с писателем по совместному сотрудничеству в журналах. Много ценных сведений мы находим в воспоминаниях Б. Д. Удинцева, тесно знавшего писателя в последние годы его жизни.

Но почти на всех воспоминаниях лежит своеобразный отпечаток. Как правильно заметил мемуарист Б. Б. Глинский, Мамин не любил допускать к себе в душу, и даже лучшие его приятели чаще были просто знакомыми, чем единочувствующими и единомыслящими друзьями. Может быть, поэтому у некоторых современников внимание оказывается сосредоточенным на мелочах быта. У других же, наоборот, воспоминания тесно сплетены с общими оценками писателя и трудно разобрать, что же идет от личных встреч и впечатлений, а что от общего восприятия его творческой индивидуальности.

При чтении настоящих мемуаров надо помнить и другое. Писались они в течение более полувека, разновременно. В них есть, так сказать, несколько хронологических пластов. Запись о встрече с Мами-

ным-Сибиряком журналиста П. В. Мурашова была напечатана в газете «Урал» еще при жизни писателя, в 1907 году. Воспоминания Е. П. Пешковой написаны в 1961 году для настоящего издания. Это крайние точки. Между ними по времени располагаются все другие. Некоторая часть воспоминаний появилась на страницах печати в 1912—1913 годах, сразу после смерти Мамина. Многие написаны в 1936 году, когда литературовед З. Ерошкина, подготовляя сборник воспоминаний для Свердловского книжного издательства, отыскала людей, еще помнивших писателя. Записки М. К. Куприной-Иорданской, знавшей Мамина-Сибиряка на протяжении двух десятилетий, написаны ею в 1952 году, как и воспоминания известного деятеля нашей партии и государства В. Д. Бонч-Бруевича.

Естественно, что на мемуарах лежит не только тень субъективности, но и отсветы того времени, когда они создавались.

Разнообразны они и по жанровым признакам. Некоторые воспоминания — просто ответы на заранее подготовленные вопросы, что определяет их направление и создает известные рамки воспоминаний. Таковы, например, записи беседы с друзьями Мамина в Екатеринбурге, сделанные В. Чекиным.

Другие воспоминания — обобщения коллективных, семейных воспоминаний, прочно сплавленных с личными впечатлениями, в них события и факты передаются без четкого разграничения на виденное самими свидетелями и слышанное от других.

Некоторые воспоминания художественны, как отрывок из очерка А. М. Горького, воспоминания С. Н. Елпатьевского, Н. Д. Телешова. В других же дается в лучшем случае протокольное описание фактов, одноцветное изображение некоторых деталей быта и черт характера писателя. Не все они по масштабам понимания истории и личности писателя, по уровню художественности соответствуют значению самого Мамина-Сибиряка.

В настоящей книге нельзя было привести к единству взгляды отдельных мемуаристов: в них есть противоречия, ибо разные люди и в разные эпохи мыслят об одном и том же по-разному. И все же положительное значение сборника воспоминаний для читателей, любящих творчество Мамина-Сибиряка, неоспоримо. Они найдут в нем те факты и слова, которые помогут глубже почувствовать и понять личность писателя, обаяние которой так велико в его произведениях.

2.

Д. Н. Мамин-Сибиряк родился в 1852 году на Урале. Здесь на одном из горных заводов недалеко от Нижнего Тагила прошло его детство. Кругом была немного суровая, но полная строгой красоты природа. На всегда неярком небе, то ясном и голубом, будто промытом дождями, то сером, будто затянутом дымом заводов, четко вычерчивались по горизонту неровные линии гор. По логам текли говорливые ручьи, сбегали в неширокие долины, медленно растекались перед плотинами заводов спокойными и сильными прудами. Около плотин дымились невысокие черные трубы знаменитых железоделательных заводов. При доменных и пудлинговых печах, у кричных горнов и молотов стояли талантливые в труде мастеровые, создававшие национальные богатства и жившие томительно и скудно...

Родной Урал, вспоивший и вскормивший Мамина-Сибиряка, дал ему творческую силу. «В произведениях этого писателя,— замечал В. И. Ленин,— рельефно выступает особый быт Урала с бесправием, темнотой, приниженностью привязанного к заводам населения, с «добросовестным ребяческим развратом» господ и отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России».

«Особый быт Урала» формировал мировоззрение писателя с раннего детства. Об этом Мамин-Сибиряк рассказал в автобиографических очерках «Из далекого прошлого», «Разбойники», «Семья и школа», рассказал с достаточной полнотой, а в книге «Из далекого прошлого» и с художественным блеском. Воспоминания других лиц об этом периоде жизни Мамина-Сибиряка могут только добавить некоторые штрихи к той картине, которая нарисована самим писателем. Быт провинциальной поповской семьи, не совсем заурядной, демократической по жизненным принципам, хорошо раскрывается в таких воспоминаниях, как воспоминания Б. Д. Удинцева. Племянник писателя тщательно собрал и бережно донес до нас семейные воспоминания, естественно, самые достоверные. Хотя и скупо, эти же годы освещены в ответах Е. Н. Удинцевой на вопросы корреспондента газеты «Уральская жизнь» и в безыскусственных рассказах Челышевой, сестры лучшего друга детства Мамина — Кости Рябова. В них говорится о тесной связи Мамина-Сибиряка с жизнью заводского населения, о раннем знакомстве с людьми труда, с их бытом, обычаями, верованиями. Челышева рассказывает: «...Они ходили на покос к косарям, где, если их приглашали, они ели из общей чашки, а Дмитрий Наркисович как-то особенно вслушивался в разговор. На вечеринки он приходил, забивался в угол, бывало что-то записывал». Сестра писателя вспоминает о длительных походах Мамина по прискам и деревням, окружающим Висим, «за тем бытовым материалом, который такой яркой «красной нитью» проходит по всем его романам и рассказам», о хорошем знании жизни раскольников и об источниках раннего и близкого знакомства с ними.

С детства складывалось в сознании Мамина уважение к простому человеку, к его труду, его горю и бедам, к его радостям и представлениям о прекрасном. Позднее, уже известным писателем, Дмитрий Наркисович по-прежнему любил встречаться с самыми различными людьми. Разговаривая с ними, он находил новые сюжеты, новые типы, новое понимание жизни, отлитое в неповторимых по выразительности речениях, одним словом, тот жизненный материал, который так увлекает, так покоряет в его произведениях. Один из старых уральцев, из числа тех, чьи рассказы записаны П. Елпидиным, однажды видел встречу Мамина-Сибиряка с простым рыбаком на Тагил-реке. Он говорит: «Рыбак просиял, обрадовался гостю как хорошему, давнишнему другу». Не в том ли обаяние близких нам произведений Мамина, что о людях Урала в них рассказывается вот таким хорошим, давнишним другом?

Многие мемуаристы, хотя и недостаточно полно, рассказывают о «собирательской» работе писателя, о его большом интересе к заводским делам, к экономике и истории края, к фольклору. И. В. Попов вспоминает, как быстро Мамин находил общий язык с народом: «Около него целая группа мужиков. Дмитрий Наркисович их расспрашивает, они рассказывают. Говорят о земле, о местных

чудесах и легендах». Ниже он еще раз говорит: «Эти поездки Мамин использовал с возможной полнотой — во время них осматривались достопримечательности, наводились справки об истории заводов, их деятельности, собирались легенды, записывались сказки».

Время пребывания в духовной школе, известной бурсе, нашло отражение в книге Мамина-Сибряка «Из далекого прошлого», напечатанной в 1902 году, и в очерке «Семья и школа», созданном в самом начале восьмидесятых годов. Ни в одних воспоминаниях об этом времени не говорится. Лишь Б. Д. Удинцев вспоминает, что Мамин-Сибиряк даже в 1903 году, когда приезжал на Урал из Петербурга, через тридцать пять лет после выхода из духовного училища говорил о нем с «гневом и раздражением». Такие показания близкого к писателю человека очень важны. Дело в том, что в записках «Из далекого прошлого», по сравнению с ранними очерками «Семья и школа» и «Фунтик», все оценки духовной школы значительно мягче. Книга «Из далекого прошлого» была адресована маленьким читателям, и, если отношение писателя к ненавистной ему бурсе, как говорит Б. Д. Удинцев, к 1903 году осталось неизменным, то смягчение красок в книге для детей было продиктовано лишь педагогическими соображениями.

Воспоминания соучеников писателя по Пермской духовной семинарии Е. Бирюкова и П. Серебренникова вносят кое-что новое в характеристику семинарской жизни Мамина-Сибиряка. Бирюков был идейно далек от Мамина-Сибиряка. Он готовился к карьере священника, не задумываясь особенно над смыслом «пастырского служения». Мамин, еще поступая в семинарию, знал, что попом не будет, и это соответствовало не только его желаниями, но и желаниям семьи. Естественно, что эти люди не сближались в семинарии, и воспоминания Бирюкова — лишь добросовестный, точный рассказ о том немногом, что он знал о своем соученике, его отношениях к товарищам, к самим занятиям наукой.

П. Серебренников, во-первых, некоторое время жил на одной кваритире с Маминым, во-вторых, их пути и дальше были близкими. За год до поступления Мамина-Сибиряка в Медико-хирургическую академию в Петербурге в нее уже поступил и Серебренников. Естественно, что в воспоминаниях этого демократического деятеля затрагиваются вопросы идейного формирования писателя. Серебренников рассказывает и о нелегальной библиотеке, и о просветительском влиянии учителя семинарии Бакланова на умственное развитие учащихся. К сожалению, воспоминания Серебренникова — только конспект его выступления на траурном вечере памяти Мамина-Сибиряка в Перми в 1912 году, многое в них едва намечено, обо многом сказано недостаточно ясно.

Думается, что Серебренников прав, говоря, что «основы нравственного и умственного миросозерцания» Мамина были заложены в семинарии. Он имеет в виду демократическое мировоззрение, которое, несомненно, сыграло роль в уходе из семинарии и выборе будущей профессии — профессии ветеринара, человека, нужного крестьянину. Мамин, поступив на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии, в письмах отцу мотивирует свое решение той пользой, которую он может принести народу.

В мемуарах журналиста П. В. Мурашова, уральца по происхождению, живо переданы собственные, полные юмора, воспоминания Мамина-Сибиряка о годах петербургской молодости, о первых лите-

ратурным шагах. Рассказ этот близок к повествованию о начале литературной карьеры в романе «Черты из жизни Пепко». Встреча Мурашова с Маминым состоялась в 1907 году. Роман о Пепко был написан в 1894 году. Постоянство в освещении одних и тех же фактов является, в значительной мере, убедительным свидетельством их достоверности, «не сочиненности».

Записи Мурашова подтверждают также автобиографический характер романа о Пепко.

Занятиям в Академии мешали и материальная необеспеченность, и стремление заняться настоящим литературным трудом, и репортерская поденщина, и сопряженное с ней участие в жизни журналистской богемы. Мамин-Сибиряк начал печататься в «Сыне отечества» и «Кругозоре», журналах третьеразрядных, попасть же на страницы передовых журналов в это время он не мог, да и не имел еще на это оснований. Сам писатель весьма критически оценивал свой «успех» на страницах полубульварной прессы.

В 1876 году Мамин-Сибиряк перешел в Университет, а следующей весной заболел плевритом и на лето выехал к родным на Урал, жившим тогда в Нижне-Салдинском заводе. Болезнь туго поддавалась лечению, и Дмитрий Наркисович был вынужден задержаться на Урале до следующей осени. Смерть отца в январе 1878 года изменила все планы, на руках у Мамина остались близкие, нуждающиеся в постоянной материальной поддержке.

Дальнейшие четыре года прошли в борьбе с нуждой и в упорной работе над романами «Приваловские миллионы» и «Горное гнездо». «Приваловские миллионы» переделывались много раз, а первый вариант «Горного гнезда», носивший название «Омут», был отложен на некоторое время и только позднее доведен до конца. В автобиографии, написанной Маминым-Сибиряком в третьем лице, об этом переезде сообщается: «Все это время Д. Н. провел на Урале, где теперь перед его глазами выступила с особой рельефностью бойкая и оригинальная жизнь этого края... Нужно было долго пожить вдали от родины и потолкаться среди разного чужого люда, чтобы окончательно выяснить себе то, чем отличалась жизнь уральского населения».

В Екатеринбурге, куда Мамин-Сибиряк переехал из Нижней Салды, около него и его гражданской жены М. Я. Алексеевой сложился дружеский кружок прогрессивно мыслящих людей, чуждых обывательским интересам уездного захолустья. Однако значение этой группы, куда входили литератор Н. В. Казанцев, юристы Н. Ф. Магницкий, Н. И. Климшин, М. К. Кетов, податной чиновник А. А. Фолькман, не следует преувеличивать. Мамин-Сибиряк был на голову выше друзей по своим взглядам на настоящее и будущее Урала. Большинство членов кружка не поднималось выше либерального протеста против азиатчины, косности, застоя. Специфически литературные интересы их не объединяли. Один из участников кружка, или «общества взаимных льстецов», как в шутку они называли содружество, в беседе с журналистом В. Чекиным заметил, что только М. К. Кетов «был знаком с литературными симпатиями и антипатиями» Мамина. Конечно, по общим, самым главным вопросам общественно-литературной жизни какое-то единство было. Так, по воспоминаниям М. Я. Алексеевой, горькими слезами плакали все члены кружка, узнав о закрытии «Отечественных записок» в 1884 году. Б. Д. Удинцев рассказывает о сатирическом творчестве И. Н. Климшина, нам известно сатирическое стихотворение Мамина по поводу

коронации Александра III. Это тоже свидетельствует о взаимопонимании членов кружка, об общей оппозиционности существующему режиму.

Н. В. Остроумова в своих воспоминаниях пишет, что Мамин неохотно заводил знакомства «с обывателями», но имел много знакомых среди уральских рабочих и крестьян. В числе немногих интеллигентных людей Петербурга, с которыми Мамин-Сибиряк поддерживал дружеские отношения, был выдающийся историк Урала Наркис Константинович Чупин. Об этом рассказывает другой мемуарист — Ляпустин. Ему удался портрет Чупина, нарисованный живо. В воспоминаниях вызывает сомнение только уж очень точное совпадение рассказа Чупина о генерале Глинке и сюжета повести Мамина-Сибиряка «Верный раб». Несомненно Дмитрий Наркисович во многих произведениях опирался на устные рассказы бывалых людей, знатоков прошлого и настоящего Урала, но вносил в них много своего, из запасов наблюдений, представлений и понятий, накопленных ранее. Ляпустин же мог хорошо знать повесть и внести многое из нее в пересказ чупинского повествования.

Наиболее интересным человеком из маминского окружения тех лет была Мария Якимовна Алексеева. Она была, действительно, другом и товарищем, разделявшим взгляды писателя. Ее отец Яким Колногоров вышел из крепостных рабочих, он начал служебную карьеру «рассылкой» в цехе, а в 60—70-х годах был управителем Салдинского завода и даже заместителем управляющего Тагильскими заводами Демидовых. Он был автором крючкотворной уставной грамоты по Нижне-Тагильскому заводу, о которой, как образце изворотливости уральских ленд лордов писал Мамин-Сибиряк в очерках «От Урала до Москвы». Многие черты Колногорова воспроизведены в образе Родиона Сахарова в «Горном гнезде».

Мария Якимовна получила хорошее домашнее воспитание, владела иностранными языками, играла на рояле, была хорошей учительницей. Причастная к жизни уральского «горного гнезда», она хорошо знала его быт и закулисные истории. М. Я. Алексеева помогала Мамину-Сибиряку понять характер отношений, складывавшихся в этой среде, разобраться в богатстве типов «горного гнезда».

В настоящем сборнике приведены записи бесед с Алексеевой В. Чекина и А. И. Шубина. Об Алексеевой говорится также в воспоминаниях других лиц. Создается образ незаурядной женщины, сыгравшей большую роль в творческой жизни писателя. Судя по некоторым подробностям, она обладала известным литературным вкусом. Сам Мамин-Сибиряк в письмах восьмидесятых годов много говорит о ее хорошем знании жизни Урала и о понимании ею литературы. В очерке «По Зауралью» Мамин-Сибиряк отмечает, насколько хорошо М. Я. Алексеева разбиралась в тонкостях старообрядческих религиозных догм.

Алексеева поддерживала писателя в дни первых его неудач, она делила с ним радость первого читательского признания.

В ее воспоминаниях есть ценные указания на ободряющую Мамина переписку с руководителем демократического журнала «Дело» Г. Е. Благосветловым, человеком, хорошо известным в истории общественной мысли 60—80-х годов.

Переписка писателя с М. Е. Салтыковым-Щедриным и Г. Е. Благосветловым свидетельствует о том, что в сложные годы реакции восьмидесятых годов Мамин неизменно сохраняет уважение к рево-

люционно-демократическим традициям в литературе, стремится быть вместе с передовыми людьми России.

Мамин-Сибиряк отрицательно относится к возникающей в восьмидесятые годы «теории малых дел», выдвинутой распространенной газетой «Неделя» и приложением к ней «Книжками «Недели», издававшимися Гайдебуровым. Этот факт отмечен в воспоминаниях Н. Остроумовой. Он говорит о стойкости Мамина-Сибиряка, о трезвой оценке им либеральных течений общественной мысли. Об этом же свидетельствует понимание писателем грабительского характера реформы 1861 года и дальнейших процессов пореформенного развития Урала. Точка зрения писателя по этим вопросам хорошо передана Остроумовой.

У нее же мы встречаем характеристику взаимоотношений Мамина с местной прессой. Писатель из-за принципиальных соображений не работал в екатеринбургской газете до 1886 года. В этом году, при новом редакторе, надеясь на коренное изменение курса газеты, он опубликовал на страницах «Екатеринбургской недели» несколько боевых статей по вопросам развития Урала, выступив против крупных заводчиков. Их острота привела к разрыву, и сотрудничество писателя в газете «мукомолов и горных заводчиков», как говорит Остроумова, закончилось очень быстро. Сам Мамин изложил мотивы отказа от сотрудничества в местной газете в письме редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву. В воспоминаниях Д. А. Удинцева этот эпизод разрыва с газетой объяснен лишь вспыльчивостью писателя, что, конечно, неверно.

Как писатель определенного демократического направления предстает перед нами Мамин-Сибиряк на страницах воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича. Здесь особенно хорошо раскрыто восприятие творчества писателя рабочими и той интеллигенцией, которая была близка к революционному движению, как был близок сам автор мемуаров. Интересно также его указание на цензурные затруднения во время печатания «Уральских рассказов». Возможно, что в воспоминаниях, написанных спустя почти семьдесят лет, есть отдельные погрешности в хронологии. Может быть, что встречи Мамина-Сибиряка с типографскими рабочими происходили в начале девяностых годов, во время печатания «Горного гнезда», а не тогда, когда издавались «Уральские рассказы», ибо в это время писатель с Урала не отлучался. Но, несомненно, что характеристика Мамина-Сибиряка у Бонч-Бруевича шире и глубже, чем в воспоминаниях других лиц, стоявших в стороне от освободительного движения пролетариата, зачастую не способных ни подняться над уровнем отдельных фактов, ни установить их взаимосвязь.

Особое место в книге занимают воспоминания Б. Д. Удинцева, племянника писателя, превосходного знатока его биографии. Они интересны тем, что вобрали в себя обширные семейные воспоминания об уральском периоде жизни писателя. Достоинство их также в систематичности, с которой освещены отдельные периоды жизни Д. Н. Мамина.

В марте 1891 года Мамин-Сибиряк покинул родной Урал. Он переехал в Петербург не потому, что пришел к выводу о необходимости жить в среде литераторов, и не потому, что изменилось его отношение к Уралу. Он бежал от обывательской бесцеремонности, от мещанских наглых попыток продиктовать ему правила морального поведения.

Как излагают события мемуаристы, осенью 1890 года в труппу екатеринбургского театра приехала драматическая актриса М. М. Абрамова, в предыдущий сезон державшая антрепризу в Москве. Она познакомилась с Маминым вскоре после приезда. У них оказался общий знакомый В. Г. Короленко, который хорошо знал М. М. Абрамову, дочь пермского фотографа М. Г. Гейнриха, венгра, бежавшего в Россию после одного из неудачных восстаний мадьяр против австрийского владычества (Короленко в Перми занимался с группой гимназисток, в которую входила и Гейнрих). Судьба М. М. Гейнрих сложилась неудачно, о чем она сама рассказала в письмах к Короленко. Судя по этим письмам и по некоторым другим данным, в ней уживались тонкость чувства, умение понять хороших людей, их высокие и светлые идеалы, и воспитанная унизительным положением русской провинциальной актрисы 80-х годов постоянная настороженность, враждебное отношение к окружающим, даже мстительность, вызываемая неверием в добро.

Мамин-Сибиряк полюбил Абрамову. Он очень тяжело переживал свой разрыв с М. Я. Алексеевой. Но новое чувство было настоящим, большим и сильным. Местное «общество», включая даже газету, повело борьбу против «актерки», увлекшей писателя. Делалось это бесцеремонно, грубо, больно ранило писателя и привело его к решению навсегда порвать с Екатеринбургом.

После трагической смерти М. М. Абрамовой в 1892 году, через два дня после рождения дочери Аленушки, он писал матери о своем безутешном горе и вспоминал, как покойная Мария Морицевна любила Некрасова. Он процитировал при этом строки из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: «Зажгло грозою дерево, а было соловьиное на дереве гнездо»,— которые часто читала Абрамова.

Новый период жизни и творчества, целиком связанный с Петербургом и его ближайшими окрестностями, нашел освещение в мемуарах уже других людей, составивших новый круг знакомых писателя.

3.

В марте 1891 года Мамин-Сибиряк приехал в шумную, живущую стремительной жизнью столицу России. Петербург к этому времени был уже большим капиталистическим городом. Фамилии банкиров и промышленников соперничали в известности с потомками российских князей. Окраины города растили петербургский пролетариат, гвардию рабочего класса, который в следующем десятилетии встанет во главе революции. Город этот был также сосредоточием интеллигенции. Вокруг многочисленных журналов, издание которых давно стало отраслью промышленности, группировалось большое количество литераторов, тесно связанных с тем или иным направлением общественной мысли. Мамин-Сибиряк вошел в эти круги. Он попал в новую для него атмосферу.

Еще в юности он называл Петербург «серединой земли русской». «Из Петербурга можно далеко видеть вокруг», «здесь можно узнать главное направление современной жизни»,— писал Мамин-Сибиряк родителям в 1872 году. По воспоминаниям В. Варилье, писатель и позднее ценил Петербург за то, что это «хотя и больное, а все-таки сердце» страны. Мамин-Сибиряк приводил слова своего сибирского приятеля, известного общественного деятеля Н. М. Ядринцева: «Здесь за нитку дергают, а мы там у себя корчимся».

Петербург позволял многое увидеть лучше и дальше, чем видела провинция. Но здесь Мамин-Сибиряк оказался оторван от трудовых людей Урала, жизнь которых давала ему и темы, и образы, и краски. С петербургскими рабочими он не сблизился. Мешало народническое окружение, да и рабочие Петербурга девяностых годов уже не походили на знакомых Мамину мастеровых горных заводов Урала, были непонятны ему.

В основу выдающихся произведений, написанных в этот период: романов «Золото» и «Хлеб», повестей «Охонины брови», и «Братья Гордеевы», ряда рассказов и очерков, завершивших цикл «Уральских рассказов», лег накопленный ранее уральский материал. К 1896 году были написаны также знаменитые «Аленушкины сказки». После этого Мамин-Сибиряк пишет еще долго, но уже на другие темы и не создает произведений прежнего масштаба и значения. Новый период революционного общественного движения остался им не понятым. Он мало-помалу утрачивает место в «большой литературе». Он все больше становится писателем для детей, хотя и здесь, за немногими исключениями, все лучшее им было создано раньше.

Сразу же по приезде в Петербург Мамин-Сибиряк устанавливает прочные связи с журналами, сначала с «Северным вестником», затем «Миром божиим» и «Русским богатством». Некоторое время он активно сотрудничает в газете «Русская речь», но необходимость давать чуть ли не три раза в неделю очерки, рассказы, воскресные фельетоны заставляет его отказаться от литературной поденщины, уже испытанной им в семидесятые годы.

В воспоминаниях второй части настоящего сборника уделяется много внимания участию Мамина-Сибиряка в журналах, связям его с редакциями и группирующимися вокруг них писателями. Эта тема занимает значительное место в воспоминаниях Б. Б. Глинского, С. Н. Елпатьевского, М. К. Куприной-Иорданской.

Б. Б. Глинский в 1891 году был редактором «Северного вестника». Он один из первых петербургских журналистов, с которым у Мамина установились продолжительные добрые отношения. Правда, участие писателя в этом журнале освещено недостаточно. Мамин-Сибиряк, давший в «Северный вестник» ряд произведений, порывает всякие отношения с этим журналом, как только ему становится ясным, что журнал поворачивает к модернизму, рвет с освободительными традициями русской литературы. Об этом Глинский, к сожалению, не говорит.

По поводу отношений Мамина с журналами «Мир божий» и «Русское богатство» Б. Б. Глинский делает замечание, что здесь в основе были скорее личные дружеские отношения с редакторами, чем сочувствие определенной общественно-политической и литературной программе. Конечно, такие дружеские отношения играли роль, но, вместе с тем, Мамин-Сибиряк определенно отстранялся от правых органов печати, куда его не могли привести никакие личные симпатии.

М. К. Куприна-Иорданская уточняет: «Оттенкам различных литературных течений либеральной журналистики Мамин не придавал значения».

Сотрудничество его в журнале «Мир божий», действительно, во многом поддерживалось чувством благодарности к А. А. Давыдовой, издательнице журнала, за доброе человеческое участие, которое та приняла в судьбе его больного ребенка.

Его близость к народническому «Русскому богатству» тоже не определялась положительным отношением к народническим теориям. Даже такой дружественный Мамину писатель, как Елпатьевский, один из членов артели, издававшей журнал, называя его народником, тут же спешит заметить, что «направление его надо принимать с большими оговорками», что «народническая линия» залегала в нем «не как формулированная, договоренная политическая и социальная программа». Елпатьевский, желая все-таки числить Мамина в рядах милого ему народничества, расширяет самое понятие народничества. Он говорит, что Мамин был «народником», потому что любил народ, понимал его. Уже из этих оговорок мемуариста ясно, что Мамин-Сибиряк в ряды либеральных народников девяностых годов не входил.

Его отношения к лидеру народничества Н. К. Михайловскому, всегда ласково-почтительное, как правило указывается в ряде мемуаров, объясняется, с одной стороны, тем, что Михайловский поддержал Мамина-Сибиряка в дни его личного горя. С другой же стороны, писатель видел в нем одного из руководителей революционно-демократического журнала семидесятых годов, журнала «Отечественные записки», ближайшего сотрудника Салтыкова-Щедрина, к которому Мамин всю жизнь хранил самую глубокую любовь. Почти все мемуаристы отмечают, что дружба с Михайловским не означала идейной близости. Михайловский, постоянно выступавший по вопросам современной литературы, при всей видимой симпатии к Мамину, как к человеку, никогда не писал о нем, о его писательском даровании. Мамин даже сетовал: «Не справедлив ко мне, не ценит меня Николай Константинович». Дело было в том, что, несомненно, ценя талант Мамина-Сибиряка, как отмечают и Глинский и Елпатьевский, Михайловский понимал, как далека сущность картин, рисуемых Маминым-Сибиряком, от народнических представлений о процессах социальной жизни. По воспоминаниям Ф. Ф. Фидлера, Мамин-Сибиряк видел, что с Михайловским они мыслят по-разному. Он говорил: «Я его страшно люблю... Но у него я не чувствую себя дома: ведь он кружковщик и игнорирует не принадлежащих к его приходу, а я — широко общественный человек, и приходов для меня не существует».

Так рисуются в воспоминаниях взаимоотношения писателя с основными журнальными группировками, к которым он имел касательство.

Мамин воспринимался всеми как несомненный стихийный, широкий, оригинальный талант. А. М. Горький говорит Ф. Фидлеру о Мамине в 1908 году: «Вот это настоящий человек, черт его дери, настоящая широкая русская натура. И крупный талант». Более широкое понимание Мамина-Сибиряка как «писателя воистину русского» было изложено Горьким в приветствии, посланном им к юбилею писателя в 1912 году. «Оригинальным, самобытным талантом» называет Мамина И. А. Бунин, видя в характере его творчества «оттенок скептицизма». По всей вероятности, Бунин в понятие скептицизма вкладывал понятие о трезвом взгляде на процессы социального развития России, на народ, на интеллигенцию.

Как передает И. Н. Потапенко, Чехов находил в таланте Мамина-Сибиряка что-то от черноземной силы, от стихии народной жизни, неизмеримой глубины и неисчерпаемых возможностей. И Чехов и Елпатьевский связывают особенности писательского дарования Ма-

мина с близостью к народу, к тем трудовым людям, которые сложились в особых условиях Урала, вследствие специфики его исторического развития. Чехов говорит, познакомившись с героями маминских произведений: «Там, на Урале, должно быть, все такие: сколько бы их не толкли в ступе, а они все — зерно, а не мука. Когда, читая его книги, попадаешь в общество этих крепышей, сильных, цепких, устойчивых черноземных людей, то как-то весело становится».

С. Я. Елпатьевский еще больше детализирует характеристику людей Урала, видя в ней ключ к разгадке обаяния Мамина-Сибиряка-писателя. Он отмечает в трудящихся Урала «жажду воли и широкой жизни», отсутствие «покорности, смирения, незлобивости». «Там,— пишет он,— люди более суровые, с большим чувством собственого достоинства, более смелые, нередко бесстрашные люди». Елпатьевский неправ, когда подчеркивает, что Мамин-Сибиряк был привязан к старому Уралу, любил в нем только «настоящее, истовое, коренное», уходящее корнями в допрежние времена. «Особым художественным любованием была овеяна у него старая Россия, старый Урал»,— пишет Елпатьевский. Но то, что для Елпатьевского составляет черты кондового докапиталистического Урала, для Мамина-Сибиряка было чертами его современников: мастеровых и углежогов, золотоискателей и сплавщиков, рабочих разных производств. Он знал, что сила их шла не от дедовской старины, а рождалась в особых формах труда в коллективе, в условиях сопротивления каторжному режиму в горной промышленности, наступлению капитала. Это были те самые уральские мастеровые, которые составят к началу двадцатого века основную массу пролетариата на Урале.

То, что талант Мамина-Сибиряка силен связью с народной жизнью, с народным способом образного мышления, глубоко верно. Но это справедливое положение некоторые авторы воспоминаний дальше развивают по-своему. Они начинают противопоставлять стихийное отражение в творчестве писателя народных начал сознательному следованию определенным идейным принципам. «Он особняком и сам по себе»,— говорит Елпатьевский. Телешов тоже утверждает: «Он не приспосабливался ни к каким течениям литературным, общественным и иным».

Создается впечатление полной беззаботности Мамина относительно теоретической мысли, относительно всяких общих концепций истории и политики.

Действительно, Мамин-Сибиряк не примыкал к известным направлениям общественной мысли, сложившимся к его времени. Но у него были определенные общественные и эстетические принципы, исходя из которых, он, например, «ненавидел глубокой маминской ненавистью то утонченное, вернее истонченное, что вскрылось в литературе 90-х годов». Его резко отрицательное отношение к вождям символизма и их ничтожной философии не может быть объяснено одним мужицким демократизмом.

Мамин-Сибиряк понимал зависимость художника от общества и даже гордился этой зависимостью. Он рассматривал литературное дело как высокую гражданскую миссию. Такой взгляд на искусство оставался у него неизменным и в девяностые годы. Представлять его только чистым художником, не осознающим действительность в достаточно четких социально-политических определениях, как это делает Б. Глинский, не следует. Многие факты, приводимые людьми, близко знавшими писателя, говорят об ином. Вот, например,

хорошо очерченное Заякиным-Уральским, сотрудником «Правды», столкновение писателя с сенатором Жихаревым. В нем Мамин-Сибиряк, пренебрегая условностями «хорошего тона», гневно восстает против реакционера, вздумавшего осуждать народных героев Разина и Пугачева, и по-мужицки грубо и прямо обрывает его. По воспоминаниям В. Варилье, в оценке писателем деятелей царской администрации проявляется настоящий демократизм: презрение и ненависть к хлыщам, мнящим себя хозяевами народа. Б. Д. Удинцев приводит факт большого значения. Он рассказывает как, встретив в публичном собрании революционерку Веру Фигнер, Дмитрий Наркисович поцеловал ей руку, сделав это демонстративно. Даже в отношении Мамина к пессимистической философии, о чем рассказано в очерке Горького «Чужие люди», очевидно не только стихийное здоровое «нутро» реалиста и демократа.

Мамин-Сибиряк во многих областях знаний был подлинным ученым, в первую очередь в истории. Об этом свидетельствуют до сих пор еще не оцененные в достаточной мере его очерки по истории Урала. Он был эрудированным и в экономических вопросах, знал статистические источники и следил за ними. В воспоминаниях П. Славнина отмечена «особая любознательность» Мамина, «в силу которой ни одно явление не казалось ему заурядным». О широте знаний Мамина-Сибиряка пишет Б. Д. Удинцев, хорошо знавший круг его специальных интересов.

Казалось бы, противоречит этим свидетельствам заключение А. П. Чехова: «За культурностью он не гоняется». Но дальше Чехов переходит к характеристике маминских героев, «сильных, цепких, устойчивых людей» и добавляет: «Когда я читал маминские писания, то чувствовал себя таким жиденьким, точно сорок дней и сорок ночей постился». Таким образом, Чехов хочет обратить внимание на цельность, известную первозданность, стихийную силу героев Мамина-Сибиряка, далеких от так называемых «культурных людей», и восхищается ими. Его восхищает и стиль Мамина-Сибиряка, отразивший настоящую народную чуткость к слову, впитавший богатство речевых стилей человека труда. «У Мамина — слова настоящие»,— говорил Чехов. Елпатьевский писал о «народной манере думать и образно выражать свои мысли», так же восторгаясь яркостью и выразительностью маминского языка. В памяти многих людей, встречавшихся с писателем, сохранилась острая, блещущая умом, сочная и всегда оригинальная устная речь Мамина-Сибиряка. П. Славнин приводит одно из выразительных маминских речений: «Урал! Урал! Тело каменно, сердце пламенно». Здесь, действительно, видна неподдельная народная образность.

Во всех почти воспоминаниях рисуется образ Мамина, как человека общительного, немного шумного на людях, склонного к юмору, доходящему до буффонады, прямого до резкости, всегда нелицеприятного. И тут же говорится о «незлобивом, добром нраве и почти детском простодушии». И. А. Бунина привлекала «замечательно нежная душа» писателя. С. Н. Елпатьевский говорит о «глубоком чувствовании», как отличительной черте личности Мамина-Сибиряка. По мнению Б. Б. Глинского, за внешней живостью и настойчивой шутливостью скрывалась постоянная тоска, жившая в душе писателя.

Два Маминских лика: шутника, острослова, компанейского человека и душевно легко ранимого художника, тонко чувствующего,

умеющего сопереживать, нежно любящего и страдающего отца, сливаются в живой единый образ.

Тоска, о которой говорил Глинский, вызывалась сознанием бед н болей родины, ощущением дисгармонии в отношениях людей, неустроенностью личной жизни, в которой радость отцовства соседствовала с неутихающей болью страдания за единственную несчастную дочь. Его Аленушка была тяжело больна от рождения: наиболее подробно о ней рассказано в воспоминаниях Б. Д. Удинцева. Но в целом об этой девочке, образ которой слит с прекрасными сказками Мамина-Сибиряка, в воспоминаниях говорится недостаточно. В них она занимает менее значительное место, чем занимала в жизни писателя.

При жизни Мамин-Сибиряк не был оценен так, как приличествовало яркости и оригинальности его таланта. Об этом говорят многие авторы воспоминаний. «Мамин принадлежит к тем писателям, которых по-настоящему начинают читать и ценить после их смерти»,— определил раньше всех А. П. Чехов.

Вину перед Маминым-Сибиряком за то, что о нем забывали, почувствовали русские литераторы, когда он уже совсем больной, разбитый параличом, приближался к шестидесятилетию. В воспоминаниях Фидлера, Михайлова рассказано об этом запоздалом и печальном чествовании, которое состоялось за неделю до смерти писателя.

Над могилой писателя прозвучал голос рабочего из Верхней Синячихи, ставшего профессиональным литератором и революционером. сотрудника «Правды» П. И. Заякина-Уральского.

Большевистская «Правда» в некрологе отметила выдающиеся заслуги Мамина-Сибиряка, раскрыла роль его произведений в формировании сознания рабочего класса, увидела глубокое своеобразие этого большого художника.

Подлинная и самая широкая любовь народа к Мамину-писателю установилась в наши дни, как это и предсказывала «Правда».

В настоящей книге собраны не все воспоминания, которые появлялись в печати. Некоторые при первой публикации были оценены как клеветнические, другие давали очень бедные сведения о самом писателе и производили впечатление саморекламы, некоторые приближались к типу литературно-критической статьи. Такие не вошли в настоящий сборник. Большой объем его также заставил составителя и издательство отбирать из повторяющихся рассказов мемуаристов наиболее ценные. Преимущество предоставлялось непосредственным свидетелям событий. Были опущены последние страницы воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, где он передает рассказ Кранихфельда о юбилее, так как в сборнике есть воспоминания лично присутствовавшего на юбилее Фидлера. При редактировании сделан также ряд незначительных купюр в некоторых воспоминаниях: исключались небольшие куски текста или не имеющие прямого отношения ни к писателю, ни к его окружению, или же уводящие в ничего не значащие детали, или модернизирующие его взгляды. Такие сокращения вполне понятны и естественны.

В сравнении со сборником воспоминаний, выпущенном Свердловским государственным издательством в 1936 году, настоящая книга

значительно дополнена. Составитель Б. Д. Удинцев, много лет собирающий мемуарную литературу о писателе, ввел ряд совершенно новых, не появлявшихся ранее в печати материалов: дневники Фидлера, воспоминания Е. П. Пешковой, Н. В. Остроумовой, письма Т. Щепкиной-Куперник о встречах Мамина и Чехова, письма академика М. Павлова о прототипах «Горного гнезда» и другие.

Хочется думать, что настоящая книга поможет читателям Мамина-Сибиряка глубже понять духовный мир писателя-реалиста, уральского человека, яркого и своеобразного таланта.

И. Дергачев

НА УРАЛЕ

П. А. ЕЛПИДИН

Павел Алексеевич Елпидин — журналист, корреспондент ТАСС, работавший в Нижнем Тагиле, погиб во время Великой Отечественной войны. Был большим почитателем творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка. В тридцатых годах он собрал, по его словам в письме к Б. Д. Удинцеву, около пятидесяти воспоминаний-сказов о писателе в районе Нижнего Тагила и Висима, на родине Мамина. К своей собирательской работе П. А. Елпидин умело привлекал ряд краеведов и газетных работников. Но только часть собранных им материалов увидела свет в Свердловском издании «Воспоминаний о Д. Н. Мамине-Сибиряке», 1936 г.[1]. Остальные материалы, очевидно, утрачены.

Из бесед с теми, кто помнит Мамина

...В журнале «Детское чтение» за 1902 г. в главе из воспоминаний «О книге» Мамин-Сибиряк пишет:

«Боевой период раннего детства совпадает с воспоминаниями о первом друге. Это был сын заводского служащего, бледнолицый, с зеленоватыми глазами и вечной улыбкой на губах. Его звали Костей *. Я не помню, чтобы этот мой первый друг хотя бы когда-нибудь рассердился,— он вечно был весел и всегда улыбался.

[1] «Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке». Сост. З. Ерошкина. Свердлгиз, 1936. Далее сокращенно: «Воспоминания», 1936.

Милый Костя! Его давно нет на свете, и я вспоминаю о нем с особенной любовью, как о родном и таком близком человеке, которого не можешь отделить от самого себя.

...Моя встреча с Костей окрасила не только мое детство, но и юность дорогими впечатлениями и первым дорогим опытом. С ним вместе мы начали самостоятельную жизнь, именно ту жизнь, которая начиналась за пределами детской комнаты, захватывала все родное селение и потом увела на зеленый простор родных гор».

Вместе с Костей, отец которого был любителем страшных романов, явились к Мамину «Черный ящик», «Таинственный монах», «Шапка юродивого» и т. д. Но самое сильное впечатление произвел на подростков «Юрий Милославский» *, «Для него,— говорит Мамин,— я на время забыл даже Гоголя и других классиков».

Сестра этого Кости — Августа Романовна Челышева, учительница-пенсионерка, до сих пор помнит живого, бойкого приятеля своего брата:

«В доме Маминых прислуживала няней Лукерья Ермоленко. И маленький Мамин ее, бывало, часто донимал:

— Спой про зайца.

Та охотно соглашалась. Песенка была такова:

Заяц бегал по болоту:
Он искал себе работу.
Шишел-мышел и пошел,
Сам работы не нашел.

С детства Дмитрий Наркисович отличался исключительной любознательностью, находчивостью и любил повеселиться.

Помню, у нас в доме ушли старшие. Моему брату и Дмитрию Наркисовичу было тогда уже лет по 15—16. Они взяли ухваты и кочережки, подстроили к ним планки и нарядили в разные платья. Забава доставила нам всем немало веселых минут.

Позднее страстью товарищей была охота на птицу. Как-то на Белых горах, во время охоты, Дмитрий Наркисович свихнул себе ногу, и пришлось брату тащить его домой на загорбках.

Страсть к охоте, как я еще тогда замечала, была продиктована вовсе не желанием убить больше дичи, а

желанием побыть на людях, изучить местный край, узнать нравы, обычаи населения.

С этой же целью они ходили на покос к косарям, где, если их приглашали, они ели из общей чашки, а Дмитрий Наркисович как-то особенно вслушивался в разговор. На вечеринки он приходил, забивался в угол, бывало что-то записывал.

Очень любопытный был. И почему-то тогда его больше всего интересовали раскольники (кержаки). С братом они ни одного года не пропускали, чтобы не увязаться на «моление» в Билимбай *, на могилы раскольников.

Начетчица Матрена Афанасьевна Попова им много рассказывала об обычаях раскольников. Потом-то мы увидели, что эти рассказы не пропали даром: они послужили Д. Н. материалом к роману «Три конца».

Александр Макарович Балакин, сосед Маминых, говорит о том же:

«Мы рядом жили с Мамиными. Дмитрий Наркисович был лет на шесть старше меня. Но ни возрастом, ни своим положением он не гордился. Был заводилой в наших ребячьих играх и всегда ходил с нами вместе на рыбалку.

Особенно мне запомнился его костюм, который он носил, приезжая на каникулы. На голове — соломенная шляпа с полями, на себе — серая парусиновая блуза, на ногах — большие крестьянские сапоги.

Потом он приезжал к нам уже писателем. В Висиме много было украинцев, выигранных Демидовым в карты *. В семью Окуленко он ходил и все расспрашивал, какие у них обряды и какие свадебные песни. Завлечет разговорами, девушки распоются, а он сидит да записывает».

Семью Маминых, по словам Александра Макаровича, население очень любило — за отзывчивость, простоту и за возможность всегда получить хороший совет.

Насколько население было «темным», суеверным и нуждалось в хорошем совете, говорит следующий случай, как раз связанный в памяти Александра Макаровича с отцом Мамина:

«Был у нас Проня Бородин, он привораживал и отвораживал. Про него рассказывали такую небылицу. Одного человека будто бы змея укусила. За помощью

обратились к Проне. Тот пошел в лес, воткнул нож в землю и созвал всех змей с окрестности. Одну заметил без жала и спросил: «Зачем укусила безвинного человека?» Потом, не долго думая, изрубил ее, сложил обрубки, в бурак и, придя домой, иссушил их. Сухими ошурками натер укушенного, и будто бы помогло.

Но и на Проню как-то нашла беда. Явился он к отцу Дмитрия Наркисовича за советом, а тот ему так сказал:

— Хорошее оставь себе, худым не занимайся.

С тех пор Проня и бросил ворожбу».

Доброту и чуткость к населению со стороны семьи Маминых подтверждает и Венчамин Петрович Иванов:

«Они вечно раздавали молоко бедным детям. В их доме всегда можно было встретить кого-нибудь со своими горестями. И Мамины успокаивали, помогали в несчастье.

Отец Дмитрия Наркисовича был очень начитан, строг, но справедлив. Необдуманно никогда ничего не говорил. Но уж если скажет — закон, никто не возражал. Эта черта родителей перешла и к сыну — Дмитрию Наркисовичу».

...К тому же времени относится воспоминание Елизаветы Филиповны Кулешовой, учительницы.

«Мои родители тогда жили в Нижней Салде. Я дружила с Лизой — сестрой Дмитрия Наркисовича. Его встречала, когда бывала у них. Он был старше нас, но всегда обращался с нами вежливо, с внимательностью...

Я училась в тагильской прогимназии. Вдруг в ней случился пожар, и здание сгорело. Поэтому нас распустили на каникулы раньше срока. Вернувшись домой, я снова бывала у Маминых.

И вот как-то в заводской конторе организовали вечеринку. Собрался любительский хор. Мы пели: «Вниз по матушке по Волге» и студенческую песню «Проведемте, друзья, эту ночь веселей».

Дмитрий Наркисович примкнул к нам и подпевал тенорком. Потом танцевали вальс, польку и кадриль. Раньше никаких танцев больше не знали. Мне пришлось танцевать с Дмитрием Наркисовичем. Он был очень весел, все время шутил и в такт музыке подпевал:

— Вы училище сожгли!

Во время разговоров интересовался учебой. Спрашивал, что мы проходим. И вдруг сразу:

— А как, любите учителей?

— Не всех.

И я ему рассказала про учителя естественной истории Шевцова. Мамин очень смеялся».

Мария Александровна Касаткина рассказывает:

«У нас любили и любят произведения Мамина-Сибиряка. И неудивительно, что скептически к ним относились лишь отрицательные типы, выведенные писателем. Хиония Алексеевна из романа «Приваловские миллионы» — это жена служащего бывшего екатеринбургского горного управления Дарья Игнатьевна Ярушина *. Когда ее спрашивали: читала ли она этот роман, она пожимала плечами: «Нет, душечка, этот народник заврался, типы у него фальшивы, кому же интересно читать такие вещи?»

В памяти Авенира Александровича Петрова сохранился следующий эпизод:

«Это было, кажется, в 1888 или 1889 году. Я с товарищами по школе отправился удить рыбу на Медведь-Камень *.

У подножия горы стояла избушка рыбака, по обыкновению мы в ней и остановились. К вечеру, когда уже стало темнеть, заморосил дождь. К растворенной двери избушки подбежала охотничья собака. Обнюхивалась. За ней вывернулся человек в высоких сапогах, в охотничьей куртке. С боков, по одну сторону болтался ягдташ, по другую — ружье. Лицо у него было загорелое, бородка клинышком.

— Я опять к тебе! — встретил он рыбака. Тот просиял, обрадовался гостю, как хорошему давнишнему другу.

Дождь перестал. Мы разложили у избушки костер. Вскипятили чая. Охотник разломил белый хлеб и угостил нас всех.

Старик ему что-то рассказывал. Было понятно, что рассказ начат задолго до встречи. Охотник внимательно слушал и только изредка вставлял реплики.

После чая старик пригласил всех в избу. Охотник отказался:

— Я уйду на рассвете! — и расположился под навесом.

Утром его уже не было. Старик спросил нас:

— Знаете, кто это был?.. Дмитрий Наркисович Мамин! Писатель...»

В. П. ЧЕКИН

Екатеринбургский журналист Вячеслав Петрович Чекин записал беседу с сестрой Д. Н. Мамина для сборника «Урал» 1913 г.

Елизавета Наркисовна Мамина-Удинцева родилась 27 марта 1866 г. в Висимо-Шайтанском заводе. Девятнадцати лет она окончила Екатеринбургскую гимназию. По окончании курса давала в Екатеринбурге частные уроки, пользуясь постоянной помощью и советами брата, как опытного преподавателя.

В 1894 г., когда в Екатеринбурге — при большом сопротивлении властей — удалось открыть чуть ли не первую на Урале мужскую воскресную школу для рабочих, Е. Н. с энтузиазмом преподает в ней. Мамин всегда с уважением относился к труду сестры, часто беседуя с ней на педагогические темы и особенно интересуясь преподаванием среди взрослых рабочих. С 1903 г. по 1919 г. Е. Н. преподавала русский язык и педагогику в Екатеринбургской женской гимназии. В течение многих лет она занималась также на общеобразовательных курсах для рабочих. В 1922 г. Е. Н. переехала в Москву и вместе с К. Т. Новгородцевой-Свердловой работала над хрестоматией «Смена». Она скончалась 2 марта 1925 г.

У сестры Дмитрия Наркисовича

— Мне бы хотелось поговорить с Елизаветой Наркисовной...

— Это я. Пожалуйста, заходите.

Высокая, бледная женщина средних лет. Энергичное лицо, умные, внимательные глаза. Утомленное выражение в очертании губ. Седина в густых волосах.

— Я сама хотела поделиться своими воспоминаниями о Дмитрие Наркисовиче с кем-нибудь из местных журналистов, да все казалось, что эти воспоминания не представляют большого интереса. Ведь все мы, знакомые и близкие выдающихся людей, обыкновенно запоминаем только то, что так или иначе задело, поразило нас в свое время. Остаются в памяти мелочи и забывается часто крупное, существенное для характеристики того, о ком припоминаешь. Это особенно чувствуется при большой разнице возрастов того, кто вспоминает, и того, о ком вспоминают. Я была много моложе покойного брата, и часть воспоминаний о нем осталась у меня в окраске полудетских представлений и переживаний. Это, конечно, относится только к первому периоду нашей заводской жизни *, когда еще был жив отец.

— Я и буду вас просить рассказать мне кое-что об этом времени. Вот, например, для меня до сих пор неясно, когда успел так хорошо изучить раскольничий, приисковый и промысловый Урал Дмитрий Наркисович? Я слышал, что ваш брат редко выезжал из Екатеринбурга. Говорят даже, будто он ни разу не проезжал во время сплава по Чусовой * и его, такие яркие рассказы, как «В камнях» и «Бойцы», написаны преимущественно с чужих слов?

— Это не совсем так. Еще семинаристом он несколько раз проехал Чусовую. Брат мой Николай Наркисович припоминает, например, две таких поездки * с Дмитрием Наркисовичем. Одна продолжалась целую неделю. Доехали до Левшина *, оттуда на лошадях в Пермь. Другой раз они ехали вместе в августе с так называемым «летним караваном». Плыли на полубарке с демидовской медью без весел по течению. В одну из таких поездок, уже будучи студентом, брат простудился, схватил плеврит. Долго прохворал и так ослабел, что пролежал буквально пластом. Брат очень любил Чусовую и часто рассказывал всем нам о своих чусовских впечатлениях. Приезжая студентом на каникулы * в Висим, то и дело пропадал из дому и бродил по окрестностям. Его постоянным спутником в этих экскурсиях был местный псаломщик *, которого он так любовно

обрисовал в «Емеле-охотнике» *. Пропадали они иногда по неделе, по две. У брата даже был сшит особый «охотничий» костюм. Помню его, как сейчас: кожаная куртка, какие-то особенные кожаные брюки.

— Любил Дмитрий Наркисович охоту?

— Нет. Мне кажется, брат больше охотился не за дичью, а за тем бытовым материалом, который такой яркой «красной нитью» проходит по всем его уральским романам и рассказам. Он так же охотно ходил и за грибами, и за черникой. Всегда возвращался с массой новых впечатлений, наблюдений, среди которых специфически охотничьи играли далеко не первую роль.

— Как познакомился Дмитрий Наркисович с уральскими раскольниками? Ведь они жили в то время (да и теперь живут) такой замкнутой жизнью.

— Брат часто бывал в раскольничьих скитах, знакомился с влиятельными «старцами» и начетчиками. Помогла ему и исключительная популярность отца среди старообрядцев. Отец, хотя и был священником, отличался незаурядной терпимостью. В его сношениях с старообрядцами не было ничего задирающего, ничего восстанавливающего миролюбивых соседей. С представителями ближайших скитов он установил самые добрососедские отношения. Я помню, например, что одна из самых влиятельных окрестных начетчиц, справляющая раскольничьи службы, была у нас нередкой почетной гостьей. Звали ее Матрена Афанасьевна, и отец, добродушно подтрунивая, часто называл ее «отец Матрентий» *.

— Вы не помните, когда у Дмитрия Наркисовича появилось стремление к литературе?

— Знаю об этом по рассказам брата. Начал он писать очень рано. Крупную роль в первых его литературных шагах сыграл преподаватель словесности в пермской семинарии И. Е. Соколов *. Он страстно любил, великолепно знал свой предмет и умел заинтересовать им почти всех способных воспитанников. Был строг, требователен, но далек от педантизма и рутинных приемов. За первое сочинение Дмитрия Наркисовича И. Е. Соколов поставил единицу, но в то же время сказал: «В таком виде никуда не годится, а дарование чувствуется. Вы должны заниматься литературой. Работайте над слогом, больше читайте». Брат всегда вспоминал этого

преподавателя с благодарностью и уважением. Признавал, что многим был ему обязан.

— В то время, когда вы жили вместе с братом, он много писал?

— Да, очень много. Я видела у него целые кипы набросков, записок, материалов, подробно разработанных планов будущих романов, повестей, рассказов. С первых литературных шагов у Дмитрия Наркисовича создалась привычка тщательной работы над конспектами своих романов. Исписывались целые тетради. Не один раз менялись не только детали и характеристики действующих лиц, а даже фабула. Зато, когда черновая подготовительная работа кончалась, брат писал уверенно, быстро, почти без помарок, часто даже не перечитывал написанного перед отсылкой в журналы.

— Как относился Дмитрий Наркисович к своим первым литературным неудачам?

— Насколько я помню, с философским спокойствием *. Впрочем, в этом отношении я, кажется, расхожусь с некоторыми его близкими друзьями.

— Не опускал рук? Не волновался?

— Волнения не было заметно даже после инцидента с Щедриным *. Когда он послал первую работу в «Отечественные записки», грубоватый, суровый сатирик, не привыкший особенно церемониться с начинающими писателями, разнес брата и наговорил ему много неприятных вещей. Это, конечно, взволновало, но не обескуражило брата — он еще энергичней взялся за работу. Припоминая прошлое, я скажу, что он редко волновался после неудач, но зато довольно часто возмущался отношением к нему некоторых критиков, в особенности Скабичевского *, с которым был потом в самых дружеских отношениях. Вообще, надо сказать, что Дмитрий Наркисович был о многих своих работах высокого мнения. Я, например, слышала, как он говорил матери: «Мое время еще не пришло — меня оценят только в будущем».

— Простите за не совсем скромный вопрос, как относился Дмитрий Наркисович к близким родным?

— Исключительно хорошо, тепло, внимательно. Мать боготворил, каждое ее слово было для него законом. Взрослый мужчина, известный писатель, он подчинялся ей, как мальчик. Двух дней не мог прожить без того,

чтобы с ней не повидаться. Когда мы жили в Екатеринбурге*, заходил к нам каждый день. Много говорил о своих работах, о своих планах, надеждах. Каждой радостью и печалью прежде всего делился с нами. Наша мать была суровая, строгая женщина, не любившая противоречий. Брат был известен своими бешеными вспышками, причудливо переплетавшимися с исключительной, какой-то женственной мягкостью и сердечностью. С этими крайностями его характера приходилось сталкиваться всем его знакомым и близким, кроме матери. С матерью он всегда был неизменно нежен, почтителен, покорен. Лучшего сына трудно себе и представить. Да и брат он был хороший. Если бывало иногда вспылит, после долго ходит сконфуженный и старается изо всех сил загладить неприятное впечатление особенной предупредительностью и лаской. После таких вспышек мы, ребята, смело просили, о чем угодно, зная, что он не откажет. Эти резкие переходы от внезапных бешеных подъемов к исключительной мягкости немало испортили отношений брату, немало доставили ему неприятных моментов и среди его литературных друзей.

— Все-таки, кажется, у большинства знавших писателя осталось воспоминание о нем, как об очень добром, отзывчивом, чутком человеке?

— Брат, несомненно, и был таким редким человеком. Замкнутый, неохотно открывавший посторонним свою душу, он обладал золотым сердцем, болезненно-отзывчивым к нуждам всех слабых и страдающих. Он всегда великолепно относился (не только в своих произведениях, а и в жизни) к детям, старикам и животным. Это были его неизменные фавориты, которых он никогда никому не давал в обиду.

— В течение последних лет Дмитрию Наркисовичу ставили иногда в вину его слишком резкие, явно несправедливые отзывы о крупных современных писателях.

— Да, такие, до грубости резкие, отзывы иногда срывались у Дмитрия Наркисовича и торопливо оглашались разными досужими газетчиками*, но они совсем не были отражением действительных литературных взглядов брата, а являлись только результатами мимолетных вспышек темперамента, аффекта, болезненного состояния, которое нередко мучило в последнее время Дмитрия Наркисовича... Брат был не из тех людей, ко-

торые тщательно обдумывают каждое мнение, взвешивают каждое свое слово...

— Говорили о близких отношениях Дмитрия Наркисовича с Н. К. Михайловским *?

— Н. К. Михайловский очень любил брата, был даже нежен с ним, а брат прямо благоговел перед Михайловским. Это было восторженное отношение младшего к старшему, преклонение ученика перед учителем. Смерть Михайловского страшно поразила брата. На всех его письмах того периода лежит тень искренней, глубокой скорби.

— Какого мнения был Н. К. Михайловский о Дмитрии Наркисовиче, как о писателе?

— Насколько помню (по рассказам брата), сперва Михайловский считал его только даровитым и трудолюбивым этнографом, не признавая за ним крупного художественного таланта. Впрочем, потом мнение знаменитого публициста-критика изменилось: он высоко ставил «Черты из жизни Пепко» и некоторые другие вещи Дмитрия Наркисовича, написанные в Петербурге, и собирался подробнее остановиться на его творчестве, но не успел. Михайловский очень ценил брата, как одного из видных сотрудников «Русского богатства» *.

— А как относился сам Дмитрий Наркисович к своим петербургским произведениям?

— В последние годы он вообще избегал говорить о своих работах — не то уже взглянул на них объективно, не то был оскорблен молчанием критики. С особенным теплом неизменно относился только к своим детским рассказам. Особенно любил «Аленушкины сказки» *. Нередко читал их вслух и с гордостью говорил: «У кого еще встретится такое выражение: «Спи, отецкая дочь»? И, на самом деле, Аленушка была «отецкой дочерью» — после смерти матери брату пришлось быть для нее отцом-матерью... И после я слыхала, как, читая свои книги, Митя иногда шутливо замечал: «Хорошо писал Дмитрий Наркисович!»

Я поблагодарил Елизавету Наркисовну, извинился за отнятое у нее дорогое время и вышел.

Перешел на другую сторону улицы и оглянулся с особым чувством на маленький домик, в котором много лет назад жил и работал талантливейший художник-бытописатель обойденного родными музами Урала...

В. П. ЛУКАНИН

Автор воспоминаний Владимир Павлович Луканин (1888—1953), профессор, доктор медицинских наук, сын двоюродного брата писателя. Его бабушка Авдотья Матвеевна была родной сестрой Наркиса Матвеевича Мамина. Семьи были близки, о чем встречаются частые упоминания в переписке писателя и его близких.

В. П. Луканин мог встречаться с Маминым-Сибиряком в 1903 г., когда писатель после долгого отсутствия приехал на Урал, чтобы навестить родные места. Естественно, что в приводимых воспоминаниях многое навеяно семейными рассказами о знаменитом родственнике. У отца автора воспоминаний Мамин-Сибиряк бывал часто, приезжая к нему в с. Бобровку близ Екатеринбурга.

Дядя Митя

Я вспоминаю себя ребенком.

Около меня мои родные и среди них веселое смеющееся лицо Дмитрия Наркисовича, или, как мы, дети, его звали, дяди Мити, а кто он — мне не было до этого дела. К нам, детям, он был очень ласков, любил с нами играть, шалить, кататься на лодке, дарил нам свои книжки с картинками, свои сказки.

Когда мы с сестренкой подросли и после долгой разлуки — он уезжал — снова увидели своего дядю, мы сначала стали сторониться его: неохотно отвечали на его ласковые вопросы, смущались, стеснялись, так как из раз-

Анна Семеновна Мамина и Владимир Мамин — младший брат писателя.

говоров взрослых уже знали, что это известный писатель, знаменитый человек. Но воспоминания детства взяли верх, и мы по-прежнему веселились и играли с дядей Митей.

Очень общительный и родственный был человек Дмитрий Наркисович. Он непременно старался не только увидаться со всеми своими родными, но и погостить у них, не забывал их в своих письмах и в целом ряде произведений описывал их незатейливую жизнь.

Например, в воспоминаниях Дмитрия Наркисовича «Из далекого прошлого» я узнаю свою бабушку Авдотью Матвеевну * — родную тетку писателя, или, как он называл ее, «тетю Душу». Моя старая седая бабушка встает передо мной красивой, бойкой девушкой, которая наполняла веселой суматохой весь дом. «Особенно я любил,— пишет Дмитрий Наркисович,— когда красавица-Душа что-нибудь пела своим свежим девичьим голосом. Дедушка Матвей Петрович * был строг, и все его боялись, за исключением одной Души».

Часто Дмитрий Наркисович ездил в деревню к моему отцу, своему двоюродному брату, которого искренне любил. Веселился у него на свадьбе, участвовал, уже на моей памяти, в наших семейных торжествах (дни рождения, именин и т. п.). Приезжал Дмитрий Наркисович к нам обычно на несколько дней. У него уже были знакомые — заядлые деревенские охотники, с которыми он часто отправлялся на охоту и делал какие-то раскопки. Однажды недалеко от нашего села Дмитрий Наркисович со своими приятелями-крестьянами отрыл кости мамонта и сделал ряд других находок.

Удивительно подвижной, всем интересующийся человек, он находил время заниматься столярной работой, причем сделал несколько простых столов, хороший письменный стол и т. п. Занимался даже куроводством — внизу своего дома * в Екатеринбурге он устроил образцовый курятник и разводил породистых кур. Сам же разбил около дома садик, в котором выращивал сибирские яблони и различные ягодные кусты.

Горячо любил Дмитрий Наркисович свою родину — Урал, людей Урала, его крестьян, его простой рабочий люд.

Я вспоминаю, когда он приезжал в Екатеринбург, он ходил на базар, в «Обжорку» — столовую для крестьян,

приезжающих продавать овощи, хлеб и прочий деревенский товар. Обычно это был большой сарай без стен, только с крышей; здесь была устроена плита и можно было за дешевую плату получить горячий обед, особенно же недурно приготовленные пельмени. Шум, гам, говор, народные остроты, прибаутки, а иногда и целые рассказы о жизни местных уральцев — и богачей, и бедняков, и старателей, и приисковых рабочих и т. п.— все это можно было услышать в этом сарае. Помню, мы удивлялись, зачем Дмитрий Наркисович туда ходит и ест там пельмени, когда дома готовят гораздо вкуснее. Теперь, ясно, что он ходил туда не за пельменями.

Был у Дмитрия Наркисовича брат Николай *, человек больной, но большой мастер рассказывать о виденном и слышанном. Он нигде не мог устроиться на службу и главным образом жил в качестве «секретаря» у екатеринбургских «благочинных». Он получал помощь от брата, но ему было поставлено условие — сообщать в письмах Дмитрию Наркисовичу о всем виденном и слышанном среди сельского уральского духовенства. За это Николая сильно недолюбливали его начальники — «благочинные», особенно, когда им приходилось читать в произведениях Дмитрия Наркисовича описания лиц, характеров, похожих на них...

...Отец писателя Наркис Матвеевич любил книги и чтение, главным образом «светское». Этому он научил и сына; недаром Дмитрий Наркисович с такой любовью вспоминает «висимский книжный шкаф» и своих любимых авторов. «В нашем доме,— пишет он,— книга играла главную роль, и отец пользовался каждой свободной минутой, чтобы заняться чтением». Но не просто безалаберным чтением занимались в этом доме. Здесь следили за общественной жизнью и в высшей степени участливо относились к реформе, которую ждали, которую благословляли, потому что совершенно ясно видели тот гнет и безудержное насилие, которое царствовало кругом.

«Кроме классиков, в нашем доме,— пишет Д. Н.,— начали уже появляться издания начала шестидесятых годов, и я отлично помню, как отец приносил новые книжки от заводского управителя. Я, конечно, не мог воспользоваться этими новыми книгами и только был свидетелем, как их читали и о них говорили» *.

Какое огромное влияние на сына имел отец и как это влияние ценил последний, видно из его слов: «Не было ни одного горького воспоминания, ни одного детского упрека, и чем дальше я думал, тем выше и выше вырастал в моих глазах этот благословивший мое детство образ...» *

Большое влияние оказала, очевидно, на сына и его мать Анна Семеновна*. Это была в высшей степени умная, начитанная женщина. Все знавшие ее удивлялись ее образованности, светскости, ее памяти. Она многие произведения Пушкина, Гоголя, Некрасова до глубокой старости знала наизусть. Так интересно с ней было говорить, так она сведуща была даже в истории русской литературы, что совершенно не походила на ту пресловутую «деревенскую попадью», которую многие из наших писателей рисовали в своих произведениях.

Д. Н. глубоко уважал и ценил мать. Его письма к ней проникнуты и любовью, и беспредельным уважением, и благодарностью за то, что она сумела ему дать.

Нельзя не отметить также некоторого влияния, оказанного на воображение писателя сказками, рассказами его няни*, которую Дмитрий Наркисович любил и не оставлял до самой ее смерти, посылая ей ежемесячно довольно крупные по тому времени суммы денег...

П. Н. СЕРЕБРЕННИКОВ

Павел Николаевич Серебренников (1848—1917) был однокашником Д. Н. Мамина и по Пермской семинарии (с 1868 по 1870 гг. они жили на одной ученической квартире) и по Петербургской Медико-хирургической академии (с 1872 по 1876 гг.).

После окончания Академии П. Н. оставляют «для приготовления к профессуре», но в 1877 г. он вместе с женой, тоже врачом, уехал на театр военных действий Русско-Турецкой войны.

С 1878 г. Серебренниковы работали на Урале, в Н.-Салде, затем в Ирбите и с 1885 г. в Перми, где пользовались как врачи-общественники широкой известностью, особенно среди трудового населения города. Елизавета Павловна Серебренникова была одной из выдающихся русских женщин-врачей (см. «Литературный сборник в память женщины-врача Е. П. Серебренниковой». СПб, 1900, а также В. С. Бабушкин. «Врач Е. П. Серебренникова». Пермь, 1957).

Начиная с семинарии, П. Н. Серебренников в течение ряда лет поддерживал дружеские отношения с Д. Н. Маминым, который в свою очередь высоко оценивал работу старого своего товарища, просветителя и демократа.

Ниже приводятся отрывки из воспоминаний П. Н. Серебренникова, с которыми он выступил в 1912 г. на вечере, посвяшенном памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка в Перми.

<Из воспоминаний соученика>

...Семидесятые годы прошлого столетия являются самым цветущим и светлым периодом жизни в истории пермской семинарии. Ранее этого периода случаи по-

ступления семинаристов в светскую высшую школу были единичными, и таких смельчаков можно было пересчитать по пальцам. В 70-е годы явилось весьма оживленное, можно сказать, стихийное движение к высшему образованию: эта широкая просветительная волна увлекла с собой из стен семинарии все, что было в ней талантливого и способного в высшую школу. Начало этого замечательного движения совпадает с концом 60-х и начала 70-х годов, когда я окончил курс в этой семинарии.

...Я думаю, что основы умственного и нравственного миросозерцания его, то есть Мамина, были заложены еще здесь *, в семинарии, благодаря тем довольно благоприятным условиям, которые характеризуют эти годы. Помимо общих причин, были и другие, чисто местного значения...

...В это время был приглашен в семинарию преподавателем весьма талантливый математик Николай Павлович Бакланов *. Он явился для семинарии, можно сказать, манной небесной, которой питались не только обязательные слушатели его, но объявилась масса желающих из других классов учиться математике по воскресным и праздничным дням, а также и в другое внеклассное время... В 1871 и 1872 гг. поступил в Петербургский университет целый ряд семинаристов, избравших специальностью физико-математический факультет и заявивших себя весьма основательными математиками...

Назову некоторых из них: В. Я. Попов, А. М. Кудрявцев, М. Н. Бирюков, А. П. Знаменский и др.

...Время, проведенное им <Д. Н.> в семинарии, как это указывает отчасти и его семинарский аттестат, не пропало для него даром в смысле даже казенной науки.

Он интересовался более всего теми семинарскими науками, которые имеют тенденцию расширять умственный кругозор человека, каковы: логика, психология, обзор философских наук, физика, космография — по всем этим предметам он имел высший балл — пять *.

Огромное образовательное влияние на Дмитрия Наркисовича, несомненно, оказала и тайная ученическая библиотека *, существовавшая с 1870-х годов, то есть в наше время, которая потом (в апреле 1881 г.) совер-

шенно случайно была обнаружена пермским начальством...

Следствие, произведенное жандармским управлением, констатировало, что библиотека эта, помимо лучших периодических изданий, состояла из книг следующих авторов: Байрон, Шатобриан, Дарвин, Гексли, Молешотт, Милль, Шпильгаген, Диккенс, Вирхов, Фохт, Спенсер, Прудон, Бокль, Шерр, Луи Блан, Бэн, Бюхнер, Мордовцев, Костомаров, Помяловский, Наумов, Решетников, Златовратский, Успенский, Некрасов, Щедрин, Левитов, Тургенев, Михайлов, Сеченов, Португалов, Тимирязев, Шашков, Флеровский, Шелгунов, Писарев, Добролюбов, Миртов и др. История этой библиотеки и особенно гибели ее * в высшей степени интересны...

Осенью 1872 г. Мамин уехал в Петербург и поступил в Медико-хирургическую академию... Медико-хирургическая академия, одно из лучших тогдашних высших учебных заведений, в то время гордилась и блистала великими светилами русской науки, каковыми были профессора Грубер, Лесгафт, Боткин, Эйхвальд, Сеченов, Зинин, Юнге, Богдановский, Бородин и др. Ветеринарное отделение также имело выдающихся профессоров: Голубева, Равича и др.

Но вскоре же оказалось, что выбор специальности Дмитрием Наркисовичем совершенно не соответствовал складу его живого, впечатлительного ума, и тем жизненным условиям, среди которых он оказался, переехав в Петербург. Отсутствие всяких средств заставило его искать прежде всего постороннего заработка, а между тем практические занятия в Академии требовали массы времени...

Начались тяжелые, мучительные поиски куска хлеба, отнимавшие много времени и приводившие к ничтожным результатам в смысле заработка.

Счастливым выходом из этого затруднительного положения была встреча и знакомство с одним из самых популярных в то время в Петербурге газетных репортеров — г. Волокитиным *, через опытную школу которого прошло много учащейся молодежи, в том числе и Дмитрий Наркисович со своими товарищами. В самом скором времени он постиг эту науку и оказался одним из способнейших помощников г. Волокитина по части репортажа, где основным является умение сжато, но ин-

тересно схватить суть того или другого общественного явления (заседания, лекции, концерта, театрального представления и т. д.). Здесь требуется и находчивость, и остроумие, и комизм, и патетическое изложение... Всеми этими качествами Дмитрий Наркисович был от природы наделен более, чем в достаточной мере.

Е. В. БИРЮКОВ

Евлампий Бирюков был соучеником Мамина-Сибиряка по Пермской духовной семинарии. Окончил ее в 1874 году. Был так называемым казеннокоштным учеником и жил в самой семинарии, тогда как Мамин должен был проживать на частных квартирах. Дружбы и даже какой-либо близости между ними не было. Е. Бирюков готовил себя к священнической карьере, ему были чужды интересы будущего писателя и совершенно не известен духовный мир его. Но зато воспоминания семинарского соученика точно передают внешние события жизни семинарии, очевидно, верно рисуют и то, что связано с характером и поведением Мамина-Сибиряка.

Д. Н. Мамин-семинарист

Дмитрий Наркисович Мамин поступил в первый класс пермской духовной семинарии в 1868 г. вместе со мною из екатеринбургского духовного училища в числе первых учеников * и учился со мною до 4-го класса семинарии, из которого он вышел в университет вместе с другими товарищами. Дмитрий Наркисович был среднего роста, худощавый, слабого телосложения, носил очки. В продолжение всего семинарского курса он постоянно шел в числе первых учеников, поведения был всегда отличного, обладал недюжинными способностями, феноменальной памятью, завидным прилежанием; заданные уроки по известным предметам никогда не учил по кни-

гам. Придет в класс, прочитает урок по учебнику и готово. Сочинения на заданные темы всегда писал в день подачи его. Бывало, спросишь: «Дмитрий Наркисович, сочинение написал к сегодняшнему дню?» — «Какое?» Скажешь, такое-то. Берет бумаги, чернил, садится за парту. Пишет прямо набело под шумок товарищей и выходит отличное сочинение *. Напишет кратко, сжато, в немногом выскажет всю суть темы. Очень много читал из русской и иностранной литературы дома. Был начитанным по разным специальным наукам.

Занимался ли Дмитрий Наркисович писательством на школьной скамье, нам было неизвестно: слухи были, что он что-то пописывает, но что и куда посылает, мы не знали достоверно. Был он хорошим репетитором детей. Много имел уроков в богатых семьях. г. Перми. Был трудолюбивым, усидчивым, старательным. Кажется, он и содержал себя на свои средства, из дома родительского получал мало денег *, так как отец его жил в бедном приходе и имел, кроме него <Д. Н.>, еще детей, которых нужно было воспитать.

Сверх того, Дмитрий Наркисович уделял часть из своих заработанных денег на выписку дорогих сочинений по литературе.

В частной жизни он мне был не знаком, потому что жил на квартире, а я, как сирота,— в бурсе. Тесной дружбы с ним я не имел. У него свой кружок был товарищей из богатых учеников (в который я не входил). Говорят, что дома он отличался простотою, аккуратностью, жизнь вел регулярную: в известное время вставал утром, в известное время был занят тем-то, в известное время читал и уходил на уроки. Одевался Дмитрий Наркисович всегда прилично, можно сказать, щеголевато, манеры имел светского человека и на неуклюжего бурсака нисколько не походил. Был разговорчив, умел рассказывать всегда занимательно, выразительно, так что являлся прекрасным собеседником. Любил поспорить, но мнений и взглядов своих не навязывал другим. Отличался наблюдательностью, юмором и, можно сказать, сарказмом, умел подметить в других добрые качества и недостатки. С товарищами дружил скоро, в обращении с ними был вежлив, ласков, обходителен. Отличался выдержанностью своего характера, постоянством, был всегда в веселом расположении духа. Мы,

товарищи, никогда не видали его в раздраженном состоянии, в вспыльчивости.

Дмитрий Наркисович любил пермскую природу, часто делал весною экскурсии с товарищами по берегу Камы * и окрестным деревням и селам, любил вести беседы с крестьянами о разных предметах. Он детей умел к себе привлечь и расположить. На летние месяцы Дмитрий Наркисович обыкновенно уезжал на свою родину — Висим, к которому питал горячую любовь и о котором часто вспоминал. Во время же зимних каникул он отправлялся к товарищам своим недалеко от Перми.

П. В. МУРАШОВ

Петр Васильевич Мурашов (род. в 1880 г.), из крестьян, получил среднее медицинское образование. С 1900-х годов начал сотрудничать в уральской прессе, а позднее и в центральной. В 1907 г. издавал в Екатеринбурге «Уральскую неделю», еженедельную политическую и литературную газету, был ее редактором. Газета была социал-демократической, находилась под решающим влиянием большевиков. В 1912—1914 гг. П. В. Мурашов был редактором журнала «Живое слово», издававшегося в Петербурге. Он принимал участие также в редактировании «Нашего журнала», органа, близкого к кружку «суриковцев».

В 1909 г. Мурашов принял участие в коллективном «Уральском сборнике», для которого Д. Н. Мамин-Сибиряк дал рассказ «Ответа не будет».

Встреча П. В. Мурашова с Д. Н. Маминым-Сибиряком состоялась в 1907 г., возможно, в связи с подготовкой упоминавшегося уже «Уральского сборника», и записи были опубликованы в этом же году. Писатель часто и охотно возвращался к воспоминаниям своей юности, поэтому естественно, что в назидание начинающему литератору он рассказал о своих мытарствах в начале творческого пути.

У Д. Н. Мамина-Сибиряка

Вскоре по приезде в Петербург в сентябре 1907 года я навестил своего знаменитого земляка Д. Н. Мамина-Сибиряка. Мой товарищ Г. А. Булычев* просил меня

кстати узнать о судьбе рукописи, которую передал ему на отзыв.

... День был ясный, солнечный.

В 10 часов утра я выехал из Петербурга, а в 11 был уже у Дмитрия Наркисовича в Царском Селе*.

Писатель принял меня приветливо. Он сидел в кресле, так как в декабре прошлого года сломал ногу*, полгода «провалялся» в постели и не мог еще наступать на нее. Голова его была посеребрена сединой.

— Старость,— говорил он,— ничего не поделаешь.

Несмотря на болезнь он выглядел бодро, был полон жизни.

— Я думал, что Удинцев* идет. Рассказывайте, что на Урале нового.

Перебираем общих знакомых, обсуждаем более крупные новости.

Д. Н. между прочим с большой похвалой отозвался о В. А. Весновском*.

— Знаю, талантливый публицист. Помню его хорошо.

Говорили также о последних беспорядках, налетах Лбова* и т. д. Лбов сделался знаменитостью не только на Урале, но и в Петербурге.

Разговор перешел на политические темы, о событиях последнего времени, о революционном движении.

Разговорились о новых течениях в литературе. Д. Н. резко отозвался о декадентах, отрицая у них художественное чутье.

— Это своего рода люди ненормальные. Вам приходилось иметь дело с больными, вы знаете, что есть люди по виду здоровые, между тем внутри их все сгнило, они обречены. Наши декаденты и модернисты в литературе внутреннюю бессодержательность и пустоту стремятся заменить внешними эффектами, оригинальничанием. Сейчас публика на них набрасывается с жадностью, но пройдет несколько лет и о них забудут.

В настоящее время Д. Н. работает главным образом в детской литературе. Начал писать историческую повесть. Очень интересуется жизнью окраин, в частности фольклором Кавказа* и предполагает в ближайшем будущем поехать туда.

— Богатый материал и совершенно не использован в художественной литературе.

Д. Н. вспоминает свои первые шаги на литературном поприще.

Первый рассказ он напечатал в приложениях к «Сыну отечества» * в 1874 г.

— Отдал я этот рассказ и с нетерпением ждал дня, в который мне назначили явиться за ответом.

Принял меня редактор-издатель Ив. Ив. У-кий *, седенький и благодушный старичок. Несмотря на то, что газета была паршивенькая, он сумел нажить на ней приличный капитал, ездил на собственных рысаках, купил дом...

Посмотрел на меня редактор своим редакторским оком, скептически взглянул на мои сапоги бутылкой (я был студентом и по форме нам тогда полагалось брюки носить на выпуск), помахал небрежно моей рукописью и спросил:

— Это ваша?

— Да, моя,— сказал я с душевным трепетом.

— Ничего... поместим... уйдет на затычку...— И сам спросил меня, не надо ли мне денег.

Конечно, деньги были нужны.

— Что же, можете получить...

На его зов вышел из другой комнаты старичок, типичный подневольный человек, весь век проработавший на своего барина.

— Петр Петрович, подсчитайте и выдайте, что полагается молодому человеку.

Они переглянулись и поняли друг друга.

Пока Петр Петрович для близиру пересмотрел рукопись, подсчитывая что-то на счетах, Иван Иванович удостоил меня редакторским разговором.

— Неопытны вы, молодой человек... Но ничего, не унывайте. Это от молодости, со временем пройдет... Вот я знаю одного литератора, ездит теперь на рысаках и одевается (редактор снова критически посмотрел на мои сапоги) как следует порядочному человеку. А раньше тоже вроде вас... С ничего начал... Надо умеючи жить, это главное. Вот, например, недавно приходит ко мне дама, приносит рукопись... С секретарем не пожелала разговаривать, надо, говорит, самого редактора. Оно, положим, секретарь мой по внешнему виду доверия не внушает, но все же рукопись можно было отдать и ему. Пришлось принять даму.

Влетела в кабинет этакая эффектная штучка и стала развязывать свою драгоценность... Бумажках в двадцати завернута, голубенькой ленточкой перевязана, переписана чистенько на почтовой бумаге, духами пахнет... Приятно в руки взять.

— Посмотрел я на заглавие: «Поцелуй Иуды», вы подумайте, какое название. Это придумать надо, сразу обратишь внимание!

«Поцелуй Иуды» — это не то что у вас, какой-то там «Прохожий».

Ну-с, повертел я рукопись в руках, вижу, что главы проставлены на своих местах, буква «ять» стоит, где следует, а главное, заглавие, заглавие хорошее.

— Что же, говорю, оставьте, пойдет... А пока вот в счет гонорара получите 25 рублей...

Дама расцвела, вильнула хвостом и была такова... Вот надо у кого учиться... Да-с.

Петр Петрович вручил мне тридцать два рубля. Это был мой первый литературный гонорар и обрадовал он меня так, как после не радовали крупные суммы...

Вложив деньги в свой несгораемый шкаф, сиречь в кулак, я на всех парусах помчался в нашу пивнушку, где постоянно собиралась литературная богема: репортеры, начинающие беллетристы и прочая братия.

Ликую, показываю деньги. Спрашивают:

— По какому случаю и откуда сие?

Говорю, что сам редактор изволил разговаривать со мной, рассказ весьма одобрил, деньги дал по расчету, приблизительно по шести рублей за каждого покойника (в рассказе было несколько убитых), немного продешевил), дескать, да ничего не поделаешь... Но в другой раз, шалишь, на кривой меня не объедешь...

Ну, разумеется, по такому торжественному случаю приличное возлияние в ближайшем нашем трактирчике...

После этого я возомнил о себе, и среди приятелей и знакомых престиж мой повысился.

Однажды подходит ко мне в нашем трактире издатель лубочных изданий Ялтурский *, отводит в сторону и говорит:

— Денег надо?

— За что? — спрашиваю.

— Вот, глупый человек. Коли дают, так бери.

Ялтурский издавал книги: «Зерцало науки», «Город дьявола», «Черная магия» и т. п. Названия были не хуже «Поцелуя Иуды».

— Нет,— говорю,— Иван Андреевич, не умею я писать так, как вам надо. Вы уж лучше Николая Ивановича попросите...

— Ну, не желаешь и не надо. Пойдем пить.

Он угощал своих сотрудников водкой и пивом... Пей, сколько хочешь, но закусить не полагалось... Закусывали своим языком.

Отказался я сотрудничать у Ялтурского и стал писать для Ивана Ивановича роман.

Работал месяца три, написал семнадцать печатных листов *, пришел к редактору самолично.

Принял сурово, рукопись просматривать не стал, сказал, что велика по объему... Повесил я нос на квинту.

— Что с тобой?— спрашивают меня, когда я пришел в пивнушку.

Рассказал о своей неудаче.

Был тут один «писатель» Петр Николаевич Р-в *. Он раньше служил банковским чиновником, но за старостью лет и за страстное поклонение Бахусу был изгнан со службы. Понятно, ему ничего больше не оставалось, как только заняться литературой...

Однажды сижу я, занимаюсь у себя в комнате, приходит он, знакомится. Оказывается, он жил в том же доме, где и я, узнал, что я беллетрист, и решил познакомиться с коллегой. Пришел и громогласно, подняв одну длань, сжатую в кулак, возгласил:

— Возлюбленному собрату по перу... Вот мой банк и в оном капитал, полученный за рассказ, а по сему случаю следует...

Он многозначительно повел глазами и крякнул. Я понял.

Петр Николаевич посоветовал мне отдать мой роман на 17 листах со сногсшибательным названием «В водовороте страстей» * редактору-издателю «Журнала иностранных и русских романов» Харибарджи *.

Он же объяснил мне, почему Ив. Ив. У-кий сурово принял меня в последнее посещение. Оказывается, кто-то из собутыльников ему сообщил, что я смеялся над своим первым рассказом в трактире, запродав-де его только по 6 рублей за покойника.

— Интрига!— внушительно произнес Петр Николаевич, подымая палец кверху.

Я послушался его совета и понес роман указанному редактору-издателю.

Хорошая квартира, ковры, на стенах револьверы, лакей.

Словом, обстановка внушает доверие.

Передаю роман.

Издатель предложил прийти за ответом через три дня.

Срок назначил совсем не по-редакторски: обыкновенно просят приходить через две недели.

Прихожу через три дня. Встречает любезно и говорит, что роман уже в печати.

Интересуюсь вопросом о вознаграждении.

— Относительно гонорара не беспокойтесь,— говорит Харибарджи,— по 30 рублей за лист довольно?

Думаю себе, что очень довольно. Прошу в счет гонорара дать мне денег.

— Я сам не заведую хозяйственной частью... Вам придется пойти к такому-то и туда-то... Он выдаст вам аванс...

«Доверенный» Харибарджи жил на другом конце города, на Петербургской стороне. Был у меня заветный пятачок, решил издержать его на конку.

Доверенный принял меня чуть не с распростертыми объятиями.

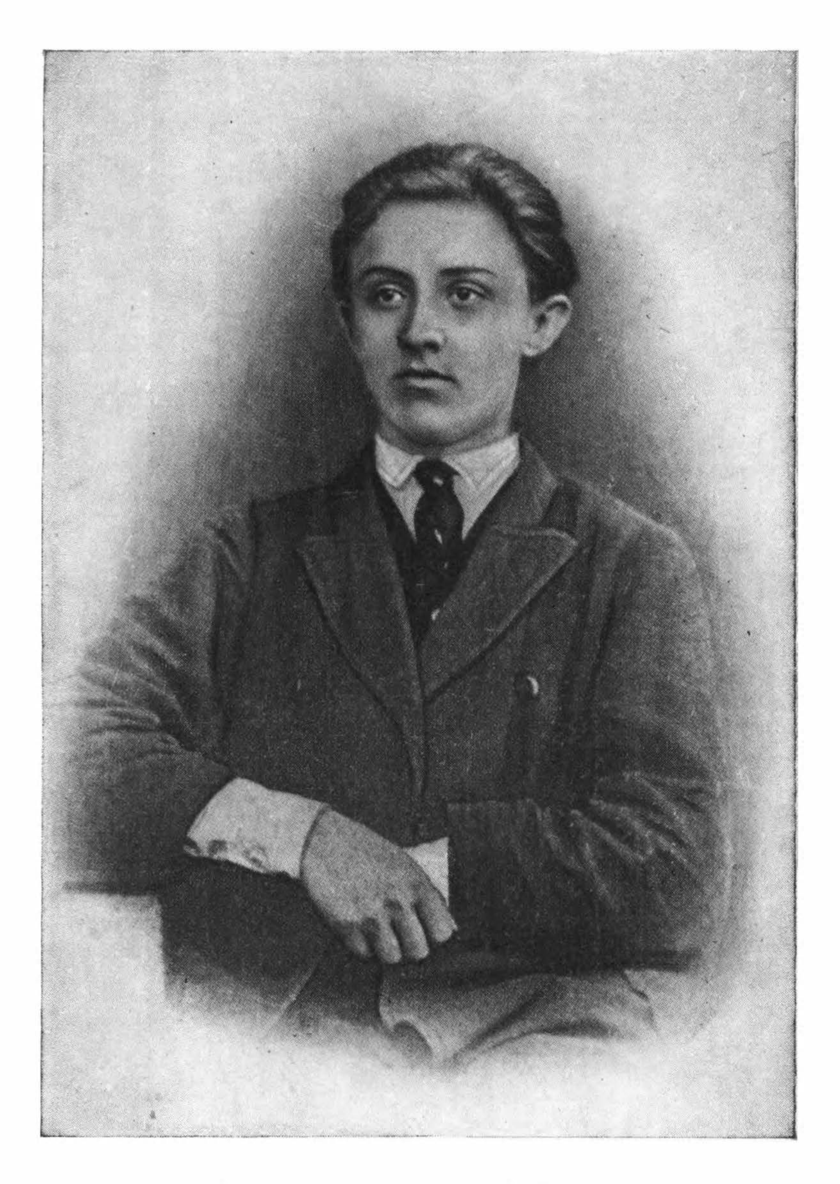
Объясняю цель своего приезда...

— Да, да, разумеется. Ваш роман уже в печати. Но денег у меня нет. Приходите в другой раз, я переговорю с редактором.

Пошел не солоно хлебавши обратно. Дворцовый мост уже развели, пришлось обходить кругом по Николаевскому мосту; верст двенадцать сделал в слякоть.

После долгих хождений и проволочек, кое-как удалось получить тридцать рублей... Вижу, что добром не получишь, нашел я в нашем трактире подпольного адвоката, и порешили мы с ним подать мировому судье жалобу.

Мировой дал исполнительный лист на 499 руб*. С исполнительным листом в руках вместе со своим подпольным адвокатом отправился я к Харибарджи. А его и след простыл. Где же его лакей, обстановка, ружья, кинжа-

Д. Н. Мамин. Конец 1860-х гг.

лы? Оказывается, все это было не его, а хозяйки, у которой он снимал комнату с мебелью.

Идем в типографию. Книга моя уже отпечатана. Предъявляем исполнительный лист. Хозяин типографии заявляет, что он с нами никаких дел не имел и не имеет, а потому о книгах разговаривать не будет. Тогда мой адвокат перенес дело в Съезд мировых судей.

Раз восемь ходил я осведомляться в Съезд, наконец, чиновник посоветовал мне:

— Бросьте вы это дело, молодой человек, все равно ничего не получите.

— Как же так? Ведь книгу-то я написал, и она издана.

— Так разве мой сосед должен отвечать за то, что я у кого-нибудь украду. Вы имели дело с Харибарджи, и с издателем никаких условий не заключали, и он вправе вам ничего не платить.

Иду поговорить с «издателем», то есть хозяином типографии, авось не выгорит ли чего-нибудь. Издатель Лука Степанович посмеивается:

Осерчал я. Говорю: «На высочайшее подам...»

— Эх, молодой человек, зелены вы очень... Хорошо, что вы на благородного человека попали. Давайте уж лучше покончим дело миром. Я вам дам пятьдесят рубликов, а вы мне подпишите право на издание вашей книги в мою, значит, полную собственность.

— Как же это так: за роман в семнадцать листов и пятьдесят рублей... Да ведь это грабеж!

А Лука Степанович только посмеивается себе в бороду.

Делать нечего, отдал роман за 50 рублей благородному человеку в полную собственность и бумажку подписал. Лука Степанович не обманул: пятьдесят рублей вручил мне тотчас же.

— Давно бы так... А то в суд, на высочайшее имя... Да какой из этого толк. Хорошо, что на меня вы попали... Попади вы на плохого человека, ни копеечки не получили бы.

Все это Дмитрий Наркисович рассказывал с большим юмором...

В. П. ЧЕКИН

Коллективные воспоминания М. Я. Алексеевой и друзей Д. Н. Мамина по екатеринбургскому его кружку записаны екатеринбургским журналистом, постоянным сотрудником газеты «Зауральский край» Вячеславом Петровичем Чекиным («Никто — не»). Они напечатаны в сборнике «Урал» (Екатеринбург, 1913 г.) и перепечатывались в «Воспоминаниях», 1936.

В основном это воспоминания Марии Якимовны Колногоровой-Алексеевой (1847—1921). Ее отец Я. С. Колногоров, разночинец, из рабочих Нижнего Тагила, прошедший тяжелую школу заводской службы от рассыльного, работавший и писцом, и правителем дел. и помощником управляющего нижне-тагильских заводов, был автором знаменитой «Уставной грамоты» тагильских заводов (см. «Горное гнездо»). Семья Колногоровых хорошо знала местные нравы и отношения заводской верхушки. М. Я, получившая очень хорошее домашнее воспитание вместе с дочерьми крупных инженеров, (знала языки, хорошо играла на рояле), рано вышла замуж за Н. И. Алексеева, управителя В.-Салдинского завода.

У Алексеевых было трое детей — Владимир, Александр, Ольга. Они часто упоминаются в письмах Д. Н. Мамина. Д. Н. познакомился с Алексеевыми в Н.-Салде, куда в 1876 г. был переведен Наркис Матвеевич. В своих небольших «Воспоминаниях» («Голос Урала», 26 октября 1912 г.), Алексеева сообщает, что осенью 1877 г. Д. Н. «захворал воспалением легких и остался в Н.-Салде до зимы». Но «в декабре заболел его отец и 24 января 1878 г. умер. На руках Дмитрия Наркисовича осталась семья. Сестру надо было помещать в гимназию, а брат, Владимир, учился в четвертом классе. У самого Д. Н. в это время не было никакой работы».

Вскоре после смерти отца Мамин женился гражданским браком на Алексеевой, ушедшей от мужа, и уехал в Екатеринбург, где про-

жил с 1878 г. по 1891 г. Широко образованная М. Я. была центром кружка, который собирался у Мамина. Необходимо отметить ту помощь, которую она оказывала в первых литературных работах Д. Н.

В 1891 г. Д. Н. Мамин порвал с Алексеевой, увлекшись драматической актрисой М. М. Абрамовой. Разрыв этот М. Я. пережила очень тяжело. Она усиленно занялась общественной деятельностью, работала в основанной ею профессиональной школе. По воспоминаниям М. А. Ивановой и А. И. Шубина, после революции Алексеева жила в помещении бывшей своей школы, часто болела и была очень одинока. Переписки Мамина и Алексеевой почти не сохранилось. Ее роль в жизни Мамина хорошо охарактеризована в письме к матери Д. Н.: «Я слишком многим обязан Марии Якимовне во всем, а в моих рассказах добрая половина принадлежит ей».

<Маминский кружок в Екатеринбурге>

Уютная небольшая комната. Два рояля. Этажерка с нотами. На окнах цветы. Картины и фотографии на стенах. За столом два известных всему интеллигентному Уралу общественных деятеля-юриста *, хозяйка, лучший друг покойного Дмитрия Наркисовича, на глазах которой он целый ряд лет жил, развивался, работал, и я — сотрудник «Зауральского края» *.

Собрались с «специальной целью» поговорить о писателе, вспомнить и записать для этого сборника все более или менее интересное, оставшееся в памяти его ближайших друзей из общей жизни в Екатеринбурге.

Сперва чувствуется какая-то неловкость: трудно «на заказ» перелистывать лучшие страницы прошлого, пересыпанные «засохшими цветами» интимных переживаний.

Я устраиваюсь за отдельным столиком с карандашом и бумагой.

Общий разговор понемногу оживляется, неловкость проходит. Солидное, серьезное настоящее отступает перед светлым далеким прошлым. «Оживают мертвые соловьи», «черемухою» молодости «пышет» на присутствующих.

Говорит хозяйка, говорят гости. Вспоминают факты, сцены, отдельные выражения, десятки ярких, характерных деталей.

Как живая, во весь рост постепенно вырастает передо мной глубоко симпатичная фигура художника-бытописателя Урала.

Хозяйка приносит несколько пожелтевших книжек. Вот первые издания «Уральских рассказов» *. Все с теплыми собственноручными надписями — посвящениями. Вот чуть ли не первый роман Дмитрия Наркисовича «В водовороте страстей» *. Этот роман сам Дмитрий Наркисович считал очень неудачным. Не любил даже вспоминать о нем. Сердился, когда напоминали...

Вот тоненькая брошюрка, тоже с надписью. По-видимому, оттиск из журнала. Это «Старатели» * — первый уральский рассказ Мамина, доставивший ему не один тяжелый момент.

Хозяйка рассказывает:

— Вначале Дмитрий Наркисович не совсем свободно владел формой — было в его первых рукописях много тяжелых оборотов, слишком длинных периодов. Эти недостатки особенно бросались в глаза в «Старателях». Я ему говорила, указывала кой на что. Со стороны ведь как-то всегда виднее разные недостатки. Дмитрий Наркисович не соглашался, а иногда принимал мои дружеские замечания слишком уж близко к сердцу и буквально опускал руки. Говорил: «Нет у меня таланта! Не стоит работать. Ничего из меня не выйдет». Я его, конечно, из всех сил ободряла. Говорила, что талант, несомненно, есть и большой талант, но только все же и талантам нужно упорно работать над формой. Когда «Старатели» были закончены, Дмитрий Наркисович послал их в «Дело» * и с нетерпением ждал ответа — волновался, нервничал. Приблизительно, кажется, через месяц рукопись вернули с надписью заведывавшего тогда в «Деле» литературным отделом Благосветлова. Дословно надписи не помню, но в ней довольно резко говорилось о том же, о чем постоянно твердила Дмитрию Наркисовичу и я. Благосветлов, признавая несомненную даровитость, тоже рекомендовал начинающему писателю как можно больше работать над формой. Рукопись «Старателей» вся была испещрена красными пометками, подчерками, вопросительными и восклицательными знака-

ми. Кажется, не осталось ни одной живой страницы. Неудача со «Старателями» очень огорчила Дмитрия Наркисовича. Он ходил несколько времени, точно в воду опущенный.

— Долго продолжалось это угнетенное настроение?

— Ну, нет! Дмитрий Наркисович был слишком жизнерадостным человеком, слишком сангвиником для того, чтобы надолго поддаваться тяжелым настроениям. Уже через несколько дней он с новой энергией принялся за работу. Эта первая неудача кое в чем подействовала на него даже благотворно: он стал внимательней относиться к форме и вообще серьезней взглянул на работу...

— Над чем он работал после «Старателей»?

— Писал «Уральские рассказы». Из больших вещей усердно работал над «Приваловскими миллионами» *. Этот роман начат еще в Салде. Кажется, первая часть даже была закончена, но потом в Екатеринбурге все было переделано до неузнаваемости.

За «Уральскими рассказами» и «Приваловскими миллионами» Дмитрий Наркисович окреп и окончательно сложился, как писатель. Исчезли неуверенность и все недостатки формы, выработался его обычный язык, красивый, точный, простой.

— Как работал писатель?

— Сперва, по правде сказать, не особенно охотно, урывками, а потом аккуратно изо дня в день в определенные часы.

— Днем? Вечером?

— Обыкновенно с десяти утра до четырех дня. У нас с ним рабочий день начинался вместе — я уходила на уроки, а Дмитрий Наркисович садился писать.

— Да! Я почти каждый день бывал у Дмитрия Наркисовича и всегда заставал его в это время за работой,— дополняет Н. Ф. Магницкий.— Работал он очень усердно. Даже, когда говорил, не переставал писать. Писал быстро, четко, почти без помарок. Совсем, кажется, не знал черновиков *. Иногда, тут же, только что написанные листы отправлял на почту. Зато вечером почти не писал.

— Что же делал писатель по вечерам?

— Отдыхал среди близких знакомых.

— Много их было?

— Пятеро, я шестая. Могу вам назвать их всех:

Николай Флегонтович, Иван Николаевич, М. К. Кетов *, покойные: А. А. Фолькман *, Н. В. Казанцев * — вот и все постоянные члены нашего маленького кружка, постоянные гости наших ежедневных вечеринок.

— А где бывали эти вечеринки?

— Да преимущественно у меня. Иван Николаевич Климшин обыкновенно заходил с нотами. Я садилась за рояль. Он пел. Занимались мы с ним музыкой по целым часам. Остальные члены нашего кружка, с Дмитрием Наркисовичем во главе, не были такими поклонниками музыки, как мы с Иваном Николаевичем. Часто подтрунивали над нами. Вот посмотрите на эту группу,— Марья Якимовна сняла со стены пожелтевшую фотографию.— Видите, как снялись: я играю, Иван Николаевич с увлечением поет, Дмитрий Наркисович заткнул уши, а Николай Флегонтович спит. Это, конечно, только товарищеская шутка.

Я недурно играла, у Ивана Николаевича был очень хороший голос, и нас охотно слушали. Впрочем, нередко уходили и в другую комнату — говорили, делились общими и местными новостями, вели литературно-философские споры.

— В этой области особенно отличался Михаил Константинович Кетов,— говорит Н. Ф. Магницкий.

— Да!— отзывается задумавшийся под нахлынувшими воспоминаниями И. Н. Климшин.— Михаил Константинович, пожалуй, ближе всех нас был знаком с литературными симпатиями и антипатиями Мамина...

— Ну, вот,— продолжает хозяйка,— пели, играли, говорили, спорили, слегка ссорились, потом скромно ужинали с бутылкой дешевого «зворыкинского», вина, которое теперь, вероятно, ни Николай Флегонтович, ни Иван Николаевич и в рот не возьмут, а тогда пили, да еще с каким удовольствием...

— Играли иногда в карты?

— Никогда!

— Неужели ни одного раза за все время ваших дружеских вечеринок не раскрыли ломберного стола?

— Ни разу. И в голову даже не приходило. Это теперь самые близкие знакомые не могут ни одного вечера обойтись без лото и карт, а тогда показалось бы диким абсурдом культурной молодежи сходиться для игры в карты. Нам и без карт было так весело друг с другом, что

вечера проходили почти незаметно. Дмитрий Наркисович был великолепный рассказчик-юморист, остроумный, наблюдательный, тонко подмечавший и красочно передававший разные характерные подробности. Впрочем, Дмитрий Наркисович и в университете славился рассказами. Иван Николаевич и Казанцев сыпали стихотворными экспромптами. Николай Флегонтович остроумно критиковал их и давал меткие характеристики общим знакомым. Незаметно проходил вечер. Бывало, не успеешь оглянуться, как явится Никодим в нощи...

— Это кто же такой «Никодим в нощи?»

— Двоюродный брат Дмитрия Наркисовича, учитель *, всегда являлся к нам после полночи, в час, даже в два. Хмурый такой, замкнутый. Посидит, помолчит и уйдет. Странный был человек. Вот мы и прозвали его «Никодим в нощи».

— Скажите, как Дмитрий Наркисович познакомился с членами вашего кружка? Знал их раньше? Слышал о них от кого-нибудь из близких перед приездом в Екатеринбург?

Мои собеседники переглянулись.

— Право не помним, как это вышло, где, когда. Просто, кажется, зашли к нам на квартиру и познакомились. А вот с Кетовым Дмитрий Наркисович встретился оригинально...

— Не секрет,— как?

Улыбнулась хозяйка, улыбнулись гости.

— Нет, какой же секрет. В то время Кетов был исправляющим должность следователя. Производил какое-то следствие, кого-то допрашивал. Понадобился ему неожиданно понятой. Послать было некого. Вышел сам на улицу и случайно наткнулся на Дмитрия Наркисовича: «Послушайте! Эй! Молодой человек! Пожалуйте-ка сюда на минутку». Мамин зашел в камеру к Кетову, отбыл повинность в качестве понятого, разговорился, познакомился, а потом и сошелся с Михаилом Константиновичем.

— А кроме членов вашего маленького, тесно сжившегося кружка, были у Дмитрия Наркисовича близкие знакомые в Екатеринбурге?

— Знакомые, конечно, были, но преимущественно шапочные. Дмитрий Наркисович не сразу и нелегко сходился с людьми. Открытый, жизнерадостный, искрен-

ний, сангвиник чистой воды с немногими друзьями, он был молчалив, замкнут и как-то подозрительно недоверчив с теми, кого мало знал. Мешало ему сходиться с обывателями еще и то, что покойный писатель искал в окружающих людях идейной близости. Искал, но находил, конечно, редко. Дмитрий Наркисович был поразительно искренним, глубоко честным перед самим собой и окружающими человеком. Он не шел ни на какие компромиссы, совершенно не умел притворяться и лгать. На этой почве часто и портились отношения с окружающими. Помню один такой случай. Бывали мы с Дмитрием Наркисовичем у Г. Г. Казанцева* (не члена нашего кружка, другого — капиталиста). Раз пригласили нас к этому Казанцеву на какой-то торжественный званый вечер. Собралась екатеринбургская аристократия. Присутствовала на вечере и хозяйская бедная родня. За ужином бедных родственников хозяева отсадили за особый, так называемый «кошачий стол». Дмитрия Наркисовича это страшно взволновало. Он наговорил неприятных вещей Казанцеву, не простившись ушел и сразу после этого оборвал с ним знакомство. Таких случаев, когда «из-за пустяков», «из-за чужого дела», с точки зрения большинства, портились отношения с окружающими, я знаю несколько. При этом практические, жизненные соображения не играли у Дмитрия Наркисовича никакой роли. В этом отношении он был буквально не от мира сего. Для него всегда были совершенно равны богатые и бедные, влиятельные и совсем невлиятельные люди. Я не знаю примера, чтобы ради каких-нибудь деловых расчетов Дмитрий Наркисович завязывал или поддерживал отношения.

— Как был распределен день у писателя?

— Просыпался Дмитрий Наркисович часов в девять. Вставал очень неохотно (любил поваляться в постели), но все же к десяти часам (как я вам уже говорила) всегда садился за работу. Занимался до четырех часов. В четыре часа мы обедали. После обеда почти каждый день ходил к матери, которую очень любил, или к комунибудь из близких знакомых. Возвращался к чаю, а после чая обычно собирался наш кружок.

— Как относился Дмитрий Наркисович к своим произведениям?

— Мне кажется, покойный был на редкость скром-

ным человеком,— сказал Н. Ф. Магницкий.— Не терпел похвал, избегал даже разговоров о своих работах.

Хозяйка ответила не сразу:

— Ну, я этого не скажу, Николай Флегонтович. Дмитрий Наркисович знал себе цену. Сначала, в период первых литературных неудач и мытарств, у него бывали, правда, острые периоды недовольства собой, полного недоверия к своим силам, почти отчаяния, но потом, когда его произведения стали появляться в лучших русских журналах, он давал им настоящую оценку. Страшно возмущался молчанием литературной критики. На этой почве у него даже было несколько недоразумений. Я, например, знаю, как факт, что раз после очень крупного разговора он чуть не побил критика Введенского*. Были, кажется, (хорошенько не знаю) столкновения с Скабичевским*. И рядом с этим иногда удивительная, если так можно выразиться, суровая скромность. Вам известен случай с Цукерманом?

— Нет.

— Видите ли, для Энциклопедического словаря (помнится, Брокгауза и Эфрона) понадобилась биография Мамина. Цукерман, которому поручили букву «М», явился к писателю за автобиографическими сведениями. Дмитрий Наркисович, как только узнал, зачем пришел Цукерман, вышел из себя и чуть не вытолкал смущенного «энциклопедиста». Но тот все-таки добился своего...

— Как?

— Да ему посоветовали действовать через любимицу Дмитрия Наркисовича — Аленушку. В следующий раз юркий Цукерман пришел с конфетами, познакомился с девочкой, растрогал простодушного писателя и как-то незаметно получил все нужные сведения... Но, впрочем, это уже относится к тому периоду жизни Дмитрия Наркисовича, который я знаю только по наслышке.

— Скажите, пожалуйста, Дмитрий Наркисович много читал?

— Да, очень много.

— Его любимые писатели?

— Писателей не помню хорошенько. Помню, что любил всех русских классиков. Много читал критических сочинений и по истории литературы. Особенно интересовался летописями. Известные пермские летописи Шишонко* знал чуть не наизусть. Содержание некоторых

его очень известных рассказов взято из этих летописей *. Одно время, в период литературных неудач, носился с мыслью сделаться частным поверенным и сидел над юридическими сочинениями.

— А естественными науками Дмитрий Наркисович не интересовался?

— Нет.

— Философией, богословскими вопросами?

— Тоже, кажется, не особенно... Впрочем, поэтому вопросу больше нас всех может вам сообщить Михаил Константинович. С ним Дмитрий Наркисович постоянно спорил и говорил на литературно-научные темы.

— А политико-экономическими сочинениями Дмитрий Наркисович, конечно, интересовался? *

— Кажется. Но и в этой области Кетов сумеет дать вам более точные ответы.

— Принимал ли участие Дмитрий Наркисович в местной общественной жизни?

— Как же!— говорит Н. Ф. Магницкий.— Даже был избран в гласные *.

— И был, помнится, очень аккуратным гласным,— дополняет И. Н. Климшин.— Не пропускал ни одного собрания Думы.

— Говорил?

— Н-нет, что-то я его выступлений не помню. Кажется, сидел, слушал и молчал. Вообще, по сути своей, он не мог быть активным общественным деятелем, слишком он был для этого писатель — художник и мечтатель *.

— Не знаю, удовлетворяла ли его думская деятельность, а газету мы с ним в 1885 году издавать серьезно собирались,— припоминает Н. Ф. Магницкий.

— Газету? В Екатеринбурге?

— Да. Тогда случайно представлялся случай купить «Екатеринбургскую неделю» *. Нам с Маминым настойчиво предлагали взять на себя это издание. Мы заинтересовались, даже увлеклись будущим издательством — составили программу, смету. Распределили редакционные роли. Мамин должен был быть редактором. В конце концов, дело ограничилось одними проектами. Из наших предположений ничего не вышло. Газета перешла в другие руки *. Мамин уехал, но сотрудничал * и из Петербурга, пока не вышел из состава сотрудников «Екатеринбургской недели» благодаря случаю со мной. Новый

редактор «Недели» * незаслуженно грубо и резко задел меня, как адвоката. Дмитрий Наркисович узнал об этом во время одного из своих коротких наездов в Екатеринбург от членов нашего кружка, страшно возмутился и сейчас же отправился в редакцию «Недели» «объясняться», то есть, попросту говоря, «разносить». Мне потом сообщили, что одному из членов редакции, фактически редактировавшему газету, досталось-таки за эту грубую выходку. Как ни старался он оправдаться, объясниться, вывернуться из неловкого положения — ничего не помогло. Дмитрий Наркисович становился все резче и, в конце концов, категорически заявил, что не желает не только работать, но и числиться среди сотрудников газеты, способной на такие неопрятные балаганные выпады.

— Да,— говорит хозяйка.— У Дмитрия Наркисовича совсем не было «средних» нот в оценке людей и поступков. Он часто горячо хвалил и горячо возмущался. Если так можно выразиться, он исключительно чутко воспринимал и ярко чувствовал все хорошее и плохое в окружающих, особенно близких людях. Да и все мы тогда как-то повышенно ярко и экспансивно реагировали на все явления местной и общерусской жизни. Современная молодежь (в огромном большинстве) как-то уравновешеннее, спокойнее. Кто, например, заплачет теперь, узнавши о закрытии любимого журнала. Пойдут спокойно играть днем в футбол, вечером в лото, а мы...

— Вы имеете в виду определенный случай, Марья Якимовна?

— Да! Мне вспоминается, какое потрясающее впечатление произвело на нас известие о закрытии «Отечественных записок» *.

— Расскажите.

— Прибежал ко мне (буквально — прибежал) Михаил Константинович Кетов. Бледен, задыхается от волнения, не может говорить.— Что с вами? Что случилось?— «Отечественные записки»...— «Отечественные записки»? — Что с «Отечественными записками»? — Закрыты... Навсегда закрыты!..— И это сквозь слезы, точно сообщал о смерти близкого, любимого человека. И все мы тогда заплакали горькими, бессильными слезами. Словно оборвалось, разбилось, потухло что-то страшно важное, жизненно необходимое для каждого из нас... Впрочем, надо сказать правду,— Марья Якимовна

улыбнулась,— в этом общем идейном горе было и одно маленькое эгоистическое утешение...

— Какое, Марья Якимовна?

— «Горное гнездо» Дмитрия Наркисовича как раз окончилось в последней вышедшей в свет книжке «Отечественных записок» *. Но, об этом, конечно, вспомнили потом, когда впечатление от внезапно обрушившегося огромного несчастья потеряло первоначальную остроту. Прошло столько лет, а я ясно до последней мелочи, помню этот первый тяжелый день траура по любимому журналу... Да! Теперь уже нет таких искренних «друзей-читателей», какие были в наше время...

— Да и журналов таких нет, какими были «Отечественные записки» для читателя!— заметил И. Н. Климшин.

— Скажите, Марья Якимовна, Дмитрий Наркисович часто выезжал из Екатеринбурга?

— Нет, не особенно любил всякие поездки *. Предпочитал сидеть и работать дома. Хотя все же иногда и выезжал. Два раза мы с ним ездили в Москву — 1881 и 1886 гг. * Жили оба раза довольно долго.

— Заводил Дмитрий Наркисович во время этих поездок литературные знакомства?

— Во время первой поездки он совсем не хотел ни с кем знакомиться — явно избегал всяких знакомств.

— А во время второй?

— Во время второй знакомства завязались как-то сами собой.

— С кем из писателей сошелся Дмитрий Наркисович?

— Подружился с Златовратским *, часто встречался с Ключевским * и Стороженко *, мнением которых (особенно Стороженко) всегда очень дорожил. Был хорошо знаком с Чупровым *.

— Не помните ли вы, Марья Якимовна, чего-нибудь особенно интересного, связанного с этими поездками?

— Нет, не помню. Много интимного, личного и ничего представляющего общий интерес.

— Ну, а кроме этих двух, какие другие поездки писателя остались в вашей памяти? В произведениях Дмитрия Наркисовича так ярко обрисована природа Урала, выведено так много характерных представителей ураль-

ской деревни. Чуть не в каждой странице его «Уральских рассказов» чувствуется знание быта, масса непосредственных, личных наблюдений над уральскими старателями, охотниками-промышленниками.

— Дмитрий Наркисович, несомненно, знал местный быт, писал большинство своих «Уральских рассказов» с натуры, но в то же время он поразительно умел запоминать, перерабатывать и вводить в свои произведения чужие переживания, чужие рассказы. В тот период, в который жизнь Дмитрия Наркисовича проходила, так сказать, на моих глазах, писатель мало ездил по Уралу. Он, по-видимому, знакомился с ним преимущественно в детстве и ранней молодости, в то время, когда жил дома, в Нижней Салде. Об этом времени вам многое может рассказать его сестра. Я хорошо помню только одну, довольно продолжительную нашу поездку с Дмитрием Наркисовичем по Южному Уралу. Это было в 1887 году *. Во время этой поездки Дмитрий Наркисович, конечно, интересовался всем и всеми. Расспрашивал, записывал, знакомился. Мне памятен курьезный эпизод. Остановились на одном постоялом дворе. Дмитрий Наркисович разговорился с хозяином и, по-видимому, заинтересовал его. Хозяин начал меня подробно расспрашивать: где живем, откуда едем, да куда, да зачем, да чем занимается барин? Говорю: «Писатель». Не понял: «Это что же за чин такой будет?» Начала объяснять: «Пишет и печатает книги». Хозяин удовлетворился: «Так! Так! Понимаем. Мы сами по печатной части — сколько лет холсты разной краской печатаем».

— Ну, а охоту Дмитрий Наркисович, вероятно, очень любил?

— Совсем даже не любил.

— Как? Но ведь его рассказы пересыпаны охотничьими эпизодами, а некоторые прямо могут быть названы охотничьими рассказами.

— И все-таки Дмитрий Наркисович совсем не был охотником * и редко ходил куда-нибудь с ружьем. Когда врачи прописали ему движение и свежий воздух, приходилось отправлять его за город чуть не силой, обыкновенно он и некоторые члены нашего кружка предпочитали всякой охоте послеобеденную стрельбу в цель. Моя баня вся была усыпана дробью.

— Дмитрий Наркисович хорошо стрелял?

— Какое там хорошо — кое-как. Насколько я знаю, охота никогда не занимала серьезного места в жизни писателя — он и все мы относились к ней полушутя, полуотрицательно, как к «жестокой забаве». Помню, например, раз целым обществом собрались на тягу. Поехала и я. Встали наши охотники на опушке, а я села недалеко за кустом и все время пугала вальдшнепов, махая белой шалью. Стояли-стояли — ни одного вальдшнепа. В конце концов, мой маневр открыли.

— Сердились?

— Ну, не очень. У нас не принято было сердиться на шутки. Шутили все друг над другом и сам Дмитрий Наркисович больше всех. Впрочем, в этой области с ним соперничал И. Н. Климшин: он, по поговорке, «для острого словца» порой не щадил «ни матери, ни отца», ни друзей. Всем нам доставалось от него поочередно. Не пропускал буквально ни одного удобного случая, чтобы не разразиться каким-нибудь ядовито-добродушным экспромтом. Николай Флегонтович купил дом. Решил отпраздновать новоселье. Конечно, были приглашены все члены нашего кружка. Но, как на грех, к назначенному дню простудился и захворал жабой сам «виновник торжества». Пришлось перенести новоселье на другой день. Все собрались, а Ивана Николаевича нет. Явился только в полночь с громадным свитком, склеенным чуть ли не из десяти листов писчей бумаги. Встал в позу, откашлялся и начал читать «оду» «Адвокат и жаба» *...

— А «акафист» помните?

— «Акафист»?

— Да! Тоже Иван Николаевич вдвоем с Казанцевым сочинили по какому-то поводу (уж не помню по какому) Дмитрию Наркисовичу «акафист». Написали на толстой бумаге, в соответствующем стиле, вклеили в старый кожаный переплет. Принесли с торжественным видом. Заставили Дмитрия Наркисовича встать в передний угол, устроили нечто вроде аналоя и прочли нараспев свое произведение...

— А помните гипсовые ноги, поднесенные Н. В. Казанцеву при соответствующем стихотворном произведении Ивана Николаевича?

— Да! Да! Н. В. Казанцев поставил на местной сцене свою пьесу «Старое чувство живуче» *. Перед спектаклем у него разболелись ноги. Было даже что-то вро-

де легкого паралича. По окончании спектакля, после овации, ему и поднесли окруженные лаврами гипсовые ноги с стихотворной рецензией Ивана Николаевича.

— Дмитрий Наркисович тоже, кажется, пробовал свои силы в драме?

— Как же, как же! В 1887 г. он написал и поставил в здешнем театре очень длинную, переполненную всякими ужасами пьесу из уральской жизни «Золотопромышленники» *. Пьеса имела внешний успех — много хлопали, несколько раз вызывали автора. Но Дмитрий Наркисович был слишком умен для того, чтобы поверить поверхностному успеху, да и мы не щадили его авторского самолюбия и критиковали «Золотопромышленников» вовсю. Драма, действительно, была из рук вон слаба, и Дмитрий Наркисович не любил даже вспоминать о ней. Писатель чувствовал, что это не его жанр, что в области драматического искусства он не создаст ничего выдающегося...

— Дмитрий Наркисович пробовал свои силы и еще в более чуждых ему областях,— добавляет Н. Ф. Магницкий.— В справочном издании городского головы Симанова «Город Екатеринбург» объемистое предисловие * тоже принадлежит перу Дмитрия Наркисовича.

— А живопись?

— Писатель и рисовал? *.

— Одно время довольно усердно писал масляными красками. Его большая картина «Генеральская дача», писанная с натуры, хранится у меня до сих пор.

— Он, помнится, писал и ваш портрет, Марья Якимовна? — говорит И. Н. Климшин.

— Пробовал не раз. Но портреты выходили у него еще хуже ландшафтов. Я, в конце концов, запротестовала, и он бросил.

— Не припомните ли еще что-нибудь?

— Воспоминаний масса, но все больше мелочи, которые имеют только личную, интимную ценность... Разве вот еще рассказать вам о петухе. Это характерная иллюстрация внимательного, любовного отношения Дмитрия Наркисовича к животным.

— Пожалуйста, расскажите.

— Купила я случайно на базаре бойцового петуха. Покупала в суп, а потом стало жалко колоть: уж очень

ловкий, красивый петух, оставила. Петух подрос, откормился и начал проявлять свои таланты: не только в лоск избил всех соседних петухов, а начал бить даже кур. Возвращаюсь я как-то раз домой с уроков и встречаю рассерженного Дмитрия Наркисовича с прутом в руках. «С розгой? Куда это?» — «Да надо же этого подлеца петуха наказать. Все соседи на него жалуются — проходу не дает. Пойду выпорю — авось станет посмирней». С самым воинственным видом Дмитрий Наркисович отправился на двор ловить петуха. Через минуту поднялось отчаянное кудахтанье. Я выглянула в окно. И что же: Дмитрий Наркисович, как-то неестественно нагнувшись, замахал руками, а рассерженный петух сидел у него на спине и долбил его в шею и в голову. Потом я долго смеялась над сконфуженным писателем.

Распрощались с хозяйкой далеко за полночь. Старым товарищам, объединенным общими светлыми воспоминаниями, не хотелось расходиться.

— А ведь надо признаться,— со вздохом сказал И. Н. Климшин, прощаясь с хозяйкой,— что эти вечера, проведенные с Маминым в нашем кружке, были, пожалуй, лучшими вечерами в жизни.

— Да, хорошее было время!—подтвердил Н. Ф. Магницкий.— И чем дольше живешь, тем яснее видишь, каким исключительно чистым и честным человеком был Дмитрий Наркисович. Блестящий, цельный, искренний, умевший горячо возмущаться и горячо любить. Наши отношения с ним одно время были больше, чем натянутыми,— мы почти раззнакомились, а все же, как искренне он был потом рад, уже больной, стоявший одной ногой в могиле, встретиться со мной. Все недоразумения забылись. Он ожил, помолодел, засверкал знакомым остроумием, припомнил старые рассказы. анекдоты. Передо мной снова был прежний Дмитрий Наркисович, «душа» наших незабвенных екатеринбургских вечеров.

— Да, хорошее было время! — вздохнули все.

М. А. КАЗАНЦЕВА-ИВАНОВА

Родственники Марии Александровны Ивановой (1876—1952) были или золотопромышленники, или инженеры. Отец М. А.— Александр Владимирович Казанцев (1841—1907), брат писателя Казанцева, фигура в высшей степени своеобразная. Это типичный мелкий делец, человек «без определенных занятий», подверженный приступам «золотой лихорадки», непрактичный и взбалмошный. Он то получал с приисков большие прибыли, то «просаживал» их, закладывая затем последние драгоценности. В молодости А. В. был богат. Он ездил в Лондон, к Герцену, получал какими-то путями «Колокол». Н. В. Казанцев был близок к демократической интеллигенции. Его племянница Е. Н. Зайцева-Ложкина занималась революционной работой, подвергаясь постоянным преследованиям. С другой стороны по мужу, М. А. Иванова входит в известную на Урале инженерно-чиновничью семью Ивановых. Александр Андреевич Иванов — сын управляющего Березовскими приисками. (Описаны в романе «Золото»). Его дядя И. П. Иванов с 1871 по 1891 г.— главный начальник горных заводов (о нем см. в воспоминаниях д-ра Ляпустина). Тетка А. А. Иванова — жена управляющего Верх-Исетским заводом Котляревского. Все это круги правящей горной аристократии, фактические деятели «горных гнезд». Мамин в начале 80-х годов был домашним учителем в семье Ивановых. М. Я. Алексеева тоже давала уроки в семьях этого круга. Благодаря этим знакомствам, Мамин-Сибиряк углублял свое знание быта горной инженерной аристократии. При жизни мужа М. А. Иванова жила с ним на заводах, а после работала как библиотекарь в Свердловске.

<Д. Н. Мамин и его друзья>

Дмитрия Наркисовича я помню с детских лет; в первый раз видела его в 80-х годах, почему-то он разбирал минералогическую коллекцию моего деда, а я подглядывала в дверь, желая посмотреть «настоящего, живого писателя». Потом Дмитрий Наркисович купил эту коллекцию. Я часто встречала Дмитрия Наркисовича у дяди — Николая Владимировича, он производил на меня впечатление мрачного человека, редко я видала его веселым. Когда дядя заболел и был прикован к креслу, Дмитрий Наркисович часто навещал его, старался развлекать, помню, как он встречал у дяди Новый год и восхищался Фёклушкиным «апогаре» — нечто вроде ягодного шампанского, которое она изумительно делала. Присутствовал он и на Фёклушкиной елке, которую она делала для меня и для своих племянниц. Тут были самые простые украшения, сусальные пряники, дешевые яблоки, но почему-то мы очень любили эту елку и очень веселились на ней.

Дмитрий Наркисович с уважением относился к Фёклушке, и действительно она была человек необыкновенной доброты и сокровищница народной мудрости. Фёклушка воспитывалась у моего деда со стороны отца, была белошвейкой и, когда дядя женился, ее дали ему в «приданое». Через год дядя овдовел, и Фёклушка осталась жить с ним на всю жизнь, делила с ним все невзгоды, ухаживала за ним все 15 лет его болезни; у нее были родные, которые звали жить с ними, но она не хотела бросить дядю.

Мой отец давал дяде на жизнь определенную сумму, но отец часто пускался в разные аферы, то «заявлял» прииска или рудники, то возьмет подряд на железной дороге и вечно прогорал настолько, что и нам временами нечем было жить. Тогда Фёклушка пускала квартирантов со столом и этим кормила себя и дядю. Но часто у нее были квартиранты, которые не платили ей по нескольку месяцев, у нее находили приют выгнанные студенты, сосланные, какие-то девицы, согрешившие и желающие скрыть рождение ребенка. Как-то я спросила Фёклушку, кто у ней теперь живет.

— Да какие-то бесштанники и не платят уже два месяца,— отвечала она.

— Зачем же ты их держишь?

— А куда же им деваться, не выгонишь же их на улицу.

Эти «бесштанники» были Певин П. И.* — будущий редактор «Уральской жизни» и Ант. Вас. Комаров — журналист *.

Когда я вышла замуж, а отец заболел грудной жабой, то родители переехали к нам в Воткинский завод. Фёклушка же осталась с дядей и жила с ним до его смерти. Потом я звала ее жить к себе в Нижне-Туринский завод, но она не соглашалась, боясь там умереть. Она была старообрядка-«беспоповка» и боялась, что некому там будет ее хоронить. Но вскоре написала, что очень тоскует и хочет приехать. К сожалению, прожила она всего месяц и умерла у меня, и перед смертью все просила, чтобы ее не носили в церковь, нашли бы «старика» *, который ее бы отпел. Так я и сделала. В тот же год умер <мой отец> (в 1907 г.), и они похоронены рядом на Н.-Туринском кладбище.

Дмитрий Наркисович всегда из своих поездок привозил Фёклушке какие-нибудь небольшие подарки, до сих пор у меня хранится черная лаковая коробочка, которую он привез ей. Вспоминаю интересный случай. В страстную субботу Фёклушка мыла в прихожей пол. Звонок, я отворила дверь, пришел Дмитрий Наркисович. Фёклушка накинулась на него:

— Зачем ты это пришел, в страстную субботу по гостям ходишь, безбожник ты эдакий, поди домой! Мешаешь людям убираться к празднику!

Дмитрий Наркисович робко отвечал ей:

— Мне очень нужно к Николаю Владимировичу, уж вы, Фёкла Кирилловна, не сердитесь, я так бочком, бочком пройду и не помешаю вам.

— Ну, уж иди, греховодник, — милостиво разрешила Фёклушка. Дмитрий Наркисович долго, смеясь, вспоминал этот случай; он все собирался вывести Фёклушку в какой-нибудь повести, но, видимо, не исполнил этого.

Фёклушка была большая любительница природы; летом она покупала рублей за 15—20 лошаденку, сама ухаживала за ней и ездила за ягодами и грибами, делая запасы на зиму, при этом забирала ребят, сколько могло поместиться в ее коробушку, и все очень любили эти поездки.

Фёклушка была большой идеалист, в каждом человеке она находила что-нибудь хорошее. Все несчастные находили у нее утешение, мудрый совет и посильную помощь. Фёклушка была необразованным человеком, только умела читать и немного писать, но отлично знала славянский язык. Она очень любила читать * и метко критиковала прочитанное; она знала много староверческих преданий и сказаний, которые любил слушать Дмитрий Наркисович. Я очень жалею, что не записала их, это был настоящий фольклор. Фёклушку любили все разнообразные посетители дяди, которых было очень много.

Около дяди группировалась передовая интеллигенция Екатеринбурга, и часто я заставала у него по нескольку человек в жарких спорах, литературных и политических. Встречала я у дяди и уральских писателей, которые заезжали к нему, но фамилии их я уже забыла, помню только А. С. Погорелова *.

Дмитрий Наркисович был большим другом дяди, Николая Владимировича, и трогательно заботился о нем, пропагандировал его произведения; при его содействии несколько вещей дяди были напечатаны в «Артисте» и других журналах. Дмитрий Наркисович с Куманиным (издателем «Артиста») хлопотали о постановке пьесы дяди «Всякому свое» *, и она была поставлена в театре Корша, но успеха не имела. Эта пьеса ставилась петербургскими гастролерами в Екатеринбурге, но тоже мало имела успеха. Благодаря хлопотам Дмитрия Наркисовича дядя получал пенсию из литературного фонда. Кажется, по этому поводу Дмитрий Наркисович с друзьями устроили маленький праздник дяде.

Не помню точно в 1889 или 1890 г. мои родители пригласили Марию Якимовну Алексееву заниматься со мной, так как я была слабого здоровья и меня не хотели отдавать в гимназию. С Марией Якимовной я занималась всегда с удовольствием, она была очень разносторонне образованный человек и очень много дала мне. Она умела всякий предмет сделать интересным, даже закон божий. Зимами Мария Якимовна часто болела бронхитом, и тогда я ездила к ней на уроки и часто видала Дмитрия Наркисовича, почти всегда занимающимся в своем кабинете и сосредоточенным. В кабинете

были шкафы с массой книг, но вся обстановка была очень простая.

Мария Якимовна много рассказывала мне о Н. Тагиле, о Демидовых и как она собирала там материалы для работ Дмитрия Наркисовича и помогала ему, когда он писал «Горное гнездо».

В эти же екатеринбургские годы вокруг Дмитрия Наркисовича образовался кружок, состоящий из дяди, И. Н. Климшина, Н. Ф. Магницкого, А. А. Фолькмана, моего отца и впоследствии Г. Г. Казанцева*, богатого человека, очень просвещенного, имевшего свой домашний театр, где ставили пьесы в духе Художественного театра; у него была великолепная библиотека, где можно было найти самые редкие издания. В то время трудно было найти сочинения Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, у него же все это было (пишу о нем для характеристики екатеринбургского общества того времени). Эта компания собиралась, кажется, раз в неделю по очереди у каждого, читали и разбирали новинки журналов, спорили, музицировали. Мария Якимовна и моя мать были недурные музыкантши, играли в четыре руки или аккомпанировали И. Н. Климшину. Я, тогда еще девочка, с жадностью слушала все разговоры и споры, когда собирались у нас. Но после отъезда Дмитрия Наркисовича кружок распался.

Иногда Дмитрий Наркисович умел от души веселиться. Как-то на рождестве раздается звонок, приехали «маскированные», как тогда было в обычае. Торжественно вошел турецкий «султан» со своим «гаремом» в сопровождении «евнуха» и «негров» с медными тарелками; изображали они какую-то инсценировку, но в чем она состояла, уже не помню. Дмитрий Наркисович изображал «важное» лицо, кричал: «Бей в там-там», негры ударяли в тарелки, и все повергались ниц перед «султаном» (Фолькманом). Климшин изображал «евнуха» и тщательно оберегал «гарем». Все очень веселились и много смеялись. Помню тоже, когда-то на рождестве я с молодыми Онуфриевыми*, во главе с мамой в виде «старой цыганки», изображали цыганский табор и отправились к Марии Якимовне, которая сейчас же села за рояль, а Дмитрий Наркисович с Владимиром Наркисовичем принялись с нами танцевать, усиленно

расшаркивались перед нами, заставляли гадать и так просто держались, что мы забыли разницу возраста и очень веселились.

Помню именины Дмитрия Наркисовича, которые совпадали с каким-то его юбилеем. Дядя, тогда еще на ногах, с И. Н. Климшиным сочинили «акафист» Дмитрию Наркисовичу, переплели его в старинный кожаный переплет, добыли у Фёклушки староверческий аналой. Когда гости собрались, Климшин вышел с книгой и аналоем и гнусавым голосом, как дьячок, начал читать «акафист», где были перечислены все доблести и заслуги Дмитрия Наркисовича на литературном поприще. Для Дмитрия Наркисовича это было полной неожиданностью. Все много смеялись, потом было обильное возлияние, при чем Иван Николаевич Климшин всегда начинал петь старинный романс: «Кубок янтарный полон давно».

Опять не помню в каком году, может быть, в 90 или 91, Мария Якимовна стала приходить на уроки расстроенная, отвечала невпопад, не слышала, что я ей говорила, часто пропускала уроки. Временами мне страшно становилось смотреть на нее, она производила впечатление ненормального человека. Оказалось, что в это время началось увлечение Дмитрия Наркисовича М. М. Абрамовой. Мария Якимовна очень тяжело переживала его измену, да и для Дмитрия Наркисовича это была настоящая драма. Он делился своими переживаниями с дядей, и я не раз видела у него Дмитрия Наркисовича в слезах.

Фёклушка принимала горячее участие в драме Марии Якимовны и Дмитрия Наркисовича, жалела того и другого. Когда М. М. Абрамова умерла, то она говорила, что «это бог наказал Дмитрия Наркисовича за то, что он бросил Марию Якимовну ради «актерки». Я тогда редко бывала в театре, но слышала от других, что Дмитрий Наркисович не пропускал ни одного спектакля, когда играла Абрамова, и очень восхищался ее игрой и красотой.

После отъезда Дмитрия Наркисовича в Петербург я его больше не видала.

Мария Якимовна после отъезда Дмитрия Наркисовича занялась общественной деятельностью. Она собрала по подписке немного денег, кроме того, один адвокат

дал ей беспроцентную ссуду, и она открыла профессиональную школу *, первую в Екатеринбурге, которая очень хорошо пошла и долго существовала.

Я уехала в 1900 г. из Екатеринбурга и вернулась туда в 1917 г., стала разыскивать Марию Якимовну и нашла ее в подвале ее школы совершенно больной и одинокой.

Д. А. УДИНЦЕВ

Зять Д. Н. Мамина — Дмитрий Аристархович Удинцев (1862—1915), уроженец г. Ирбита, знал Дмитрия Наркисовича со второй половины 1880-х годов. Как и Мамин-Сибиряк, Удинцев «вышел» из Пермской семинарии, не окончив курса после провала нелегальной библиотеки семинаристов в 1881 г. Он пошел служить в земство, потом был мировым судьей, членом и председателем нескольких земских управ, в том числе в Чердынском земстве (1898—1903), что было горячо одобрено Маминым-Сибиряком. Здесь Д. А. основал в 1899 г. краеведческий музей, пользующийся до сих пор заслуженной известностью.

Встретившись с Д. Н. Маминым в редакции «Екатеринбургской недели», Д. А. стал постоянным участником маминского кружка в Екатеринбурге, а в 1890 г. женился на сестре писателя Е. Н. Маминой. Д. А. много писал по хозяйственно-экономическим вопросам Урала. В частности, он первым поднял в печати вопрос об Ухтенской нефти (см. статью А. К. Шарца «Мои земляки», «Уральский следопыт», 1961, № 12). После 15-летней работы в земстве Д. А. занимался исключительно литературным трудом. Его статьи высоко расценивались Маминым-Сибиряком.

Д. А. Удинцев скончался 23 января 1915 г. Ему посвятил некролог известный политический деятель Урала, старый большевик П. М. Быков

О Мамине-Сибиряке

Мои первые встречи с Дмитрием Наркисовичем относятся к периоду, когда в Екатеринбурге существовала «покойная» «Екатеринбургская неделя».

Уральские читатели отлично помнят этот первый еженедельник на Урале.

Возникла «Неделя» в кружке местной екатеринбургской интеллигенции. Пока жила, она, ближайшим ее пестуном был Петр Николаевич Галин (Нил-Аг).

Умерла «Неделя» с появлением в Екатеринбурге издателя «Урала» Чекана *. В местном музее Уральского общества любителей естествознания хранится полный комплект «Недели», завещанный музею покойным Петром Николаевичем, с его собственноручной надписью, в которой Нил-Аг, как всегда и везде, обнаружил свое богатое остроумие.

«Родилась тогда-то... умерла от руки Чекана тогда-то...»

Довольно долгое время Нил-Аг был большим приятелем Дмитрия Наркисовича. Потом они поссорились и поссорились по какому-то самому пустому поводу, что так похоже на Мамина-Сибиряка... Помню, на мой вопрос о причине ссоры, оба они мне рассказывали, что это «поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»*.

У Сибиряка такие конфликты с приятелями были не редкость. Я помню несколько случаев, когда Сибиряк и здесь, в Екатеринбурге, и потом в Петербурге поражал публику своей страшно нервной натурой, своей вспыльчивостью...

Никогда не забуду случая, когда Мамин-Сибиряк на моих глазах поссорился здесь, в Екатеринбурге, с одним своим самым близким другом.

Мамин-Сибиряк и некто К<етов> были большие друзья. Между ними, помню, всегда происходили оживленные беседы на чисто литературные темы. Нужно сказать, что К<етов> был и теперь остался большим библиофилом. Вы от него можете узнать о каком угодно литературном произведении: когда оно написано и где, чуть ли не на какой странице, какого журнала напечатано.

И вот в начале одной из бесед у Мамина-Сибиряка с библиофилом К<етовым> шел серьезный разговор по поводу какой-то статьи, помещенной в «Современнике». Разговор сначала шел довольно мирным темпом, потом, когда зашла речь о странице журнала, на которой начата была печатанием спорная статья, разговор начал принимать все более и более обостренный характер.

Наконец, спор так разгорелся, что, в конце концов, обе стороны из приятелей сделались кровными врагами...

Поссорившись таким же образом с Галиным, Сибиряк ушел из «Недели»*.

Так совпали тогда обстоятельства, что ближе я сошелся с Сибиряком именно в этот период времени.

Часто очень начал я встречаться с Сибиряком в доме Марьи Якимовны Алексеевой. Дом М. Я. был местом, где постоянно собирался, так сказать, цвет екатеринбургской интеллигенции. В беседах за чайным столом всегда разливалось целое море остроумия...

И центральной фигурой бесед всегда был Дмитрий Наркисович.

Нужно отметить совершенно особенную черту писателя. Он сам часто говорил, что он пишет «походя». Его всегда остроумные беседы непременно и очень быстро выливались в его литературные произведения.

Помогла ему в этом отношении одна редкая и богатая способность схватывать все, как говорится, на лету.

По этому поводу я переношусь сразу в Петербург и вспоминаю следующие случаи.

Попадаю я с Дмитрием Наркисовичем в компанию писателей. Николай Константинович Михайловский, Сергей Николаевич Южаков*— все ушедшие люди. Николай Константинович был близкий друг покойного Сибиряка; они, кажется, не могли жить друг без друга.

Попали мы на Пушкинскую улицу, в грязный ресторанишко, который слыл у писателей под названием «Ямка».

Это было, кажется, в 1893 г. Со мной же были два моих брата; один из них только что вернулся тогда с Урала. Как раз в это время здесь, на Урале, проектировалась теперь уже строящаяся так называемая Тавдинская железная дорога*. Первый проект дороги составлял инженер путей сообщения, известный писатель Гарин-Михайловский*. По рассказам моего брата, разведочной партии Михайловского приходилось идти по самым глухим местам Зауралья. В деревнях, где партия запасалась провизией, брали с Михайловского самые невероятные цены за самые простые продукты. За яйца, например, брали с них по 20 рублей за сотню.

Дмитрий Наркисович, выслушивая эти рассказы, дополнял их своими обычными присказками.

Помню, когда мы выходили из ресторана, покойный Николай Константинович говорил мне: «Подлец Наркисыч напишет!» И действительно, через неделю мы читаем в «Русских ведомостях» рассказ «Главный барин»*.

Там, конечно, многое было прибавлено.

Фигурировал там какой-то мужичонка, который, промокнув в пути, сжег свою ситцевую рубашонку, когда привалили на ночлег, и мужичонка этот начал ее сушить.

Михайловский-Гарин заплатил за эту рубаху ни больше, ни меньше, как 20 рублей.

Был со мною и еще аналогичный случай, довольно характеризующий наблюдательность Мамина-Сибиряка.

Помню, я рассказал Дмитрию Наркисовичу о своем путешествии по северу Пермской губернии. Цель моего путешествия была — изыскание пути на Север*.

Брошенные вскользь несколько слов о трудности путешествия по лесам Чердынского уезда Пермской губернии в один вечер выросли в художественный рассказ «Старый шайтан»*, помещенный тоже в «Русских ведомостях».

Эта способность быстрого, как говорил сам Дмитрий Наркисович, схватывания «на лету» всего наблюдаемого, эта способность такого же быстрого «с маху» писания создавала такую картину, что Сибиряк бил своим талантом, как бьет волнами любая уральская горная речка.

Работа под его пером кипела. Кипела так же, как кипят эти маленькие волны уральских горных речек...

Невероятная плодовитость рядом с художественной отделкой каждой написанной строчки. Под его пером действительно оживало все: и угрюмая уральская природа, и своеобразная история Урала...

Все эти чисто уральские типы: «вольный человек Яшка» *, «поп Савелий» *,— все они стоят перед нами, уральцами, как живые люди.

Меня всегда занимал вопрос, какой внутренний стимул двигал этим крупным талантом.

Помнится, что в одном из адресов по поводу сорокалетнего юбилея литературной деятельности Сибиряка,— этой злой насмешки судьбы над талантом, когда носитель этого таланта был положительно на краю могилы — Сибиряк приветствовался, как «гуманный художник»...

...Я говорил выше о таких людях, как «вольный человек Яшка», «поп Савелий» и др. Все это — простые люди.

Нужно было видеть Мамина-Сибиряка среди этих простых людей...

Начнем с Екатеринбурга. Представьте себе Сибиряка на толкучем рынке, где продается самое разнообразное «барахло». Много, конечно, среди этого барахла и ценных вещей.

Сибиряк для своих довольно богатых коллекций — минералогической и этнографической — всегда ухитрялся находить какие-нибудь раритеты. Но, конечно, это была не единственная цель посещения толкучки. Наоборот, главной целью было — это встречи и столкновения с «барахольщиками».

Здесь у него были приятели, приятельницы, с которыми он беседовал, как свой человек. Полушуточки, остроты занятного барина раскрывали души простых людей. У Дмитрия Наркисовича всегда были самые искренние отношения с этими людьми. И эта простая публика — извозчики, прасолки, какие-то неизвестные старухи — всегда были его обществом.

Мне рассказывал один екатеринбуржец, как он однажды рано утром, в субботу, встретил Дмитрия Наркисовича на плотине. Он тащил на себе провизию.

Оказалась, что этот багаж несла какая-то очень древняя старушка, а Дмитрий Наркисович, увидав тяжесть ее ноши, спокойно взял ее и потащил. Конечно, со старушкой он беседовал всю дорогу, и она стала его приятельницей.

Таких приятелей у него было много и здесь, в Екатеринбурге, и по всему Уралу. И охотники, так называемые «зимогоры», и золотоприисковые рабочие, и бурлаки по Чусовой и т. д.

А сколько таких приятелей Дмитрия Наркисовича я видел в Петербурге, затем в Царском Селе, где он долго жил.

Мамин-Сибиряк начал свою литературную деятельность в Петербурге, когда еще был студентом.

Тогда он начал репортерствовать. Пишущей братии известно, что такое репортер в Петербурге...

Я никогда не забуду рассказов Дмитрия Наркисовича о том, как его не впускали на заседания некоторых ученых обществ, благодаря его костюму: куртке из жел-

того — почти солдатского — сукна, а главное, кожаным — желтым же — штанам, какие носят обычно ямщики. Костюм далеко не аристократический.

Жизнь в Екатеринбурге первое время тоже была не из сладких.

Мне рассказывал Николай Наркисович, как ему приходилось путешествовать почти через неделю в ломбард или закладывать часы Дмитрия Наркисовича или выкупать их...

Там, в ломбарде, была уже фиксирована, так сказать, цена, этих часов: шесть рублей...

Помню, говорил Николай Наркисович, как были получены первые 200 или 300 рублей за какой-то рассказ. Это был большой праздник.

А сколько рукописей до этого было возвращено. Дмитрий Наркисович с какой-то особенной — именно добродушной — злобой рассказывал мне, как вернул одну его работу покойный Щедрин, будучи редактором «Отечественных записок». Щедрин был строгий редактор... Но эта — тоже совершенно особенная — строгость действовала на молодых писателей ободрительно.

Дмитрий Наркисович потом относился к Щедрину с глубочайшим уважением.

Положительно его кумирами были Щедрин и Михайловский.

В воспоминаниях невозможно исчерпать всего, что касается лица, о котором вспоминаешь...

...Был еще один объект любви Дмитрия Наркисовича: это дети. Для нашего писателя это был совершенно особый мир... Мир этот был создан для него Аленушкой. До Аленушки он детей не знал. Потом, когда появилась на свет Аленушка и когда он остался с ней один, он сразу вошел в «детскую», как бы в свою комнату... Он почувствовал себя с ребятами сразу, как рыба в воде.

Приезжая часто в Петербург, я имел возможность бывать в доме Александры Аркадьевны Давыдовой*, то есть в редакции журнала «Мир божий».

Марья Карловна Давыдова* — теперь издательница «Современного мира», — тогда была еще «Мусей»... Тут же была Лиза Гейнрих* — теперь жена Куприна. Появлялись в доме Давыдовой и другие дети.

Вечерами у Давыдовой часто собирались писатели: Михайловский, Засодимский *, Скабичевский и др., и,

конечно, Дмитрий Наркисович... Он был всегда необходимым гостем на этих маленьких журфиксах. Михайловский всегда волновался, когда не было «Наркисыча».

Помню, как сейчас, сидим мы все за ужином, сидят и ребята. Дмитрий Наркисович — в центре детей, как всегда... В самый разгар беседы взрослых раздается громовой хохот ребят... Детей — Мусю и Лизу — выводят из-за стола, а Дмитрий Наркисович сидит, как ни в чем не бывало... Но Александра Аркадьевна великолепно знала, кто виноват в «неприличном» поведении детей...

Многое, многое еще нужно было бы сказать о Дмитрии Наркисовиче.

Но я кончаю пока свои воспоминания...

В. А. ЛЯПУСТИН

Василий Алексеевич Ляпустин, екатеринбургский врач, известный деятель Уральского общества любителей естествознания. Его воспоминания относятся к единственной встрече с писателем в 1881 г. Они ценны тем, что воспроизводят образ Н. К. Чупина, несомненно, оказавшего известное воздействие на Мамина-Сибиряка, который усиленно занимался историей Урала. Исторические очерки, написанные Маминым, печатались в газете «Новости» в 1884—1885 гг.

Встречи, которые забыть нельзя

Много лет прошло с тех пор, как мне посчастливилось видеть двух замечательных людей Урала — Наркиса Константиновича Чупина * и Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. Воспоминания о них так дороги, что до настоящих дней сохраняются в моей памяти со всей яркостью юношеских впечатлений.

Мне шел семнадцатый год, я учился в Пермской духовной семинарии в философских, как тогда говорили, классах. Семинарская метафизика и схоластика, которую мне преподавали уже третий год, достаточно набила оскомину, меня тянуло к естественным наукам, я мечтал об университете. Такое настроение поддерживалось во мне постоянным общением с природой, что было результатом моих охотничьих похождений в уральских лесах, и рассказами моего отца о Н. К. Чупине.

Принимая участие в работе по народному образованию, отец познакомился и близко сошелся с Наркисом Константиновичем, и все, что он говорил об этом замечательном человеке, было проникнуто такой теплотой, любовью и уважением, что у меня родилось горячее желание повидать этого интересного человека.

Труды Н. К. Чупина по истории уральского края, его географо-статистический словарь Пермской губернии были широко распространены и создали ему большую популярность не только на Урале. Все, кто интересовался историей Урала, его этнографией, его естественными богатствами, тянулись к нему, как источнику, где можно было почерпнуть нужные справки и совет. И вообще, как говорил мой отец, местные интеллигентные силы в то время группировались около Чупина.

Летом 1881 г., проездом из Перми на каникулы на родину, мне пришлось на неделю задержаться в Екатеринбурге. Я попросил отца познакомить меня с Чупиным, но отец был очень занят и дал мне к нему письмо, сказав, что после двух часов дня я могу его всегда найти в музее *.

Нечего говорить, как я обрадовался и с каким нетерпением ждал в музее прихода Наркиса Константиновича. Наконец он пришел. Я увидел за столом человека, разбирающего бумаги; он был уже не молод, почти совершенно седой, волосы на голове зачесаны с боковым пробором, борода небольшая, квадратная, лицо желтое, сам худой, истощенный. Я подал ему письмо от отца.

— А, сынок отца Алексея, здравствуйте, юноша!— Чупин подал мне руку и так приветливо взглянул на меня и такими хорошими глазами, что я тут же почувствовал в нем близкого, родного человека. Затем он расспрашивал меня, где я учусь, нравится ли мне семинария. Я откровенно ему отвечал, что семинарские науки меня не удовлетворяют, что у меня появилось влечение к естествознанию, и я мечтаю об университете. Хорошо помню, что он очень хвалил меня за это, говорил, что мне полезно бывать в музее Уральского Общества любителей естествознания, где можно видеть естественно-исторические коллекции, пользоваться библиотекой и пр. Затем он спросил меня, надолго ли я приехал в город и где остановился. Я сообщил, что остановился в монастырском приемном доме.

Е. Н. Мамина-Удинцева.

— Чай, там скверно и неудобно для вас, не хотите ли я вас устрою в одном знакомом доме?

Я, конечно, был очень рад и благодарил его, так как монастырский приемный дом представлял собой постоялый двор со всеми его недостатками. Каково же было мое изумление, когда домом его знакомого, куда он меня через некоторое время привел, оказался громадный дом главного горного начальника *. Чупин, заметивший мое смущение, сказал: «Не робейте, юноша, все устроится как нельзя лучше». Затем, войдя в дом, он приказал устроить меня в комнатах для приезжающих, а сам отправился наверх к генералу.

В комнате, куда меня привел служитель, находилось три молодых человека, оказавшихся студентами горного института. Когда я вошел, один из них захохотал, говоря: «Вот еще одного племянника привели!» Я смутился и не знал, что мне отвечать на это не совсем обычное приветствие. Молодой студент, здороваясь со мной, поспешил объяснить, что это значит. Оказалось, что они живут здесь трое под кличкой «племянников генерала», приехавших его навестить. Так называл их прислуге дома Чупин. Главный горный начальник Иван Павлович Иванов * в то время был уже полный генерал, действительный тайный советник; очень старый, глухой, разбитый параличом, он жил в комнатах верхнего этажа, книзу не спускался, даже в горное управление давно уже не ездил, подписывая все бумаги на дому. Генерал был одинок, и в доме всем управлял Наркис Константинович, которого Иванов очень любил и во всем ему доверял. Молодые люди, мои соседи, сказали мне, что в соседних комнатах для приезжающих еще остановилось несколько студентов-племянников и, кажется, из всех их только двое или трое действительно были родственниками генерала и носили его фамилию.

Наркис Константинович всех студентов, приезжавших в город провести здесь часть своих каникул и нуждающихся в квартире, обычно без отказу размещал в комнатах для приезжающих огромного дома. Само собой, полиция не смела проверять жильцов генеральского дома, так как генерал пользовался на Урале правами генерал-губернатора.

Перезнакомившись, мы весело разговаривали, шутили над своим неожиданным родством с его высокопре-

восходительством; появился снова Чупин и спросил меня, как я устроился. Я ответил, что превосходно, тогда он, обращаясь ко всем, пригласил нас вечером на чай на генеральскую дачу, куда можно было проехать на лодке по пруду. Мы много и шумно его благодарили.

Студенты рассказали после ухода Чупина, что он летом часто устраивает «чаи» на генеральской даче, на которых можно встретить много интересных людей и весело провести время.

Наступил вечер, по каменной лестнице, которую еще и сейчас можно видеть через дорогу от дома, мы, восемь человек, спустились к пруду, сели в лодки и отправились на дачу.

Дачный дом был небольшой, на пять окон по фасаду, двухэтажный, с большой крытой террасой, окруженной цветниками. В саду находилась большая оранжерея. Здесь я задержался до потемок. Садовник был так любезен, что показывал мне растущие в оранжерее пальмы, фикусы, плодовые деревья, персиковые, абрикосовые и пр. Все это я видел в первый раз в моей жизни.

Когда я пришел на террасу, там уже собралось около двадцати человек молодежи. Наркис Константинович, увидав меня, жестом пригласил садиться за стол. Терраса была освещена двумя фонарями, подвешенными к потолку, на столе стоял самовар, хлеб, масло, сыр, колбаса, позднее появились пиво и водка.

Я уселся рядом с моим товарищем по комнате, который называл мне присутствующих. За столом сидели два молодых адвоката, два или три учителя горного училища, а все остальные — студенты горного института или университета и, как я сказал, почти сплошь одна молодежь. Мой сосед прежде всего указал мне на молодого человека, который сидел рядом с Чупиным:

— Это начинающий писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк.

Я, как сейчас, вижу характерное, типичное лицо Мамина. Молодой, лет 27, коренастый, здоровый, румяный, скуластый брюнет, с густой шапкой волос и небольшой, клинышком, бородкой. Я вспомнил, что Мамин лет на семь-восемь раньше меня* учился в семинарии, потом уехал в университет. В семинарии он принадлежал, как и я впоследствии, к кружку нелегальной библиотеки, откуда мы получали запрещенные книги и рукописи.

О Мамине в семинарии не раз вспоминали как о способном, талантливом семинаристе, постоянном усердном сотруднике школьного журнала.

О семинарской нелегальной библиотеке *, когда я учился (1880—1886 гг.) были распространены, можно сказать, легендарные сказания. Рассказывали, что основателем библиотеки был Бакланов, преподаватель семинарии в философских классах, очень любимый учениками. В шестидесятых годах прошлого столетия Бакланов был арестован и административно выслан из Перми за распространение среди учащихся «вредных» идей. К этому же времени нужно отнести начало существования библиотеки, о чем говорят и даты, сохранившиеся на некоторых книгах.

В мое время количество книг и рукописей, как мне кажется, не превышало пятисот экземпляров. Некоторые книги мне особенно памятны, так как чтение их оставляло глубокие следы, отразилось, как тогда выражались, на моем миросозерцании. Так, я помню роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», книгу, зачитанную до последней степени, много страниц в ней было уже рукописных. Помню также «Историю цивилизации в Англии» Бокля, номера «Колокола» и «Полярной звезды» А. И. Герцена *, или, как мы любили его называть, Искандера (Изгнанника), его же «Былое и думы». Как сейчас, чувствую ошеломляющее впечатление от его статей «Крещенная собственность» и «Допотопное правительство и ископаемый епископ» (по поводу открытия мощей Тихона Задонского). Затем помню «Исторические письма» Лаврова, несколько номеров журнала «Земля и воля» и книжки по естествознанию, из них, конечно, «Происхождение видов» Ч. Дарвина и «Жизнь растений» К. Тимирязева.

Книги хранились в двух сундуках местной работы, одно время я был хранителем одного из сундуков. Библиотека пополнялась очень плохо, новые книги поступали редко и случайно и почти всегда бесплатно от наших товарищей, которые учились в столичных университетах.

В члены библиотеки принимали только семинаристов по рекомендации трех товарищей. Постоянных членских взносов установлено не было, а иногда производились сборы на покупку новых книг. При мне количество

членов было около 50—60 человек. Случаев провалов, измены, обысков и доносов за мое время не было.

Интерес к чтению нелегальной литературы был так велик, что мы не считались с опасностью, хотя и знали, что после 1 марта 1881 г., дня убийства императора Александра II в Петербурге, начались ужасные гонения, и людей, пойманных с запрещенной книжкой или брошюрой, месяцами держали в тюрьмах и ссылках в отдаленных местах Сибири.

Влияние небольшой библиотеки на семинаристов, головы которых в школе дурманили метафизикой и схоластикой, было так глубоко и благотворно, что не может быть полностью учтено. Достаточно сказать, что большинство из ее читателей бросали духовную семинарию и уходили в университеты. Так из нашего курса, из тридцати человек, шесть ушли в университет и все они были членами библиотеки.

Не менее опасно было также издание школьного журнала. Здесь тоже соблюдалась полная конспирация. Почти одни и те же лица участвовали в школьном журнале, что и в библиотеке.

Журнал был рукописный, выходил два-три раза в учебный год, в объеме не более двух-трех листов писчей бумаги. Вначале журнал носил название «Бурсак», впоследствии «Окурок». Статьи в нем были или без подписей, или же авторы носили шутливые клички. Номера осенние, появлявшиеся после летних каникул, были самыми интересными: в них, кроме злободневной хроники семинарской жизни, помещались рассказы и сцены из жизни крестьян и заводских рабочих. Эти статьи были проникнуты идеологией народничества, которым мы тогда увлекались.

Сейчас, когда я пишу эти строки, я с благодарностью обращаюсь к этим фактам моей жизни: благодаря, главным образом, им, мне удалось избежать профессии священника, предназначаемой мне моим отцом.

Но вернусь на генеральскую дачу.

Находясь впервые в таком большом, культурном обществе, я мог только внимательно наблюдать и жадно ловить разговоры сидящих. Пока пили чай, разговоры вращались вокруг городских новостей, мало интересных для меня. Но вот подали водку и пиво, и Мамин-Сибиряк попросил Наркиса Константиновича рассказать что-

нибудь из уральской старины. Уже по одному тому, как горячо все поддержали Мамина и как сразу наступила мертвая тишина, можно было почувствовать, что сейчас начинается то самое интересное, чем отличались и чем были дороги «чаи» Чупина.

Чупин не заставил себя долго просить, рассказчик он был редкий и, видимо, любил поговорить о прошлом Урала. Конечно, я не поручусь, что Наркис Константинович в этот вечер рассказывал нам о генерале Глинке* именно теми словами, как я сейчас пишу, спустя много лет, но содержание, характер и стиль рассказа, думаю, что передаю более или менее верно.

— Сегодня я разбирал дела главного горного начальника генерала Глинки,— начал свой рассказ Чупин,— и невольно вспомнил давно прошедшее время, памятное мне по детским и юношеским воспоминаниям. Вы знаете, я родился здесь, в Екатеринбурге, в начале двадцатых годов, в семье горного чиновника. Мне было 9—10 лет, я уже учился в уездном училище, как приехал к нам в город генерал Глинка, который царствовал на Урале почти двадцать лет.

Грозный генерал Глинка был высокий, прямой, как палка, старик, с густыми, зловеще нависшими бровями, военной выправки, фронтовик, лицо бритое, голова и усы седые. Говорили, что в молодости он был адъютантом самого Аракчеева и служил в военных поселениях. На Урал он был назначен после беспримерного в летописях процесса уральских магнатов Зотова и Харитонова*, тянувшегося почти десяток лет. Это громкое дело, которым не раз занимался Комитет министров, вскрыло невероятные насилия и произвол заводчиков над рабочими и крестьянами, злоупотребления, подлоги и взятки местной администрации, не исключая и самых высоких чинов ее. С другой стороны, это же дело сделало очевидным, что память о пугачевском бунте продолжает жить среди рабочих и крестьян. Глинка был облечен неограниченными полномочиями для борьбы со всем этим злом и, особенно, в целях пресечения и предупреждения рабочих и крестьянских волнений. Урал в то время представлял область на военном положении, а главный горный начальник, как генерал-губернатор, в своем лице сосредоточивал всю власть как административную, так и судебную.

Мамин-Сибиряк, видимо, очень заинтересованный рассказом, попросил Наркиса Константиновича подробнее остановиться на отношении Глинки к заводским рабочим.

Чупин улыбнулся и продолжал:

— Именно об этом-то я и хочу сейчас говорить.

«Генерал, вышедший из мордобойной школы Аракчеева, непоколебимо верил, что управлять людьми можно только плетью, кнутом и розгами. По его мнению, спасительный страх должен царить среди рабочих и крестьян, и только этими средствами можно гарантировать порядок и избежать бунтов и восстаний. С этой целью Глинка обычно ездил по городу и по заводам не иначе, как окруженный сотней вооруженных казаков, и где бы он ни показывался, там неизменно свистели плети и нагайки. Не удивительно, что на Урале все перед ним трепетали, и окружающие его чиновники, также и люди, имевшие к нему дело, не знали, как к нему подойти и как подступиться. Генерал отличался не только жестокостью и свирепостью, но также неподкупностью в отношении взяток. Однако ключ к генеральскому сердцу неожиданно был найден. На Верх-Исетском заводе рабочие, собравшись в одном из цехов, шумно обратились к заводскому начальству с жалобами на плохие заработки и дорогие корма. Глинка, узнав об этом, появился на заводе с сотней казаков и по-своему расправился с рабочими, приказавши каждому десятому дать двадцать кнутов. На заводском дворе началась порка. Генерал тут же ходил взад и вперед, курил сигару и лично наблюдал за выполнением своего приказа. Пороли одного молодого рабочего. Он молча перенес наказание, встал, подошел к генералу и, вытянувшись по-военному, сказал: «Ваше превосходительство, закон должен быть исполнен во всей точности — приказано двадцать кнутов, я получил только семнадцать».— Генерал, изумленный необычайной честностью рабочего, сказал: «Молодец, одобряю! Ложись!» — и приказал отпустить недополученные три удара. После чего казака, сбившегося со счета ударов, по приказу генерала жестоко выпороли. Генералу очень понравился рабочий, он спросил:

— Как тебя зовут?

— Мишкой, ваше превосходительство.

— Так отныне ты будешь верный раб Мишка, сегодня же отправляйся ко мне в дом, ты будешь служить у меня». Таким образом у генерала появился новый камердинер. Смышленый молодой парень хорошо изучил нравы и привычки генерала и так сумел подслужиться к нему, что генерал очень его полюбил и во всем ему стал доверять. Пользуясь неограниченным доверием начальника, Мишка скоро научился обделывать за его спиной всякие делишки и скоро прославился по всему Уралу, как персона, через которую за взятку можно у генерала устроить любое дело.

— Наркис Константинович, я от екатеринбургских старожилов об этом Мишке слыхал много легендарного,— перебивает Мамин-Сибиряк.— Интересно бы знать действительные факты из его жизни и службы у свирепого генерала.

Наркис Константинович смеется и говорит:

— Да, карьера Мишки была не без опасностей, и один раз его звезда чуть было совсем не померкла. Случилось событие, которое никак нельзя было ожидать от старого генерала — представьте, он влюбился в молодую девушку, дочь одного из мелких чиновников своей канцелярии. Генерал недолго колебался, предложил своей избраннице руку и сердце, и, конечно, не получил отказа. Молодая супруга, направляемая своим отцом и другими чиновниками горного управления, повела интригу, желая овладеть властным генералом в своих интересах. Но для этого требовалось прежде всего убрать с дороги Мишку. Фонды Мишки быстро начали падать и, вероятно, пали бы совсем, но не бывать бы его счастью, да несчастье помогло. Генеральша увлеклась одним молодым инженером и начала изменять мужу. Мишка, узнавши об этом, доложил генералу и помог ему накрыть виновных на месте преступления, у себя же в доме. Генерал и в этом случае не стал долго размышлять, дал супруге развод, выслал ее за пределы Урала и строго запретил даже упоминать ее имя.

После такой исключительной услуги, Мишка окончательно овладел генералом. Все, кто нуждался в горном начальнике, шли прежде к Мишке, несли ему дары и через него устраивали свои дела. Мишка быстро богател...

Наступила небольшая пауза, все живо переживали

рассказываемое, делились замечаниями и впечатлениями. Кто-то из сидящих говорил, что Глинка, желая навести на людей спасительный страх, по заводам иногда выезжал четверкой в коляске, окруженный стражей, брал с собой ручного медведя, который лежал у него в ногах и угрожающе рычал на всех приближающихся к экипажу генерала. Мамин-Сибиряк, как я уже сказал, особенно заинтересованный рассказом, задавал Чупину много вопросов и кончил тем, что просил Наркиса Константиновича сообщить, какова же была дальнейшая судьба Мишки?

— Ходили слухи, что Глинка, уволенный в отставку, оставил Урал таким же бедняком, как и приехал, он увез с Урала только выслуженную пенсию. Другое дело его лакей Мишка, он вместе с господином тоже уехал с Урала, но увез с собой большое состояние.

Так Чупин закончил свой рассказ и, обращаясь к Дмитрию Наркисовичу, сказал:

— Теперь ваша очередь; чем вы нас сегодня порадуете?

Мамин вынул из кармана тетрадку и прочел, как мне помнится, главу из неопубликованного еще тогда романа «Приваловские миллионы» *. Вспоминаю, какое оживление было после чтения. Все, конечно, поняли, что рассказ идет о родном для нас Екатеринбурге, о людях и делах пятидесятых и даже шестидесятых годов прошлого столетия. Отцы многих из присутствовавших, большей частью уроженцев Урала, были современниками описываемых событий. Помню, что Чупин во время чтения и по его окончании принимал горячее участие в обсуждении прочитанного, вносил массу фактических замечаний и поправок. Мамин-Сибиряк охотно его слушал и все записывал на полях тетрадки. Все мы были в восторге от чтения Мамина-Сибиряка.

Помню, затем пели студенческие песни; сильное впечатление на меня произвела песня «Проведемте, друзья, эту ночь веселей, пусть студентов семья соберется тесней». Куплеты к ней студенты запевали по очереди. Когда дошла очередь до Мамина-Сибиряка, он запел: «Выпьем мы за того, кто «Что делать?» писал, за героев его, за его идеал».

Вечеринка кончилась поздно, мы вернулись в генеральский дом уже на рассвете.

Я в эту ночь долго не мог уснуть, масса новых впечатлений, особенно ярких после монотонной, почти монастырской жизни в семинарии, глубоко захватила меня...

На другой день неожиданно вернулся мой отец, и мне с большим сожалением пришлось уехать из города; я успел только забежать к Чупину и сердечно поблагодарить его. Мне не пришлось больше видеть ни Чупина, ни Мамина-Сибиряка. Чупин, как известно, умер в следующем 1882 г.

Спустя много лет после этого памятного вечера в одном из журналов мне пришлось прочесть повесть Мамина «Верный раб» *.

Я живо вспомнил вечеринку на генеральской даче, рассказ о Глинке, интерес, который тогда проявил к рассказу Мамин-Сибиряк. Я восхищался художественной формой, которую дал талантливый писатель фактам из жизни генерала, рассказанным тогда Чупиным. Мне думается, по аналогии с этим случаем, что Мамин-Сибиряк многое получал от Наркиса Константиновича; по моему мнению, Чупин — знаток истории Урала, имеющий доступ ко всем архивам Горного правления, мог сообщить и сообщал, как я это видел, даровитому писателю ценные для него, мало кому известные материалы и факты заводской старины.

П. М. БЫКОВ

Журналист П. М. Быков («П. Б.») напечатал в 1913 г. в сборнике «Урал» запись воспоминаний И. В. Попова о Д. Н. Мамине. Иван Васильевич Попов (1848—1920), не кончивший Пермской семинарии, служил сначала в екатеринбургском суде, но был уволен и находился под надзором полиции за то, что помогал краснопольским и шайдурихинским крестьянам в их тяжбе с невьянскими заводами. Лишь после ревизии сенатора Савича в 1902 г. земли, захваченные у крестьян заводами, были им возвращены, а с И. В. снят полицейский надзор. Несколько лет он занимался адвокатской практикой по крестьянским делам и отчасти — золотопромышленностью. В доме Попова Д. Н. Мамин встречался с его доверителями — крестьянами, горщиками. С 1902 г. по 1920 г. И. В. работал в архиве Екатеринбургской городской управы, а затем горсовета.

Поездка Д. Н. Мамина-Сибиряка по приискам

Сидя в узкой и тесной, заставленной шкафами, заваленной грудами книг и бумаг каморке-концелярии И. В. Попова, мы разговорились о покойном Дмитрии Наркисовиче.

Воспоминания Попова относятся к концу восьмидесятых и началу девяностых годов, когда Д. Н. Мамин жил в Екатеринбурге. Воспоминания эти касаются поез-

док писателя по окрестностям города, приискам и заводам.

— Да,— рассказывал И. В. Попов,— подружились мы тогда с Дмитрием Наркисовичем, поездили немало... Даже в писаниях своих отметил меня Д. Н.

И действительно, И. В. Попов выведен Маминым в очерке «Самоцветы», под именем Василия Васильевича.

И. В. Попов, бывший мелкий золотопромышленник, много лет служит в городском управлении; когда я с ним беседовал о Д. Н., он уже мало напоминал того «разбитного уральца», которым восхищался Мамин в своих очерках. Знакомство Попова с Маминым началось с семинарии, где они учились в одно время, а затем было продолжено по приезде Мамина на жительство в Екатеринбург. При посредстве Попова был куплен писателем дом на Соборной (Пушкинской) улице и лошадь для поездок по окрестностям.

Поездки эти вспоминаются Поповым с особенным удовольствием. По своим делам, как золотопромышленник, он должен часто был выезжать из города на свой прииск «Надежный» на р. Маралке и в с. Аятское, где у него также был прииск и усадьба.

В этих поездках часто участвовал и Д. Н. Мамин, одно время увлекшийся золотопромышленностью и предполагавший принять участие в разработке нескольких заявок на золото.

— Заложим, бывало, в легкий коробок его лошадь и мою парой и едем полегоньку. Дмитрий Наркисович был великолепным товарищем в поездках. Вечно у него находились темы для новых и новых рассказов, и, пока коробок подпрыгивает по проселочной дороге, он говорит и говорит без умолку.

Умел Мамин располагать к себе людей. Приезжаешь, бывало, в деревню, пока на квартире соображаешь на счет самовара и т. п., смотришь на завалинке, около какой-нибудь избы сидит Дмитрий Наркисович, а около него — целая группа мужиков. Дмитрий Наркисович их расспрашивает, они рассказывают. Говорят о земле и о местных чудесах и легендах...

Пробы на золото по р. Маралке оказались не богатыми и Дмитрий Наркисович с И. В. Поповым решили арендовать золотоносные участки земли у башкир, для чего и сделали несколько поездок за Шемахинский

завод * в Араслановскую волость *. Проба на золото здесь оказалась удачною и «компаньоны» решили арендовать землю у башкир.

— Мамыниху рыть,— говорил в этих случаях Мамин, подразумевая добычу золота.

Разработка золотоносных участков на башкирских землях дальше проб не пошла — утверждение приговора башкир Араслановской волости было задержано в губернском присутствии.

Вспоминая о поездках к башкирцам И. В. Попов вновь восторгается уменьем Дмитрия Наркисовича расположить к себе людей, даже не зная их языка.

— Приезжаем к башкирцам, они обедают — в котле вареная баранина, любимое их кушанье, которое они с завидным аппетитом едят без помощи вилок, забирая мясо из котла и отправляя его в рот прямо руками. «Садись, барин,— приглашают Мамина,— отведай нашей еды»,— и Дмитрий Наркисович «ничто же сумняшеся», садится и по примеру башкирцев-хозяев начинает «ашать» из котла, доставая мясо руками, сидя перед котлом по-восточному без стула.

Башкирцы полюбили Мамина, и позднее, когда он просил их сварить нам «шарбу» — уху, они, стараясь угодить ему, клали в нее лучшую свою рыбу.

При поездках к башкирцам путникам приходилось проезжать через Нижне-Сергинский* завод, курорт минеральных вод, который находился тогда в аренде у доктора Доброхотова*. Однажды ночь застала путешественников-золотопромышленников около завода. Решено было переночевать, но в гостинице не оказалось свободных номеров. Не долго думая Мамин и его спутник останавливаются на площади перед гостиницей, раскладывают огонь для чайника и устраиваются на ночлег. Эта «вольность» была замечена арендатором курорта, но лишь только весть о том, что на площади располагается на ночлег писатель Мамин-Сибиряк дошла до Доброхотова, немедленно к путникам явилась «депутация» с приглашением в гостиницу, где, каким-то образом, был освобожден плохонький номерок.

На курорте, по просьбе хозяина и дачников, Д. Н. Мамин остался на несколько дней, превратившихся в несколько недель. Время шло незаметно среди постоянных пикников, обедов, вечеров и т. п. Неистощимый запас

у Дмитрия Наркисовича анекдотов и историй делал его интересным и незаменимым членом всех тогдашних собраний дачников.

Заезжали и в Ревдинский завод*. Д. Н. спускался в шахты, осматривал начатые работы.

Поездки по приискам и заводам нравились Мамину и Попову; они предпринимают поездку в с. Мурзинку, Верхотурского уезда, центр добычи уральских самоцветов. Этой поездке Мамин и посвящает очерк «Самоцветы», напечатанный в 3 и 4 книжках «Русской мысли» за 1890 г.

Поездки с И. В. Поповым дали Дмитрию Наркисовичу много материала для дальнейших его работ; эти поездки Мамин использовал с возможной полнотой — во время их осматривались достопримечательности, наводились справки о истории заводов, их деятельности, собирались легенды, записывались сказки.

Скоро Дмитрий Наркисович уезжает в Петербург, и совместные поездки его с И. В. Поповым прекращаются навсегда.

— Вот осталась у меня память от Дмитрия Наркисовича,— говорит Попов, доставая из стола деревянную трубку с длинным мундштуком и серебряными украшениями.— «Трубка дружбы», подарил ее мне Дмитрий Наркисович, когда в 1902 г. я приезжал к нему в Петербург. После обеда сидели, курили и на прощание он отдал мне ту трубку, из которой всегда курил.

Трубка эта — гордость И. В. Попова, как и брошюры Д. Н. Мамина с описанием совместных поездок.

В низкой комнате архива тесно и сыро, пахнет гнилью и старой бумагой, но И. В. Попов оживляется от воспоминаний невозвратно ушедшего и как бы вновь переживает встречи и поездки по приискам и заводам с Д. Н. Маминым-Сибиряком.

Б. Д. УДИНЦЕВ

Детство и юность я провел в постоянном общении с матерью Дмитрия Наркисовича, моей бабушкой, Анной Семеновной Маминой. братьями писателя — Николаем и Владимиром. Мои родители — Елизавета Наркисовна Мамина-Удинцева и Дмитрий Аристархович Удинцев жили вместе с Анной Семеновной в Екатеринбурге, в доме Дмитрия Наркисовича на Соборной, (позднее, с 1899 г. Пушкинской) улице. Сам писатель с 1891 г. жил в Петербурге. Семья имела достаточно обширные связи на Урале с людьми, которые также хорошо знали и любили Дмитрия Наркисовича, так что с ранних лет я слышал много рассказов о нем, а начиная с 1900-х годов, будучи гимназистом, хорошо познакомился с дядей Митей во время нескольких поездок в Петербург и Царское Село вместе с бабушкой. Мамин был уже известным писателем. Я помню, его отличала какая-то особая привлекательность, выражавшаяся в остром уме, тонком юморе и необыкновенном доброжелательстве к людям. Меня, еще мальчика, тогда, поражали в нем удивительная разносторонность интересов, обширные знания и красочная, образная речь.

Семейные воспоминания

Анна Семеновна Мамина была исключительно интересным и значительным человеком с большими способностями и твердым характером. Дядя Митя, когда она умирала, писал мне: «Ты, конечно, целую жизнь будешь помнить о любящем крыле бабушки и расскажешь сво-

им детям, какие русские женщины бывают и какими они должны быть».

С ранних лет я видел, как заботливо собирала она письма сына, берегла его рукописи, переданные потом мною в государственные архивы. Помню, как подолгу разговаривала она с дочерью о делах дяди Мити. Обе они часто ездили к нему в Петербург. В столовой екатеринбургского дома висел большой портрет деда Наркиса Матвеевича, а комнату Анны Семеновны украшали и хранились у нее многочисленные фотографии Дмитрия Наркисовича.

К бабушке часто приходили ее знакомые, родители учеников Дмитрия Наркисовича и Елизаветы Наркисовны. С ними она тоже беседовала о сыне, о своих свиданиях с ним, или о поездках этих лиц в Петербург к Дмитрию Наркисовичу (семья Онуфриевых, Казанцевы). Из этих рассказов и воспоминаний Анны Семеновны, связанных для меня с нашей столовой и чайным столом, постепенно выяснялось, что с особенной любовью и нежностью бабушка и дядя Николай вспоминали всегда висимский период жизни.

Их быт и жизнь в Висиме, по рассказам бабушки, несколько отличались от среднего уровня провинциальной заводской жизни. Наркис Матвеевич был не совсем обычным священником. Образованный, честный, прямой и простой по характеру и образу жизни, он был близок к заводскому крепостному населению и, по свидетельству бабушки, пользовался уважением и любовью. В заводском поселке чуть ли не преобладали старообрядцы, с которыми православному священнику полагалось вести борьбу, но Наркис Матвеевич сумел установить с ними добрососедские отношения. Оказывая медицинскую помощь населению, занимаясь в школе, Наркис Матвеевич, сколько мог, старался приносить помощь людям. Помню, как бабушка показывала мне деревянную шкатулку с набором гомеопатических лекарств, которую Наркис Матвеевич всегда возил с собой.

Так как на заводское жалованье (142 рубля в год) существовать было трудно, то приходилось усиленно заниматься хозяйством (сад, огород). Но все-таки Анна Семеновна вела и до самой смерти хранила свои висимские дневники, в которые она, несмотря на занятость, заносила все, наиболее волнующее ее в эти годы:

болезни детей, размышления о судьбах их, наблюдения над ними, заметки о том, что ею прочитано.

Сам Дмитрий Наркисович посвятил своему детству воспоминания «Из далекого прошлого». В 1902 г. дядя послал эту книгу бабушке. Читая воспоминания и припоминая рассказы близких, видишь, как шло духовное развитие ребенка, как внимательно наблюдала его мать. Она гордилась тем, что дядя Митя посвятил ей эти воспоминания о своем «благословенном детстве» и переслал ей весь гонорар от «ее» книжки.

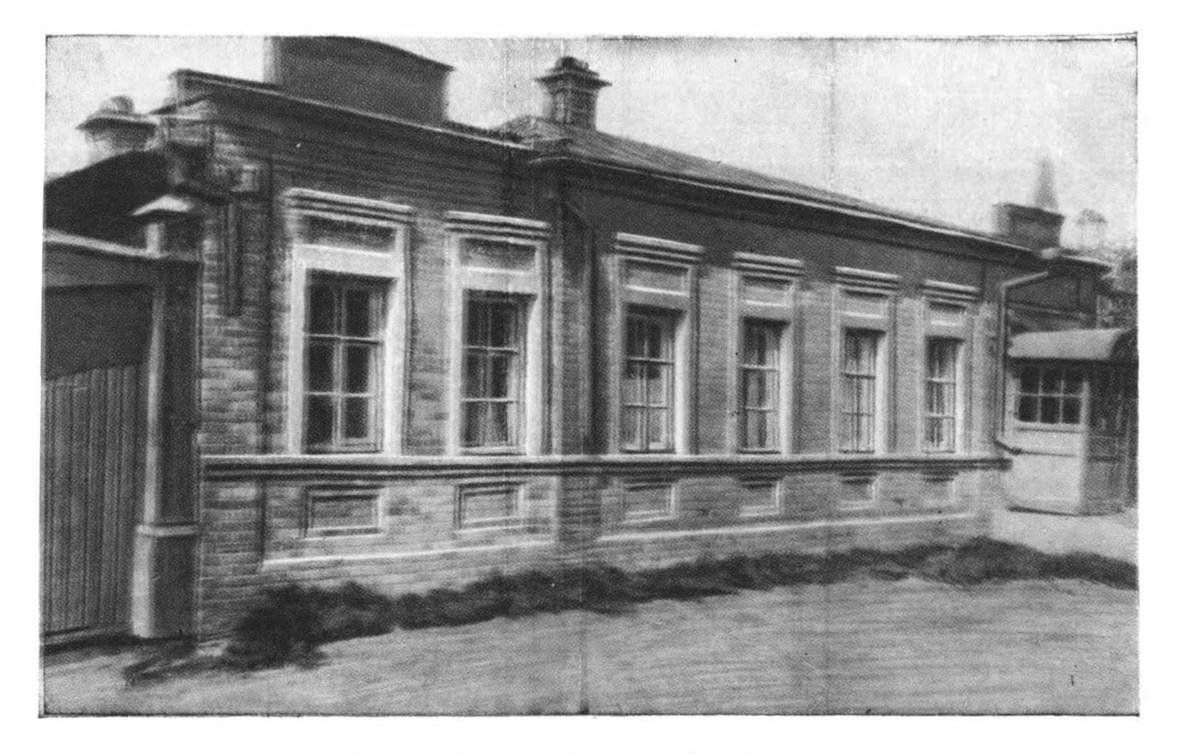
По словам бабушки, после неудачной попытки 1864 г. поступить в училище мальчик сразу повзрослел. Кончились игры и забавы. Митя с увлечением уходил в жизнь природы и жизнь книг. Он мог часами любоваться «зеленым морем родных гор», лазить по шиханам, целыми днями пропадать в охотничьих походах вместе с дьячком Матвеичем. Бабушка, показывая нам громадные минералогические коллекции, хранившиеся в екатеринбургском доме, вспоминала, что собирание их началось еще в Висиме. В коллекционировании помогал сыну и Наркис Матвеевич, выписавший не одну книгу по вопросам естествознания. Но мальчик приносил домой не только впечатления от живой природы, наблюдения над миром птиц и зверей, а также рассказы о людях труда, о тяготе их жизни, об их радостях и печалях.

Мальчик с жаром делился своими впечатлениями с матерью.

В маминской семье всегда сознавали, что кругом живут и мучаются «голодные сироты, больные, обиженные, пьяницы и глубоко несчастные люди» («Из далекого прошлого»). Можно сказать, что это сознание было основой всей воспитательной системы Анны Семеновны, как для детей, так и для внуков. Она вполне усвоила стоический принцип своего мужа: «не завидовать и не желать того, что является излишеством». Ведь кругом рабочие люди жили еще хуже. Они «израбливались» к сорока годам, нищали к старости, превращаясь в тяжелую обузу для молодых членов семьи.

Анна Семеновна с горечью рассказывала нам про какую-то Марью Рак — нищенку из крепкой когда-то рабочей семьи. Она часто «кормилась» в доме Маминых.

Таким образом, о тяжелом труде, о низких заработках, об увечьях рабочих Мамин рано узнал уже в семье,

Дом Мамина в г. Екатеринбурге, ныне Свердловский литературный музей имени Д. Н. Мамина-Сибиряка.

и, конечно, от сверстников-товарищей по школе, и затем увидел своими глазами.

Висимская библиотека была перевезена в 1878 г. в Екатеринбург и хранилась в том же домике на Соборной улице. По ней можно было восстановить весь круг чтения семьи в Висиме. Я как сейчас помню и старенькие томики Добролюбова, особо переплетенный «Современник» с романом «Что делать?», и собрания классиков XIX века. К этим шкафам подходила иногда Анна Семеновна и просматривала дорогие для нее книги.

Из бесед бабушки с приезжавшими к ней висимцами и тагильчанами, из ее собственных рассказов я понял, что тогда молодых Маминых увлекали новые книги, они интересовались ростом техники, новыми формами общественной жизни. По воспоминаниям Николая Наркисовича Мамина, он несколько раз ездил с отцом в Кын, где создано было первое в России потребительское общество, о котором было много толков в рабочей среде. Позднее, в 1877—1878 гг. и Наркис Матвеевич и Дмитрий Наркисович состояли членами Н.-Салдинского ссудо-сберегательного товарищества. Моя мать также состояла членом рабочего потребительского кооператива в Екатеринбурге в 1900-х годах.

В Висиме у Маминых бывали заводские инженеры и техники. По рассказам бабушки, особенно сильное впечатление произвел на нее Константин Павлович Поленов*, в 1862 г. назначенный управителем Висимо-Шайтанского завода.

Молодой инженер очень сблизился с Маминской семьей, а десятилетний Митя буквально глаз с него не сводил, слушая его беседы с отцом. В семье часто вспоминали, как К. П. Поленов помогал Наркису Матвеевичу основать при школе хорошую библиотеку, как он интересовался наблюдениями Наркиса Матвеевича над грозами и его фенологическими записями. Константин Павлович в кругу маминской семьи рассказывал о Московском университете, который он окончил до Академии генерального штаба.

Бабушка припоминала, что он добился даже повышения заработной платы рабочим, что было совсем уж необычно для управителя.

В 1903 г., будучи в Екатеринбурге, Мамин побывал у Константина Павловича. Он рассказывал тогда

о богатейшей библиотеке Константина Павловича, о всевозможных технических приборах в его кабинете, о том, как они вспоминали Висим и Салду. Дмитрий Наркисович признавался, что некоторые черты Поленова он отразил в образе Константина Бахарева («Приваловские миллионы»).

С 1866 по 1868 гг. Дмитрий Наркисович учился в екатеринбургском духовном училище. Об этих годах он вспоминал редко и неприязненно.

Гуляя однажды со мной по городу (это был его приезд в 1903 г.) и проходя мимо духовного училища, дядя Митя с гневом и раздражением заговорил о «мучениках науки», которых «калечили» в этой школе. «Из нашего Николая ничего не вышло только благодаря этой школе»,— добавил он.

Незадолго до этого разговора Дмитрий Наркисович посетил с Владимиром Наркисовичем недавно открывшуюся общественную библиотеку им. В. Г. Белинского (кажется, она помещалась тогда на Пушкинской улице в доме Доброскок). Они осматривали фонды и читальню, беседовали с энтузиастами библиотечного дела Е. М. Кремлевой и А. Н. Батмановым. Дмитрию Наркисовичу очень понравился портрет В. Г. Белинского, нарисованный и поднесенный библиотеке его другом А. К. Денисовым-Уральским.

Вечером в беседе дядя Митя заметил: «А вот я за все время пребывания в Екатеринбургском училище не прочел, не мог прочитать ни одной книги. Насколько в лучшем положении находится современная молодежь». И тогда же он стал вспоминать ректора училища протоиерея Алексея Кроткова, а также «неприятнейшего» инспектора Николая Пономарева. В ненапечатанном в свое время рассказе «Сорочья похлебка» инспектор фигурирует то под именем о. Павла, то о. Василия.

С 1868 по 1872 г. Дмитрий Наркисович учился в пермской семинарии, которую оставил, не закончив последних богословских классов. В те годы Пермь была маленьким городком с населением порядка 12—15 тыс. Захолустный быт и нравы изживались медленно.

Молодой Мамин в эти годы приходит к определенному отрицанию духовной школы, он отрицает необходимость изучения древних языков и стремится к изуче-

нию естественных наук, он мечтает о высшем светском образовании и увлечен литературой революционных демократов, в частности, Писаревым. Замечательный публицист сыграл исключительную роль в образовании и воспитании разночинной молодежи. Дядя Митя рассказывал позднее мне и дочери о том влиянии Писарева, которое он пережил в Перми в 1868—1870 гг.*. В 1910—1912 гг. Мамин уже меньше вспоминал семинарскую учебу, видимо, многое забылось, но «эпоху» Писарева он помнил. Правда, последующая жизнь стерла огульное отрицание «классицизма». Он с интересом рассказывал мне о работах Ф. Ф. Зелинского*, о переводах Эврипида И. Ф. Анненским (издание «Театр Эврипида» 1906 г., имелось в библиотеке Дмитрия Наркисовича). По моим впечатлениям, Мамин на всю жизнь остался верен Писареву в одном его тезисе, что успехи естествознания должны иметь огромное значение для развития производительных сил страны.

Неизменно получая и в Петербурге повестки заседаний и труды УОЛЕ (Уральского Общества любителей естествознания), Дмитрий Наркисович был в курсе дел этого уральского научного центра, очень интересовался его культурно-просветительной работой. Приезжая в Петербург, я должен был рассказывать дяде Мите, на каких лекциях и докладах я бывал, и что я вообще читал по естественным наукам. Помню, как в один из приездов в Петербург я положительно обрадовал его, сообщив, что вместе с товарищем своим А. Н. Магницким (в будущем действительный член Академии медицинских наук) я занимаюсь с микроскопом в одной из лабораторий УОЛЕ.

Что касается отдельных пунктов «отхода» от Писарева, то они освещены Дмитрием Наркисовичем в романе «Черты из жизни Пепко» (1894) — типичном «мировоззренческом» романе, выясняющем многое в жизни писателя в 70-е годы.

Читая уральские газеты и встречая в них ту или иную знакомую фамилию бывших соучеников, он нередко брал с полки «Справочную книгу всех окончивших курс Пермской духовной семинарии», составленную Я. Шестаковым (Пермь, 1900), и просматривал ее. Книга была испещрена пометками, свидетельствующими, в частности, о том, какое бегство из семинарии

в светские высшие учебные заведения происходило, начиная с 1860-х годов. Когда я по приезде в Петербург в 1910 г. рассказал дяде Мите о том, что скончавшийся в январе 1908 г. К. П. Поленов очень рекомендовал мне поступать в специальное техническое учебное заведение, Дмитрий Наркисович даже рассердился и стал уверять, что гораздо важнее техники — экономика и филология. Он точно заново переживал волнения, связанные с выбором учебного заведения в 1871—1872 гг. В качестве примера Дмитрий Наркисович сразу же привел себя: «Вот я тоже хотел стать заводским человеком, потому что любил наши уральские заводы, но затем убедился, что для пользы того же уральского населения гораздо важнее знание социальных наук...

...В технику должны идти люди, которые любят математику, машины, инструменты, материалы, вещи, как таковые... И что самое опасное — инженеры должны больше всего и прежде всего думать о прибылях предприятия...».

Мне как-то сразу припомнились тогда образы инженеров из «Горного гнезда» и «Приваловских миллионов» *.

Писатель говорил мне, что ему очень нравится меткий образ, пущенный в оборот Г. И. Успенским: концессионерам необходимы «острые, двугривенные зубы» интеллигентов. Только демократическая интеллигенция могла, по мнению Мамина, хоть несколько противостоять этому движению интеллигентов к «буржуазному пирогу».

Живя в Перми, Мамин считал себя «мыслящим реалистом». В Петербурге у него появилась конкретная цель — стать писателем. Не ученым, не «заводским человеком», а именно писателем. В русской публицистике он больше всего прислушивался к голосу Салтыкова-Щедрина. Авторитет Писарева в петербургские годы отходит для него, по его словам, на задний план.

В оживленных беседах со мной, Аленушкой и Е. М. Мухиной (педагог) Дмитрий Наркисович как бы возвращал нас к тематике споров времени Салтыкова-Щедрина и Писарева. Он высказывался против утопических элементов русского общественного движения, против преувеличения общественной роли естественных наук. Неоднократно он подчеркивал громадное общественное значение произведений Салтыкова-Щедрина,

убеждая и меня заняться вплотную изучением творчества великого сатирика. После одной из таких бесед дядя Митя подарил мне оттиск статьи В. И. Семевского «Из истории крестьянского вопроса» * (с автографом автора), в которой тот рассказывал об освещении крестьянской реформы в произведениях М. Е. Салтыкова. В этих беседах (которые через полвека я могу передать только общим образом, и, разумеется, не в формах прямой речи), он неоднократно вспоминал, как в Екатеринбурге усиленно занимался самообразованием, как занятия уральской публицистикой толкали его к основательному изучению экономических и технических наук (о чем свидетельствуют его конспекты и материалы «записных книжек», хранящихся в архивах СССР).

Мамин-Сибиряк высоко ценил «боевую службу» демократической литературы в «беллетристико-публицистических» ее формах. В 1884 г. он с гордостью писал брату: «Мы — рядовые солдаты». Наблюдая в 80-х годах рост трудовой интеллигенции, Мамин с симпатией говорил о культурно-просветительной работе интеллигентов-демократов в деревне — народных учителей, сельских врачей, ветеринаров в земстве, на заводах — техников. Он знал многих из них и всегда гордился деятельностью уральских горных техников, уверяя, что эти практики, вышедшие часто из рабочих семей, знают дело гораздо лучше, «баричей»-инженеров. (Стоит отметить, что статья в «Правде» о Мамине-Сибиряке принадлежит перу горного техника Ф. Ф. Сыромолотова *). Связи с массами, по мнению Мамина, могла налаживать только эта интеллигенция, только она «работала по-настоящему».

Будучи в Екатеринбурге, Мамин часто встречался, например, с Иваном Васильевичем Поповым. Дмитрий Наркисович рассказывал, что Иван Васильевич представлял собой очень интересную фигуру поверенного по крестьянским делам. Адвокаты-дельцы, как правило, от таких дел отказывались. Через И. В. Попова Д. Н. узнал, например, подробности столкновения всемогущих Невьянских заводовладельцев с крестьянами краснопольской волости по поводу «Рудного болота». Материалы, полученные Маминым по этому вопросу от Попова, были частично использованы им в очерках «От Зауралья до Волги» *. Кроме того, Мамин любил встречаться с Поповым, ездил с ним по Уралу, ценил связи Ивана

Васильевича с местным населением, и его неизменно разоблачительные материалы о «невьянцах», «асташевцах» и «братии» *.

Ивану Васильевичу Попову Дмитрий Наркисович противопоставлял людей, откровенно работавших с буржуазией и вынужденных приспособляться к ней. В беседах со мной он критиковал, например, одного из своих бывших друзей юриста Н. Ф. Магницкого за то, что тот работал заводским юрисконсультом, и журналиста И. Г. Остроумова, сотрудничавшего в «Екатеринбургской неделе» за то, что он участвовал в органе «горных инженеров». Характерно, что в этой борьбе с «приспособленчеством» интеллигенции писатель не останавливается перед тем, чтобы открыто в печати называть имена «ликующих» адвокатов-дельцов, вроде Бибикова, получавшего за одно только дело против крестьян по восемнадцать тысяч рублей. Этого обличения интеллигентное мещанство города, как утверждали мои родители, никогда не прощало Мамину.

* * *

Переменив два учебных заведения и не закончив ни одного из них, Мамин весной 1877 г. уехал на Урал. И семинарский, и первый петербургский период он считал серьезной биографической «неудачей». Однажды он сказал моему отцу: «Как-никак провести целых четыре года на ветеринарном отделении, бросить его для юридического факультета, не кончить и его — все это слишком большие издержки производства».

Мамин недолго пробыл в Н. Салде, где похоронил отца, прожившего здесь год с небольшим, и переехал в Екатеринбург.

На его попечении — после смерти отца — осталась большая семья, и в этом же году он женился гражданским браком на Марии Якимовне Алексеевой-Колногоровой, уроженке Н.-Тагила, ушедшей от первого мужа инженера Алексеева.

Позднее дядя Митя рассказывал, что именно в эти годы у него появилось сознательное страстное желание «всматриваться» в жизнь, изучать ее всячески, искать в ней самой, а не только в книгах («они всегда прошлое») ответа на те вопросы, которые жизнь же и ставила.

«Кругом меня было столько сокровищ — и в людях, и в природе»,— говорил он мне однажды.

Семья, кружок близких друзей, многочисленные знакомые, репетируемые ученики и их семьи, кадровые рабочие, обезземеленные крестьяне, мелкие служащие, люмпен-пролетариат из старательских приисковых артелей, кулаки и крупная буржуазия — все это так или иначе попадало в орбиту внимания. Его екатеринбургские друзья — Магницкий и Климшин — говорили мне, что Мамин буквально «подавлял» их иногда рассказами о своих встречах и многочисленных знакомствах.

Но в Екатеринбурге Мамин много занимался и прошлым своего народа, изучал летописи. Понимая всю необходимость и историческую прогрессивность централизации Московского царства, он считал, что оно принесло России «жестокое рабство». Показывая мне однажды ценное издание «Записок» Сигизмунда Герберштейна, после императора Максимиллиана, он прочел из них характеристику Василия III и сказал примерно следующее: «Создание единого государства куплено было слишком дорогой ценой, и прав Ключевский, говоря, что объединяли-то великий народ, а обладать русской землей хотели, как вотчиной, на частном удельном праве». Мамина очень интересовала и привлекала поэтому судьба Новгорода и его уральских владений.

В 1910 г. дядя Митя подарил мне свои очерки, печатавшиеся в «Новостях» за 1884 г. Он назвал их «История Урала».

Как реалиста-демократа Мамина очень интересовала проблема национального характера. Моя мать рассказывала, что именно с этой стороны его всегда занимало различие характеров висимских украинцев и старообрядцев, особенно характеры последних. В Екатеринбурге он старался знакомиться с коренными «староверами», очень подружился, например, со старушкой-экономкой Н. В. Казанцева — Феклой Кирилловной Кузьминой и всегда выказывал ей свое уважение и внимание.

Бывая в детстве, вместе с матерью у Николая Владимировича, я знаю, как тепло вспоминала дядю Митю Фекла Кирилловна.

В уральские годы и позднее Дмитрий Наркисович легко оперирует библиографическими указателями Д. Д. Смышляева, М. В. Малахова, И. Г. Остроумова *;

легко цитирует исторические труды, касающиеся Урала и Сибири, изучает отчеты научных экспедиций, статистические исследования земств и географические описания края. Многих исследователей края Мамин знает лично, он встречается с ними на заседаниях Уральского Общества любителей естествознания. Вспоминаю, с каким уважением и любовью отзывался Дмитрий Наркисович о трудах основателя Уральского Общества любителей естествознания Онисима Егоровича Клер (1845—1920), вырастившего около себя не одно поколение образованных уральских краеведов.

Мамин с большой охотой собирал различные интересовавшие его редкие вещи, старые иконы, предметы старообрядческого культа, гравюры и минералогические коллекции. Он говорил, что «старина» помогает ему писать, т. к. переносит в конкретную обстановку жизни изображаемых им персонажей. Мамин прекрасно знал литературу Киевской и Новгородской Руси, житийную литературу XIV и XV веков и специально старообрядческую литературу. Известно, что в Свердловском архиве хранилась, например, коллекция рукописей XVII века *, принадлежащая Д. Н. Мамину и собранная им в Чердынском крае.

Мой отец рассказывал, как следил писатель за «трудами» земских учреждений, настаивал на том, чтобы все новинки посылались ему в Петербург. Отец иногда даже ворчал: «Для чего ему списки населенных мест по уездам...» По рассказам самого дяди Мити в Екатеринбурге он часто встречался с Павлом Николаевичем Зверевым *, который заведывал статистикой екатеринбургского земства. Зверев принимал активное участие в организации «Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки» 1887 г. в Екатеринбурге. Статистико-экономические труды Павла Николаевича имелись в личной библиотеке Мамина-Сибиряка, некоторые из них он цитирует в своих очерках, например в очерке «Самоцветы» (1890).

Когда я в 1910 г. приехал в Петербург студентом, дядя Митя часто расспрашивал меня об екатеринбургской жизни. Конечно Екатеринбург в 1910-х годах уже очень изменился против 1891 г., когда его покидал Мамин, но, благодаря тому, что он получал екатеринбургские и пермские газеты, труды земства и УОЛЕ, Дмитрий Наркисович знал много фактов из жизни торгово-

промышленного Урала. Ему были отлично известны, например, фамилии екатеринбургского купечества — Симоновых, Макаровых, Береновых и так далее. Кой у кого из них писатель в 1878—1882 гг. давал домашние уроки, с некоторыми познакомился во время «Сибирско-Уральской промышленной выставки» 1887 г. При этом Дмитрий Наркисович знал представителей екатеринбургской буржуазии не только по фамилиям, он мог изложить историю отдельных фирм и родов (особенно золотопромышленников), так как знал прекрасно хроники «первоначального накопления» всех этих Рязановых, Казанцевых, Баландиных, Зотовых.

Кружок ближайших друзей дяди Мити был вообще в курсе событий уральской жизни того времени. М. Я. Колногорова-Алексеева связана была многими нитями с жизнью «верхушки» Нижнего Тагила. Моя мать говорила, что Дмитрий Наркисович несколько раз пытался отразить личность Марии Якимовны в своих произведениях (например, в образе Останиной в ненапечатанном романе «Омут»). Они прожили вместе с 1878 по 1891 г. и среди близких Мамин всегда признавал, что «многим обязан Марии Якимовне».

Писательское «сырье» он получал также и от друзей-юристов.

Екатеринбургский адвокат Н. Ф. Магницкий, дом которого находился на той же Соборной улице, что и дом дяди, рассказывал мне, с каким вниманием Мамин изучал отдельные «дела», интересуясь не только преступлениями, но и гражданскими делами, особенно земельными отношениями и «увечными» исками к заводам. Следователь екатеринбургского суда И. Н. Климшин доставлял Дмитрию Наркисовичу не один раз фотографии уголовных преступников, а с членом суда М. К. Кетовым, как тот сам мне рассказывал, Дмитрий Наркисович вел даже специальные беседы о теории и практике уголовного производства.

Конечно, Мамин, как и вся передовая интеллигенция того времени, переживал политические процессы 1870-х годов, например процесс «50-ти» (1877 г.), «193-х» (1877 г.) и дело Засулич (1878). По словам М. К. Кетова, и ему, и Мамину были особенно близки тогда «нравственные начала», которые старался проводить в уголовном процессе А. Ф. Кони *. И рассказы о «делах»,

и личные посещения заседаний суда дали Мамину немало материалов для его произведений. Один или два раза писатель попадал даже в состав «присяжных заседателей» суда.

В беседе с одним адвокатом Мамин при мне говорил, что этические установки нужны для адвокатуры не только в уголовном, но и в гражданском процессе. Уральские заводы, по словам писателя, недаром платили огромные жалованья своим юрисконсультам, превращая их в «пособников» во всем и во что бы то ни стало. В этом отношении в Екатеринбурге Дмитрия Наркисовича поддерживал поэт маминского кружка И. Н. Климшин, посвятивший не один язвительный ямб адвокатам, стремившимся к наживе и огромным заработкам для постройки, «каменных чертогов» (стихи «Адвокат и жаба»).

Один из наиболее близких Мамину членов кружка И. В. Казанцев рассказал ему немало интересного и важного из семейной хроники Казанцевых, старообрядцев, потомков «стрелецких голов», бежавших когда-то на Урал от гнева Петра I. Позднее отношения с семьей Казанцевых продолжались. В Петербурге бывали у Мамина племянницы Казанцева — М. А. Казанцева-Иванова и Е. Н. Зайцева-Ложкина.

Муж Елизаветы Николаевны Н. П. Ложкин работал в Петербурге в книжном складе «Провинция» (принадлежавшем Н. В. Мешкову). Ложкины имели небольшое издательство («Вятское товарищество») и выпустили несколько книжек Мамина-Сибиряка. Н. П. Ложкин всегда был в курсе книгоиздательских дел, профессионально интересовавших и Мамина. Они часто встречались

В Екатеринбурге 1880-х годов никаких сколько-нибудь широких общественных организаций не было. Однако стремление к легальной общественной деятельности начинало уже проявляться в кругах передовой интеллигенции. Мои родители говорили всегда, что и для них и для Дмитрия Наркисовича Салтыков-Щедрин был в эти годы «воплощением общественной совести». Они вспоминали, что Салтыков был самым любимым их автором, которым все зачитывались.

В Петербурге Мамин мне жаловался, что «перестали читать Салтыкова». Несколько раз советовал он мне прочитать «Добродетели и пороки». Он и процитировал однажды из этой сказки о лицемерии — «существе среднего

рода», которое устранило навсегда существование добродетелей и пороков как отдельных и враждебных групп: «Одной рукой — крестное знамение творят, другой — неистовствуют»,— и раза два повторил последнюю фразу.

...Почти от всех участников маминского кружка я слышал рассказы об организации некоего «театра для себя», названного ими «обществом взаимных льстецов». «Общество» устраивало шутливые заседания, вело потешно написанные протоколы, ставило ядовитые инсценировки на темы «текущего момента».

Сохранился шуточный, написанный Маминым «Устав» общества: «§ 1. Цель общества. Признавая, что мир, тишина и спокойствие есть идеальная форма общежития, нижеподписавшиеся решили основать общество взаимных льстецов для взаимного восхваления. История показывает, что все существующие до сих пор общества в мире носят в себе зародыши вражды, зависти, неудовольствий и проч., мы решили составить такое общество, члены которого не имели бы никаких мотивов для взаимных неудовольствий.

...§ 4. Порядок занятий. Собравшиеся члены льстят взаимно по мере сил и способностей в продолжении одного часа. Лицо, сказавшее самую гнусную лесть, получает премию. За каждую сказанную горькую правду, невежливость, грубость взимается штраф (бутылка кавказского, крымского, донского — сортов невысоких). Лицо, получившее премию три раза, получает право пользоваться титулом обер-льстеца».

«Льстецы» на своих собраниях блестяще пародировали натянутую и скучную обстановку официальных заседаний, где ученые и неученые льстецы «подсиживали» друг друга и в то же время заискивали пред сколько-нибудь сильными людьми, гоняясь за учеными степенями и титулами. От времен «Общества взаимных льстецов» в маминском архиве сохранились стихи Климшина и несколько стихотворных «опусов», принадлежащих перу Дмитрия Наркисовича.

В 1880-е годы начальником уральских горных заводов был Иван Павлович Иванов, родственник не менее известного «корпуса горных инженеров генерал-майора А. А. Иоссы». И Иосса, и Иванов, в качестве «системы управления» развели невероятный «непотизм», то есть

замещение ответственных должностей ближайшими родственниками.

Вот как об этом писал Мамин:

...по приезде на Урал,
Наш генерал
Со всех сторон родством себя обставил
И лучшими заводами их управлять заставил.
Но так как родственников этих легион,
То вышло, что иной, будь честен и умен,
Но не придись по вкусу Ивановым,
Глядишь, слывет уж человеком бестолковым.

Когда один студент-екатеринбуржец писал дипломное сочинение на специальную тему «О тунележалости и горной свободе», Дмитрий Наркисович очень картинно рассказывал ему о заседаниях съездов уральских горнозаводчиков, на которых он неизменно присутствовал — в ноябре 1880 г. (первый съезд), в декабре 1882 г. (второй съезд) и в декабре 1883 г. (третий съезд) и др. Начиная с первого съезда, эти господа требовали «выкупа посессионных земель», на втором и третьем съезде они поднимали вопрос «о повышении пошлин на привозной чугун» и т. д. Мамин с сарказмом говорил о том, что заводчики, начиная с 1880-х годов, требовали себе «передачи» посессионных земель по 68 копеек за десятину с рассрочкой выплаты в 36 лет. Он с негодованием называл ряд фамилий инженеров: Деви, Котляревского, Оберга, Штейнфельда, позоривших себя беспринципной защитой интересов горнозаводчиков в ущерб населению.

Екатеринбургский кружок просуществовал около десяти лет и распался к началу 1890-х годов, когда обстоятельства личной жизни Дмитрия Наркисовича резко изменились. Властный, скорее мужественный характер Марии Якимовны, по-видимому, несколько тяготил Дмитрия Наркисовича, который сам признавал отличительной своей чертой мягкость, переходящую в бесхарактерность.

В сентябре 1890 г. с труппой П. П. Медведева приехала в Екатеринбург драматическая актриса Мария Морицевна Гейнрих, по первому мужу Абрамова. Прекрасная Медея, Далила, Василиса Мелентьева, Катерина, она производила сильное впечатление на публику. Мамин познакомился с передовой актрисой, мечтавшей о «народном театре», думавшей серьезно о репертуаре.

Обаятельный образ молодой, красивой женщины увлек Мамина-Сибиряка, и он разошелся с М. Я. Алексеевой и вместе с М. М. Гейнрих-Абрамовой уехал в Петербург.

От этого брака в 1892 г. родилась любимица Дмитрия Наркисовича — Аленушка. Мария Морицевна трагически скончалась после родов. Друзья Дмитрия Наркисовича очень любили молодую женщину. В. Г. Короленко писал ему: «Я хорошо знал ее, знал давно, еще девочкой, и мы всегда были очень дружны». Дмитрий Наркисович, вспоминая о Марии Морицевне, ассоциировал почему-то с ней образ выдающейся французской актрисы XVIII века Адриенны Лекуврер. Он говорил, что даже в пьесе Э. Скриба этот образ в исполнении Марии Морицевны производил сильнейшее и неотразимое впечатление. Личность М. М. Абрамовой сказалась в последующем творчестве писателя, в нескольких женских характерах, напоминающих ее бурный цыганско-«венгерский», как он иногда говорил, характер (по отцу она была венгеркой). Браком с Абрамовой начинался новый период его биографии.

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873—1955), видный деятель Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства. Литературовед, историк, этнограф, В. Д. оставил значительное литературное наследие, десятки исследований и статей по истории революционного движения и по истории религиозно-общественных течений. В начале 1890-х годов В. Д. примкнул к социал-демократии, в 1894 году познакомился с В. И. Лениным и стал активным деятелем революционного подполья, сотрудничая в ленинской «Искре» и других большевистских изданиях. В. Д. деятельный участник борьбы в 1905 г., Февральской и Октябрьской революций.

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции до 1920 г. В. Д. работал на посту управляющего делами Совета Народных Комиссаров. Последующие годы он посвятил себя труду в области культурного строительства. В 1930 г. по его инициативе основывается Гослитмузей, в 1946 г.— Музей истории религии Академии наук СССР.

Лично зная Д. Н. Мамина, В. Д. высоко ценил его творчество, интенсивно собирая в Литмузее его рукописи и другие материалы о нем. Под общей редакцией В. Д. был издан «Каталог рукописных фондов» Д. Н. Мамина-Сибиряка, хранящихся в архивах СССР (1949 г.).

Жена В. Д. — Вера Михайловна Величкина бывала одно время в семье Маминых как врач, оказывавший помощь Аленушке.

Из воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке

I

В начале лета 1888 года к моему отцу * пришел ранее нам неизвестный человек средних лет. Это было вечером. Он пил у нас чай.

Я был ему представлен. Обошелся он со мною ласково, расспрашивал, какие книги люблю читать, и вдруг спросил меня:

— Из Мамина-Сибиряка что-либо читали?

Я признался, что ничего не читал.

— Ну, вот теперь прочтете. У вас в типографии будут издаваться его лучшие произведения.

Я внимательно стал прислушиваться к разговору отца с этим посетителем, фамилия которого была Пономарев *.

Отец разговаривал с ним, как со знакомым. Оказалось, что они встречались в обществе.

Их знакомство укрепилось на почве общего желания издавать хорошие произведения передовых писателей того времени.

— Ему необходимо помочь,— говорил Пономарев про Мамина-Сибиряка.— Он очень большой талант. Он прекрасно знает Урал.

Пономарев, рассказывая отцу биографию Дмитрия Наркисовича, подчеркнул, что он настоящий демократ, воспитанный на семинарских щах, сын провинциального священника, что он один из тех «кутейников», которые уже прославили Россию своей литературной деятельностью.

— Но его затирают,— говорил Пономарев,— так как он самостоятелен в своих взглядах и не имеет никаких связей. Я знаю, что ему очень трудно печататься в журналах,— он не принадлежит ни к одной современной литературной группе, а идет своей собственной дорогой. Ему весьма трудно. Он бьется изо дня в день. Очень мне не нравится такое его положение. Вот я и решил помочь ему и издать его «Уральские рассказы». Произведения эти прекрасные. Они рисуют очень хорошо быт русской уральской жизни: и фабрикантов, и уральских рабочих,

и заводчиков, которых почти никто до сих пор в литературе не обрисовывал, и все это — на фоне общей заводской, промышленной уральской жизни.

— Я предлагаю вам, Дмитрий Афанасьевич,— сказал он моему отцу,— помочь этому писателю, чем только будет возможно. Давайте вместе печатать его книги. Вы дадите типографию, я обеспечу стоимость бумаги. Когда книжка выйдет и мы ее начнем распродавать, то прежде всего заплатим хоть часть гонорара Дмитрию Наркисовичу, а потом будем погашать те расходы, которые мы понесем. Я со своей стороны приму все меры к тому, чтобы книжка разошлась как можно скорей. Вся ответственность будет на мне. Я выступлю как издатель и в случае, если книжка пойдет плохо и в течение двух лет не покроет ваших расходов, то я гарантирую вам, что все погашу из своих средств.

Отец охотно согласился на эти условия и сказал, что он нисколько не сомневается, что сочинения Мамина-Сибиряка пойдут хорошо и что он переговорит с Правлением Товарищества Кувшинова, которому принадлежала типография, где отец был управляющим.

— Это будет совсем хорошо,— ответил Пономарев.— Вот мы общими усилиями и поможем талантливому писателю.

— Когда же можно будет начать работу? — спросил мой отец.— Мне думается, не следовало бы это дело откладывать...

— Я привез почти совершенно готовые два тома «Уральских рассказов»,— ответил Пономарев,— в том подборе, который сделал сам Дмитрий Наркисович. Если он пожелает что-либо изменить или вновь включить в них позднее, то мы это сделаем в корректуре.

— Вот и прекрасно! Давайте мне эти рукописи, я их сейчас же запишу в нашу инспекторскую книгу и завтра же испрошу разрешения в Цензурном комитете на предварительный набор. Мы к этому делу приступим немедленно.

Условились, куда послать корректуру. И тут я услышал, что сам писатель скоро приедет в Москву и обязательно заедет в типографию, так как хочет наблюдать за печатанием своей книги.

Отец получил рукописи Мамина-Сибиряка, и Пономарев уехал.

II

Через несколько дней мой отец пришел домой очень взволнованный. Когда мы сели всей семьей за стол пить чай, он стал рассказывать матери о том, как трудно сейчас издавать хорошие книги. И он подробно сообщил о своем посещении Цензурного комитета, где его весьма недружелюбно встретили с этой рукописью и заявили, что даже удивляются, как это он, чиновник межевой службы, берется издавать такие книги, хотя знает, что они, несомненно, очень «левые» и Цензурному комитету будет много хлопот с рассказами этого писателя, который больше всего пишет о рабочих.

Отец погорячился и наговорил цензорам много неприятных слов и чуть сам не испортил дело. Потом, как он сказал, «сам себя остепенил» и тотчас же заявил цензорам, что все эти рассказы уже были напечатаны в различных журналах и таким образом, сейчас они будут только перепечатываться.

— Да, но надо знать, в каких журналах! — ответил один из цензоров.— Все это напечатано в «красных» толстых журналах, от которых нам всегда вот где, батенька, болит,— добавил цензор Егоров, показывая на свой загривок.— Что же вы думаете, что в отдельной книжке,— продолжал он,— эти рассказы изменятся по своему содержанию? Смотрите, Дмитрий Афанасьевич, как бы вы не попали в большую беду с изданием этих книг...

— Но, несмотря на эту угрозу,— закончил свой рассказ отец,— мне все-таки дали билет на предварительный набор, и мы завтра приступим к работе над первым томом «Уральских рассказов» Мамина-Сибиряка.

III

Я самым внимательным образом прислушивался к этим разговорам. В моем юношеском уме,— мне шел тогда 16-й год,— уже создался образ свирепого цензора, который, вооружившись пером и красными чернилами, станет перечеркивать гранки книжки Мамина-Сибиряка, как я уже не однажды видел это в типографии отца на произведениях других авторов.

Я только что перешел из 4-го младшего класса в 4-й старший и находился в недельном отпуску перед

отправкой 1-го июня в лагери на станцию Перерва, Курской железной дороги, где вскоре мы должны были проводить целые дни на полевых межевых работах. Работы эти для нашего класса заканчивались в самом конце июня.

Я условился с отцом, что буду по субботам и воскресеньям помогать корректору типографии Арсеньеву читать корректуру, когда буду приезжать в отпуск. Я знал, что корректор Арсеньев, обремененный огромной семьей, почти всегда приходил в праздничные дни читать корректуру, за что и получал добавочную плату к своему жалованью. Он всегда был рад моей помощи, заключавшейся в том, что я бесплатно выполнял у него роль подчитчика, читая вслух или следя за ним по рукописи автора. Это сильно облегчало и ускоряло труд корректора. Я охотно это делал, так как меня тянуло к книге, и я рад был прочесть то новое, что печаталось у отца. Мамин-Сибиряк меня особенно интересовал благодаря рассказам Пономарева.

— Недели две пройдет, пока мы освободим несколько листов набора этого шрифта, разберем его по кассам, выделим группу подходящих наборщиков, закончив экстренные наборы, ранее принятые на этот шрифт, и тогда разом примемся за «Уральские рассказы», а у тебя к этому времени и лагери кончатся,— сказал мне отец.

Приходя в отпуск, я каждый раз справлялся, как подвигается дело с набором рассказов Мамина-Сибиряка.

Метранпаж Василий Иванович Студенец говорил мне, что вся наборная ждет этот оригинал, что все просятся на этот набор и даже Гаврилов, стоящий исключительно на медицинских книгах, не прочь отдохнуть на этих рассказах. Я видел, как комплектуется шрифт, которого выделили целых десять досок,— это составляло пять печатных листов, что было весьма много для одной работы.

Оригинал первого тома «Уральских рассказов» уже был передан метранпажу, и Василий Иванович хранил его, как святыню, у себя в шкафу под ключом, никому не показывая.

В одну из суббот в июне наборщики сказали мне, что они разбирают шрифт для «Уральских рассказов» и что на этот набор выделили троих.

«Стало быть,— подумал я,— в следующую субботу должна быть первая партия корректуры». Я очень просил Василия Ивановича не сдавать корректурные гранки до меня, и объяснил ему, что отец разрешил мне читать корректуру «Уральских рассказов» вместе с Арсеньевым.

— Так и сделаем,— ласково ответил он мне.— Оно и лучше: гранок накопится побольше, а вы нам отчитаете их за субботу и воскресенье.

В следующую субботу с большим волнением спешил я с Курского вокзала. Я боялся, не начали ли читать корректуру без меня. Придя домой, я тотчас же спустился в контору и спросил корректора Арсеньева, не было ли корректуры Мамина-Сибиряка.

— А как же! Была! Я всю отчитал... Рассказцы так себе...— сказал он, выпуская огромные клубы дыма от толстой папиросы.

Мне верилось и не верилось...

— Что-то вы так очень заинтересовались этой корректурой, молодой человек! Ну, что же, будем читать вместе... Корректуру-то мне еще не давали... Ведь я это так... пошутил...

Как раз в это время, узнав, что я в конторе, метранпаж Студенец торжественно принес большую пачку гранок, еще волглых, только что оттиснутых и приятно пахнущих свежей типографской краской.

— Вот вам и Мамин-Сибиряк,— сказал Василий Иванович, улыбаясь во весь рот.— Поздравляю вас с началом печатания такого большого писателя. Книжечки выйдут прекрасные, и шрифт хороший. Наборщики набирали с большим удовольствием и радостью, а иногда так заинтересовывались, что начинали читать вслух и все соседи бросали работу и слушали. Вот это писатель, пишет он по-настоящему!

Нечего и говорить, что эти слова меня еще более заинтересовали, и я с большим трепетом и нетерпением ожидал, когда можно будет приступить к чтению. Но гранки, как назло, не сохли, и я разложил их по столам и трубам отопления, чтобы скорее просушить.

— Вы что-то очень торопитесь, молодой человек,— сказал мне Арсеньев.— Вы, верно, забыли, что, по нашим правилам, мы должны читать по очереди в порядке поступления гранок, а сколько у меня лежит медицины?

Дожидается очереди книжка Маракуева по огородничеству, а вот каталог хирургического магазина Разумова и Шиллера, здесь надо к тому же проверить все клише...— и он широко улыбался, все глубже и глубже затягиваясь из огромной папиросы-крученки, вставленной в длинный самодельный тростниковый мундштук, и выпуская дым колечко за колечком, как он любил это делать, вытягивая губы трубочкой.

Я умоляюще посматривал на него и не знал, что делать, так как мне было известно, что, действительно, корректура читалась в порядке поступления, а вне очереди читалась только та, где был наклеен желтый ярлычок, что означало особую срочность.

— Давайте считать эту работу экстренной,— робко сказал я.

— Но здесь нет отметки!...— подтрунивал надо мной Арсеньев.

— Ну, ничего, на этот раз, как совершенно новую работу, будем считать ее срочной...— настаивал я.

— Вот придет ваш папенька и даст нам встряску, что начали читать не в очередь: и наборщики будут ворчать, что новая корректура читается, а старая стоит,— продолжал твердить свое Арсеньев.

Я начал собирать гранки и подбирать их по номерам.

— Ну, ладно,— вдруг сжалился Арсеньев,— давайте читать, говорят, очень интересно,— и он, затянувшись, отложил мундштук на край стола и, выпустив дым через нос, прочел заглавие первого очерка первого тома «Уральских рассказов»: «В худых душах». Рассказ. «Люди и нравы в Зауралье».— Вот тебе и Шерама...— проговорил мой возница, тыкая кнутовищем по направлению блеснувшей из-за пригорка степной речки Уразаевки.— Как на ладонке...». Елки зеленые,— воскликнул Арсеньев, употребляя свою любимую присказку,— как хорошо начал... Сразу заинтересовал... Ухватка большого писателя...— и он затянулся глубоко, и, постепенно выпуская дым, продолжал читать: «Шерама, село дворов в полтораста, красиво облепило бревенчатыми избами холмистый берег Уразаевки. Издали можно было залюбоваться им...»

Я тщательно следил по оригиналу.

Чем дальше углублялись мы в чтение, тем больше заинтересовывались тем миром, который описывал

Дмитрий Наркисович. У Арсеньева невольно вырывались замечания, и когда мы дочитали весь рассказ, в котором описывалась трагическая судьба девушки, бежавшей тайно из ссылки на свидание к матери, где ее вновь арестовывают, то у Арсеньева как будто из глубины души вырвалось:

— Правильно! Смотри, как это жизненно и как это трогательно все описывается. Вот совершенно такая же была история у нас, — и он назвал фамилию, — с их Наденькой, которая, чуть не попала в такую же передрягу. Написано просто. Взял обычный случай из жизни, а как трогает! Эх, ты, жизнь наша! — и он махнул рукой.

А я в первый раз читал рассказ, в котором описывалась жизнь «политических», и меня сразу потянуло к этому миру. Мне захотелось знать, почему эти люди скрываются, почему их арестовывают, за что ссылают, и кто те, которые имеют право это делать? Одним словом в моей голове зашевелилось множество вопросов, которые раньше приходили ко мне как туманные намеки, ибо о всей этой жизни мы, в нашем закрытом учебном заведении, знали очень мало...

Мне тут же вспомнилось то время, когда отец однажды пришел и шепотом стал рассказывать матери, что «его» убили *. Находившаяся здесь пожилая тетушка, приехавшая из Орла, стала креститься: «Убили, ну и слава богу! — говорила она. — Ведь это он нашего Коленьку засадил в тюрьму, ведь он и Владимира чуть-чуть не велел арестовать...»

Я знал, что тетушка, жена старшего брата отца, — очень ласковая и добрая женщина, и очень удивился ее словам. Я знал, что с ее детьми произошло что-то ужасное, но что именно — мне не было известно.

Вскоре у отца собрались его братья и передавали друг другу подробности каких-то событий. Потом вечером к нам пришел почтовый чиновник Е. М. Орел и сказал, что завтра будут принимать присягу новому царю. Тут я понял, что старого царя убили.

С тех пор иногда докатывались до меня слухи о политической борьбе существовавших в то время партий. но это были только отдельные слова, отрывистые, случайные сведения, а тут я впервые собственными глазами прочитал рассказ именно об этих людях, и меня тянуло к ним, и мне захотелось все узнать про них поближе.

IV

Вскоре меня отпустили на каникулы, и мы, изо дня в день, продолжали с корректором Арсеньевым читать в гранках рассказ за рассказом Мамина-Сибиряка. Передо мной открывался новый чудесный мир, которого я никогда ранее не знал. Я весь погружался в уральскую жизнь. И реки Чусовая и Кама, и ледоходы на этих реках, и лесные сплавы, и судьба знаменитых сплавщиков Лупана и Савоськи, и все эти дерзкие, отчаянные люди-бойцы, храбро и настойчиво боровшиеся с разбушевавшейся в половодье рекой, с порогами, водопадами, с утесами-бойцами — все это стало мне близким, желанным. Захотелось пойти к ним, жить их жизнью и узнать все их печали, горести и радости.

Эти впечатления от жизни уральских рабочих впервые заставили меня приступить к изучению жизни рабочего класса. И я стал искать книги, где была бы описана жизнь рабочих.

И удивительное дело, когда я ранее читал Некрасова, когда он заполнил меня своей вечной волнующей, печальной, гневной музой и когда его стихи и поэмы я переписывал в большую тетрадь, которой положил начало будущего сборника «Избранные произведения русской поэзии» *, тогда Некрасов целиком и полностью погрузил меня в крестьянскую жизнь, которая мне, горожанину, была малоизвестна. Она вызывала во мне глубокую жалость и чувство совершенной необходимости помочь всем тем людям, которые так великолепно описаны любимым поэтом.

Произведения Мамина-Сибиряка впервые натолкнули меня на мысль о необходимости борьбы за лучшую жизнь широких масс, за лучшую жизнь крестьян и рабочих. Может быть, потому что, Мамина-Сибиряка читал я уже тогда, когда стал старше, или оттого, что здесь описывалась жизнь и повседневная борьба рабочих лесных и горных сплавов, рабочих Уральских гор и лесов, но я глубоко почувствовал разницу между впечатлениями, которые получал от чтения Некрасова и Мамина-Сибиряка. И эту разницу можно больше всего охарактеризовать тем, что я перешел от чувства желания помочь к чувству необходимости борьбы.

V

— Завтра у нас будет Дмитрий Наркисович * вместе с Пономаревым,— сказал отец.

— Вот завтра ты увидишь,— обратился отец ко мне,— Дмитрия Наркисовича, твоего любимого писателя, которым ты даже по ночам стал бредить.

Весь вечер, читая какую-то книжку, я невольно отвлекался к мыслям о завтрашнем дне, желая себе представить, каким будет он, Мамин-Сибиряк, писатель, который написал такие волнующие рассказы.

На другой день к двум часам дня я уже сидел в конторе типографии и смотрел в окно. И, как это нередко бывает, когда долго кого ждешь, то обязательно пропустишь первый, может быть, самый интересный момент. И я не видел, как подъехал к нам Дмитрий Наркисович.

Неожиданно открылась дверь из вестибюля нашего парадного крыльца, и в нее вошел рослый, широкоплечий человек средних лет, с кругловатой бородкой-эспаньолкой, с поразившими меня орлиными большущими черными глазами. Он улыбался и приветствовал издали моего отца, быстро подходя к нему, дружески с ним поздоровался, сказав, что ему очень приятно видеть того, кто так отзывчиво взялся за издание его сочинений и кто так быстро дает ему гранки, что он даже не успевает их в срок прочитывать.

Я невольно посмотрел на Арсеньева.

К Мамину-Сибиряку подошел Пономарев и сказал:

— Вот знакомьтесь: сын Дмитрия Афанасьевича, помощник корректора ваших книг, а это вот главный корректор Арсеньев, читающий вашу корректуру с помощью этого юноши.

Мамин-Сибиряк ласково приветствовал нас.

Я ужасно смутился этой встречей и не знал от волнения, что ему сказать, как вдруг он спросил меня:

— Какой же из моих рассказов больше всего понравился тебе? — И мне было очень приятно это простое сердечное «ты», с которым он ко мне обратился в первый же раз.

— «Бойцы»,— ответил я,— из второго тома... Они уже набраны...

— Ого, да ты человек со вкусом! Мне и самому он больше всех нравится. А что же тебе в «Бойцах» понравилось?

— Вы помните,— сказал я,— как барка Савоськи подходила к бойцу Молокову, какая наступила тишина, мертвое молчание, как уменьшилось расстояние и барка летела на камни. Как бурлаки прильнули к поносным. А он, Савоська, стоит на скамеечке, не шелохнется, вперив взгляд свой в шестик на носу. И вдруг команда, острая, отрывочная, поносные со страшной силой падают в воду, еще и еще раз... Савоська напрягает все свое внимание и проскальзывает между камнями под самым бойцом, повернувшись боком к нему... Как это жутко и прекрасно...— и я умолк, застыдившись сам своему восторгу и столь неожиданно длинной речи.

Мамин-Сибиряк стал серьезным.

— Да, это очень интересно! Это самое трудное место... Нелегко оно мне далось и, как я считаю, одно из самых художественных во всем этом рассказе, который я очень люблю. Прекрасно, прекрасно!.. Читай больше и пробуй сам писать: сначала так, для себя, а там, смотришь, придет время, и для публики писать начнешь...— И он сел за стол в предложенное ему кресло и стал хвалить наборщиков, хорошо исправляющих корректуру и изумительно мало делающих ошибок в самом наборе.

— Посмотрите, пожалуйста, вот там гранки, которые мне прислали после чтения корректора: в целых ста строках только одна ошибка. Ей-богу, я сделал бы больше ошибок, если бы мне пришлось это переписать! Молодцы, право, ваши наборщики!

Стоящий здесь метранпаж Студенец со вниманием слушал все это. Наборщики сейчас же узнали о том, что Мамин-Сибиряк не только их похвалил, но и особо отметил их грамотность. Это так всех взволновало, что когда он выходил из конторы типографии, наборщики высыпали из наборной и устроили ему теплые проводы, что очень поразило и взволновало Мамина-Сибиряка.

— У вас здесь вольный дух, Дмитрий Афанасьевич; ни в одной типографии не позволили бы бросить реалы и выходить навстречу автору, который печатается у них! Это прекрасно! Мне еще приятнее будет издавать у вас свои книги, так как чувствую, что попал я в родственную мне среду.

VI

Когда все дела были решены, отец пригласил и Мамина-Сибиряка и Пономарева подняться на второй этаж, где, сказал он, мы немного подкрепимся и посоветуемся о дальнейших наших издательских делах.

— Да и моя жена очень хочет с вами познакомиться,— добавил он.— Ведь она у нас за «красную» слывет. Чуть не была арестована за чтение «Что делать?» Чернышевского.

И в это время отец вместе с Маминым-Сибиряком, пропуская его вперед, вошел к нам в столовую, где их встретила моя мать.

— А вот и она,— сказал отец, знакомя их.

За завтраком Дмитрий Наркисович был чрезвычайно оживлен, остроумен, много шутил и рассказывал различные случаи из своих уральских знакомств и путешествий. Пономарев серьезно все слушал и смотрел на него влюбленными глазами.

— Ну, а вот это вы записали, ввели в какой-нибудь рассказ или повесть? — спрашивал он время от времени, обращаясь к Мамину-Сибиряку.

— Нет, это еще в архиве; так на всякий случай лежит в памяти,— нередко отвечал ему Дмитрий Наркисович.

— Ну, вот и напрасно; все у вас в памяти да в памяти, а потом, смотришь, и забыли. Почему не написать повесть, ведь так интересно вы рассказываете! — и Пономарев все более и более настойчиво начинал уже требовать от Дмитрия Наркисовича, чтобы он сейчас же, приехав домой, не откладывая, начинал бы писать новый рассказ, фабула которого так занимательна.

— Ведь посмотрите,— обращался он ко всем сидевшим,— ведь прямо клад! Как из источника, так и льется; и быт, и нравы, и вся обстановка — так оригинальны, захватывают, увлекают... Другие писатели все бы это ежедневно записывали, а он в архиве держит, в памяти хранит, на всякий случай припасает... Это нехорошо, батенька мой! Вы нужны нашему народу, и вы должны все ему отдать, что от него взяли, дорогой вы наш, Дмитрий Наркисович!

— Нужен-то, нужен,— отвечал Мамин-Сибиряк,— да вот, видите ли, не очень-то меня признают... Целый ряд

романов и рассказов лежит у меня в письменном столе, и я не знаю, где их напечатать. Вот, если бы не вы оба,— и он глазами показал на моего отца и Пономарева,— разве я мог бы думать о том, что мои «Уральские рассказы» будут так скоро изданы отдельными книгами? Разве мог я мечтать, что «Горное гнездо» также будет издано, как вы мне предлагаете это сделать? Ведь это просто счастье, а пойдите к другим издателям — никто и смотреть не хочет!..

— Да, это верно,— ответил Пономарев,— что делать, такие нравы у нас пошли в литературе; все кружковщина какая-то; если вы не пишете так, как угодно какому-нибудь Михайловскому *, или другому владельцу или редактору журнала, так вас и не напечатают. Таких ведь людей, как Щедрин, мало, который, как помнится, вы рассказывали, относился к вам сначала отрицательно, а потом прочитал ваши вещи, да и сам написал вам, пожалуйте, мол, к нам в «Отечественные записки» *. Это особенный был человек. Всем попадало от него, но справедливый был человек; неправды совершенно не терпел, а когда нужно было — всегда поддержит. Только подумать, сколько литераторов из самых маленьких писателей он вывел в люди, печатая их в своем журнале; теперь по сравнению с ним все мелкота одна осталась. В редакциях какая-то торговля стоит. «Современник» и «Отечественные записки» — вот это были настоящие журналы, вот это действительно были борцы за правду, за нашу родную литературу...

— Что это вы уж очень так захулили всех,— добродушно улыбаясь, ответил Дмитрий Наркисович.— Ведь вот, смотрите, «Русская мысль» — она также и меня печатает *,— «Наблюдатель» * тоже, да и другие журналы нет-нет, да отзываются. Правда, просить их приходится долго и почти что клянчить. Вот это совершенно нестерпимо, какое-то исключительное мучение. Напишешь, и бродишь, и ходишь по редакциям: а писателю необходимо видеть свои сочинения в печати, все равно, что человеку посмотреть иногда на себя в зеркало надо. Ведь только тогда и ошибки свои начинаешь понимать, когда прочитаешь в печати; только то и хорошо, что выстрадал и написал по вдохновению, когда потянуло, но печататься необходимо, а так писать для себя, это ужасно! Лучше уйти тогда на другую работу, а перо просто сломать!

— Ну, что вы, Дмитрий Наркисович,— пробурчал Пономарев,— такие мысли вам не должны даже и в голову приходить. Вот, видите, нашлись люди, которые вас поддерживают, и Дмитрий Афанасьевич пошел навстречу вам, вот и Кувшиновы отозвались, так постепенно и будем вас издавать и не будем даже обращаться в журналы.

И так, слушая рассказы и говоря о сочинениях Мамина-Сибиряка, обсуждая, как их издавать, когда они выйдут, как их распространить и, самое главное, как обойти цензуру, прошло довольно долгое время.

Дмитрий Наркисович вдруг заторопился, посмотрел на часы и, очень ласково простившись с моим отцом, Пономаревым и моей матерью и со всеми нами, быстро повернулся и покинул нас.

VII

Мы все находились под его обаянием. Передо мной стояли его орлиные черные глаза, которыми он так глубоко и вдумчиво смотрел в душу человека. Его мимолетные рассказы, его раскатистый смех, шутки и остроты долгое время невольно вспоминались мне, и я, как зачарованный, желал все больше и больше вчитываться в его произведения.

— Вот вам настоящий русский талант,— сказал Пономарев,— так и брызжет из него эта наша русская даровитость и страшно боюсь, загубит он себя: ведь выпивать стал, возьмет и выпьет и с чего не догадаешься. Сколько русских талантов загубила эта проклятая водка!

Поговорив с отцом о практическом осуществлении издания сочинений Мамина-Сибиряка, Пономарев уехал. После этого интимного завтрака, так сблизившего всех нас, Мамин-Сибиряк и Пономарев все чаще и чаще заезжали к нам, нередко привозя нам, детям, что-либо из сластей и фруктов.

VIII

Наконец, наступил торжественный день, когда первый том «Уральских рассказов» был весь отпечатан, сброшюрован и покрыт обложкой. Отец тщательно

осмотрел десять экземпляров, которые он обязан был немедленно послать в Цензурный комитет и сказал:

— Ну, теперь надо применить все хитрости. Сам я повезу эти книги в Цензурный комитет, а то как бы нам не испортили всю музыку и не захлопнули бы первый том «Уральских рассказов».

И он, надев мундир межевого ведомства, в котором служил, поехал в Цензурный комитет с этими десятью экземплярами. На верхнем был наклеен билет на предварительный набор, и заготовлен билет на выпуск.

С невероятной тоской ожидал я возвращения отца из Цензурного комитета. Я знал, что ему еще нужно заехать на службу, там отбыть свою повинность во втором землемерном отделении межевой канцелярии. Оттуда поехать в Цензурный комитет, и раньше пяти часов я не мог думать, что он вернется. Грусть охватила меня. Все время думалось, что вот там цензор, этот «Малюта Скуратов» — Соколов — сидит и читает эти прелестные «Уральские рассказы», с героями которых я так сжился, читает и, заострив перо с красными чернилами, черкает и режет их, вымарывая все то, что было для меня наиболее привлекательно и ценно в этой близкой книге. Я не однажды видел эти потоки красных чернил, разлитые по гранкам и листам. Видел, как авторы, приходя в типографию, волновались, проклинали свою судьбу, хватались за голову и посылали проклятия неведомым цензорам-разбойникам, которые так дерзко и ехидно, издевались над тем, что составляло кровь сердца писателей, их нервы, их мозг, их творчество.

Метранпаж, Василий Иванович, не однажды забегал в контору и справлялся то у Арсеньева, то у меня, то у моего дяди, который работал здесь же, в конторе, не звонил ли Дмитрий Афанасьевич по телефону, не известна ли участь книжки Мамина-Сибиряка. Мы все отвечали ему, что нет, ничего неизвестно.

И вот вдруг к подъезду подкатил извозчик. Отец быстро открыл полость санок и сошел около подъезда. Я полетел в парадное, где открывал двери наш колоссальный и невозмутимый швейцар Василий, и трепетно посмотрел на отца. Он радостно улыбался, и я сразу понял, что книжка пропущена. Отец торопливо разделся и прошел в контору. Все встали, когда отец вошел, до такой степени волновались судьбой этой книги. Сейчас же

пришел, почти вбежал, метранпаж Василий Иванович.

— Ну, как, ну что? — спрашивал он издали.

Несколько наборщиков появились тут же, выглядывая из коридора в контору.

— Вот она! — сказал отец. — Еле вырвал; час сидел в Цензурном комитете: и то им не нравится, и это не по нутру... Я показал им билет, данный на предварительный набор, на гранки, которые я им посылал, и, несмотря на это, чуть-чуть не оставили для доклада в Комитете. Если бы это было так, то, наверное, провалили бы. Я сказал этому цензору, что необходимо сегодня книгу выпустить, так как мне нужно получить за нее деньги для расплаты с рабочими. И, знаете, на это клюнуло! «Ну что же, получайте! — сказал он мне, подписывая билет.— Получите, приезжайте ко мне чай пить».

— Придется сегодня же ехать к нему «пить чай»,— сказал отец.— А к чаю отвезем ему и вина, и закусок, балычка, и икорки, и сладенького и конверт с прилагательным вложим,— пускай его супруга печет пироги на наш счет. Я рад, что книжка Мамина-Сибиряка вышла в свет. Вот это хорошо!..— И он сейчас же послал рассыльного отвезти Пономареву 25 экземпляров первого тома «Уральских рассказов» и велел послать Мамину-Сибиряку, который был в то время в Петербурге*, заказной бандеролью десять книг из авторских экземпляров.

Весть о выходе из цензуры книги Мамина-Сибиряка быстро разнеслась по типографии, вызвала ликование наборщиков и рабочих. Многие из них пожелали сейчас же купить ее. И отец распорядился продавать рабочим типографии книжку по себестоимости, а себестоимость равнялась примерно тридцати пяти копейкам. И, таким образом, книг пятьдесят первого тома «Уральских рассказов» были тотчас же раскуплены наборщиками и другими рабочими типографии: это были первые экземпляры «Уральских рассказов», пошедшие к читателю и притом непосредственно в рабочую среду.

Когда Мамин-Сибиряк узнал о том, что его книги покупали рабочие, он очень был этому рад и спросил отца, не разрешит ли он устроить небольшое угощение наборщикам и рабочим, которое он хотел сделать сам.

— Давайте повторим «засидки»,— сказал отец.

— Что такое «засидки»? — спросил Дмитрий Наркисович.

Отец объяснил, что «засидками» назывался ремесленный праздник, который справлялся обыкновенно осенью, при переходе к зиме, когда в первый раз зажигали лампы в мастерских. До этого времени работали только до сумерек. «Засидки» обыкновенно бывали в октябре.

Отец вызвал Василия Ивановича и сказал, что Дмитрий Наркисович спрашивает у наборщиков и типографских рабочих, хотят ли они повторить с ним «засидки».

Рабочие были в восторге от предложения Дмитрия Наркисовича.

IX

Этим же летом 1888 г. ближе к осени, у отца произошел деловой разрыв с Кувшиновыми. Они потянулись к вновь учреждаемому громадному Типо-литографскому товариществу И. Н. Кушнерева и К^{0}, куда и вошли пайщиками, увезли часть машин, а Кушнерев обязался всю бумагу, им потребляемую, брать исключительно у Кувшиновых, что было важно для их бумажной фабрики. Уменьшенную типографию они запродали в кредит отцу. Дом, где она находилась, сдали ему же в аренду, обещаясь по-старому давать заказы по крайней мере в размере стоимости аренды и некоторой части покрытия основного долга за типографию. Это как раз случилось в ноябре 1888 г., после выхода в свет первого тома «Уральских рассказов» * Мамина-Сибиряка, где и стоит еще фирма типографии Кувшинова. Второй том, а также роман «Горное гнездо» печатались уже единолично отцом, что и отмечено в типографской фирме: «Типо-литография Д. А. Бонч-Бруевича».

Хотя теперь отцу значительно было трудней брать такие безденежные заказы, но он все-таки счел для себя обязательным печатание книг Мамина-Сибиряка закончить на старых основаниях.

X

Через несколько дней в наборной вечером, после окончания работы, были составлены столы, накрытые белыми листами бумаги. На столе появились не бог весть

какие яства и пития: нарезаны большие горки черного и ситного хлеба; много соленых огурцов, копченой и вареной колбасы, селедка, студень с горчицей и хреном. Тут же грудой лежали мятные и медовые пряники, медовые коврижки, конфеты, леденцы, сахар. Когда собрались наборщики, рабочие и весь состав администрации, к ним вышел Дмитрий Наркисович, которого они встретили рукоплесканиями. Он произнес краткое, но яркое слово, благодаря всех рабочих и особенно наборщиков за огромный труд, ими вложенный при наборе и печатании его книг, из которых одна уже вышла в свет.— «Вот она! — и он поднял и показал всем готовый экземпляр первого тома «Уральских рассказов».— Второй том, как вы знаете, уже набирается» *,— добавил он.

— Мы пишем, а вы набираете, оформляете, печатаете, брошюруете наши повести, рассказы, романы и распространяете через печать наши произведения. Что бы мы, литераторы, могли делать без вас? Вы и мы друг друга дополняем. Только общим нашим трудом рождаются книги. Давайте же выпьем за здоровье всех тех, кто трудился над моими книгами, за ваше здоровье!..

Все чокнулись между собой и, подходя к Дмитрию Наркисовичу, кланялись ему, поздравляли его, чокались с ним, выпивая рюмку водки и закусывая этой простой закуской.

Мне очень понравилось простое обращение Мамина-Сибиряка с наборщиками и рабочими. Он с ними точно был всю жизнь знаком. Его окружили, он расспрашивал всех об их житье-бытье, рассказывал о себе; говорил о своих других работах. Подали чай, который пили с сахаром внакладку, с лимоном, с мятными и медовыми пряниками, и всем было радостно и просто. Долго продолжалась сердечная беседа с Дмитрием Наркисовичем.

XI

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк присматривался ко всем окружавшим его. Он обратил внимание на несколько человек, с которыми все время вступал в разговор. Здесь весьма знаменательно отметить, что именно эти рабочие были особенно интересны из всего коллектива типографии: они выделялись своей наружностью и своей оригинальностью в характерах.

Первым, заговорившим с Дмитрием Наркисовичем, был пожилой наборщик Гаврилов. Высокого роста, прямой, сухой, с высоким лбом и весьма выразительным худощавым лицом. Его мягкая, длинноватая эспаньолка каждый раз вздрагивала, когда он говорил с особым подчеркиванием. Молодые наборщики нередко подтрунивали над ним, называя его эспаньолку, которой он гордился, «мочалочкой». Этого обидного названия он не прощал и долгое время придирался к тем, кто позволял себе такую вольность. Как старый наборщик, он читал нотации более молодым, когда они не умели что-нибудь сделать по набору.

— Вот ты, братец ты мой,— говорил он,— ругаться-то ты очень горазд и даже оскорбляешь старших, задевая их личность, а смотри, пожалуйста, что ты здесь наделал? Это не то, что наборщику, это и ученику-первогоднику стыдно такие штукенции проделывать. Ничего-то ты, братец мой, не умеешь рассчитать, а берешься делать бланк, тебе бы стоять на строках, да и то набирать бы с печатного для детей шестнадцатым, ведь по писаному ты небось и читать не умеешь? А как ты верстатку держишь? А? — зудил провинившегося наборщика обидчивый Гаврилов.

Долго еще слышалось ворчание этого многоопытного старшего наборщика.

Все прекрасно знали, что здесь он мстит тому, кто так обидно обозвал «украшение его личности»,— как он сам говорил про себя.

И вот этот самый Гаврилов был знаменит тем, что мог любую медицинскую рукопись, даже самого профессора Дубелира, которую прочесть никто не мог, набирать так, как другие набирают с печатного. Он был особый мастер разбирать почерки и даже не любил брать набор, если он был совершенно обыкновенный. Ему всегда давали самые трудные рукописи, почему он и получал на две копейки с тысячи больше других. Наборщики в то время обыкновенно получали 13—14 копеек за набор одной тысячи букв, а Гаврилову всегда платили, смотря по работе, 15—16, а то и 17 копеек. На работу он являлся первым и никогда не знал ни прогулов, ни опозданий. Его все называли по имени и отчеству. Наборщики при входе в наборную подходили к нему здороваться, и он каждому подавал руку. Его реал с облюбо-

ванной им кассой, переделанной по его вкусу, стоял около окна, рядом с паровым отоплением. Он всегда набирал, стоя за кассой, и говорил, что теперь в его пожилых годах, ему необходимо, чтобы ноги были «в сугреве». Гаврилов любил пофилософствовать и, вступив в разговор с Маминым-Сибиряком, очень метко стал характеризовать героев «Уральских рассказов», отличая просто мужиков от мужичков набожных, от мужичков-пьянчужек, рабочих заводских и приисковых. Каждый тип этих рабочих он просто и ясно очерчивал, так что Мамин-Сибиряк с удовольствием его слушал и даже кое-что отмечал из его разговора в книжечку, на что обратили внимание все другие рабочие. После долгое время Гаврилову напоминали об этом, говоря, что сам писатель его не только слушал, но и записывал за ним и, наверное, где-нибудь его выведет в рассказе. Один из озорных молодых наборщиков все-таки не удержался и, смеясь, тихонько произнес:

— И мочалочку твою он также опишет, а мы наберем!.. Вот будет штука!

Все добродушно рассмеялись, а Гаврилов, удовлетворенный тем, что он так отличился перед самим писателем, тоже усмехнулся и на этот раз ничего не сказал молодому шутнику.

Тут же, немножко поодаль, за стаканом чая сидел богатырь нашей типографии, Петр Сапожков, по прозвищу «Петр Апостол». Это евангельское имя ему было дано потому, что в той церкви, в которую рабочие ходили по воскресеньям, они усмотрели, что на царских вратах, в одном из круглых медальонов, где изображены были все апостолы, нарисован был «наш Пётра».

— Самолично видел «патрет» нашего Пётра,— заявил Михаил Елисеевич,— знаменитый специалист-литографщик — «запьянцовская душа, забубенная головушка»,— как звали его рабочие.

— Стало быть, художник где-либо подсмотрел и нарисовал нашего Пётра,— добавил он.— Стоит там наш Пётра с большими ключами. И стал я думать, почему же это у него ключи? Пошел к пономарю и говорю: Василь, а Василь, объясни ты мне, пожалуйста, почему у Пётра ключи? А он и говорит: «Ах ты, садовая голова, неужто не знаешь, что Пётра Апостол обнаковенно владеет всеми ключами рая. Кого хочет, того туда

и пущает. А ежели баночку ему не преподнесешь, то он сейчас же тебя взашеи в ад столкнет».— Сумнительно мне это стало,— резонерствовал Михаил Елисеевич, оттопыривая тараканьи усы.— Я и говорю пономарю: «Пойдем-ка мы выпьем с тобой по шкалику, и ты мне как следует эту статью растолкуешь».— Да так мы с ним растолковались, что еле-еле из трактира-то вышли и совсем стали сумлеваться, куда нам идти: то ли направо, то ли налево. Он мне все говорит: «Идем в рай!» А я ему говорю: «Пойдем в ад!» Так мы чуть-чуть и не разодрались, а потом оба очутились в участке. Как это случилось, истинный бог, до сих пор не припомню.

Все смеялись и трунили над ним, говоря, что вообще ему трудно помнить, по каким делам и когда он был в участке, так как из участка он почти что не выходил: что ни свободный вечер, то напьется, наскандалит и попадет на вытрезвление.

Рассказ Михаила Елисеевича произвел громаднейшее впечатление на рабочих, и решительно все стали ходить в эту церковь не для чего-либо другого, как посмотреть «патрет нашего Пётра».

— Как наши в церковь придут,— говорил Семен Акимыч,— очень степенный литограф, лет под 60, благочестивое лицо которого было обрамлено кудрявой бородкой, а волосы, подстриженные в скобку, поддерживались узеньким ремешком, опоясывавшим голову через лоб,— как придут, так все и прут туда, прямо к алтарю. Староста церковный говорит им: «Куда вы, черти, прете? Почему вам все наперед, да наперед нужно? Кто вы есть такие (церковный староста был лабазник),— рвань рабочая, а тоже, поди ж ты, все наперед да наперед надо вам идти, там, где енералы, дворяне, да именитые купцы стоят. Вонь от ваших сапожищев на всю церковь». А наши все прут и прут туда вперед, уставятся против алтаря и смотрят, и выискивают «патрет» нашего Пётра. А староста пойдет с тарелкой, к нашим почти не заходит, потому что где уж нашему брату, рабочему, на тарелку что класть. А он перекрестится на царские врата, к нашим обернется и прошипит: «У, дьяволы, прости господи, чтоб вам провалиться!»— звякнет в колокольчик и пойдет по господам, а за ним еще пять тарелочниц плетутся. А наши смеются, пускай, мол, злится. Насмотрятся на «патрет» нашего Пётра и айда домой, все потя-

нутся и из церкви валом пойдут прямо в трактир. Только вот мы несколько человек, кто постарше, и остаемся. А то все-таки неудобно так, можно и оконфузить и себя, и всю нашу литографию: батюшка-то в церкви очень даже строг. Вот так с тех пор Пётра и стали звать «Петр Апостол».

Мамин-Сибиряк с удовольствием слушал эти рассказы и добродушно посмеивался. Он обратил на нашего «Петра Апостола» особое внимание: очень понравилось ему его открытое, честное лицо рязанца Касимовского уезда, предки которого были стрельцы. Древняя татарская кровь так могуче смешалась с нашей, славянской, что образовался особый тип касимовских стрельцов, вот среди них уродился такой красавец-богатырь. В плечах он был косая сажень, грудь — колесом; большая, красивая, словно лепная, голова сидела на могучих плечах; черные волосы по самым краям, вокруг ушей и шеи все в небольших завитках. Зачесанные на прямой пробор, разбегались они бабочкой по огромному, могучему лбу. Лицо его было несколько смугловато. Движения плавны, ласковы, свободны. Сам он тих и скромен. Говорил очень образной, простой народной речью, без всякого заискивания, уважительно к другим и гордо про себя. Силы он был совершенно необыкновенной. Когда приезжали ломовые извозчики и выгружали огромные кипы бумаги и картона, кряхтя и покачиваясь, проносили их со двора в кладовые, то иногда вдруг выходил Петр «позабавиться», как говорил он. Подбоченясь правой рукой, он подставлял плечо и властно говорил: «Вали!» И ломовые извозчики, сразу почувствовав в нем невероятного силача, услужливо и немедленно клали на его спину огромную кипу бумаги или картона.

— Что-то не чую, больно легка,— говорил Петр.— Вали другую!— Ломовые извозчики переглядывались и поднимали другую. Петр даже не качнется.— Ну, теперь подбавь третью на закусочку, чтоб лучше держались и пойдем!— Клали ему третью кипу, и он совершенно легко, как будто на нем ничего и не было, немножко согнувшись и балансируя, нес эти три кипы через двор в кладовую и там ловким движением плеча скидывал одну за другой. Тишина водворялась в то время во дворе, и все смотрели на Петра, как на чудище. И когда он выходил из склада, потряхивая кудрями красивой головы, то все

расступались перед ним, а ломовые извозчики почтительно низко кланялись. Русский народ любит и уважает силу былинных богатырей, и именно таким былинным богатырем был знаменитый Петр Сапожков.

Мамин-Сибиряк несколькими, очень умело заданными вопросами, вызвал на разговор Петра. Тот встал. во весь свой гигантский рост.

— Какой красавец! — вполголоса сказал Дмитрий Наркисович.— Вот это настоящая Русь! Вот Васька Буслаев, наверное, был таким! Как бы я хотел его описать.

Петр, чувствуя, что разговор идет про него, немножко застыдился, зарумянился, подошел к Мамину-Сибиряку, подал ему свою громаднейшую, могучую руку, ласково чуть-чуть пожал руку Дмитрия Наркисовича, словно боясь ее раздавить, и просто сказал:

— Интересуетесь, откуда я буду? — И начал рассказывать о своей деревне и о своих домашних.— А что относительно силы и роста моего здесь все вот насмехаются надо мной, а что тут будешь делать, у нас все такие. мы все могутные: и отец, и дед мой, и братья, и сватья, да почитай, во всей деревне все один к одному. Как в солдаты брать наших,— все в гвардию да в гвардию, особенно в Преображенский полк... Меня-то не взяли: я старшой в семье...

Мамин-Сибиряк сидел и, любуясь, смотрел на этого красавца-богатыря, видимо, запоминая его фигуру, его взгляд, его свободные манеры и свободную речь.

Дмитрий Наркисович обратил также особое внимание на одного накладчика, по фамилии Майоров. На правой руке этого Майорова были вырваны три средних пальца. И на вопрос, как это случилось, тот, улыбаясь, сказал, почесывая щеку уцелевшим большим пальцем:

— Да, видите ли, Дмитрий Наркисович, дело такое вышло по пьяной лавочке. Разбушевался я раз в типографии и хотел это одного смазать прямо в переносицу, да выпивши был, размахнулся в него, тот откачнулся, а я рукой в шестерню барабана машины и угодил. Вот там три пальца и остались. Меня в больницу отправили; хмель с меня соскочил сразу. В больнице пролежал я несколько недель и вот вышел с этакой култышкой,— и он показал изуродованную ладонь.— Думаю: мать честная, как же теперь быть? Как есть я накладчик, так

и должен быть накладчиком,— порешил я. Пошел в типографию, а меня не берут: «Куда ты нам нужен без трех пальцев!» Я тогда к Дмитрию Афанасьевичу пришел и говорю: «Дмитрий Афанасьевич, вы знаете меня, буянил я у вас в типографии много раз, а теперь шабаш! Больше не буду! Допустите мне испытание на машине. Так что желаю я быть накладчиком, как есть я накладчик сызмальства». Дмитрий Афанасьевич, спасибо ему, и говорит: «Ну, что ж, Майоров, пойди, попробуй, может, ты и двумя пальцами сможешь то же дело делать». Я тотчас в машинную спустился, попросил товарищей уступить место, а у самого сердце так и екает: думаю, как это я буду двумя крайними пальцами накладывать, привык это я действовать средними. Загудела машина, стал я к барабану с левой стороны, взял я это лист левой рукой за левый край, а правой, вот этой самой култышкой-то моей, гоню лист с дальней стороны. Смотрю, дело идет: как раз лист пошел хорошо, за ним другой, третий. Я кричу машинисту: «Подбавь ходу!» — Машина пошла сильней. И вот так и пошло. И что же вы думаете, Дмитрий Наркисович! Теперь я в самых первых рядах, можно сказать отличаюсь, накладываю больше всех за рабочий день, иногда четырнадцать тысяч листов выгоняю, истинный бог правда,— четырнадцать тысяч листов!..

— Ну, Майоров, немножко залил! — крикнул ему его товарищ накладчик.

— Ну, вот, залил! Говорю тебе так, значит, это так...— обидчиво и нервно бросил Майоров.— И вот с тех пор работаю... А вот как выпью, рука дрожит, и тогда к машине не подходи...

— А ты не пей,— сказал Дмитрий Наркисович,— раз такое повреждение имеешь.

— Это оно верно! Справедливо говорите вы, Дмитрий Наркисович. А вы пойдите к нам в «Каторгу», нешто там устоишь? Как пойдет там дым коромыслом, как затянет сначала машина, а потом певички,— тут просто и не знаешь куда деваться. К женатым жены приходят, вытаскивают их оттуда, чтобы получку у них взять; мужья тут же бьют своих жен, не желая уходить от этого развеселого житья... А мы, холостежь, нам что ж, нам все равно!

Дмитрий Наркисович чрезвычайно заинтересовался этой «Каторгой».

— Что же это у вас там за «Каторга» такая? — спросил он.

— А нешто не знаете? — подхватил Майоров.— А это на Разгуляе трактир такой есть, так и называется «Каторга», как она и есть самая настоящая каторга! Сколько там поножовщины бывает, даже убийства совершаются. Полицмейстер приезжал, закрыть хотел... Хозяин-то, трактирщик, уж больно тароват: как полиция придет или сыщик заглянет, а не то что уж пристав,— так сейчас же: «С нашим вам почтением!» — низко все кланяются... Шиперки эти тоже сейчас же салфетки под мышки и в три погибели сгибаются. Хозяин сейчас в отдельный кабинет, а там уже буфетчик старается, подает всякие разносолы: икра, балычок, наливочка, водочка, селедочка!... Вот так там дело-то и пойдет. А хозяин этот еще кому четвертной, кому трешницу, кому пятишницу, а если кто постарше, то и сотнягу отваливает... Тут и соляночку несут, и антрекот, и растегайчик — все тут есть,— гордо говорил Майоров, показывая свою трактирную образованность.— Ну, вот так наша «Каторга» и остается каторгой. Только велели разделить трактир на две половины: одна половина дворянская, а другая наша, народная. Мы тоже, когда в исправности, идем в дворянскую; нас оттуда честью просят, выгоняют, а мы говорим: «Чем мы хуже дворян? У тебя там все вот сыщики сидят, да всякая шушера, а мы, рабочий народ, пришли закусить соляночку». Все чинно, благородно, эдак полбутылочку выпьем, селедочкой закусим и домой!.. А ежели душа нараспашку, ежели кутнуть захочется, то мы не гордые, из дворянской идем прямо к нам в народную, то есть в самое пекло, в самую каторгу.

Дмитрий Наркисович нет-нет, да и записывал в свою книжку то, что ему особенно понравилось, и очень охотно разговаривал с окружавшими его рабочими, подбивая на высказывания, тщательно всматриваясь в эти новые для него типы и лица.

Когда он собрался уезжать и когда все подошли и шумно стали просить его обязательно еще к нам пожаловать, то Дмитрий Наркисович сказал:

— А «Каторга» ваша меня очень заинтересовала. Хочется мне там побыть попросту. Посмотреть, что там делается...

Майоров, чувствуя себя завсегдатаем «Каторги», сейчас же отозвался:

— Да ты, Дмитрий Наркисович, попросту приезжай прямо к нам в трактир и спроси там Майорова, я там каждый вечер... И мы там уж уважим, все тебе покажем и все тебе расскажем... и выпьем за твое здоровье. Оно, конечно, всякое там бывает, но для писателя интересно там побывать, очень даже интересно. Народ все боевой, встречается каторжный, прощалыги разные, вот как есть всех надо взять и описать.

Дмитрий Наркисович рассмеялся, стал прощаться, всем пожимал руки и, очень довольный, покинул устроенные им типографские вторые «засидки».

После этого, очень интересно проведенного вечера, долгое время среди рабочих типографии не переставали толковать о писателе, о Дмитрии Наркисовиче Мамине-Сибиряке. Многие рабочие отмечали, что он такой простой, что с ним очень, очень легко разговаривать, и не чувствуется, что он барин. Наборщики были особенно горды вниманием писателя.

С этих пор Дмитрий Наркисович, когда приезжал в Москву, то первым его посещением, как говорил он, всегда была типография. Он теперь уже не сидел в конторе, а совершенно запросто входил в наборную типографии, как со знакомыми, здоровался с наборщиками, которых он многих знал уже в лицо. Любил спуститься в нижний этаж, в машинное отделение. Его, видимо, интересовал самый процесс печатания книг, а может быть, и потому он любил уходить в наборную и в печатное отделение, что замышлял написать повесть или рассказ из жизни типографских рабочих *. Ко всему он присматривался, расспрашивал о подробностях быта, жизни, работы и мастерства рабочих, ходил к ним на третий этаж, в их общежитие и однажды обедал вместе с ними. Одним словом, он глубоко входил в жизнь типографских рабочих, и, несомненно, чувствовал себя в типографии, как у себя дома. Нечего и говорить о том, что его простое, товарищеское отношение с рабочими подливало масла в огонь, и книги его печатались с особой любовью, хорошо и аккуратно. Рабочие его уже знали: «наш Мамин-Сибиряк», «наш Дмитрий Наркисович» и явно гордились тем, что имеют постоянное общение с «такой личностью», как говорил наборщик Гаврилов.

— Ты только должон понять,— вразумлял он одного новичка,— кто он есть такой! Ты пойми, садовая голова,— называл он молодого наборщика своей любимой присказкой,— он есть пи-са-тель! — и он многозначительно поднимал палец кверху.— И с нами он на простой ноге. Вот что значит быть умственным человеком.

Гаврилов углублялся в набор, и только четкий стук букв, дождем сыпавшийся в верстатку, давал знать всем, что Гаврилов взволнован, что он в свой любимый труд передает это волнение и еще быстрее набирает рукопись, которая была закреплена у него здесь же, на кассе в деревянных пальцах.

XII

Чтобы «не дразнить гусей» — как выразился мой отец, подробно рассказав Пономареву, с какими трудностями пришлось ему встретиться в цензуре при выпуске первого тома рассказов Мамина-Сибиряка,— решили со вторым томом не спешить, набирать его постепенно, все, что набрано — отпечатать, чтобы не задерживать шрифт, а листы сложить в пачках в брошюровочную, которая помещалась здесь же, в третьем этаже. Второй том условились выпустить в свет не ранее как через год *.

— Дальнейшие тома годик повремените выпускать,— сказал цензор Соколов отцу, когда они «пили чай»...— Бунтовщик ваш Мамин-Сибиряк, за такого его у нас так и считают... Второй том запретят, обязательно запретят — и «это» не поможет...— цинично говорил цензор, потирая большой палец о средний, намекая на взятку.

— Ну что ж, так и сделаем,— говорил Пономарев,— второй том выпустим в 1889 году, а пока публика с первым томом ознакомится... Я его во все магазины пустил и на рецензию в журналы разослал... Кто-либо и откликнется...

Я продолжал по субботам и воскресеньям читать корректуру второго тома, рассказы которого мне нравились еще больше. Я их перечитывал по нескольку раз.

Осенью 1889 г. в моей жизни произошло большое событие.

В октябре у нас в Межевом институте поднялись волнения, вылившиеся в бунт против ненавистного начальника

ства. Учение в институте временно приостановили, а меня, вместе с тремя товарищами исключили из института с волчьим паспортом.

В конце декабря 1889 г. к выходу второго тома * рассказов Мамина-Сибиряка в Москву неожиданно приехал Дмитрий Наркисович.

Отцу стоило много хлопот, чтобы и этот второй том протащить через цензуру. Конечно, не обошлось и здесь без «чаепития» у цензора Соколова, сделавшего Цензурный комитет своим доходным местом. Он брал со всех все, что мог, не брезгуя ничем: и деньгами, и закусками, и жареным, и пареным.

Когда вышел второй том «Уральских рассказов», Пономарев прикатил к отцу вместе с Дмитрием Наркисовичем.

Я хотел уйти из конторы, где теперь бывал подолгу за той или другой работой, которую поручал отец. Мне стало неловко показываться Мамину-Сибиряку в форме разжалованного.

Пономарев, видимо, почувствовал это, дружественно взял меня под руку и, подводя к Дмитрию Наркисовичу сказал:

— Узнаете ли разжалованного молодого человека, выставленного начальством из Межевого института со снятием герба, медных пуговиц и зеленых кантов.

— А, Володя, как ты, брат, возмужал и вырос за этот год... Тебя и не узнаешь...— И Дмитрий Наркисович, подойдя вплотную, крепко пожал мне руку...— Это что ж с тобой приключилось!.. Слышал, слышал о вашем бунте... И тебя, значит, зацепили!.. Это, брат, ничего, даже интересно,— сказал он, ласково похлопывая меня по плечу...— Такой молодой и уже разжалован!

Я благодарно посмотрел на него.

— Чем же теперь занимаешься?

Я рассказал ему про чтение книг, про корректуру, про работу в типографии, про черчение планов, переписывание межевых книг для заработка.

— Ну вот и хорошо... Придет время, и ты послужишь человечеству. Плюнь-ка ты на тех, кто тебя выгнал! Читай больше книг, учись, живи своей жизнью. Я тоже один из разжалованных. Меня взяли из духовного училища в свое время, почти выгнали, и все за то, что я не мог претерпеть тех мучений, которые создали нам «нравствен-

ные» и «чуткие» учителя и начальство этой духовной тюрьмы. Я попросил, чтобы меня взяли домой, и отец, несмотря на то, что был священником и ему трудно было жить с такой большой семьей, взял меня оттуда. Так что это со всеми бывает! А вы, Дмитрий Афанасьевич, не журите вашего сына, не нужно его прижимать, он и так страдает, вижу это по его взгляду. Но все это, прямо вам говорю, ничего не стоит. Это мелочи, может быть, для него очень полезные...

XIII

Прошло несколько лет.

В 1905 г., приехав в Петербург из Женевы, где я проживал в качестве политического эмигранта, члена социал-демократической партии (большевиков), я стал помещать свои работы в различных журналах.

Реакция, наступившая после поражения московского восстания, сейчас же сказалась на печати, и наша пресса подвергалась все большему и большему преследованию. Мне пришлось в то время организовать иллюстрированный журнал для широких масс — «Наша мысль» *,— который был закрыт на пятом номере, а я, как редактор этого журнала, привлечен к судебной ответственности. В это же время организовался наш журнал «Вестник жизни» *, редактируемый П. П. Румянцевым *, в коллективе ответственных сотрудников которого я состоял. В Петербурге в 1906 г. выходили четыре толстых журнала: народническое «Русское богатство», с которым мы имели мало связи; «Образование» *, редактируемое А. Я. Острогорским, директором Тенишевского училища, сочувствующим социал-демократам, на страницах этого журнала многие из нас помещали свои работы; я также написал целый ряд статей, посвященных исследованию сектантства; выходил журнал «Мир божий», редактируемый Н. И. Иорданским, вскоре запрещенный. Вместо него стал выходить под той же редакцией журнал «Современный мир» *. Н. И. Иорданский *, бывший одно время членом ЦК нашей партии, впоследствии, во время войны, примкнул к Г. В. Плеханову. Отделом художественной литературы в «Современном мире» заведывала жена Иорданского Ма-

рия Карловна Давыдова, по первому мужу Куприна, которая, как я узнал после, была в самых дружественных отношениях с Маминым-Сибиряком и с воспитательницей его единственной дочери Аленушки — О. Ф. Гувале *.

Регулярно каждое первое число выходил либеральный журнал «Вестник Европы», в который мы не имели доступа, пока главным редактором не сделался М. М. Ковалевский *.

Как-то я встретился с Иорданским, и он попрекнул меня, что вот уже сколько времени я нахожусь в Петербурге и не заглядываю к ним в редакцию.

— Нехорошо, нехорошо так относиться к старым товарищам,— сказал он полушутя-полусерьезно.— А мы вас сколько раз поджидали к себе в наши приемные дни, думали — вот-вот придете, а вас нет и нет... Мария Карловна очень хотела бы с вами познакомиться.

Мы условились, что я приду к ним в ближайший приемный день. Когда часа в три я пришел в редакцию журнала «Мир божий» в большой гостиной, где происходил прием посетителей, я увидел довольно много знакомых и незнакомых мне литераторов. В отдалении, на диване, за овальным гостиным столом, покрытым прекрасной бархатной скатертью, сидела хорошо одетая женщина с весьма красивым лицом. Я догадался, что это и есть Мария Карловна Иорданская.

Все вновь приходившие подходили к Марии Карловне и здоровались с нею, как с хозяйкой. Подошел и я отрекомендоваться. Мария Карловна дружески протянула мне руку, приятно улыбнулась, сверкая своими лучистыми глазами, и задушевно сказала:

— Как я рада, что вы, наконец, пришли к нам. Я несколько раз просила Николая Ивановича разыскать вас...

Разговаривая с Марией Карловной, я невольно посматривал на входную дверь в гостиную, через которую прибывали все новые и новые петербургские литераторы.

И вдруг я заметил несколько обрюзгшую, потолстевшую крупную фигуру литератора. Его черные, круглые огромные глаза смотрели на всех равнодушным взором, и он время от времени покручивал небольшую продолговатую бородку, обрамлявшую его щеки черными, с проседью волосами.

«Кто это?— подумал я.— Так знаком он мне! Батюшки мои! Да ведь это Дмитрий Наркисович! Как он изменился! И я, наклонясь к Марии Карловне, спросил:

— Скажите, это Мамин-Сибиряк?

— Да, да,— ответила она,— это он. А разве вы его знаете?

— Знавал давно, лет семнадцать тому назад. Много раз видел я его в типографии моего отца, где он печатал свои «Уральские рассказы». А я в то время был там же корректорским подчитчиком.

— Вот как?— сказала Мария Карловна, дружески улыбаясь, приветливо кивая головой, в упор смотря на тяжело идущего к ней Дмитрия Наркисовича.

В гостиной смолкли, и все смотрели на Мамина-Сибиряка. Мария Карловна встала, протянула руку Дмитрию Наркисовичу, которую он поцеловал.

— Сюда, сюда,— сказала она, показывая на диван и, обводя руку Дмитрия Наркисовича вокруг стола, усадила его рядом с собой.

— А вы незнакомы?— сказала она ему, показывая на меня.

Дмитрий Наркисович пристально посмотрел мне в глаза.

— Где-то мы с вами встречались, да вот не припомню, где...

— Я читал корректуру ваших «Уральских рассказов», Дмитрий Наркисович... Давно это было.

— Ба, ба, ба!— оживился Дмитрий Наркисович.— Это вы сын Дмитрия Афанасьевича? Вы Бонч-Бруевич?

— Да,— ответил я.

— Как вы возмужали!

«Как он постарел!»— промелькнуло у меня, но я воздержался сказать ему это.

— Давненько это было, очень давно. Хорошее было время! Помните «засидки», которые мы устроили после выхода первого тома! Очень было интересно!— тихо сказал он.

И он умолк, откинулся на спинку дивана и грустным, ушедшим в себя взором смотрел в одну точку. Лицо его пожелтело, на лбу появились глубокие морщины...

Мария Карловна с присущей ей чуткостью сразу откликнулась на эту задумчивость, зная лучше всех, как тяжела была жизнь Дмитрия Наркисовича в это время.

Она тихонько стала расспрашивать его об Аленушке и его домашних делах и совершенно незаметно перешла к вопросам литературы, спросила у него, над чем он сейчас работает и что он даст для «Мира божьего», читатели которого ждут его произведений.

Дмитрий Наркисович оживился, повернулся к Марии Карловне и тихонько стал рассказывать ей о всех своих делах, забывая о том, что кругом него толпятся петербургские литераторы.

Мария Карловна время от времени перебрасывалась отдельными фразами с подходившими сюда литераторами, протягивая то тому, то другому руку, задавая вопросы, и самым внимательным образом продолжала слушать ответы и говорить с Дмитрием Наркисовичем, отдавая ему особое предпочтение.

Я встал, отошел в сторону и стал беседовать с Николаем Ивановичем, который знакомил меня со многими литераторами-петербуржцами, ранее мне неизвестными.

Через некоторое время я увидел, что Дмитрий Наркисович быстро поднялся, поцеловал руку у Марии Карловны и, не обращая ни на кого внимания, семенящими шагами, припадая на правую ногу*, быстро-быстро прошел через гостиную и вышел.

Я подошел к Марии Карловне, желая с ней проститься. Она пригласила меня сесть и стала рассказывать о Дмитрии Наркисовиче. Печален был ее рассказ, полный глубокого сочувствия к этому огромному, талантливому писателю, личная жизнь которого была очень неудачна.

Я распрощался с Марией Карловной и ушел расстроенный всем услышанным.

Я еще несколько раз встречал Мамина-Сибиряка в «Современном мире», когда рассвирепевшая цензура запретила «Мир божий» за какое-то внутреннее обозрение, написанное Иорданским.

XIV

Случилось так, что довольно долгое время мне не приходилось нигде встречаться с Д. Н. Маминым-Сибиряком. Бывая в редакции «Современного мира», я нередко слышал от Марии Карловны, что Мамин-Сибиряк сильно болеет, пребывает в хандре, пишет мало. В журналах и

газетах все реже и реже встречалось его имя. В то же время его книги все более и более переиздавались различными издателями. Чувствовалось, что он сильно укрепляется в сознании читателей, овладевает ими, что его полюбили, его охотно читают.

Как-то во время редакционного собрания журнала «Современный мир», Дмитрий Наркисович позвонил, что он едет в Литературный клуб и приглашает редакцию приехать туда же на свидание с ним. Это всех удивило, так как Мамин-Сибиряк почти никогда не показывался в общественных местах. Однако редакционное собрание прервали, и все поехали в Литературный клуб, который в то время был организован петербургским обществом литераторов. Там читались рефераты, иногда давались концерты, а в самом клубе собиралась петербургская литературная братия, велись оживленные беседы на литературные темы; здесь же ужинали, пили чай, закусывали.

Литературный клуб на арендных началах снимал помещение на определенные дни в Польском клубе.

Мы все знали, что Дмитрий Наркисович находится в тяжелом состоянии. Надо отметить, что именно в то время Мамин-Сибиряк почти совершенно не посещал редакции и не любил заезжать к кому-либо в гости. Его жена Ольга Францевна, нередко бывала у Марии Карловны и очень печалилась на образ жизни, который в последнее время вел Мамин-Сибиряк. Она рассказывала, что он крайне мрачен, раздражителен, замкнут и настроен очень пессимистически. Между прочим, одной из причин его раздраженности было появление упадочной литературы, где стали превалировать порнографические мотивы. Он приходил в негодование, читая «Морскую болезнь» Куприна *, «Санина» Арцыбашева * и, что особенно его возмущало, это рассказы Соллогуба * и его роман — «Мелкий бес». Он негодовал, что литературу засоряют декаденты и символисты, которых он абсолютно не признавал и считал врагами художественной литературы.

— Какие-то паяцы,— говорил он,— в них нет ни капли жизни. Все это нужно только заживо разлагающимся людям, совершенно сгнившим в своем собственном отвратительном бытии.

Когда мы поднимались всей компанией по лестнице

во второй этаж клуба, то издали увидели располневшую грузную фигуру Мамина-Сибиряка, сидевшего за столом, у которого он завернул много стульев. Он был в сюртуке, сидел одиноко, кое с кем издали кланялся и усиленно пил содовую воду из сифона.

— А вот и Дмитрий Наркисович!— сказала Мария Карловна, радостно улыбаясь. И она быстро пошла прямо к нему. Мы все за ней. Дмитрий Наркисович взглянул на нас уже тускнеющими глазами, приятно улыбнулся и сказал:

— Вот, наконец, и вы! А я здесь воюю из-за стульев: все хотят брать, а я не даю.

Мы все задушевно с ним поздоровались и сейчас же заняли места за его столиком.

— Что это вы изволите пить?— спросил Дмитрия Наркисовича Владимир Павлович Кранихфельд *.

— И не говорите!— ответил Дмитрий Наркисович.— Просто позорное зрелище: пью содовую воду! И так вот каждый день. Другого ничего нельзя...

— Содовая вода неплохо,— сказал Николай Иванович Иорданский,— если, конечно, к ней подливать коньячок или виски. Знаете, как в Англии,— сода-виски...

— Ну, батенька, все это уже в прошлом! Я теперь записался в общество трезвости...

Все смеялись и радовались, что Дмитрий Наркисович в хорошем настроении.

— Скажите, пожалуйста,— обратился он вдруг полушепотом к Марии Карловне,— кто это здесь все ходит? Что это за лица? Есть очень странные лица, вероятно, это и есть декаденты и символисты, которых я терпеть не могу,— прибавил он, раздражаясь.— Последнее время читал их. Просто наваждение какое-то! И неужели они думают, что они тоже литераторы. Какая-то кунсткамера! А некоторые, очевидно, напьются до чертей и пишут все, что им тогда взбредет в голову, так, что ничего понять нельзя. Просто неудобосказуемое и решительно нечеловеческое что-то, бред какой-то. И вот этот бред эти господа и выдают за поэзию, и выходит черт знает что... А ведь находятся люди, которые действительно считают это поэзией. В такое упадочное состояние наше интеллигентное общество никогда еще не приходило. Литература — это зеркало души общества, именно в ней все отображается, все падения и все взлеты. А здесь ни о

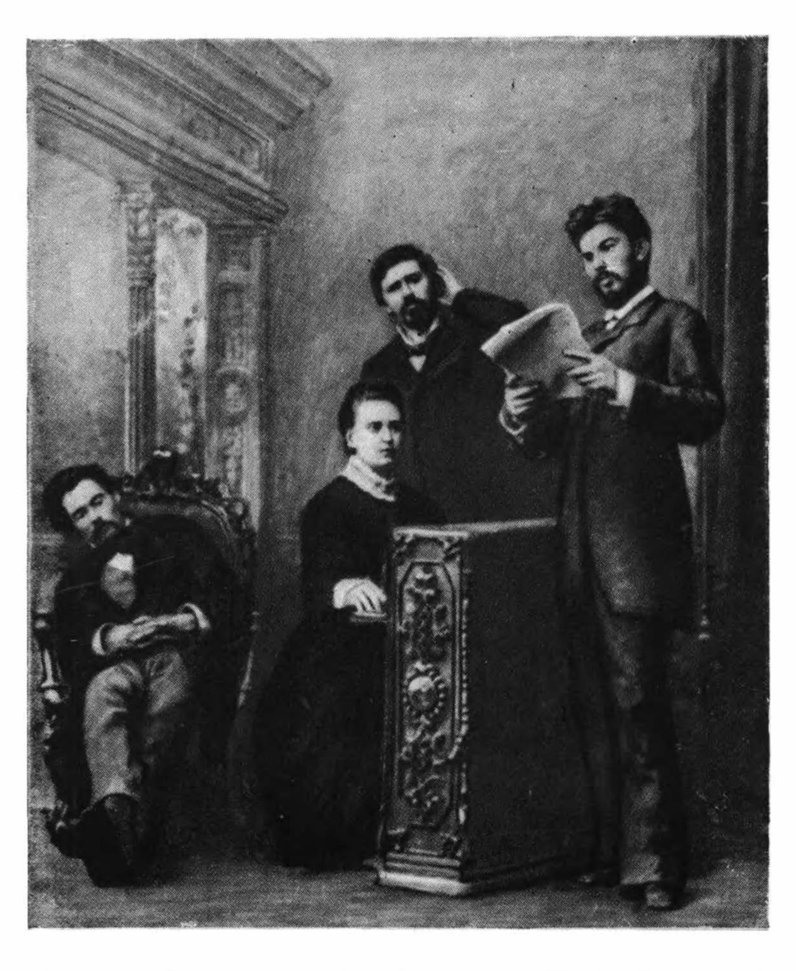
каких взлетах не приходится говорить, здесь только одно падение, разложение, сумасшествие...

Дмитрий Наркисович очень разволновался от этих своих мыслей, высказанных вслух, и твердо сказал Николаю Ивановичу:

— Надеюсь, что в наш,— подчеркивая слово «наш»,— журнал вы никого из этой публики не пустите?

— Что вы!— ответил Николай Иванович.— Вот спросите нашего критика Владимира Павловича, как он к ним относится? Он собирает сейчас такие материалы об этих писателях, что когда напишет свою статью, то это будет целый обвинительный акт. И знаете, мне кажется, что декаденты и символисты менее опасны и менее виноваты в своем упадничестве, ибо они такими всегда были, чем писатели, вроде Куприна, который осмелился написать такую пакость, как «Морская болезнь», где выставил социал-демократку в таком ужасном, отвратительном виде в то время, когда социал-демократия уничтожается всюду жандармами и охранным отделением и ссылается в Сибирь, на каторгу, запирается в тюрьмы. Вот что ужасно! И по этой дорожке идут очень многие другие писатели. Разложение литературы совершенно отражает разложение общества, которое все шарахнулось вправо, которое, под влиянием правительственной реакции, все готово забыть, предать проклятию 1905 год и вновь падать на колени перед наглыми представителями самодержавной власти.

— Это верно,— сказал Дмитрий Наркисович.— Я вот только не умел так выразить свою мысль, как вы ее прекрасно выразили. Знаете многим знакомым литераторам мне не хочется подавать руки. Я уважаю сейчас только Короленко*. Он бьется, как богатырь, описывая всю мерзость и запустение, которые творятся в нашей общественной и политической жизни. Это — обличение, это — обвинительный акт представителям правительства, которые совершенно не считаются ни с чем, а во имя конституции 1905 г. крошат направо и налево всех и вся, видя в погромах, в казацких неистовствах, в экзекуциях и усмирениях единственное свое спасение. Но честные люди решительно поднимаются против них. И вот на этом фоне самоотверженной борьбы, в это страшное реакционное время еще более противно видеть ломание многих современных писателей, которые придумывают

Маминский кружок в Екатеринбурге. Н. Ф. Магницкий, М. Я. Алексеева, Н. И. Климшин, Д. Н. Мамин.

себе еще какие-то значительные имена и прозвища. Подумаешь, Игорь Северянин! * Богатырь какой-то по прозвищу, а на самом деле — пигмей!.. Читать тошно...

Мария Карловна подробно рассказала Дмитрию Наркисовичу о том, что будет напечатано в ближайших номерах «Современного мира», очень журила его, что он ничего не дает в журнал, да и вообще пишет мало.

— Болен я,— сказал Дмитрий Наркисович, махнув рукой,— какая-то пустота в голове. Иногда забредет тот или другой образ, а потом никак его не поймаю, самому делается досадно, и опять брошу. Вот теперь содовая вода, может быть, поможет. Я кое-что начал писать и, как только напишу, сейчас же к вам. К вам!— утвердительно повторил он.— И больше ни к кому, ваш — наш — журнал уважаю. Отдавал бы еще и Короленко, но там я не всех люблю, а некоторых даже совсем не люблю и потому лучше буду все печатать у вас *.

— У нас, у нас!— сказала Мария Карловна.— Я вас ревную и решительно не желаю, чтобы вы где бы то ни было печатались!

— Ну, ну,— успокаивал Дмитрий Наркисович,— я всегда был и есть верен вам,— сказал он, улыбаясь.

В это время раздался звонок, призывавший слушать реферат. Все бросились толпой в залу, стали приглашать и Мамина-Сибиряка. Он упорно сидел, видимо, не предполагая идти, и, когда отошли посторонние, сказал:

— Ну, их! Не пойду и не хочу их слушать. Только одно расстройство они причиняют, я и читать-то их не могу *, а не только слушать...— И опять нахмурился.

Мы продолжали беседовать с Дмитрием Наркисовичем, рассказывая ему разные новости из политической и общественной жизни. Он жадно слушал и говорил, что многого не знал. С волнением принимал он эти рассказы и очень резко критиковал то, что совершалось кругом.

— А вот Дума,— сказал он глухо,— какая-то беззубая, все молчит *. Только еще социал-демократы говорят смело и открыто, а все остальные по-старому: «чего изволите!». Столыпин ловко организовал это дело и устроил у себя новое министерство, в которое вошли все эти депутаты и слушаются его команды лучше, чем чиновники его департаментов. Наша конституция действительно получилась куцая.

Беседуя, мы просидели вплоть до антракта. Когда раздались рукоплескания и народ стал выходить из зала, Дмитрий Наркисович сразу поднялся, говоря:

— Надо уходить! Опять «эти» придут сюда, они мне противны!— встал, любезно со всеми нами простился и замедленной походкой пошел к выходу.

С тех пор мне ни разу не приходилось встречаться с Дмитрием Наркисовичем.

Н. В. ОСТРОУМОВА-СИГОВА

Надежда Васильевна Остроумова, уроженка Перми, окончила Высшие женские курсы. С 1887 г. работала в «Екатеринбургской неделе», где она вела «обозрение журналов», выступала и с театральными рецензиями.

Демократический публицист Н. В. Шелгунов в «Очерках русской жизни» (январь 1890 г.) весьма лестно отозвался о ее журнальных заметках.

Позднее Н. В. Остроумова вышла замуж за известного уральского публициста, близкого к народническому журналу «Русское богатство», Ивана Сергеевича Сигова, брата писателя А. С. Погорелова (Сигова).

Воспоминания о Д. Н. Мамине

Я познакомилась с Д. Н. Маминым в 1887 г., когда вместе с И. Г. Остроумовым приехала в Екатеринбург для работы в редакции газеты «Екатеринбургская неделя», муж мой в качестве секретаря этой газеты, а я в качестве корректора и журнального обозревателя. Однако, полицмейстер, барон Таубе, не допустил Ивана Григорьевича к исполнению обязанностей секретаря редакции, как политически неблагонадежного. Вследствие этого обстоятельства я стала фактически секретарем редакции.

В редакции «Екатеринбургской недели» состоялись мои первые встречи с Д. Н. Маминым.

До моего приезда в Екатеринбург Мамин состоял в числе сотрудников «Екатеринбургской недели» * или по крайней мере красовался в объявлениях о выходе газеты. В 1887 г. составилась группа лиц с Дмитрием Наркисовичем во главе, которая намеревалась купить «Екатеринбургскую неделю». Мечта о покупке этой газеты группой радикально настроенной интеллигенции оказалась, конечно, иллюзией, потому что клика местных капиталистов, стоявшая во главе газеты, и не думала выпускать ее из своих рук, хорошо сознавая значение прессы в жизни города и в частности городского самоуправления. Городским головой тогда был Илья Симанов (мукомол), а издателем газеты его родственник Александр Максимович Симанов. «Своя» газета давала им вес и значение. Сделка по продаже газеты не состоялась *.

Другое предположение Мамина — о вступлении его в состав редакции на правах редактора — тоже потерпело фиаско по тем же причинам: редактором нужен был «свой» человек. Таким являлся Петр Николаевич Галин, тоже коммерсант и торговец. Потерпев неудачу в этих своих попытках, Дмитрий Наркисович вышел из состава сотрудников «Екатеринбургской недели», пустив по городу меткую остроту, что он не желает работать в газете, где задают тон «мучные мешки» и «бараньи кишки». Петр Николаевич Галин действительно торговал бараньими кишками. Острота долго ходила по городу даже и в кругах, близких к издательству.

Посещая редакцию «Екатеринбургской недели», Мамин не обращал на меня никакого внимания. Но я не обижалась на это. Всеми признанный талант, автор «Уральских рассказов», «Горного гнезда», «Приваловских миллионов», он стоял в моих глазах так высоко, что я смотрела на него снизу вверх, тем более, что мне было только 20 лет, а Дмитрию Наркисовичу 34 года. Мы, уральцы, считали его пророком, который своим талантом вскрывал пороки и язвы быта Урала, столь непохожего на другие территории российской империи.

Ближе я познакомилась с Д. Н. Маминым при других условиях. В Екатеринбурге в то время существовало несколько кружков радикально настроенной интеллиген-

ции. В один из них, возглавляемый Маминым и собиравшийся на квартире Н. В. Казанцева, вскоре вступила и я, привлекаемая не столько деятельностью кружка, сколько личностью Мамина.

Итак, во главе кружка, собиравшегося в квартире Н. В. Казанцева, стоял Д. Н. Мамин. В то время (1887 г.) ему было, как я уже сказала, 34 года. Это был человек среднего роста, с темными волосами, черными печальными, как бы усталыми глазами, с небольшими усами и бородкой, с насмешливо очерченным ртом и желчной речью. Недовольство собой и жизнью сквозило в его речах. Таким я видела Мамина в 1887, 1888 и 1889 гг. Потом я видела его другим, но об этом речь впереди.

Кружок состоял, кроме самого хозяина и Мамина, из следующих лиц: сестры Дмитрия Наркисовича, Елизаветы Наркисовны Маминой (впоследствии Удинцевой), которую он считал своим другом и отзывался о ней, как о сердечной женщине с головой и логикой мужчины, Бориса Осиповича Котелянского*, врача и друга бедняков, погибшего от сыпного тифа в голодный 1891 г., Елизаветы Николаевны Зайцевой* (впоследствии Ложкиной), молодой революционерки, племянницы хозяина, судебного следователя, Ивана Николаевича Климшина. В кружке изредка бывал известный в Екатеринбурге библиофил, М. К. Кетов, судебный следователь, отличавшийся громадной осведомленностью по всем отраслям литературы и в частности собиравший печатные материалы по географии и истории Урала.

Дмитрий Наркисович был чрезвычайно разборчив на знакомства с обывателями, с крестьянами же и рабочими любил заводить приятельские отношения, находя с ними общий язык. Как пчела собирал он мед из первоисточников.

Экономка Н. В. Казанцева — Фекла Кирилловна (фамилии ее не помню), женщина лет 60, староверка, была живая хроника старинных фамилий Урала. Она знала родословную почти всех богачей Екатеринбурга (Зотовых, Харитоновых, Колобовых, Рязановых и других). Она была знакома и с хроникой горных «владетельных домов» в заводских районах Урала.

Она жила в маленькой каморке, в полуподвальном этаже, уставленной старообрядческими иконами, куда вела винтовая лестница, по которой не один раз сбегал

Дмитрий Наркисович, если она, занятая своими хозяйственными обязанностями, долго не шла кверху. Прекрасные страницы в романе «Три конца» (где описывается Висимо-Шайтанский завод и жизнь старообрядцев) написаны под значительным влиянием рассказов Феклы Кирилловны и юношеских впечатлений самого Мамина... Фекла Кирилловна была для него неиссякаемым источником для изучения бытовых условий Урала, и она, по-видимому, сильно привязалась к нему. Были они на «ты». Когда она что-нибудь советовала ему: «Что ты, Митенька, не едешь? Поезжай» (туда-то или к тому то, в какой-нибудь завод или село), Мамин послушно выполнял ее совет и ехал, куда она указывала, а возвратившись, хвалил ее: «Молодец, Феклуша! Спасибо».

Мамин был очень самолюбивый человек, никогда не подчинявшийся мужскому влиянию, но мягкое женское влияние он признавал, да и не мог без него обойтись: нерешительный и постоянно сомневающийся в своих силах, он нуждался в поддержке и ободрении. Всем в Екатеринбурге было известно, какое значение для его первых литературных шагов имела Мария Якимовна Алексеева (первая жена Мамина). Сама вылетевшая из крупного горнозаводского гнезда, она была для него, как и Фекла Кирилловна, источником для изучения быта уральских горнозаводских магнатов. Впрочем, сами магнаты (Шуваловы, Строгановы *, Демидовы, Лазаревы, Всеволожские и др.), владевшие громадными латифундиями, не жили на Урале. Вместо них в буквальном смысле царили их управляющие...

...В кружке Н. В. Казанцева часто происходили дебаты на литературные и общественно-политические темы, в которых принимал участие и Дмитрий Наркисович. В 1880-х годах появилось общественно-политическое течение, известное под именем «абрамовщины» *. После разгрома партии «Народной Воли», вслед за убийством Александра II, как известно, наступила жестокая реакция. И вот тогда-то стали образовываться группы «благонамеренной» молодежи, которые открыто выступали с проповедью «малых дел», отвергая высокие идеалы, осуждая революционные действия и называя себя представителями «практического молодого поколения». Эти практические старообразные дети говорили своим вели-

ким, но не практичным отцам: пора покончить с иллюзиями и приступить к практической деятельности. Не мудрствуя лукаво, занимайтесь каждый своим делом и верьте, что если каждый положит свой камешек на доступное ему по обстоятельствам место, то впоследствии из этих камней само собой воздвигнется величественное здание. Естественно, что такая проповедь вызывала протесты как лучшей части молодежи, так и в литературе (Успенский, Щедрин и др.). Много говорили об «абрамовщине» и в кружке Н. В. Казанцева, но Дмитрия Наркисовича раздражали эти разговоры. «Бросьте переливать из пустого в порожнее,— говорил он,— лучше Щедрина не скажете: он двумя словами вскрыл сущность этой проповеди: «Сейте репу и даже морковь, а о прочем не думайте». Может быть, и года не пройдет, как провалится к чертям это порождение реакции».

Любимыми писателями Мамина были Салтыков-Щедрин и Глеб Иванович Успенский. Д. Н. Мамин очень любил и ценил Глеба Успенского, но всегда протестовал, когда его самого причисляли к народникам, хотя в прессе никогда не опровергал своих критиков, называвших его этим именем. Однако, когда друзья начинали величать его народником, он ясно и четко излагал свои взгляды, подкрепляя их примерами. «Какой я народник,— говорил Мамин,— я сам по себе. Не могу я все, что говорят народники, принимать безоговорочно».

...Мамин называл себя художником-реалистом. Цель его жизни, его миссия, как он выражался, заключалась в том, чтобы возможно ярче изобразить жизнь современного ему горнозаводского Урала во всех его проявлениях и со всех сторон. «Я люблю Урал,— говорил Мамин.— Здесь я родился, воспитывался, путешествовал, знакомился с рабочими, крестьянами, старообрядцами, горнозаводскими магнатами и пришел к выводу, что крепостное право, упраздненное в 1861 году, на самом деле продолжает существовать на Урале» *.

— В руках немногих фамилий,— продолжал Мамин,— издавна находится весь Урал с его лесами, водами и недрами. До 19 февраля 1861 г. и все его население тоже составляло их собственность, с которой они могли делать все, что хотели, безнаказанно и бесконтрольно. Но вот пало, наконец, крепостное право, да только не для Урала. Правительство, которое всегда смотрело на

живущих здесь людей только как на придаток к заводскому производству, испугалось: а как же заводы-то, а вдруг рабочие не пожелают работать, займутся сельским хозяйством, и порешило снова прикрепить их к заводам, да так, чтобы им и податься было некуда. Сделать это было очень просто: не дать горнорабочему земельного надела. Так и было сделано: дали ему одну десятину покоса да 200 сажен выгона *... Да и от этого нищенского надела во многих заводах горнорабочие отказались и не получили ни клочка земли *. Есть такие места, где даже усадьбы, на которых стоят мужицкие избы, принадлежат заводам. Таким образом, опасность увлечения горнозаводского крестьянина сельским хозяйством была устранена и он оказался в кабале, более жестокой, чем при крепостном праве *. Раньше заводы хоть кормили горнорабочих, которые получали законом нормированный паек. Теперь эта обязанность снята с заводчиков, а обязанность обеспечивать заводское население работой на них не возложена. Между тем, население множилось, а спрос на рабочие руки почти не возрастал и теперь только третья часть заводского населения кое-как при нищенской заработной плате обеспечена работами *, а остальные две трети живут кое-как, не имея возможности заняться даже кустарными промыслами, потому что на Урале из тех же соображений, из каких горнорабочий лишен земли, запрещены законом всякие огнедействующие заведения *, а практика распространяет это запрещение на все вообще кустарные промыслы... Так вот какую «волю» дало правительство горнозаводскому населению!»

Таким образом, из слов Мамина выходило, что главнейшим врагом горнозаводского населения Урала является правительство. Отсюда его собеседники делали вывод, что он революционер *. Однако Мамин все-таки не признавал себя революционером и говорил: «Какой я революционер. Я просто художник-реалист».

Мамин в это время — в 1887, 1888 и 1889 гг.— был пессимистом как в отношении своей личности, так и в отношении своих литературных работ. Этот пессимизм навевал на него тоску и тянул, как он говорил, к «рюмочке».

При таком душевном состоянии писателя можно было ожидать катастрофы в ближайшие дни. Но неожиданно

пришло исцеление и перевернуло всю психику Мамина. В Екатеринбурге открылся театральный сезон, и вместе с драматической труппой приехала артистка Абрамова.

...Во время гастролей Абрамовой в Екатеринбурге я была рецензентом и имела особое место в театре, где бывала почти каждый вечер, за исключением тех спектаклей, которые посещал сам редактор «Екатеринбургской недели». Но он был глух и потому пользовался театральным креслом очень редко. Каждый раз, когда выступала Абрамова, Мамин приходил в театр. Его место было рядом со мной. В антрактах Дмитрий Наркисович не выходил в фойе, а бывать за кулисами ему было запрещено Абрамовой. Я тоже оставалась на месте, предпочитая беседу с ним прогулке в фойе, и мы подолгу разговаривали. Сначала эти беседы носили более или менее формальный характер, но потом, с течением времени сделались искренними и сердечными. Наши отношения становились дружескими. По-видимому, Мамин нуждался в собеседнике, перед которым он мог бы изливать переполнявшие его чувства. Так бывает иногда в пути — на железной дороге или на пароходе,— когда случайные соседи открывают друг перед другом интимные переживания, чтобы потом разойтись в разные стороны и никогда не встречаться более.

На моих глазах происходило перерождение Мамина в другого человека, вызывавшее сначала мое удивление, а потом глубокое сочувствие. Это уже был совсем не тот человек, которого я знала раньше. Куда девался его желчно-насмешливый вид, печальное выражение глаз и манера цедить сквозь зубы слова, когда он хотел выразить свое пренебрежение к собеседнику? Глаза блестели, отражая полноту внутренней жизни, рот приветливо улыбался. Он на моих глазах помолодел. Когда на сцене появлялась Абрамова, он весь превращался в слух и зрение, не замечая ничего окружающего. В сильных местах роли Абрамова обращалась к нему. Глаза их встречались, и Мамин как-то подавался вперед, загораясь внутренним огнем, и даже румянец выступал на его лице. Когда опускался занавес, Дмитрий Наркисович обращался ко мне и вполголоса говорил: «Хороша!» Я кивала головой. Затем он, видимо, погружался в мечты.

После спектакля он провожал артистку домой.

Театральный сезон приходил к концу. Любовь Мамина все возрастала, превращаясь в безумную, неудержимую страсть, разрушающую все преграды. Достаточно прочесть написанную им повесть «Братья Гордеевы», напечатанную в 1891 г., чтобы понять то душевное состояние, в котором находился тогда ее автор...

Однажды, когда мы с Дмитрием Наркисовичем сидели вместе на представлении какой-то пьесы, где Абрамова участвовала только в первых двух актах, он вдруг предложил мне поехать к Н. В. Казанцеву, мотивируя это тем, что ему надо разрешить какое-то с ним недоразумение. Я согласилась, и мы поехали. На наш звонок отворила двери Феклуша.

— Что раньше не приехал?— сказала она,— сейчас только что ушла твоя сестра с мужем *, говорит, что ты совсем не бываешь дома.

Мы прошли в кабинет Николая Владимировича. Тот очень обрадовался. Я скоро догадалась, что никакого дела к Казанцеву у Мамина не было, а просто ему хотелось высказаться... К моему удивлению, речь зашла о Некрасове.

— Я открыл новую сторону в поэзии Некрасова,— сказал Мамин.— Это не только поэт-гражданин, борец за свободу и счастье своего народа, но и замечательный лирик. Лирические стихотворения Некрасова проникнуты глубоким психологическим анализом и страстным любовным пафосом.

Дмитрий Наркисович вынул из кармана и бросил на стол несколько выписанных им стихотворений Некрасова. Это были стихотворения, начинающиеся так:

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза...

. . . .

О, письма женщины, нам милой!
От вас восторгов нет числа,
Но в будущем душе унылой
Готовите вы больше зла...

— Это апофеоз страсти,— заметил Николай Владимирович.

— Ну, так что ж?— ответил Мамин.— Разве страстная любовь не делает человека более сильным, реши-

тельным, уверенным в себе, готовым на борьбу за свои убеждения, особенно, если их разделяет любимая женщина?— И, желая переменить разговор, обратился ко мне:— А скоро вы, молодая радикалка, покинете редакцию «мучных мешков?» Ведь надвигается голод и «мучные мешки» будут наживаться.

Дмитрий Наркисович оказался прав. Вышло распоряжение Пермского губернатора не писать о голоде*. «Мучные мешки» были этому рады и стали безнаказанно поднимать цены на хлеб. Из редакции «Екатеринбургской недели» пришлось уйти.

В последний раз я видела Дмитрия Наркисовича в кружке Казанцева в начале января 1891 г., да и сам Мамин, кажется, был здесь в последний раз, так как в марте он уже уехал в Петербург вместе с М. М. Абрамовой, и больше мы с ним не видались.

В эту последнюю встречу я видела Мамина очень веселым, уверенным в себе, восторженно говорящим о своих произведениях и будущих работах. Это был новый Мамин, в котором чувствовалось сознание силы своего дарования и грядущих достижений. Вся фигура его, несмотря на 38 лет, дышала пылом юности...

А. И. ШУБИН

Записки журналиста А. И. Шубина передают беседы с М. Я. Алексеевой, имевшие место в 1920-х годах. До этого воспоминания М. Я. появлялись в «Голосе Урала» (26 октября 1912 г., № 188) и в сборнике «Урал» 1913 г.

Перед революцией Мария Якимовна жила в доме Н. И. Алексеева (быв. Вторая Береговая, 53). Особняк, обставленный в стиле усадьбы 40—50-х годов, производил впечатление довольства и внешней культуры. (Второй дом на усадьбе сдавался в наем. Здесь одно время помещалась школа, учрежденная М. Я.). М. Я. и в последние годы много занималась музыкой и литературой. По свидетельству знавших ее лиц, «имя Мамина не сходило у нее с уст. Она говорила, что дала ему много тем для его произведений, что она «инспирировала» его, что он очень дорожил ее мнением, делился с ней замыслами, ей первой читал написанное и изменял, руководствуясь ее советами». (Из ненапечатанных воспоминаний Т. Н. Петуховой. Архив Б. Д. Удинцева). От дореволюционных лет остались ее записи, незначительные по объему, но очень содержательные. В них много размышлений о старости, об эмоциональной жизни, выписок из поэтов. Одним из последних в этих записях стоит стихотворение Я. П. Полонского: «Страсти жар неутоленной, Холод мысли непреклонной, Жажду правды роковой, Я несу еще с собой». Эти строки через десятилетия звучат как признание неудавшейся личной жизни. В годы гражданской войны, Мария Якимовна давала уроки, занималась музыкой. Но жить стало уже не по силам. Старых друзей не оставалось. Наступал конец. После смерти Марии Якимовны ее архив и библиотека исчезли бесследно. Воспоминания А. И. Шубина передают атмосферу той культурности, которую всегда нес с собой этот незаурядный человек.

<В Екатеринбурге>

...Пишущий эти строки, коренной уралец, проживший более полусотни лет в своем родном Екатеринбурге-Свердловске, был лично знаком с лучшим и едва ли не самым близким другом (в свое время единственно близким) Мамина — Марией Якимовной Алексеевой.

Одинокая, многими забытая, доживала свои дни эта интереснейшая из екатеринбургских женщин.

Под бременем всяческих невзгод, болезней, она шла к концу в ореоле понятной, прекрасной мудрости, ясных мыслей и своеобразной красоты, какие редко сопутствуют старости — последним дням человеческой жизни.

М. Я. умерла в 1921 году. Проходя по старой узенькой улице, мимо выцветшего деревянного дома, невольно остановишься в ожидании, что вот откроют окно, и чьи-то задушевные голоса, переплетаясь в красивом узоре мелодии, под мастерской аккомпанемент исполнят что-нибудь из Чайковского, Глинки, Бородина...

Или в глубоких сумерках старых комнат вспыхнут в медных тонконогих подсвечниках быстро оплывающие свечи, и возбужденные голоса нарушат вечернюю тишину. Кто-то что-то будет неистово доказывать, и спорщики даже не заметят, что заря уже заискрилась над сонным городом.

Нет. Не осталось и следа от былых жильцов старого дома, от их гостей и от дней истекших.

Тут жила Мария Якимовна — центр оригинального интимного кружка, объединявшего в 90-е годы горсточку самых культурных, передовых людей, какие были в городе в ту глухую пору.

Мне удалось познакомиться с Марией Якимовной, когда давно сошли в могилу многие приходившие сюда, сидевшие здесь вечерами, когда не было уже и самого любимого писателя. Но в старом доме все еще пели струны рояля, звучали филигранно-тонкие сонаты. Новые люди от литературы и искусства шли сюда по маминской тропе к замечательной женщине, уже запушенной серебряным инеем многих прожитых годов. Здесь еще вспыхивали страстные споры, едкие сатиры-импровизации, а на старых книгах, портретах чувствовались

неизгладимые следы автора угрюмых чусовских «Бойцов», уральских рассказов, овеянных смолистым ароматом пихт и ельников.

В одной особенно интимной беседе М. Я. передала мне некоторые подробности о жизни Мамина в Екатеринбурге, о его первых литературных шагах.

Это был 1921 г. В низкой комнате все того же старого дома мы сидим вдвоем с Марией Якимовной.

По-осеннему сумрачно. Только что ушла ее маленькая ученица, и над открытой клавиатурой рояля все еще распахнута нотная папка с какими-то упражнениями юргенсоновского издания. Мы пьем из низеньких живописных чашечек отличный морковный чай, заботливо приготовленный самой хлопотливой хозяйкой.

По совести говоря, мне тяжело в тесноте, среди запыленных, тлеющих вещей, книг, нот... Но моя собеседница прогоняет, вспугивает мои черные мысли, вновь засверкавши добрыми глазами, продолжая оборвавшуюся было беседу:

— Вы спрашиваете, почему Дмитрий Наркисович бывал даже у директора Сибирского банка Ильи Захаровича Маклецкого*. Что же тут удивительного?

— Мария Якимовна, так я же удивился тому, что могло быть общего между писателем Маминым и директором банка.

— Не забывайте никогда — Мамин был очень чутким. Он умел находить непосредственное, оригинальное, сильное, изучая обстановку самой разнообразной людской среды. Неужели вы забыли, с чьим именем связано возникновение здесь музыкального училища? А до этого кто был одним из главных зачинщиков музыкального кружка и первых оперных постановок?

Мне осталось только смутиться. Я вспомнил далекие годы и широко известного городу мецената-музыканта, неплохого акварелиста И. З. Маклецкого. Изящные акварельные пейзажи Маклецкого хранились давно в музее, а его огромная работа для первых оперных постановок (даже бутафорский реквизит изготовлялся у него дома, при его участии) осталась в памяти музыкального общества города. Да, у такого директора банка писатель мог найти много интересного и мог встречать немало всякого рода людей, не имевших отношения к чисто банковским делам.

— Поняли? — спросила, улыбаясь, Мария Якимовна и, осторожно выводя меня из смущения, добавила: — Дмитрий Наркисович умел находить оригинальных людей и дорогу к тому, что его интересовало.

Мне уже не трудно было направить разговор в желаемое русло.

— Мария Якимовна, расскажите мне о жизни Мамина в нашем городе и о себе.

Дымка нежной грусти слегка омрачила ее спокойное, старческое лицо. Вероятно, это был последний прилив воспоминаний о далеком, последняя встреча с дорогим, навсегда минувшим, поднятым из небытия нашей интимной беседой. Я твердо знаю, что после этого дня никто не волновал Марию Якимовну воспоминаниями, потому что вскоре она скончалась.

— Я не буду повторять то, что вам давно известно и даже было в печати. В нашем кружке были юристы, судебные деятели, студенты, завертывали к нам и доктора. Но только бывали те, про которых говорится «се жив человек», то есть любившие литературу, искусство, увлекавшиеся многими вопросами. Бывало у нас шумно, весело. Иной вечер проходил в горячих спорах о религии, о поэзии, о музыке. Никогда не уйдут из памяти такие интересные наши постоянные гости, как И. Н. Климшин — друг Дмитрия Наркисовича, Н. В. Казанцев, впоследствии ставший писателем-новеллистом. Казанцев тоже был большой друг нашего Золя, как и А. А. Фолькман и Н. Ф. Магницкий. Трудно забыть Ольхина *, сосланного в Екатеринбург, автора удачного либретто для оперы, не напечатанного по цензурным условиям.

Климшин был большой комик, стихотворец, экспромтист. Он любил петь, не имея голоса, но прекрасно зная ноты. Иногда мы давали простор его страсти, и он с увлечением, забывая все на свете и терзая наш слух, перепевал за вечер фистулой целую кипу нот... Послушали бы вы, как они спорили! Но все споры оживлялись живым литературным словом. Бывало, даже в спорах о религии они доказывали правоту своих взглядов стихами.

Дмитрий Наркисович принимал самое живое участие в этих спорах. Он был горяч по характеру...

Мария Якимовна задумалась.

— Он был удивительно полон духовно. В нем много было жизни. У Дмитрия Наркисовича была огромная

сила воли. Он мог преодолевать невероятные препятствия, но и других увлекал к этому. Рядом с буйным духом своеволия в нем уживались самые теплые, мягкие черты.

Я расскажу вам несколько случаев из его жизни, и вы поймете, какой большой внутренней силой обладал наш Мамин...

Если бы не он, то не появилась бы книга уральских новелл Казанцева.

В молодости Казанцев жил широко, много кутил со своим братом. Увлечение литературой сблизило его с Маминым. И все-таки он не шел дальше пробы пера.

Слишком бурная жизнь в молодости имела последствия. Казанцев заболел, у него отнялись ноги и, как вы знаете, он 17 лет просидел в кресле, то есть до самой своей смерти.

Переход к вечному сидению, к безнадежной неподвижности страшно подействовал на Казанцева. Он был близок к самоубийству.

И вот в это время Дмитрий Наркисович настоятельно посоветовал ему писать уральские рассказы, для которых он имел большой житейский материал и дарование.

Н. В. воспрянул духом, увлекся литературным трудом, что и осмыслило его тяжелое существование. Дмитрий Наркисович написал проникнутое теплым чувством предисловие к тем «Повестям и рассказам», которые написал по его совету Казанцев.

Мария Якимовна говорила, не умолкая, лишь изредка делая паузы, чтобы глубже заглянуть в свое прошлое.

— Мамин был истовый уралец — крепкий, непоклонливый. Если он другим помогал преодолевать препятствия, то сам-то уж боролся за себя еще отважнее. Мне пришлось пережить с ним много первых творческих огорчений. Быть может, вы не поверите, но Дмитрию Наркисовичу достались очень тяжело его первые произведения. Это была пытка, муки мученические... И в то же время он сразу уверовал в свои силы и признал сам себя писателем.

У Дмитрия Наркисовича в языке был сначала большой недостаток: его периоды были длиннейшие, выражения семинарские. .

Дмитрий Наркисович очень внимательно относился

М. Я. Алексеева-Колногорова.

ко всем моим замечаниям, он ценил мои советы. Я узнала это совершенно неожиданно.

В одну из поездок в Петербург пришел ко мне в гостиницу незнакомец, наружностью своей похожий на артиста.

— Вы Алексеева?— спросил он, чрезвычайно радушно пожимая мне руку.

— Как вы меня знаете?

— Так вы ведь приехали с Маминым-Сибиряком!

— Да, он приехал...

— А я Карпов *. Не откажитесь почитать и отредактировать мою пьесу «На земской ниве».

— Я-то тут при чем?

— Я знаю, Мамина вы редактировали...

Я не могла отказаться. Мой новый знакомец был прост и по-настоящему искренен.

Это оказался известный в то время артист Карпов, впоследствии драматург. «На земской ниве» было его первое произведение, с которым он приехал в столицу. Кто, кроме Мамина, мог сказать ему о моих небольших редакторских способностях, которые могут быть пригодны для начинающего автора.

Я основательно почеркала карповскую рукопись, добросовестно сократила его огромные монологи. Карпов поблагодарил меня и всю ночь перерабатывал пьесу. Потом он снес ее в редакцию, и она была принята в печать.

Вспоминая Мамина, нельзя не сказать: он никогда не выражал особой радости по поводу своих литературных успехов. И в этом отражалась его большая внутренняя сила...

Продолжительная беседа утомила Марию Якимовну, переволновала ее. Мы прощались с ней поздним вечером, когда город засыпал, а ее угрюмое жилище стало еще неприветливее.

Пожимая старческую дрогнувшую руку, я искренне благодарил первого друга нашего замечательного художника за откровенно переданное мне о его жизни в нашем городе в пору его литературной молодости.

Провожая меня до порога, Мария Якимовна уверенно сказала:

— Я еще должна вам сказать о Дмитрии Наркисовиче много, много интересного.

Но я предчувствовал, что никаких бесед здесь больше уже не будет. Предчувствие меня не обмануло. Это был последний разговор.

Кроме встречи с Марией Якимовной, мне приходилось встречаться и с другими современниками, близкими Мамину, и неоднократно с ними беседовать.

Особенно интересное сообщение пришлось слышать от екатеринбургского рабочего-переплетчика А. И. Степанова.

А. И. Степанов работал в детские годы учеником в переплетной мастерской Д. А. Кругляшева. Мастерская помещалась на углу Тимофеевской набережной (теперь набережная Рабочей молодежи) и Щипановского переулка.

Этот любопытный, своеобразный человек с детства увлекался театром и еще мальчиком пытался «по секрету» писать пьесы. Но жизненные обстоятельства, борьба за существование отвлекли его от этих попыток, и склонность его к литературе потом выразилась лишь в любви к книге. Переплетая художественные произведения, он никогда не мог утерпеть, чтобы не заглянуть в книгу «по-читательски» и урывками не познакомиться с ее содержанием, не повосхищаться художественным словом, которым ему не удалось овладеть.

Из наших многочисленных бесед я узнал от А. И. о его двух встречах с Д. Н. Маминым. Встречи эти произошли в своеобразной обстановке. Они показывают, насколько велики были стремления писателя-бытовика проникнуть во все поры жизни и быта.

Дмитрий Наркисович отдавал Кругляшеву в переплет свои книги, для чего заходил сам и даже, по словам Степанова, иногда пил у хозяина чай. Знакомство продолжалось и тогда, когда Мамин уже не жил в Екатеринбурге, а только бывал здесь временно.

Мало кто знает, что еще до революции 1905 г. в Екатеринбурге было два рабочих театра. А они были. Один при маленькой обойной фабрике Орлова, другой как раз при кругляшевской переплетной мастерской. У Кругляшева была устроена сцена, имелись декорации, занавес с намалеванным морским пейзажем и маской Пушкина. Кругляшев сам любил театр, и среди его рабочих были не пустяковые любители искусства. Но владелец мастерской и не подозревал, что для его рабочих домашний

театр был не только источником эстетических удовольствий, но и местом политических встреч. От революционного подполья сюда, к рабочей рампе, тянулись невидимые нити. Именно здесь вызрела группа революционеров, из которых близкий родственник Кругляшева, Кругляшев же, и его политические единомышленники были осуждены (Кругляшев казнен) по делу об экспроприации.

Хорошо сколоченная рабочая труппа (в ней участвовали и рабочие со стороны) ставила «Мачеху», «Простушку и воспитанную», «Волчьи зубы», «Горькую судьбину» * и другие пьесы, пользовавшиеся тогда вниманием широкого зрителя.

По словам А. И. Степанова, однажды старший рабочий мастерской К. П. Белых предложил хозяину:

— Дмитрий Алексеевич, вы пригласили бы писателя Мамина на наш спектакль. Может быть, что-нибудь он и напишет об этом.

И вот Дмитрий Наркисович пришел. Он был в плаще, надетом внакидку. На него никто не обратил особого внимания, так он был прост, да его видали и раньше, как обычного заказчика мастерской.

— Для меня слово «писатель»,— говорит Александр Иванович,— было тогда полно таинственности и недосягаемости. Я сам украдкой, по-ребячьи, писал каракулями не то статейки, не то наброски... Я и не знал в то время, какой это большой писатель Мамин.

К сожалению, А. И. не мог сказать ничего больше об этом посещении Мамина.

— Вторично мне пришлось встретить Мамина,— говорит он,— в деревне Коптяки, на даче хозяина. Коптяки находятся на берегу озера Исетского (близ города). Сюда кругляшевские рабочие приходили иногда, в летние праздники, со своими семьями и устраивали гулянку с выпивкой. Так же однажды и я угодил в деревню Коптяки. Смотрим — там уже писатель Мамин погуливает.

— Это ведь тот самый, писатель,— говорили некоторые рабочие, вспомнив, что Мамин бывал с заказами в переплетной и на спектакле.

Начался наш праздник — кто куда, кто чем развлекается. Пошел я в дачный сад. Смотрю — на завалинке у старой бани сидит писатель Мамин, одетый в кры-

латку внакидку. Сидит он один и, видимо, что-то задумался.

Тут взяло меня любопытство. Захотелось мне, мальчишке, поговорить с писателем: дай спрошу, а самому стыдно и начать. Решился-таки:

— Вы, говорят, пишете, сочиняете?..

Мамин с удивлением посмотрел на меня.

— Пишу,— ответил он довольно угрюмо,— а вам-то что?..

Я уж осмелел и выпалил:

— Я тоже писать хочу.

Мамин внимательно оглядел меня, улыбнулся:

— Это нелегко. Тяжелый это путь. Нужно сначала жизнь узнать, потом уж и сочинять.

Тут уж я разошелся:

— Правда, нет — за сочинительство в тюрьму садят? Мой дядя много учился, его и посадили. Он все говорил — всю жизнь без конца надо учиться. А сам и доучился, его и посадили.

Мамин покачал головой:

— Да, это правда.

Кто-то пришел в сад, и писатель поднялся с завалинки. Он пошел из сада, бросив на меня внимательный взгляд.

С тех пор я не видал Мамина, никогда больше с ним не встречался.

Через несколько лет попали мне в переплет сочинения Мамина-Сибиряка. Я увидал в книге его портрет и тогда только понял, с каким большим писателем имел, еще будучи мальчишкой, такой интересный разговор. «Так вот с каким Маминым я говорил»,— обрадовался я. С большой охотой я тогда прочитал его произведения

в Петербурге

М. К. КУПРИНА-ИОРДАНСКАЯ

Воспоминания М. К. Куприной (род. в 1881) представляют двойной интерес. Мария Карловна встречалась с Д. Н. Маминым и в тесном семейном кругу, и в литературном обществе (редакции «Мира божия» и «Современного мира»). Она выросла в культурнейшем окружении семьи Давыдовых, связанной с литературными и музыкальными кругами Петербурга, и сама прошла богатый наблюдениями путь литературно-общественной деятельности. А. А. Давыдова, издательница журнала «Мир божий», жена директора консерватории, дала своей приемной дочери лучшее образование. М. К. окончила гимназию М. Н. Стоюниной и историко-филологический факультет Высших женских курсов. В 1901 г. М. К. вышла замуж за А. И. Куприна. После смерти А. А. Давыдовой она заменила ее в издательстве и редакции журнала «Мир божий», а начиная с 1906 г. (когда журнал был закрыт) и по 1918 г., стояла во главе «Современного мира». В 1907 г. М. К. разошлась с А. И. Куприным и вышла замуж за публициста Н. И. Иорданского. Вплоть до настоящего времени Марья Карловна ведет значительную литературную работу.

Из воспоминаний о Д. Н. Мамине-Сибиряке

1

Мамин-Сибиряк приехал с Урала в Петербург в начале 1891 г. Первое время о его приезде не было широко известно. Поэтому моя приемная мать Александра

Аркадьевна Давыдова *, издательница журнала «Мир божий» только осенью узнала о том, что известный писатель Мамин-Сибиряк уже несколько месяцев находится в Петербурге. Это известие чрезвычайно взволновало ее. «Мир божий» первый год выходил в свет. Привлечь в журнал в качестве сотрудника такого писателя, как Мамин-Сибиряк, было очень важно. И по настоятельной просьбе издательницы, редактор «Мира божия», старый педагог Виктор Петрович Острогорский * немедленно отправился к Мамину для переговоров. Мамин любезно принял его и просил сообщить издательнице, что хочет познакомиться со всей редакцией журнала и скоро привезет ей свою рукопись.

Через несколько дней Мамин передал Александре Аркадьевне свой рассказ «Зимовье на Студеной» *.

Эта первая встреча имела решающее значение для тех тесных дружеских отношений, которые завязались между Маминым и А. А. Давыдовой и продолжались до ее смерти.

Александра Аркадьевна узнала от Дмитрия Наркисовича, что его гражданская жена, актриса Мария Морицовна Абрамова, часто хворает и чувствует себя очень одинокой в чужом городе. Александра Аркадьевна поехала к Марии Морицовне, и с того дня Мамин и его жена, жившие близко от нас, почти каждый вечер приходили к Александре Аркадьевне.

В марте 1892 года у Маминых родилась дочь Алена, а через два дня после ее рождения Мария Морицовна умерла. После похорон моя мать сочла своим долгом перевезти к себе Алену. Но Александра Аркадьевна была занята своим журналом, любила бывать в обществе и принимать у себя. Заботиться о ребенке у нее не было времени. Эта обязанность выпала на долю моей воспитательницы Ольги Францевны Гувале. Больной, беспомощный ребенок сразу овладел ее сердцем, и с того момента, когда она в первый раз взяла на руки Алену, она посвятила ей свою жизнь.

В середине мая Дмитрий Наркисович поселился с нами на даче около Павловска. Рядом с Аленушкиной детской была его комната. Утром, до раннего обеда, он писал, а днем в часы, когда девочка спала, уезжал в город или уходил рисовать этюды. Он рисовал только

пейзажи. Лица и фигуры людей ему не удавались. Пробовал он писать акварелью портрет Ольги Францевны с Аленой на руках, но из этой попытки ничего не вышло.

Прошло два месяца, Алена поправилась и окрепла. Она начала улыбаться; ее улыбка делала отца счастливым. Теперь он не уходил в свою комнату или в парк, когда к нам из города приезжали знакомые, и даже иногда вместе со всеми посещал по вечерам симфонические концерты в Павловском вокзале.

Как-то вечером Мамин рассказывал о своем детстве, о матери Анне Семеновне, об ее молчаливом, сдержанном и строгом характере, о том, каких жертв стоило его родителям дать своим детям образование.

— Я задумал написать роман,— говорил Дмитрий Наркисович,— и показать в нем жизнь подростков и юношей, растущих в честной, трудовой семейной обстановке, похожей на ту, в которой я рос, и проследить их судьбу, когда они становятся взрослыми людьми.

— Этот роман вы должны дать в «Мир божий»,— решительно заявила Александра Аркадьевна.

И роман Мамина-Сибиряка «Весенние грозы» в течение 10 месяцев (1893 год) печатался в «Мире божьем». Перед выходом каждой книжки журнала между Маминым и моей приемной матерью происходили горячие споры и объяснения. Дело было в том, что «Мир божий» был разрешен цензурой по программе детского журнала, в котором отдел беллетристики был ограничен «рассказами и путешествиями», а в научный отдел входило «разведение дачного садика и огородика». Поэтому издательницу очень беспокоило, пропустит ли цензура «настоящий роман».

Мамин давал по нескольку глав романа только для очередного номера журнала. Получив рукопись, Александра Аркадьевна с тревогой спрашивала:

— А дальше гимназисты с гимназистками у вас не будут целоваться? Этого ведь нельзя! Я дала слово Якову Петровичу Полонскому (поэт Я. П. Полонский, член Цензурного комитета, был старым другом семьи Давыдовых), что не допущу в журнале «для юношества» ничего «безнравственного»... Ради бога, не подводите меня! И пожалуйста, Дмитрий Наркисович,

не ставьте многоточий. За многоточиями всегда скрывается какой-нибудь неприличный намек.

К этим разговорам Мамин относился снисходительно: они больше забавляли его, чем сердили, и он, смеясь, поддразнивал Александру Аркадьевну:

— Да, в этой главе все обстоит еще благополучно, а вот за следующую не ручаюсь.

Но когда он заметил, что редактор без его разрешения вычеркивает в корректуре отдельные слова и фразы, он вспылил:

— В вашем «садике и огородике», Александра Аркадьевна, я больше не участвую,— резко заявил он ей.— Довольно! Хорошенького понемножку! Я вам, кажется, достаточно уступал и уступал, но позволить вымарывать из моего романа, что вам заблагорассудится, я не могу. Печатание «Весенних гроз» в «Мире божьем» я прекращаю!

Александра Аркадьевна пробовала оправдываться и возражать, но это еще больше сердило Мамина. Тогда она заплакала. И так как женских слез Дмитрий Наркисович «боялся больше всего на свете», он и на этот раз уступил.

Александру Аркадьевну за ее величественную осанку и манеру вставлять в разговор французские слова и фразы он называл «мадам». По имени и отчеству он обращался к ней только тогда, когда за что-нибудь на нее сердился.

Ее пристрастие к иностранным курортам и ко всему заграничному он постоянно ядовито высмеивал, и на этой почве между ними происходили частые споры.

— Ах, Париж!.. Ах, Берлин!!. Какое там благоустройство! Ах, Швейцария!.. Монблан!.. Какой восторг!..— насмехался Дмитрий Наркисович, закатывая глаза и складывая губы сердечком.— А в русских городах, мадам, вы бывали? По России ездили? Видели Волгу? Урал, Крым, Кавказ?— спрашивал он.— Не видели?! Какая же вы русская женщина? Вы «Нотр дам де Пари»... Вот вы кто...

Александра Аркадьевна обижалась и переставала спорить.— Нет, никогда я не променял бы избушку на берегу Висимки, где в детстве ловил рыбу с моими сверстниками и с дьячком Матвеевичем на какую-то паршивую виллу в Баден-Бадене или Буживале *.

2

Литературный салон А. А. Давыдовой, как и все салоны середины и конца 90-х годов, напоминал Ноев ковчег.

Здесь встречались толстовцы, либеральные профессора, представители первых легальных «марксистов» *, народники из кружка Н. К. Михайловского (Н. Ф. Анненский *, С. Н. Южаков *, С. Я. Елпатьевский *), литературная и студенческая молодежь — мои сверстники, а также знакомые Александры Аркадьевны, не принадлежащие к литературному кругу.

Дмитрий Наркисович, переехав в Царское Село, реже бывал у Давыдовой. Однако он не пропускал интимных вечерних чаепитий, на которых бывал только Михайловский и узкий круг других лиц. Воскресного салона Александры Аркадьевны Михайловский не посещал — с многими из ее знакомых не желал встречаться, но Мамина он искренне любил. Когда Дмитрий Наркисович бывал в ударе, он был увлекательным рассказчиком, а Николай Константинович умело направлял разговор на темы, близкие Мамину. Михайловский, как сотрудник «Отечественных записок», хорошо знал М. Е. Салтыкова-Щедрина, со всей редакцией журнала был связан не только литературными, но и личными отношениями.

Мамин и Михайловский, оба горячие поклонники гениального сатирика *, могли подолгу говорить о его произведениях, о его литературных симпатиях и антипатиях, вспоминать ходившие о нем в литературных кругах разговоры.

Особенно распространен был анекдот о том, что будто бы, когда к Салтыкову однажды явилась с обыском полиция, он сел за рояль и заиграл «Боже, царя храни», а окружавшая его семья пела хором гимн. Жандармы не решались прервать эту издевательскую манифестацию и вынуждены были стоять навытяжку до тех пор, пока Салтыков несколько раз подряд не проиграл гимн. По словам Михайловского, эта остроумная выдумка очень забавляла Михаила Евграфовича.

Из произведений Мамина, печатавшихся в «Отечественных записках», Салтыкову особенно нравились очерки весеннего сплава по реке Чусовой — «Бойцы».

Дмитрий Наркисович рассказывал Михайловскому, с каким трепетом он ожидал ответа из редакции, послав в «Отечественные записки» свои первые очерки «Золотуха».

— С момента отправки рукописи я вел точный счет истекшим дням, вычеркивая их в своем стенном календаре,— говорил Мамин.— Ждать ответа раньше месяца нельзя,— успокаивал я себя в конце второй недели.— А что, если рукопись вернут с кратким извещением, что для журнала она «не годится». Что тогда? Отказаться от надежды стать настоящим писателем, художником и примириться с участью добросовестного, скромного литературного труженика? Эта мысль преследовала меня, не давала покоя. Но письмо Салтыкова положило конец моим тревожным сомнениям.

Между Маминым и Салтыковым завязалась переписка по поводу очерков, а потом и романа «Горное гнездо», появившегося в 1884 г. в четырех последних, увидевших свет, книжках «Отечественных записок».

Письма Салтыкова Мамин благоговейно хранил*.

— Я глубоко скорбел, узнав о закрытии «Отечественных записок»,— говорил Дмитрий Наркисович.— Рушились мои надежды на постоянное сотрудничество в «толстом журнале» — работу под мудрым руководством Салтыкова. Я был снова предоставлен только своим силам — обречен на сиротство.

— Да, тяжелые времена тогда настали не только для всех сотрудников «Отечественных записок», но и для руководителей журнала,— вспоминал Михайловский.— Этот удар на несколько лет сократил жизнь Михаила Евграфовича, а Глебу Ивановичу Успенскому* пришлось опять странствовать по мелким изданиям, где трусливые редакторы и издатели калечили его рассказы.

Об Успенском Мамин и Михайловский говорили часто. Оба они высоко ценили и любили его как писателя и человека.

Впервые Мамин встретился с Успенским у Александры Аркадьевны — это было уже во время болезни Глеба Ивановича в один из его приездов домой из Колмовской больницы. Мамин горячо сожалел о том, что, узнав Глеба Ивановича уже надломленным болезнью, углубленным в свои тяжелые внутренние переживания

человеком, он не мог ближе подойти к нему и только в рассказах друзей перед ним вставал не затемненный болезнью обаятельный образ Успенского. Все, что касалось отношений Глеба Ивановича с Салтыковым, живо интересовало Дмитрия Наркисовича. По словам Михайловского, трудно было найти более противоположных по характеру людей, чем раздражительный, резкий, вспыльчивый Михаил Евграфович и застенчивый, скромный деликатный Успенский.

— Уговорить его пойти со мной на редакционное совещание «Отечественных записок» было нелегкой задачей,— вспоминал Николай Константинович.— Впечатлительный и нервный Глеб Иванович болезненно ежился, когда на кого-нибудь из сотрудников обрушивался гневный бас Салтыкова.

— Он добрейшей души человек, я знаю, но я боюсь его громкого голоса, его крика, боюсь его,— конфузливо оправдывался Успенский, отказываясь идти на совещание.

Говорить о своих вещах, уже появившихся в печати, Мамин не любил. Критика или замалчивала его произведения, или, упоминая о его романах, не признавала их общественного и художественного значения, отмечая лишь заключавшийся в них своеобразный бытовой и этнографический материал. Это глубоко оскорбляло Дмитрия Наркисовича, в разговорах он избегал касаться отзывов печати и тех произведений, к которым относились эти несправедливые отзывы. Но во время работы над новой вещью, когда Маминым владел творческий замысел, он передавал содержание задуманной повести или романа, живо обрисовывал всех действующих лиц.

Когда в «Русском богатстве» отдельными очерками печатался роман «Черты из жизни Пепко», Мамин с многими подробностями рассказывал Александре Аркадьевне о своей работе газетного репортера в годы студенчества, о том, как редакции эксплуатировали мелких газетных работников.

«Среди голодной репортерской братии царило неунывающее молодое веселье, жила надежда выбиться из тисков нужды, проложить себе дорогу в жизни. Теперь, когда разочарования, обиды и уколы самолюбия отошли в прошлое, я не жалею о годах моего репортерства, не считаю их для себя потерянными. Это была дурная

школа для начинающего писателя. Она приучила к торопливой, небрежной работе, плохому литературному стилю, шаблонному языку, но она давала полезный жизненный опыт.

Впоследствии, когда я почувствовал себя в силах стать настоящим писателем, мне не стоило большого труда побороть свои репортерские навыки».

Урал был неистощимой темой воспоминаний Мамина. В своих устных рассказах он неоднократно возвращался к эпизодам и людям, о которых говорил раньше, каждый раз добавляя новые подробности.

Часто слышала я его рассказ о том, как некий деревенский знахарь все недуги своих пациентов врачевал толченым стеклом.

Во время одной из своих летних экскурсий по окрестностям Висима Мамин зашел отдохнуть в избу знакомого охотника, с которым он около трех лет не видался. Охотник был в последнем градусе чахотки.

— Он лежал на лавке и при моем появлении безуспешно пытался приподняться и сесть. Я едва узнал его, так он исхудал и осунулся,— рассказывал Дмитрий Наркисович.

— Что же лечишься, Кузьма?— спросил я его.

— А то как же, пользует меня... знающий старичок из соседней деревни. Приказал три чайных стакана столочь и выпить. Тогда, сказал, тебе обязательно полегчает.

Кузьма закашлялся и, выплевывая сгустки крови, указал на банку, на дне которой виднелся крупный, зеленоватый порошок.

Через неделю Кузьма умер.

Еще любил Дмитрий Наркисович вспоминать о другом деревенском «лекаре», которого ему случалось видеть —«здоровом ражем мужчине», причиной всех болезней считавшим «зуб мудрости».

И на что бы ни жаловался приходивший к нему лечиться, знахарь вооружался клещами и разворачивал больному всю челюсть, вытаскивая зуб мудрости.

— Если бы я не верил в свое призвание писателя,— всегда добавлял Дмитрий Наркисович,— я стал бы врачом *— врачом не в столице или большом городе, а в глухом углу родного Урала, где знахари, «старушки» и разные шарлатаны сотнями губят доверчивый, невежественный народ.

3

Оттенками различных литературных течений литературной журналистики Мамин не придавал значения. Он проводил резкую грань только между правой и левой печатью.

С правой нельзя было иметь никакого общения, и Дмитрий Наркисович в литературе и в жизни строго придерживался правила: «С филистимлянами за один стол не садиться».

Что же касается до левых органов печати, то за исключением изданий мистиков-символистов, причислявших себя к левым, Мамин печатался во всех журналах, несмотря на то, что часто между ними велась ожесточенная полемика.

Глубоко и болезненно задевало Дмитрия Наркисовича, что Михайловский лишь вскользь упоминал о нем в своих литературных обозрениях и не посвятил ни одной большой критической статьи его творчеству.

— Все обещает написать о «Детских тенях» * и о «Пепке» * и все откладывает,— жаловался Мамин Давыдовой.— А о моих уральских романах ни разу не обмолвился ни полсловом. «Когда выйдет полное собрание ваших сочинений, тогда напишу и о романах»,— сказал он мне недавно,— а все мои книжки стоят у него перед глазами на книжных полках. Несправедлив ко мне, не ценит меня Николай Константинович.

Но, подавляя в себе обиду, Мамин продолжал искренно и доверчиво относиться к Михайловскому.

По словам Давыдовой, Михайловский не писал о больших вещах Мамина потому, что за исключением романа «Черты из жизни Пепко» ценил их гораздо ниже его рассказов *, а огорчать Дмитрия Наркисовича не хотел.

Но, разумеется, дело было совсем не в этом, а в том, что и романам Мамина нельзя было подогнать нужных Михайловскому народнических выводов.

Мамин легко сходился на «ты» с людьми различных возрастов, часто даже с малознакомыми. Но, несмотря на свою близость с Михайловским, никогда на «ты» с ним не был. Да это было и невозможно. Всегда сдержанный и корректный, Михайловский не допускал фамильярности в своих отношениях с людьми. На «вы» он был даже

с такими старыми своими друзьями, как Г. И. Успенский, Н. В. Шелгунов *, А. И. Иванчин-Писарев *.

С тонкой иронией подчеркивая атмосферу лести, к которой привык Михайловский, Мамин однажды вечером за чайным столом у Александры Аркадьевны рассказывал:

— В молодости я встречался с одним человеком, который мне очень нравился. Он был старше меня, но всегда говорил мне что-нибудь лестное и приятное. Как-то мы разговорились с ним более откровенно.

— Вас, наверное, удивляет,— сказал он мне,— что у меня нет врагов, все меня любят. Это очень просто, со всеми я хочу быть в добрых отношениях, и я всем льщу...

Его рассказ очень позабавил меня, и с несколькими приятелями мы основали шутливое «общество взаимных льстецов».

— Вот вы любите меня, Николай Константинович, и я знаю за что,— я вам льщу... А «для льстеца всегда найдется в сердце уголок» *.

Часто между представителями различных направлений, посещавших салон А. А. Давыдовой, возникали горячие политические и литературные споры.

Маститые педагоги, группировавшиеся около старика В. П. Острогорского, сидели в стороне своим тесным кружком. Мамин подсаживался к ним, и вскоре среди этих, как называла их молодежь, «мумий» замечалось оживление. Дмитрий Наркисович вышучивал спорщиков, подтрунивал и забавлялся над всеми.

— Посмотрите на Кареева *,— говорил он,— сидит неподвижно и важно, точно царский кучер на козлах. А Елизавета Николаевна (Водовозова) * следит, как ястреб, за супругом (В. И. Семевским) * окруженным хорошенькими курсистками.

— А наш-то толстовец Александр Модестович Хирьяков *,— смеясь, обращался Дмитрий Наркисович к Острогорскому,— взгляните, с каким вожделением смотрит он на ветчину... Сейчас спою ему «вегетарианский» романс.

И он вполголоса начинал напевать:

Захотел солдат морковки, на базаре ее нет...

Спорить Мамин не любил и ни к одной из споривших групп не присоединялся.

Д. Н. Мамин. Начало 1890-х гг.

Обычно он, не касаясь выдвинутых вопросов, переводил разговор в другое русло.

— Я давно привык к тому,— равнодушно говорил Мамин,— что критики вкривь и вкось пишут обо мне. Скабичевский недавно хвалил меня, а раньше писал, что я не художник, даже не беллетрист, а только «трудолюбивый этнограф».

— Слышал я,— сказал однажды Дмитрий Наркисович,— что Аким Волынский * собирается писать обо мне в «Северном вестнике»... Вдруг, чего доброго, окажется, что я символист, мистик или еще что-нибудь совсем новое, что придумает сей «мудрый философ».

— Но мы ведь говорим сейчас не о критике, а о том, к каким социальным выводам приводят ваши сочинения. Нам важно выяснить вашу принципиальную точку зрения — как относитесь вы к общине — к программе народников...— наступал на Мамина Туган-Барановский.

— Программа, программа,— раздраженно повторял Мамин.— Я двадцать пять лет пишу, написал тома о том, что я видел и знаю. А вы жизни не знаете... Печетесь о народном благе, а судите о мужике по своим статистическим таблицам... Мне они не нужны... Выводите из них сами все, что хотите...

Когда Александре Аркадьевне казалось, что споры между отдельными группами гостей ведутся в слишком повышенном тоне, она прибегала к помощи музыки...

Выручали ее В. С. Миролюбов *, редактор журнала «Для всех», бывший ранее оперным певцом, и И. Н. Потапенко *, обладавший хорошим тенором.

С Потапенко Мамин был дружен.

— Люблю Игнатия Николаевича, хороший он человек,— говорил Дмитрий Наркисович,—не завидует чужой славе и ко всем доброжелателен. Он даже не ругает критиков, которые раньше захваливали его, а теперь все хором кричат, что он «исписался».

Около 12 ночи приезжали из театров запоздалые гости. Салон приобретал еще более пестрый по своему составу характер. Изредка появлялись и Д. С. Мережковский* со своей супругой З. Н. Гиппиус *. Хотя желанными гостями они здесь не были, но Александра Аркадьевна знала Мережковского со времени его студенчества и дружбы с С. Я. Надсоном *, на этом основании знакомство поддерживалось.

Мамин всеми силами души ненавидел «растлённую» декадентскую литературу с ее реакционной проповедью «нового искусства» и религиозными исканиями.

— Мракобесы и кликуши,— отзывался Дмитрий Наркисович о символистах-мистиках.

— Здравствуйте, хлыстовская богородица!— громко приветствовал он Гиппиус, лишь только она появлялась в дверях столовой, в белом хитоне, с оборками белого газа, трепыхавшимися, как крылья, на плечах, и золотым обручем в виде нимба на голове.

— Ну, как ваши радения?.. Все скачете кругом Победоносцева * и поете ему «Осанна»?..

— Дмитрий Наркисович, Дмитрий Наркисович, перестаньте,— громким шепотом просила Давыдова.— Ведь это же невежливо, неприлично...

Гиппиус прекрасно видела, но медленно подносила к глазам лорнет и некоторое время в упор смотрела на Дмитрия Наркисовича.

— А... Это опять Мамин...— тянула она наконец.— Он, кажется, народник... Отчего все писатели-радикалы так грубы и неэстетичны?— и она задерживала взгляд на его синей куртке.

— У них отсутствует стремление к красоте... и они не ощущают в себе присутствия бога...— произносил Мережковский, он был в смокинге.

Их реплики не смущали Мамина, он продолжал ядовито и остроумно их высмеивать.

Немного поговорив с хозяйкой дома, супружеская чета Мережковских удалялась в примыкавшую к столовой маленькую гостиную. Там обычно устраивались посетители салона, не принимавшие участия в спорах «марксистов» с народниками.

Здесь преобладали беллетристы, поэты и около-литературные дамы. Вскоре после появления Мережковских из гостиной слышался звонкий голос Гиппиус. Она курила какие-то особенные папиросы, распространявшие приторный запах духов, и, сидя в кресле, в живописной позе, точно фимиамом, окутанная дымом, как пифия, вещала:

— Человек должен быть бесконечно добр и бесконечно зол, только тогда он познает бога...

— Да, великий тайновидец духа — Достоевский,— немедленно подхватывал Мережковский,— как ни один

писатель в мире, гармонично сочетал в своих произведениях великую любовь и жертвенность Христа и «зверя из бездны-диавола». Истинный христианин, Достоевский верил в Христа, но верил и в черта...

Мамин разражался громким хохотом.

— До чертей наконец доболтались,— смеялся он.

— Одержимые,— произнес кто-то.

— Не одержимые, а неудержимые словоблуды,— поправил Мамин.

4

К Александру Ивановичу Куприну Мамин относился очень хорошо. Он встречался с ним на редакционных собраниях «Русского богатства», и так как Михайловский считал Куприна даровитым молодым писателем и вообще «благоволил» к нему, то этого было достаточно, чтобы и Дмитрий Наркисович чувствовал к Александру Ивановичу расположение.

Став невестой Куприна, я поспешила сообщить об этом Маминым — самой близкой мне семье. Узнав новость, с которой я к ним пришла, Ольга Францевна и Дмитрий Наркисович сердечно меня поздравили.

— Да, время идет,— вздохнул он,— ты уже невеста и скоро станешь женой писателя... Я читал в «Русском богатстве» повесть Куприна «Молох». Она мне понравилась: написана просто, без ломанья, которое сейчас в моде у молодых беллетристов. Недавно мне попался рассказ тоже начинающего автора Леонида Андреева «Стена». Ничего не понял! Кто, зачем, и на какую стену лезет... У Александра Ивановича хороший, искренний смех,— такой бывает часто у добродушных людей...

С горечью вспомнил опять Дмитрий Наркисович о своей работе в качестве газетного репортера в годы студенчества, о том, как редакции эксплоатировали мелких газетных работников. В романе «Черты из жизни Пепко» он подробно описывает этот тяжелый период своей жизни.

Говорить о своих произведениях Дмитрий Наркисович не любил. Критика почему-то замалчивала его, и это его глубоко оскорбляло.

— Я подарил им целый край* с людьми, природой и всеми богатствами, а они даже не смотрят на мой подарок. Мое время еще не пришло,— говорил он,— но оно придет, меня поймут и оценят только в будущем.

Дмитрий Наркисович жил очень замкнуто, и дома у него бывал только узкий кружок его друзей. В год своей смерти Дмитрий Наркисович говорил мне только об одном посетившем его «начинающем» писателе — Алексее Павловиче Чапыгине*.

— Оказывается, он читал все мои книги. Рабочий, работает на заводе и пишет... Раньше я таких рабочих не знал...

В конце зимы 1905 г. Дмитрий Наркисович и Ольга Францевна стали думать о том, что Аленушке и Дмитрию Наркисовичу было бы полезно провести осень в Крыму. Аленушке уже тринадцать лет, оставаться в Царском Селе она не хотела, а Дмитрий Наркисович желал показать ей Крым. Возник вопрос о выборе курорта, о том — куда ехать. О Ялте Дмитрий Наркисович не хотел и слышать после поездки 1900 г., когда он часто хворал и почти не выходил из гостиницы. В то время в Ялту приезжал Московский художественный театр для того, чтобы показать Антону Павловичу и жителям Крыма чеховские пьесы. Город был переполнен собравшейся в Крыму интеллигенцией. В гостинице было шумно, и Дмитрий Наркисович очень страдал от внезапных посещений часто малознакомых ему лиц, либо желавших ему представиться, либо отнять у него время малоинтересными, бессодержательными разговорами. Ольге Францевне не всегда удавалось освободить писателя от докучавших ему лиц. Нужно было поэтому выбрать место, подходящее для климатического лечения виноградом и морскими купаниями. Тут-то и вспомнили о том, с каким увлечением А. И. Куприн рассказывал Маминым о Балаклаве с ее прекрасной, защищенной от ветров бухтой, изобилием винограда, фруктов, рыбы. «А не поехать ли нам, Оля, в Балаклаву? — сказал Дмитрий Наркисович.— Сейчас же попроси приехать к нам Куприных, пусть они подробнее расскажут о Балаклаве». После серьезного совместного обсуждения было решено, что поедем в Балаклаву все вместе. Я сейчас же написала Ремезову о том, что его дачу мы оставляем за собой на осенний сезон. Затем я выехала раньше, чтобы пригото-

вить к приезду ту самую дачу, на которой мы с Александром Ивановичем жили в прошлом году.

Мамины приехали в Балаклаву в последних числах августа 1905 г. Александр Иванович встретил их в Севастополе, усадил в коляску и торжественно привез к нам, на дачу.

— Хорошо здесь, очень хорошо,— говорил Мамин в этот день за обедом.— Попробую и отдохнуть, и писать...

Дмитрий Наркисович просыпался очень рано и отправлялся на базар. Ему нравился яркий колорит южного приморского рынка с его изобилием фруктов, рыбы, грудами всякого морского улова, еще копошившегося на столах. Он любил сам выбирать к обеду дыню или особенно крупные овощи, которые в корзине нес ему мальчик, сын нашего знакомого рыбака. С забавной гордостью хвалился передо мной и Ольгой Францевной своими покупками.

Позавтракав и немного отдохнув, Мамин шел в городскую библиотеку. Здесь его уже ждали. Заведующая библиотекой Елена Дмитриевна Левенсон, большая почитательница Мамина-Сибиряка, гордилась его посещениями, заботливо откладывала для него свежие газеты, журналы, книжки-новинки. Дмитрий Наркисович с удовольствием беседовал с ней, разрешал представить ему некоторых балаклавских и приезжих интеллигентов, стремившихся с ним познакомиться.

Сидя на веранде, выходившей на набережную, в специально для него поставленном удобном плетеном кресле, он оживленно разговаривал, шутил, что-нибудь рассказывал.

В эти утренние часы он чувствовал себя бодрым, бывал всегда в хорошем настроении.

Просмотрев газеты, он на набережной встречал Ольгу Францевну с Аленой, гулял с ними по бульвару, сидел на скамейке в тени акаций на берегу бухты.

После раннего обеда в два часа Мамин ложился отдыхать и остальное время дня проводил у себя.

В семь часов мы ужинали, а в девять Дмитрий Наркисович и Алена ложились спать.

Только при таком санаторном режиме можно было надеяться, что развитие склероза у Дмитрия Наркисовича несколько замедлится.

Все, что увлекало в Балаклаве Куприна, было недоступно для Мамина вследствие его болезни. Каждый из них жил своей обособленной жизнью. И встречались они обычно лишь во время завтрака, обеда, и ужина. Рыбная ловля была их общей страстью. Когда Куприн вечером с рыбаками уезжал далеко в море, Мамин с грустью вспоминал Урал и свою молодость, о том, как и он когда-то любил ночью бить рыбу острогой, а на рассвете, усталый и счастливый, разложив костер на берегу, варил уху.

Если ночью он хорошо спал и ранним утром просыпался бодрым и свежим, он шел со мной на набережную встречать возвращавшихся в бухту рыбаков. С жадным любопытством он рассматривал попавших в сети больших камбал, морских петухов, скатов, громадных крабов и всяких необыкновенных рыб и ракообразных. Потом, за утренним завтраком, он подробно обсуждал с Александром Ивановичем улов, преимущества ловли сетями перед вентерями, мережами и прочей рыбачьей снастью. Оба с жаром углублялись в вопрос, на какую приманку охотнее всего идет рыба, и часто спорили о свойствах той или иной наживки. Под конец Мамин говорил Куприну:

— Нет, не люблю я вашу морскую рыбу, совсем она не рыба, а неизвестно что... Настоящая рыба только наша, сибирская — осетр, нельма, муксун. А хваленая ваша белуга, сами же рыбаки рассказывают, во время бури то ревет, то хрюкает — ни рыба ни мясо...

Когда как-то поймалась трехпудовая камбала и, перекатываясь со спины на брюхо, быстро двигалась вперед по набережной, а вслед за ней с визгом и смехом бежали дети рыбаков, Дмитрий Наркисович перестал шутить и в грустном раздумье смотрел на их веселье.

— Как бы радовалась моя Алена, если бы пришла сюда со мной, — обратился он к Александру Ивановичу, стоявшему в группе рыбаков. — Но ей нельзя вставать рано. У нее начинается головная боль, и тогда она весь день плачет. Лучше даже не рассказывать ей о камбале.

Куприн о чем-то пошептался со своим приятелем — хозяином баркаса Колей Констанди, тот в ответ, слегка подмигнув ему одним глазом, кивнул головой.

Возвращаясь домой, Александр Иванович намеренно замедлял шаги, останавливался поговорить со встречны-

ми, задерживая и Дмитрия Наркисовича. Тем временем Коля Констанди и Юра Паратино незаметно боковыми проулками пронесли камбалу и положили ее под навесом у нас в летней кухне, устроенной на вырубленной в скале площадке, высоко над дачей.

В обычное время все собрались к завтраку.

— Мои товарищи рыбаки,— несколько торжественно заговорил Куприн, обращаясь к Мамину,— просили меня передать вам, Дмитрий Наркисович, что в знак своего особенного к вам уважения они принесли вам в подарок камбалу. Она наверху под навесом.

Мы вышли во двор, чтобы подняться в кухню. И вдруг, грузно шлепая по ступенькам лестницы, нам навстречу двинулась какая-то темная живая масса. Мы бросились от нее в разные стороны. Это была камбала. Несмотря на то, что рыба несколько часов была без воды, она оказалась такой живучей и сильной, что внизу еще долго продолжала, переворачиваясь, кружить по двору. Алена была в восторге — сюрприз удался более, чем ожидал Александр Иванович.

За ужином Куприн отсутствовал. До поздней ночи из кофейни внизу, на второй улице, к нам на дачу доносились песни, музыка, топот пляски, взрывы хохота. Это гуляли поймавшие камбалу рыбаки, которых угощал Куприн.

Болезнь отгораживала Мамина от многих сторон жизни, интересовавших его как писателя, замыкала в узкий круг повседневных впечатлений. Сознание своей слишком рано для его возраста наступившей немощности по временам остро тяготило его. В такие моменты он, обычно за показной веселостью скрывавший перед другими свои переживания, горько жаловался мне на несправедливость судьбы, однообразие и скуку жизни.

Радовала его только Алена, поздоровевшая и загоревшая, как «арапка», на южном солнце. Глядя на оживленное лицо дочери, прояснялся и Дмитрий Наркисович.

В очень жаркие дни Дмитрию Наркисовичу после обеда не спалось. Тогда он приходил к нам на веранду выпить чаю. Если Мамин и Куприн бывали в настроении, они говорили о литературе, о современных писателях, о своих творческих планах.

— Просматривал я в библиотеке последние партии присланных из Петербурга книг,— говорил однажды

Дмитрий Наркисович.— Совсем нет новых больших вещей — все сборники рассказов. Молодежь вслед за Чеховым пишет только рассказы, редко повести. Правда, все пишут хорошо, свои рассказы старательно отделывают. Вот только Леонид Андреев тщится прыгнуть выше головы, и ничего из этого не выходит.

— Вы несправедливы к нему, Дмитрий Наркисович,— возразил Куприн,— Андреев очень большой талант.

— Талант! А какой же толк от его таланта, если он то лезет на стену, то ночь у него «оскаливает зубы и воет, сидя на корточках». Это как, по-вашему? Очень талантливо?

Алена, сидевшая рядом с отцом, громко захохотала. Засмеялся и Дмитрий Наркисович.

— Теперь отношение критики к молодым писателям иное, чем в мое время,— помолчав, заговорил он.— Теперь даже о небольшом рассказе начинающего автора пишут статьи — приветствуют появление молодого таланта.

А кто из критиков «приветствовал» меня в начале моего литературного пути? Никто. Я сам прокладывал себе дорогу к читателю. Я показал ему Урал таким, каким я знал его, с его дикой красотой, неисчислимыми природными богатствами, свободолюбивым русским народом, но ограбленным и закабаленным хищниками-капиталистами. Таким был мой родной край, о котором я писал в романах. Внести свой вклад в родную литературу было моим долгом русского писателя. И я работал годами над своими уральскими романами. В них я вложил мою горячую любовь к обездоленному трудовому народу, мое преклонение перед его мудростью и творческими силами.

И как же оценила критика появление моих романов? Да очень просто, никак... Она прошла мимо них, как мимо пустого места.

Дмитрий Наркисович говорил медленно, с передышками, видно было, что тема его волновала, но он все же продолжал говорить:

— Влиятельная столичная пресса молчала, а в провинциальных газетах появлялись снисходительные отзывы, в которых мне приклеивали ярлык «писателя-областника».

«Писатель-областник»,— с горечью повторил Мамин,— как будто я писал о чем-то, имевшем только узкое, местное значение, а не о больших социальных явлениях!

Даже в художественном даровании мне отказывали. Как-то в «Новостях», упоминая обо мне, Скабичевский писал, что я вовсе не беллетрист, а «трудолюбивый этнограф». Нет, лучше не говорить,— махнул рукой Мамин.

— Вы забываете, Дмитрий Наркисович,— сказал Куприн,— что не только к вам несправедливо отнеслась критика. Вспомните Чехова, вспомните, как травили его. Ведь тот же «мудрый» Скабичевский пророчил Антону Павловичу, что он «в пьяном виде умрет под забором». А статьи Михайловского... Разве не он приклеил Чехову ярлык «беспринципного писателя», ярлык, который преследовал Антона Павловича не только при жизни, но и теперь, после его смерти. Нередко эти отзывы повторяют некоторые либеральные критики. Однако ни развенчать Чехова, ни умалить значения Мамина-Сибиряка никому не удалось. Решающее слово о своих любимых писателях — гордости нашей родной литературы — сказал читатель, высоко оценивший их произведения.

— Ты бы отдохнул до ужина, Митя,— сказала мужу Ольга Францевна, все время с тревогой следившая за ним. Она боялась разговоров на литературные темы, волнующие Мамина.

— Оставь, Ольга,— недовольно ответил Мамин.

— Но ты совсем не спал после обеда,— настаивала Ольга Францевна.

Александр Иванович понял ее настроение.

— Под занавес надо всегда рассказать что-нибудь веселое,— обратился он к ней,— поэтому разрешите мне рассказать один забавный случай, о котором я только что вспомнил.

Начну издалека. В прошлом году летом мы жили на хуторе около деревни Малые Изеры, в десяти верстах от Луги. В начале мая мы уже переехали на дачу, и я немедленно засел за работу.

Маша взяла с собой несколько томов Диккенса, каждый день, после обеда, я читал ей вслух «Записки Пиквикского клуба». К своему стыду, должен признаться, что я до тех пор почти не знал Диккенса. Его тонкий юмор восхищал меня.

По поводу своеобразной езды английских кучеров Диккенс замечает: «Души кучеров еще не исследованы...» Неправда, ли, какой замечательный, остроумный афоризм? Наверное, Дмитрий Наркисович, вы не раз наблюдали, как идущую хорошей рысью лошадь кучер ни с того ни с сего принимается нахлестывать, и она начинает скакать галопом. Один кучер медленно спускает лошадей с горы и гонит их на гору. Другой спускается карьером, а в гору поднимается шагом. Как правило, кучера без толку задергивают лошадей и портят их.

— Да, вы это хорошо подметили,— засмеялся Мамин.

— Итак, если разрешите, продолжаю. Купеческая, вдова, у которой мы нанимали дачу, сорокапятилетняя рыхлая женщина, с лицом, похожим на сдобный блин, находилась в полном подчинении у своего кучера Василия. Это был рыжий мужчина, мрачной цыганской наружности, буйный во хмелю. Так как на хуторе имелась только одна водовозная кляча, то вдова задумала купить выездную лошадь, чтобы по праздникам ездить на станцию в церковь. Василий был решительно против этой затеи, однако вдова на своем настояла, и из соседнего имения однажды утром привели статного вороного жеребца. Из окна моей комнаты я видел, как по двору прогуливали коня, а затем, когда его поставили в конюшню, принялись вспрыскивать покупку, а я продолжал прерванную работу над своим рассказом «С улицы». Прошло порядочно времени, когда от работы меня отвлек какой-то странный слышавшийся из конюшни шум. Раздавались чьи-то выкрики, частые удары копыт о деревянный настил и не то хрип, не то ржание лошади.

«В конюшне что-то случилось»,— подумал я и выбежал во двор. Распахнув двери конюшни, я увидел, как Василий, перегнувшись через переборку, длинным колом остервенело бил запертую в стойле лошадь.

— Что ты делаешь, мерзавец! — крикнул я.

— Воспитываю коня, чтобы он меня уважал и слушался,— повернулся ко мне Василий.

— Сию минуту брось кол и проспись, собачий сын,— взглянув на Ольгу Францевну, с заминкой произнес Александр Иванович.

— Уходи пока цел, господин, а то...— Василий с колом двинулся на меня.

— Но скажу без ложной скромности,— Александр

Иванович расправил свои широкие плечи,— я очень неплохой борец, а как боксер могу поспорить с любым профессионалом. Испытанным боксерским приемом я ударил его в челюсть, потом в переносицу и ударом под ложечку свалил с ног, а затем выбросил из конюшни. Пока мы жили на даче, он лошадь больше не «воспитывал».

Вы, наверное, недоумеваете, Дмитрий Наркисович, к чему я рассказал вам все это?

А вот к чему. Во время нашего разговора мне пришло в голову, что души критиков так же не исследованы, как и души кучеров, но воспитательные приемы их часто бывают одинаковыми. Критики так же, как кучера, воображают, что если они будут задергивать, всячески измываться над писателями, то те станут уважать их и слушаться. Жаль только что здравых понятий им нельзя внушить таким же приемом, как кучерам.

— ...Где вы пропадали эти дни?— спросил как-то Мамин Куприна.

— Уходил с рыбаками в море, а потом разгружал баркас,— ответил Куприн.— Я люблю физический труд: он бодрит и освежает. После тяжелой работы вплотную засесть писать легче, чем после так называемого «отдыха», когда без дела шатаешься по набережной или сидишь за кружкой пива на поплавке с знакомыми. А поднимать из глубины тяжелую сеть — труд не легкий, требующий большого внимания и напряжения. Чтобы отправляться в море с рыбаками не в качестве пассажира, желающего совершить морскую прогулку, а равного с ними в труде товарища, я вступил в артель.

Предварительно жюри, состоявшее из старосты и нескольких выборных, испытало мою сноровку в работе и мускульную силу, а уже затем меня приняли в артель. И теперь, когда нужно, я наравне со всеми тяну сети, разгружаю баркас и с Колей Константи мою палубу после очередного рейса.

— Да, хорошо, очень хорошо быть молодым и здоровым,— грустно заметил Мамин.— А я,— продолжал он,— думал о том, как, отдохнув, вернусь домой и с новыми силами сяду за работу. Но больших вещей для толстых журналов я писать не буду. Последние годы моей жизни я решил посвятить детям — писать только для них. Для подростков я хочу написать повесть о Ермаке и о первых русских поселенцах, обосновавшихся на берегах

Иртыша. Жизнь русских людей, селившихся на Урале и проникавших дальше в глубь Сибири, была полна неутомимой борьбой с девственной природой и дотоле невиданными дикими зверями. В этой борьбе гибли многие смельчаки, но из других выковывался закаленный, кряжистый и своеобразный сибирский народ.

Да, о многом, очень многом интересном можно еще написать — было бы только время... и силы... А что вы сейчас пишете, Александр Иванович?

Куприн крепко потер лицо ладонями.

— В том-то и дело, что я еще ни на чем не могу остановиться. Просматриваю мои записи, раньше начатые отрывки и вижу, все не то. Ни за что браться не хочется.

Чувствую, что над романом «Нищие», который задумал как продолжение «Поединка», я работал бы легко — материала у меня много. Но после гибели Ромашова центральная фигура, органически связанная с «Поединком», выпала. И эта утрата для меня барьер, который я пока не в силах взять. Это меня сердит и выбивает из намеченной колеи...

Недавно получил письмо от Пятницкого. Он спрашивает, как идет работа и над чем, думаю, что это нужно ему для Горького.

Горькому я обязан очень многим. Он не только сердечно и внимательно отнесся ко мне и к моей работе, но открыл мне глаза, по-новому осветил жизнь, разъяснив многое, что было раньше для меня непонятно, заставив задуматься над тем, о чем я прежде не думал.

— Да, в настоящее время самый большой русский писатель — Горький,— сказал Мамин.— У него неисчерпаемый запас свежих творческих сил, великолепное знание жизни и людей. В своей работе он еще не достиг зенита, а как много уже дал прекрасных произведений и сколько, с его громадным талантом, даст в будущем.

Пять лет назад я жил весной в Ялте в одно время с Горьким. Я захворал и больше недели не выходил из дому. Алексей Максимович навещал меня, и мы подолгу с ним беседовали. Он простой, доброжелательный, чуткий человек — с ним легко и приятно говорить. В нем нет высокомерия знаменитости. Он с уважением относится к старым писателям, на своем веку много поработавшим для родной литературы.

В конце сентября Мамины уехали из Балаклавы.

Б. Б. ГЛИНСКИЙ

Борис Борисович Глинский (1860—1917), журналист, редактор-издатель «Северного вестника» в 1890—1891 гг.

Мамин-Сибиряк познакомился с ним вскоре после переезда в Петербург в 1891 г. В «Северном вестнике» Глинским была напечатана повесть Д. Н. «Верный раб» и принят большой очерк «Платина», опубликованный в конце 1891 г. уже после перехода журнала в руки Л. Гуревич. Позднее — в 1913—1917 гг.— Глинский был редактором-издателем консервативного журнала «Исторический вестник».

Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка

Пишущий настоящий очерк состоял с писателем в близких и дружеских отношениях, начиная с 1891 г., когда Дмитрий Наркисович появился в редакции «Северного вестника» * с объемистой рукописью, предназначенною для областного отдела журнала и посвященной описанию добычи на Урале золота и платины *. Желание Мамина принять участие в журнале доставило мне немалую радость, и между мною и этим, тогда уже известным писателем, скоро завязались дружеские отношения. Высокий, статный, с умным красивым лицом, выразительными глазами, он сразу располагал к себе, вызывал симпатию и естественно заставлял думать, что пред тобою находится отмеченный божественною

печатью человек с большим талантом и широкою, любвеобильною душою. С тех пор наши отношения с Маминым бывали временами очень тесными.

Как живой, стоит передо мной Дмитрий Наркисович по прибытии в 1891 г. в Петербург, когда он рука об руку с артисткой М. М. Абрамовой свивал свое уютное гнездышко на Миллионной улице*, где чувствовалось столько задушевного тепла и где взор с любовью останавливался на этой красивой парочке из литературно-артистического мира, перед которой, казалось, развертывалась такая широкая, светлая жизненная дорога.

Но горе подкралось нежданно, и преждевременная смерть унесла подругу жизни нашего писателя, оставив на его попечение малютку-дочь, которой он и отдал всю силу своей любящей души, всю силу своих дум и забот. Тяжелый период жизни наступил у него; горе могло его совершенно поглотить, но близкие люди, успевшие к тому времени полюбить этого выходца с Урала, сумели его поддержать и в том числе, главным образом, тоже ныне уже покойные Александра Аркадьевна Давыдова и Н. К. Михайловский. Давыдова на первых же порах приняла на себя попечение и заботу об осиротевшей Аленушке,— так звали дочь Мамина,— и избавила его от тех хлопот, которые не всегда бывают под силу мужчинам. За эти услуги Мамин чувствовал себя бесконечно обязанным Давыдовой, и, когда она основала журнал «Мир божий», впоследствии перекрещенный в «Современный мир», он оказал ей своим художественным пером сильную поддержку.

Я помню посещение Маминым издательницы «Мира божьего» в Лесном* в 1895 г. и видел всю ту бесконечную признательность, которую он ей дарил в ответ за все то доброе, что когда-то Давыдова сделала и для него, и для его дочери. Равным образом отдавал он свои лучшие чувства и Михайловскому, которого высоко ставил и как писателя, и как общественного деятеля, и как человека.

Когда на последнем писательском съезде* среди некоторых литературных кружков говорили, что на съезде не участвуют крупные литературные силы, Мамин, обращаясь к своим провинциальным коллегам, говорил:

— А где они, крупные-то силы? За свою многолетнюю литературную деятельность я знал только одного

крупного писателя — и этим писателем был покойный Николай Константинович Михайловский.

Последний питал к Сибиряку чувство большой любви, высоко ставил его «стихийный талант» и всегда любовался проявлением его оригинального ума, меткостью его определений и живописностью его речи как в личной беседе, так и в писании. Но рядом с этим за Михайловским перед Маминым был тяжкий грех: он не удосужился в своих критических работах дать должную характеристику литературного творчества Мамина, поставить его в нашей журналистике на надлежащее место и тем самым своим авторитетом критика-публициста, освободить его от того замалчивания и непонимания нашей общей критикою, которыми она провинилась перед почившим писателем.

...Узнав, что Михайловский как-то в разговоре со мной удивлялся даровитости автора «Уральских рассказов» и выдвигал с особенною силою своеобразность его таланта, не укладывавшегося ни в какие шаблонные рамки, Дмитрий Наркисович упорно требовал от меня восстановить в памяти все то, что редактор «Русского богатства» про него говорил. Видно было, что он дорожил каждым его словом, как словом не только выдающегося писателя, но и человека, к которому он крепко был привязан.

Человек удивительно общительный, стоявший вне всяких партий, наш беллетрист имел много приятелей, но друзей, настоящих друзей, перед которыми бы он развертывал всю широту своей прекрасной души, у него было мало, и одиночество в идейном, культурном смысле было, на мой взгляд, несомненным спутником его жизни *. При всей шумности поведения на людях, шумности, покрытой постоянным смехом, бравурными речами, вечными шутками и прибаутками, в нем таилась какая-то тоска, которую он глубоко оберегал в своей душе, не давая к ней прикасаться чужим рукам.

...Бережно, благоговейно готовился Дмитрий Наркисович к своему служению печатному слову, для которого у него в душе создалось и окрепло настоящее «какое-то мистическое уважение». Он с особенною поэтому любовью вспоминал первые свои появившиеся в печати произведения и говорил по поводу них: «Первые печатные строки... Сколько в этом прозаическом деле скрытой

молодой поэзии, какое пробуждение самостоятельной деятельности, какое окрыляющее сознание своей силы! Об этом много было написано, как о самом поэтическом моменте, и эти первые поцелуи остаются навсегда в памяти, как полуистлевшие от времени любовные письма».

И благоговение к писательству, как к целомудренному долгу перед родиной, Мамин сохранил до конца своих дней.

Это как нельзя лучше характеризует Мамина как писателя-профессионала, и, быть может, этим свойством его литературного дарования и литературного мировоззрения и объясняется то, что количество созданного им не совсем соразмерно с теми мощными силами, которые были заложены в него природою. Он не разменивался на мелкую монету, был щепетилен в выборе себе места сотрудничества и отдавал в печать только тогда свое произведение, когда оно было им всесторонне обдумано и сконструировано в воображении во всех подробностях. Тогда он садился за работу (по преимуществу по утрам) и создавал его на бумаге почти без всяких помарок и поправок. Работа шла у него удивительно легко, и просто можно было любоваться, с какою быстротою исписывались им листы почтовой бумаги большого формата.

...Творчество Мамина приковало к себе внимание читателей, и он уже к концу восьмидесятых годов стал одним из любимых русских беллетристов, чьего сотрудничества старательно искала наша ежемесячная журналистика, но о котором «партийная» критика * не находила сказать ничего живого и оригинального. Он, печатаемый в наших журналах левого лагеря * («Вестник Европы», «Дело», «Отечественные записки», «Устои», «Русская мысль», «Русское богатство», «Мир божий», «Русские ведомости») стоял совершенно независимо в роли художника-моралиста без крикливого завывания и заигрывания с прихотливыми вкусами публики и живописал свои широкие полотна свободной кистью, выбирая краски не из заказных редакционных ящиков, а заимствуя из той сокровищницы, которою одарила его книга жизни.

...В девяностых годах мы видим его ревностным сотрудником «Русской мысли» *, где тогдашние руководители журнала, в лице Лаврова *, Гольцева * и Ремезова * высоко ценили талантливого бытописателя Урала. Поздней-

М. М. Гейнрих-Абрамова.

шие эпигоны этого журнала* уже на наших глазах, забыв свое литературное родство, вместе с тем забыли и Мамина, упуская из виду то многое и ценное, что им в свое время было сделано для московского издания. Он с горечью говорил мне, что ему даже перестали высылать журнал, точно его нет в списках живых писателей. «Коммерческие люди,— с обидной улыбкой говорил он.— Болен, не работаю, ну,— и за окно, как выжатый лимон». И он комически делал один из своих любимых жестов и присвистывал.

После своей драмы семейной жизни и после услуг, оказанных ему Давыдовой, он становится деятельным сотрудником «Мира божьего», а также «Детского чтения» Д. И. Тихомирова, журнал которого снабжает своими прелестными детскими рассказами. Но дружеская его близость с Давыдовой и с официальным редактором «Мира божьего» В. П. Острогорским не распространяется на прочий редакционный состав, от которого он становится в изолированное положение, как бы усматривая в его отношениях к себе недостаточные оценку и чувство дружбы. То же самое мы видим в его отношениях к «Русскому богатству», где он близко стоял только лично к Михайловскому, ради которого он готов был при всяких условиях нести свое сотрудничество в этом журнале. Ему редакционная кружковщина просто претила; здесь он видел партийную узость, которая во имя известных программ готова уложить и его самобытный талант на прокрустово ложе. Исключением был в его глазах лишь С. Н. Южаков, тоже стоявший в последние годы в стороне от «молодой» редакции «Русского богатства».

Создав себе выдающееся имя бытописателя-романиста, Мамин с особенной любовью отдает свое перо на служение детской литературе, создает свои знаменитые «Аленушкины сказки» и прочую серию детских рассказов, становясь настоящим другом и учителем маленького народа.

Не будет преувеличением, если я скажу, что Мамин-Сибиряк поднял до высокой художественности нашу оригинальную детскую литературу, облагородил ее и поставил своим преемникам в этом роде такой уровень требований, при выполнении которых мы с нашей оригинальной детской литературой можем стать на ряду с

первоклассными произведениями западноевропейского пера. Он с любовью и тщательно выбирал иллюстрации для своих детских рассказов и сборников, внимательно следил, чтобы его «маленькая аудитория», обширная по размеру, не только находила в его книжках и брошюрах, ей посвященных, достойную ей духовную пищу, но и ту внешнюю оправу, которая содействовала бы развитию ее эстетического вкуса. Любовь к дочери была исходною точкою этой литературы, и именем ее же — Аленушки — он украсил один из лучших сборников своих детских повествований, наименовав его: «Аленушкины сказки», и, таким образом, связал имя боготворимой им дочки навсегда с русской литературой.

Бессемейная одинокая жизнь была не в его природе, и он вторично женился и именно на той, которая отдала его дочери все свои заботы и попечения, сыграв в ее жизни роль второй матери. Это была известная в литературных кружках «тетя Оля», или иначе Ольга Францевна Гувале.

События жизни нашего писателя, относящиеся к последним десяти-двенадцати годам, не блещут ни разнообразием фактов, ни плодовитостью творчества, а в последние пять-шесть лет он явно клонился к закату и сходил, как писатель, на нет. Если литературная среда продолжала его радостно встречать, как доброго товарища, если издатели его книжек, из которых почти каждая выдержала по нескольку выпусков, дорожили им, как прибыльным автором, то редакции журналов и газет как будто начали его забывать. Его имя, когда-то громкое и звучное, отошло куда-то вдаль, и образ писателя-бытовика и областника все больше тускнел. А тут подкрался тяжелый недуг, который несколько месяцев назад окончательно свалил его на одр тяжких страданий. Последние дни этих страданий совпали с сорокалетием его литературной деятельности, и только тут широкие общественные и журнальные круги дали себе ясный отчет, какому крупному русскому таланту грозит серьезная опасность; тогда решено было среди друзей отметить этот день, выпадавший на день его ангела *, скромным домашним торжеством с принесением ему надлежащих приветствий и поздравлений.

Вот тексты адресов, поднесенных умиравшему юбиляру от собратий и почитателей:

«Дорогой Дмитрий Наркисович! 40 лет назад нога Ваша робко вступила на путь литературы, и вот сегодня Вы и мы, друзья Ваши, оглядываемся на пройденное Вами многотрудное, но и многоотрадное поприще большого художника, имя которого приходит в голову, когда хочется назвать имена тех, кем гордится литература. Светлому богу правды и красоты Вы служили с доблестью былого великого русского искусства, без суетливости и уступок духу времени. Назвать имя Мамина-Сибиряка — значит поддаться очарованию вековой русской были, размаху и силе широкого и мятежного русского человека и то тихой, то мощной прелести нашей природы. Вольный мастер, чуждый предвзятых тенденций, Вы дали нам на своих живописных полотнах бесконечное разнообразие типов народа и интеллигенции. Вы первый пододвинули к нам далекий Урал, заставили нас жить его жизнью, познакомили нас с его своеобразными обитателями, донесли до нас его своеобразный говор. Этими художественными произведениями Вы восхищали нас, взрослых, и наших детей, плененных поэтической сказкой, дышащей жизненной правдой. Вы открыли свою душу нашим детям, и они открыли Вам свою. Вы поняли и полюбили их, и они поняли и полюбили Вас. У Вас существует неразрывная связь, и «Аленушкины сказки» будут читаться, пока на Руси не переведутся сибирский кот-Васька лохматый, и деревенский пес Постойко, и серая мышка-норушка, и сверчок за печкой, и пестрый скворец в клетке, и забияка-петух. Спасибо Вам, дорогой писатель и сердечный товарищ, и пошли Вам бог здоровья и счастья на многие-многие лета!» Адрес покрыт многочисленными подписями.

Всероссийское литературное общество со своей стороны поднесло Мамину-Сибиряку следующий адрес:

«Общество приветствует Вас с 40-летием Вашей литературной деятельности. Давно Ваше имя стало дорогим широкому кругу Ваших читателей и почитателей. Тепло и любовно описывали Вы жизнь далеких маленьких людей, ставших нам близкими и понятными в художественном воплощении внимательного и зоркого наблюдателя. Вы приобщили уральскую окраину к общей русской жизни единением интеллектуальных и духовных интересов. Везде — свет и тени, и много поучительного в Ваших повествованиях, в вечной борьбе между

исканиями наживы и человеческими чувствами. Ярко светится в Вас искреннее человеческое чувство и душевная чистота в общении с природой, которую Вы так чудесно умели описывать, и с детским миром, который не потому ли Вам так близок и доступен, что сердцем Вы были и остались чистым наперекор всем жизненным испытаниям. Желаем Вам бодрости и долгих лет жизни и чтобы ни Вам, ни всей России не быть «в худых душах».

Были присланы приветственные телеграммы и адреса, в том числе от Разряда изящной словесности Академии наук, наконец-то вспомнившей того, кто уже давно по всем своим литературным правам мог составить украшение ее*. Эта «репетиция похорон» состоялась 26 октября, а 3 ноября обширная толпа писателей, учащихся, читателей и почитателей молилась на краю могилы об упокоении души усопшего раба божия Дмитрия.

Особых специально-литературных речей сказано не было; только личный друг почившего, известный художник А. К. Денисов-Уральский помянул со слезами на глазах своего земляка, и Ап. Коринфский прочитал стихотворение, посвященное его памяти *.

Затем рядом с могилой Гончарова Александро-Невское кладбище украсилось новым литературным крестом — Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка...

С. Я. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ

Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854—1933) врач по образованию, писатель, один из руководителей журнала «Русское богатство», в котором печатались произведения Мамина-Сибиряка (роман «Черты из жизни Пепко», «Падающие звезды», цикл рассказов «Детские тени» и др.). Между Елпатьевским и Маминым-Сибиряком идейной и творческой близости не было, что осознает и мемуарист. Но в его воспоминаниях о Дмитрии Наркисовиче, очень дружественных и эмоционально приподнятых, много тепла, уважения к большому труду крупного русского демократического художника. Он, в сущности, правильно понимает, что Мамин-Сибиряк не народник, что ему были чужды теоретические доктрины «Русского богатства».

Елпатьевский — автор ряда воспоминаний о русских писателях конца XIX — начала XX века. После революции им были изданы воспоминания «За пятьдесят лет» (М., 1929).

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Я встретил его в первый раз в 1893 г. на редакционном ужине у Н. К. Михайловского. У меня осталось в памяти бледное лицо, красивый белый лоб и в особенности глаза, большие, черные, прекрасные глаза. И особая ухватка, манера, интонация голоса, яркие словечки и неизменная трубочка. От него веяло не то что провинциализмом, а чем-то не петербургским, своеобычным и оригинальным.

С тех пор мне часто приходилось встречаться с ним в разнообразных литературных кругах, и у меня только усиливалось и подчеркивалось это первое впечатление своеобычности и оригинальности. Он был всегда заметен во всяком обществе и всегда выделялся на фоне петербургских лиц своим тоном, своими манерами, своей ухваткой. И, когда собиралось большое литературное общество, казалось, что он не принадлежит ни к одной из разнообразных групп, собиравшихся там, что он особняком и сам по себе. И позиция его в Петербурге была особая.

По своему направлению, по литературной близости, он примыкал ближе всего к «Отечественным записокам» и «Русскому богатству». Собственно, направление Мамина-Сибиряка нужно принимать с большими оговорками. С «Русским богатством» его объединяла общая народническая линия, глубоко залегавшая в душе Мамина, но залегавшая не как формулированная, договоренная политическая и социальная программа, а как неискоренимая тяга к народу, глубокое проникновение в дух и характер народа. Большую роль играли и его личные отношения с людьми «Русского богатства» и в особенности с Н. К. Михайловским, к которому Мамин относился с совершенно исключительным уважением и с какой-то особой нежностью, даже не гармонировавшей с общим, немного суровым обликом Мамина. Такие же личные отношения с покойной издательницей «Мира божьего» А. А. Давыдовой связали его на долгое время с этим журналом.

И к Мамину было особенное отношение разнообразных литературных кругов. Как-то по-особому к нему подходили разные люди, и какое-то особое отношение установилось к Мамину у самых разнообразных людей. Он был прямой, иногда резкий в своих суждениях, его полновесные остроты, его яркие словечки, случалось, задевали людей, и Мамину прощалось то, что не простилось бы другому, может быть, именно потому, что Мамин был прямой, открытый, не желавший обижать людей, потому что Мамина любили. В нем не было отгороженного, резко ограниченного «отсюда и до сюда», что мешало бы ему вести знакомство и быть более или менее близким с широкими разнообразными кругами. И у него были обширные знакомства, начи-

ная от старых людей, которые интересовали его, как типы, включая артистов и художников и всю сборную разношерстную интеллигентскую петербургскую публику и кончая моими знакомыми нижегородскими старообрядцами, которые рассказывали мне, с какой приятностью проводили они долгие вечера с Маминым.

Главный круг его знакомства был, впрочем, литераторы,— и верхи и низы литературы, всяких обликов и направлений, кроме подлых. И по существу он был литератор, прежде всего и только литератор. У него не было отхожих промыслов и подсобных занятий, он не служил, не принимал участия в каких-либо учреждениях и организациях, помимо литературы, он был весь в литературе и в том, что связано с литературой.

Тоже одно из первых моих впечатлений и самое характерное для Мамина,— он был уральский человек. Мне пришлось четыре года прожить около Урала, у меня были обширные знакомства и связи с уральскими заводчиками и купцами, служащими и рабочими, и, когда я смотрел на Мамина, я невольно вспоминал уральские типы.

Уральские люди особенные. Может быть, оттого, что они потомки беглых людей, убегавших на Урал от государственного и барского гнета, от религиозных преследований, просто из жажды воли и широкой жизни; может быть, потому, что уральским людям всегда приходилось бороться с лесом и зверем, с горами и бурными горными реками, вонзаться в недра земли в розысках золота, руд и драгоценных уральских камней,— там сложился особый тип населения, резко отличающийся от коренного, срединного земледельческого крестьянства.

Может быть, не вполне точна прибавка — псевдоним к фамилии Мамина — Сибиряк, и было бы правильнее прибавление к Мамину — Уралец. Место, откуда он вышел, еще не настоящая Сибирь, это все-таки Урал, перевал, грань между Россией и Сибирью. Там нет той этнографической мешанины, какая есть в настоящей Сибири, там коренное старорусское население, и если на уральском облике сказываются уже некоторые сибирские черты, то главное, что определяет этот облик,— русское, старорусское.

Там живы легенды про Ермака* и про Пугачева,* старые сказания о лесных подвижниках, о старых отчаянных людях, о всяких искателях, о землепроходцах. Там нет русской покорности, смирения и незлобливости, мягкости и гибкости,— там люди более суровые, с большим чувством собственного достоинства и более смелые, нередко бесстрашные люди. Там еще сохраняются старинные русские песни, и особая старая интонация голоса, и редкостные слова, давно забытые в центральной России, которые можно встретить в старой новгородской летописи*. Там говор на «о»*, там меньшее количество слов, короткие фразы, старинные крепкие остроты, сильные жесты, суровая нежность. И издревле там укрывалось и хранилось древлее благочестие, древний уклад жизни в постройках, в манерах, в обычаях.

Там сильные люди. Я не встречал в России таких могучих тел, как на уральских заводах, такого роста, такой силы, такого идеального мужского сложения. Когда я изумлялся необыкновенным фигурам забойщиков на золотых приисках Енисейской тайги, тех, кто идет впереди траншей и отбивает кайлой породу, провожавший меня золотопромышленник ответил мне, как нечто совершенно не требующее дальнейшего объяснения: «Да ведь это екатеринбургские».

Мамин был уральский человек. Кряжистый, словно сколоченный, сильный и смелый человек. Он был весь полностью от Урала, обликом, ухваткой, чувствованием, думанием. В нем много было от мглистых еловых лесов и белорадостных березок, от горных вершин и угрюмых скал, от уральского камня, от бурных горных речек, от всей уральской жизни, от людей и зверя, от старых преданий.

Он знал Урал, как, может быть, редко кто. Он знал еще старый Урал, дореформенный древний Урал. Ему было двенадцать лет*, когда была объявлена воля, на его глазах входила в Урал новая жизнь, начиналась и развертывалась ломка старого, и входило новое, разрушавшее это старое. Уже сложившимся человеком он наблюдал, как приходил на Урал господин капитал, как ломал он старые устои жизни, как появлялись на Урале новые, хищные типы,— вставали изнутри, прилетали извне.

Он юношей и взрослым человеком с ружьем за пле-

чами исходил Урал по горам и лесам, изъездил его верхом, исколесил в лодках и на барках по бурным рекам, бродил по старым заводам, по глухим деревням, где хранился еще старый уклад жизни, по старым могилкам, среди старых людей.

Так он и донес до могилы Урал в своей душе... Да, он прожил целую петербургскую жизнь, он вращался среди той сборной русской интеллигенции, которая шла в Петербург с юга и севера, востока и запада, жил общей с ней жизнью, но до самого конца оставался Маминым-Сибиряком, уральским Маминым. Он был породистый, сильный человек, цельный и целостный, неломкий, негибкий, негнущийся. Он был, как обломок яшмы, красивой, узорчатой яшмы, занесенной далеко от родных гор. Он имел общий интеллигентский облик, но за полированной поверхностью яшмы была глыба цельной породы, чистой, твердой, твердой без трещин и излучин.

И он претворил в своем художественном творчестве Урал, весь Урал, и вернул его своей родной земле прошедшим через великое художественное восприятие, претворенным ярким художественным творчеством. Он отразил в своих писаниях все, что внес в его душу Урал, его суровость и поэзию, буйную радость уральской весны и угрюмую печаль окутанных мглою узких долин и темных лесов, и душу уральских людей, хищных и кротких, отчаянных и молитвенных. Он не был тем, что называется этнографический писатель *,— слишком яркими и широкими красками рисовал он, слишком много общерусского в нарисованном им Урале.

И, можно сказать, что он вернул Урал не только Уралу, но и России, в особенности вернул старое, древнерусское, исконное, что лежало в старом Урале.

Он все дал в своем художественном творчестве: и новую жизнь, которая развернулась на Урале за последние сорок-пятьдесят лет, всю ту капиталистическую, духовную и бытовую эволюцию, которую Урал пережил вместе со всей Россией, и новые типы, и новый уклад жизни, вызванный этой эволюцией, но особым художественным любованием была обвеяна у него старая Россия, старый Урал. Детские и юношеские впечатления, особенно крепкие и цепкие, и они особенно глубоко залегли в душе Мамина. Он особенно любил или,

вернее, облюбовывал людей старого воспитания, старого уклада, коренные, цельные, исконные русские типы,— будут ли то дореформенные безумно дикие исправники, заводские управители и владельцы, охотники и лесные люди, молитвенники в темных лесах, бурлаки и сплавщики, бабы-раскольницы, с своим старым строгим укладом души.

У Мамина был большой талант, я позволил бы себе сказать, специально русский талант, стихийный, даже немножко дикий, с древним неутраченным непосредственным чувством природы, напряженным особым чувствованием леса и гор, реки и долины, зверя и человека, как у родственного с ним Куприна, у которого такой же стихийный талант, такое же непосредственное, напряженное чувствование природы. И Мамин не однотонный художник. На его палитре всякие краски, у него есть юмор и лирика, суровая сила и огромная нежность, яркий быт и тонкие и глубокие духовные переживания.

У него была и особая манера писания,— сразу, быстро, иногда без помарок. У него все было — и широкие огромные полотна: «Горное гнездо», «Приваловские миллионы», «Три конца», «Хлеб», и были тонкие миниатюры, как «Могилки» *, как эпизоды из его скитаний, где все только улыбка или вздох, или жалоба. У него были картины широкого разгула, озорства и дикой отчаянности и кроткие фигуры одиноких брошеных людей и молитвенных созерцателей, у него были картины обывательской жизни и «Аленушкины сказки», такие детские сказки, такие полные переживания детской души, и «Емеля-охотник», и «Про Воробья Воробеича».

Была еще особенность в его художественном творчестве — правда. Он никогда не руководился в своих писаниях так называемыми течениями в русской литературе, чужим влиянием и требованиями рынка, он сам был всегда судьей над собой. Он отражал в своем художественном творчестве жизнь, как она отражалась в его художественном восприятии. Он не относился к явлениям народной жизни с порицанием и осуждением или похвалой и оправданием; он не возвеличивал и не преуменьшал народную жизнь, но и не был безразличным писателем.

Повторяю, он был народник, народник по кровной связи с народом, которую он не мог, если бы и хотел, отде-

лить от себя, как нельзя самому отодрать кожу от своего тела. Он был народник, потому что он сам вышел из народа, по близости к нему, по любви сердца, и главная струя симпатий его была направлена на то, на что направлена была у многих других старых русских писателей,— на народ, на рабочих, на крестьян, на обездоленных, на страдающих людей. Их он обвеял своей лаской, своей суровой нежностью, своим жалением.

Мамин был человек старого воспитания, старых устоев. И не потому только, что помнил крепостную жизнь, знал старую жизнь. Он любил все настоящее, старорусское, натуральное, истовое, коренное. Он искренне любуется, как ест в буфете старый, типичный русский барин, только потому, что барин цельный, настоящий и по-настоящему, по-барски ест,— и заглавие рассказу Мамин пишет: «Настоящий» *. И в этом объяснение, почему так часто и с такой авторской любовностью обращается Мамин к старообрядчеству, где так много настоящего, коренного, истового, где старорусское так тщательно сохраняется, так ревниво оберегается...

И как писатель, он был старого воспитания, старых, уходящих из жизни литературных традиций.

Для него литература была не только «выявление» своего «я», но и миссия, святость, служение родине. Он шел туда, где ему роднее, он, живший, «от строчки», никогда не вводил коммерческого расчета в свою литературную деятельность, и трудно представить себе, чтобы Мамин торговался из-за гонорара и пошел в чужое место только потому, что там больше дают. И, сам нуждаясь, он как Крез раздавал направо и налево бесплатно свои рассказы в многочисленные литературные сборники, появлявшиеся одно время с благотворительной целью; и, когда задумывались те или другие сборники, первым упоминалось имя Мамина, как неизменного поставщика.

Он любил и ценил только литературу старых традиций, так сказать, общерусскую литературу, обращавшуюся к всей России, к широким массам населения, не забывающую о народе.

И ненавидел глубокой маминской ненавистью то утонченное, вернее истонченное, что вскрылось в литературе за последние годы,— глубокую оторванность от

жизни, и от народа, обращение не к широким слоям русского населения, а разговоры промежду себя, обращение к малой кучке утонченных и истонченных людей, стилизацию, жертвующую содержанием стилю, доходящую до того, что остается один стиль и исчезает не только содержание, но смысл.

Теперь идет отбой, но тогда, во время моего близкого знакомства с Маминым, был медовый месяц этого нового направления в русской литературе, и не было пределов негодованию и презрению Мамина.

В высокой степени характерен для Мамина его язык, позволительно сказать, маминский стиль. Ему не нужно было обращаться к словарю Даля и заимствовать оттуда народные выражения, как теперь практикуется, для того, чтобы стилизовать слог под народ. Я уже упоминал, что у Мамина еще сохранилось давнее народное непосредственное чувствование природы — у него сохранилась и народная манера думать образами и образно выражать свои мысли. По своей писательской манере он примыкал к старшему поколению, к мастерам слога, сделавшимися классиками; у него та же благородная простота великолепного языка, та же сдержанность, так сказать, скромность языка в пейзаже и жанре, в изображениях поэзии природы и человеческих чувствований, но у Мамина была и ярко выраженная индивидуальность, свой маминский язык. Уже масса уральских слов, драгоценных, крепких, старых русских слов делает его язык особенно богатым, оригинальным и колоритным, и потому его слог был волнующий, сильный и гибкий, так ярко передававший суровое и сильное, нежное и молитвенное. Не будет преувеличением сказать, что такой яркий, цветной, узорчатый и коренной образный народный язык можно встретить только у немногих русских писателей прошлого и настоящего.

...Ближе я сошелся с Маминым в Ялте*, куда он приезжал гостить.

В приятельство он вступал очень легко и быстро, но редко подпускал к себе близко людей и, чувствовалось, с некоторой опаской.

В Ялте, — потому ли, что его не дергала петербургская жизнь и все то, что связано было у него с писа-

тельством, потому ли, что около него сразу образовался кружок ялтинских людей, чтивших и полюбивших его,— он был другой, не петербургский, менее сторожкий, спокойный, умиротворенный и, как бы сказать, ясный. И в Ялте я узнал, какой был Д. Н. Мамин, несмотря на свою кажущуюся суровость и даже некоторую резкость, милый, хороший и простой человек и, в особенности, какой он был внутренно интересный, своеобычный и оригинальный человек.

Скоро у нас образовались правильные заседания в городском саду или днем, когда мы, врачи, оканчивали приемы и освобождались от спешных визитов, или вечером, когда все были свободны и можно посидеть подольше. Тогда к нашей беседе присоединялись знакомые дамы, и общество делалось шире.

Когда Дмитрий Наркисович был в добром расположении духа, он набивал и закуривал трубочку и говорил:

— О-отец дья-якон рассказывал *...— И Мамин своими огромными черными глазищами оглядывал публику.

Тогда мы знали, что будет веселое собеседование. О. дьякон, был уральский человек и всегда рассказывал веселые вещи, иногда посоленные крупной уральской солью, но всегда яркие, остроумные, рассказывал короткими фразами, неожиданными и яркими образными выражениями. Когда я слушал рассказы Мамина, когда вставал передо мной его необыкновенный запас наблюдений, удивительные типы людей, с которыми он встречался и которых он умел обрисовывать короткими штрихами,— я невольно думал, как много неиспользованного осталось из богатства его наблюдений и силы его творчества. От Мамина никому не хотелось уходить, так остроумен он был, так весел и оживлен делался общий разговор. Об одном он избегал говорить в обществе — о себе, как писателе, о своих литературных произведениях.

Он не сделался приверженцем Ялты: слишком много было в нем Урала и слишком глубоко сидел в нем Урал. Дмитрий Наркисович одобрял море и горы, а ту красоту ялтинской растительности, которой мы любовались, не одобрял. И кипарисы, и мудреные привозные ливанские и гималайские кедры, и магнолии и «слишком много роз», и, кажется, единственное исключение делал для

чудесной лиловой глицинии, которая длинными пахучими гроздьями увивала его балкон в «Джалите» *. И не раз корил меня, что я, тоже северный человек, изменил своему северу и перекинулся в сторону юга. Всю свою антипатию к ялтинской растительной пышности он изливал на уксусное дерево — бедное, всеми гонимое, но милое, удивительно неприхотливое и цепкое дерево с перистыми листьями, и, когда я пробовал заступиться за Крым и за уксусное дерево, он начинал донимать меня:

— Вот увидите, напишу!.. Непременно напишу роман из ялтинской жизни... Так и начинаться он будет,— двое возлюбленных или «он и она» — сидели под тенью уксусного дерева... И весь роман совершаться будет,— он растягивал слова,— по-од тенью уксу-у-с-ного дерева.

Ему недоставало уральской елочки, белой березки,— того, что ему милее было и пальм, и каштанов, и великолепных магнолий. Раз, я помню, разговорились мы вдвоем про наш север, и как-то затих он, полез в карман, достал оттуда аккуратно сложенный пакетик в тряпочке и разложил на столе уральские камешки,— должно быть, носил он пакетик постоянно в кармане,— чудесные редкостные уральские камни, золотистые топазы и изумруды, и хризолиты, и таинственный александрит, что горит то красным, то зеленоватым огнем, и рубины, и сапфиры. Сбежало с его лица обычное насмешливое выражение и, мягкий и сосредоточенный, стал он подавать мне по камешку и ронял короткие фразы,— где на Урале родился камешек, как при нем его вынули из земли, у кого покупал, кто и почему подарил ему тот или другой камешек, и как живут люди, добывающие камешки, и как работают над ними. И забыл про уксусное дерево, под которым как раз сидели мы, и, должно быть, весь был там, где родятся его камешки...

Он мало интересовался ялтинской публикой и, кажется, кроме нашего тесного кружка, ни с кем не вел знакомства. Кроме базара... Кажется, тотчас же после приезда в Ялту Дмитрий Наркисович пошел на базар разыскивать «российских», натуральных людей. И нашел. Прежде всего старика-квасника, кажется, Степаном звать, с которым и вступил в приятельство. Я нередко по утрам, когда приходилось рано выезжать из дома, встречал на набережной Дмитрия Наркисовича

с неизменной трубочкой, медлительно и важно шествовавшего по направлению к базару.

— Куда?— спросишь.

— Квас пить.

Всякое утро ходил он пить квас у Степана, и вели они по душам долгие, должно быть, обоим приятные разговоры, а в городском саду в тот же день мне сообщались все базарные новости, неизвестные мне, постоянному жителю Ялты.

Раз он встретил меня в городском саду особенно оживленный.

— Сейчас тамбовских встретил... Артель пришла мост строить * через Черное море в Царь-град.

С тамбовскими людьми познакомил Мамина тот же квасник, и тамбовские люди объяснили Мамину, что у них слухи прошли, что русский царь велел строить мост через Черное море к Царь-граду, и что мост будет длинный, и поэтому работы будет вдосталь. В тот день Дмитрий Наркисович был очень оживлен и весел. Великолепно изображал он мне почтеннейшего с чудесной бородой седого старика-крестьянина, стоявшего во главе артели и державшего всю артель в ежовых рукавицах и глубоко верившего в постройку моста через Черное море к Царь-граду.

И было видно, как он обрадовался, что разыскал коренных российских людей в Ялте, натуральных, исконных русских людей.

Есть задачливые люди и есть незадачливые. Одним жизнь — скатертью дорога, другим — вся загорожена волчьими ямами, проволочными заграждениями.

Литературный успех иногда сразу завоевывается первыми же произведениями, иногда, лишь постепенно нарастая, все выше и выше возносит человека...

Жизнь не задалась Мамину. И личная жизнь... Хотя бы из его в значительной мере автобиографического романа «Черты из жизни Пепко» видно, как тяжело и горько складывалась молодая жизнь Мамина. А потом наладилась было. Свил он себе гнездо, по своему сердцу, по своей душе. А жена умерла после родов, оставивши ему девочку... Мамин был человек глубокого чувствования, и я знаю от покойного Н. К. Михайловского, какую

муку перенес Мамин. И, может быть, нежная забота, которою окружил его Михайловский, поддержка мужественной души помогли Мамину пережить этот тяжелый удар. Сам Мамин в свойственных ему сдержанных выражениях говорил мне, что отсюда пошло хорошее отношение его к Михайловскому, исключительная его любовь к Михайловскому.

Незадачлив он был и в литературе. Он сам рассказывал мне в Ялте, как он девять лет посылал в разные редакции и рассказы, и романы, и повести и девять лет получал отовсюду отказы. И не вспыхнул он сразу успехом и славой и не нарастали и не наросли до могилы слава и успех Мамина даже приблизительно в той мере, в какой приличествовало ему. Да, Мамин... признанная величина, но какая-то неподвижная, сразу остановившаяся на мертвой точке. И размеры этой величины в широких слоях публики не повышались и не понижались, а именно оставались на мертвой точке признания и забвения.

Есть в этом нечто удивительное. У него не было перепевов с чужого голоса, он сразу вышел в литературу не подражателем кому бы то ни было, а ярким, оригинальным и своеобычным писателем, а первое, помню, обратившее на себя общее внимание, произведение «Бойцы», напечатанное в «Отечественных записках» (1883 г., кн. 7—8), отличалось не только талантливостью, но и яркостью и оригинальностью темы, и манерой использования темы.

Он был большой талант и не однотонный талант, у него была большая палитра красок,— и все-таки он не имел должного успеха. Нельзя объяснить это и тем, что он поздно пришел, что он попал на безвременье, когда вкусы публики ушли от старых бытовых приемов в русской беллетристике. В некоторых отношениях он даже попал в исключительные условия. Старые беллетристы сходили со сцены и не вставали еще новые, начинал он в том журнале, который задавал тон русской публике*, и всегда печатался в наиболее распространенных журналах, и, повторяю, успеха не имел,— приличествующего яркости и оригинальности таланта Мамина.

Да, он знал, что верхи литературы всегда чтили и подолжному ценили его талант, но почему-то не писали о нем критики, и, кроме статьи Скабичевского в «Новом

Мамин-Сибиряк с Аленушкой.

слове» (1896 г., кн. 1—2) и статьи Альбова в «Мире божьем» (1900 г., кн. 1—2), я не запомню больших общих статей, посвященных Мамину. И публика шла мимо. Не то, что не осаждали его интервьюеры, не снимали его за обедом, за завтраком, в ванне, в спальне для иллюстрирования в журналах — это все явления самоновейшего времени; но никогда не создавалось шума около него, яростных споров,— шума, может быть, бестолкового, но неизбежно сопровождающего всякий успех. Да, в провинции любили, знали и чтили и читали его; там спорили и обсуждали, но этот провинциальный шум не доходил до Петербурга и Москвы и не сказывался в столичных толках.

Сколько он написал * и как он написал, мало кому теперь известно... Мимо него шли люди в академию, шли на свои юбилеи, а он оставался на Верейской улице, забытый и покинутый... И я не знаю другого — как бы сказать,— более иронического или трагического юбилея, как справленный над Маминым, над умиравшим и лишь изредка приходившим в сознание писателем. Люди вспомнили о забытом и покинутом писателе, когда лежал он распростертый на смертном одре, когда звуки жизни уже не доносились до него, и прочитали над ним адрес, как отходную молитву. Такой юбилей закончил писательскую жизнь Мамина-Сибиряка, завершивши и подчеркнувши его литературную судьбу.

Он лежал в гробу, и ничего не осталось от живого Мамина, которого я так близко знал, которого я только два года не видел. Мне много приходилось провожать в могилу близких людей. Изменяла их болезнь, изменяла смерть, но я в первый раз видел, как в мертвом ничего не осталось от живого, как по-другому и даже по-противоположному перестроилось мертвое лицо.

Это было так поразительно, что потом мне невольно приходило в голову, что если бы судебная власть заставила меня показать под присягой, кто лежит в гробу, я бы с глубоким убеждением присягнул, что это не Мамин. Не в том дело, что он был худой и бледный и что лицо его из круглого стало продолговатым, а в том, что не осталось ничего, совсем ничего от Мамина, которого я знал двадцать два года, от его смелого

облика, его насмешливого выражения лица. Закрыты были большие его глаза, и грустно, и жалобно, и как-то покорно сложились губы под незнакомыми мне редкими усами. Не было бороды у него, и старые буйные волосы легли мягкими тонкими волосиками над его высоким лбом. И, что было самое поразительное, лицо его приняло древний иконописный облик долго постившегося и много молившегося человека, русского человека из давнего прошлого, старого письма. И так подходили к этому лицу и монахиня, что читала в углу протяжным голосом старые протяжные молитвы, и альт, удивительно надрывным и болезненным голосом певший «Вечная память», и ладан, и кадило, и свечи... Строгое скорбное лицо словно наблюдало с подушки, так ли все, по-старому, истово, как должно...

Было сиро и бедно людьми около гроба. Все старики, седые люди, которых непременно встречаешь на похоронах. Больше дам, чем мужчин, искренно горюющих, соболезнующих дам. А молодежи совсем не было.

На другой день, когда выносили гроб, собралось больше людей, изредка виднелась молодежь, но тоже больше не молодые лица, сверстники, немножко постарше, немножко помоложе. И, когда процессия двинулась, я услышал разговор в толпе:

— А знаете, я только что еще две телеграммы получил. Трогательные, одну — от курсисток, другую — от учительниц.

Мне послышалось слово — из Варшавы.

— Это по случаю смерти?

— Нет, по случаю юбилея.

Немножко запоздал юбилей, немного опоздали телеграммы.

Мамин умер, но не умерли его художественные произведения. Нужно думать, что и не умрут, что к Мамину еще вернутся люди. Да, он недостаточно признан, но не всех признают при жизни, и мы знаем не один случай, когда людей признавали даже и не к сорокалетнему юбилею, а долго спустя после смерти. На наших глазах в общем признании встает Тютчев, мало оцененный широкими слоями современников. Да, учащаяся молодежь не пришла хоронить Мамина, очевидно, мало чита-

ет, мало знает его, но странное явление наблюдается в настоящее время в России. Есть многочисленные свидетельства, что учащаяся молодежь ушла от старых писателей и редко читает Тургенева, Г. Успенского, Салтыкова, и тоже есть многочисленные свидетельства, что новый читатель, встающий из народа, идет именно к старым русским писателям. Близко знакомый мне депутат-рабочий, вполне осведомленный в фабричном районе, пославшем его в думу, и в крестьянстве, примыкающем к его фабричному району, рассказывал мне, что рабочие и крестьяне усиленно читают не только Толстого и Некрасова, но и Тургенева и Салтыкова, и что именно Салтыков становится их любимым русским писателем.

Вернее будет сказать, что к Мамину пойдут. Будут идти и писатели, и интеллигентные люди, которые отвернутся от острого и пряного и будут искать здорового и сильного, чудесных ярких образов и которые в особенности будут у него искать настоящего, художественного русского языка.

Признает его народ. Придет к нему коренная Россия, которая встает в своем понимании, та будущая читательская масса, которая скоро будет иметь свое властное суждение о литературе, которая потребует от писателя содержания, ответа на свои духовные запросы.

Она придет к Мамину, такому родному и близкому, такому яркому и художественному, такому ясному и понятному для широких масс.

И, может быть, он скоро сделается там классиком, может быть, будет избран там академиком.

Н. Д. ТЕЛЕШОВ

Воспоминания Николая Дмитриевича Телешова (1867—1957) относятся к 1890-м годам, когда начинающий писатель попал в кружок Тихомировых, где и встретился с Маминым. В 1894 г. Н. Д. совершил поездку по Каме, побывал в Перми и за Уралом. Мамин с радостью приветствовал первые книги Телешова (1895—1896), среди которых было и его путешествие «За Урал» (1897). Особенно созвучной Д. Н. оказалась тема Телешова о детях-переселенцах. В Тюмени, на переселенческом пункте, молодой беллетрист столкнулся с больными детьми деревенской бедноты, оставленными родителями переселенцами, и тепло описал их в рассказах «Елка Митрича», а также «Нужда» и «Домой». Мамин сразу обратил внимание на эти произведения подлинного гуманизма и очень полюбил скромного и честного писателя, писавшего об уральских шахтерах («Шахты») и о мужицкой бедности. Н. Д. Телешов платил тем же и до самого конца жизни часто вспоминал Д. Н. и свои встречи с ним, неоднократно участвуя в юбилейных вечерах и заседаниях, посвященных Мамину, в послереволюционные годы. Первая редакция его кратких воспоминаний была записана корреспондентом газеты «Раннее утро» в дин похорон Мамина.

< Из встреч >

...Заговорив о народе, об Урале и о Сибири, невольно вспоминаешь встречи с крупным писателем Маминым-Сибиряком,— тоже выходцем из народных масс.

Автор «Бойцов», «Приваловских миллионов», «Горного гнезда», «Золота», «Хлеба» и многих-многих романов из уральской приисковой жизни с ее бешеным обогащением разных хищников, бешеной расточительностью их и такими же бешеными провалами, Дмитрий Наркисович Мамин был мне достаточно известен и интересовал меня как писатель незаурядный, сильный и самобытный. Кроме того, он привлекал мое внимание и симпатии еще тем, что чувствовался в нем, о чем бы он ни писал, хороший и настоящий друг народа, друг людей, обездоленных, но сильных и смелых. Он не приспособлялся ни к каким течениям литературным, общественным и иным, он просто, сам вышедший из народа, любил народную силу, народную будущность и, не выходя из рамок художественной правды, описывал жизнь, какою она была в его время, со всей ее грубостью, с ее поэзией, с ее юмором.

Впервые я встретился с ним в конце девяностых годов на редакционных вечеринках «Детского чтения» в кружке Тихомировых *, где он обычно, как близкий человек, останавливался и гостил, когда приезжал из Петербурга. Как раз в это время начались печатанием в «Детском чтении» его рассказы, полные сердечности и тихого легкого юмора, составившие впоследствии прекрасные книжки для детей под общим названием «Аленушкины сказки» * и «Светлячки» *.

Много раз и немало лет встречал я Мамина на этих субботниках и никогда не замечал, чтобы он был не в духе. Напротив, всегда приветливый и сдержанно веселый, он любил рассказывать о всяких людях, о встречах с ними, о разных пустяках и курьезах, и рассказы его бывали всегда забавны, остроумны и талантливы. Не любил он говорить только о своих литературных делах и держал себя так, как будто он был кем-то иным, но только не писателем.

Во время ужина Мамин не садился обыкновенно в почетные углы, к знаменитостям, возле хозяина, а предпочитал быть среди простых смертных, хотя его всегда пытались перетащить на видное место, но он не шел. Зато перед ним, в виде особого исключения, ставилось пиво, которое никому, кроме Мамина, не подавалось, так как считалось напитком низменным, а Мамин его любил и выпивал немало, хотя и говорил в шутку, что

«из-за него, окаянного, я всю свою красоту прежнюю потерял».

Всегда спокойный и в меру шутливый, с большими черными красивыми глазами, с непослушной прической седеющих волос и с неизменной неразлучной трубочкой в руках или в зубах, Дмитрий Наркисович производил впечатление беспечального россиянина, прожившего недурно две трети жизни и очень спокойного за оставшуюся треть.

Он был уже автором многих романов — преимущественно из уральской приисковой жизни,— печатавшихся в лучших журналах того времени. Правильно и метко говорил о нем наш общий друг С. Я. Елпатьевский: «Мамин — это уральский человек. Он весь полностью от Урала — обликом, ухваткой, чувствованием, думанием. В нем многое от мглистых еловых лесов и белорадостных березок, от горных вершин и угрюмых скал, от всей уральской жизни, от людей и зверя, от старых преданий...»

Произведения его читались с большой охотой: одни интересовались интригой и разнообразием действия, другие — характерными типами, иные — природой, бытом и этнографией. Непонятно, почему о других, менее заслуживающих внимания, писали, кричали, возводили их на недолговременные пьедесталы, а Мамин оставался как бы в тени. Эта несправедливость чувствовалась им, но он не показывал даже вида, что ему иногда больно.

Мамин-Сибиряк бывал у нас всегда на «Средах» * как желанный гость во время наездов его в Москву. Когда мы попытались издавать от нашей группы литературные сборники, Мамин был с нами. Так, в 1902 г. он писал мне:

«Очень рад, что ваш товарищеский сборник состоится, а также тому, что мое имя появится на его страницах...»

В том же году возникла дерзкая мысль начать издавать для широчайших кругов читателей крайне дешевые книги с огромнейшим тиражом. Многие товарищи очень заинтересовались этим предложением и ответили мне не только согласием прислать рассказы, но и практическими советами.

Для начала, на первый опыт, требовалась, однако, некоторая жертва со стороны авторов. Каждая сотня

рублей имела в данном случае значение, а потому было предположено, что писатели не будут требовать себе гонорара за отданную в сборник вещь, уже побывавшую ранее в печати. Все это было, конечно, делом весьма фантастическим. Но Мамин и на это пошел. Он писал мне: «Что касается дешевого сборника в 20 коп., то я с удовольствием соглашаюсь, чтобы вы выбрали что-нибудь для него из моих рассказов».

Давши такое определенное согласие, Мамин прибавляет в дальнейших строках следующее горькое, но существенное послесловие:

«Дешевизна вещь хорошая, и дешевая книга нужна, но ведь авторы имеют скверную привычку обедать, иметь семью и т. д. Прибавьте к этому, что автор с своего издания выплачивает сорок процентов магазину Суворина и иным «любителям российской словесности». Прибавьте еще, что с нашей дорогой авторской книгой конкурируют приложения иллюстрированных изданий, а уж о конкуренции с дешевыми изданиями таких корифеев, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, конечно, и говорить нечего. Что же остается? Остаются наши книги на полках книжных магазинов непроданными, и остается мнение почтенных читателей, которые, невольно сравнив цены наших книг с корифейными, обзовут нас живодерами. Очень грустное и безвыходное положение...»

В том же году, ранней весной, мы встречались с Дмитрием Наркисовичем в Ялте. Вспоминается наше посещение А. П. Чехова. Целая группа писателей явилась тогда из Ялты в Аутку. Пришли все вместе: Мамин, Горький, Елпатьевский, Бунин, Куприн, художник Нилус, писавший в то время с Чехова портрет, и еще, если не ошибаюсь, был артист Художественного театра, старик Артем * — большой приятель Антона Павловича, и доктор Средин. За ужином, помню, подавали любимое блюдо Чехова — печеную картошку в «мундире», то есть со шкуркой. Сидели недолго, чтоб не утомлять больного хозяина, и всей компанией пошли пешком обратно в Ялту, наслаждаясь тихим душистым весенним вечером.

В Ялте, на морской набережной, был небольшой книжный магазин старика Синани, любителя литературы и особенно — самих литераторов. Знакомства у него в артистической и писательской среде были очень

большие. Приезжие известности и знаменитости нередко заходили к нему в магазин, где, кроме книг, продавались еще и папиросы; приходили за табаком, а то и так просто ради встречи с другими. Иногда можно было видеть здесь Чехова, сидящим на скамье на улице, у входа в магазин. У Синани была большая толстая тетрадь в хорошем переплете — альбом, где за многие годы расписывались его знакомые из литературного мира и заносили туда на память свои краткие впечатления об Ялте. Книга эта очень интересна по множеству автографов известных людей того времени, и было бы жаль, если б она затерялась в частных руках.

На Мамина, как человека северного, Крым не произвел чарующего впечатления, и он в этой книге автографов написал следующее:

«Ехал в Ялту с радостью, уезжаю из Ялты с удовольствием».

Помню, как Синани был изумлен такой оценкой Ялты и всем знакомым показывал эту страницу и говорил:

— Вот Мамин-Сибиряк — большой писатель, а про нашу Ялту такое написал, что даже верить не хочется.

Конечно, заметку Мамина можно понять двояко: ехал с радостью и получил от Ялты большое удовольствие, которое и увозит с собой в Петербург. Но Крымский патриот Синани почувствовал здесь иной смысл, и, кажется, более верный.

Мамин не сделался приверженцем юга: слишком много было в нем Урала и слишком глубоко сидел в нем Урал, говорил Елпатьевский; ему недоставало уральской елочки, белой березки, того, что ему милее было и пальм, и каштанов, и великолепных магнолий.

Родился Мамин в 1852 г. и умер в 1912; стало быть, прожил шестьдесят лет на свете. Не вспомню, это ли шестидесятилетие, или иная причина или дата, но что-то вдруг подтолкнуло людей, заставило их позаботиться исправить многолетние ошибки и признать Мамина большим писателем, устроить ему общественное чествование и поднести ему торжественное звание «почетного академика». А когда собрались объявить ему об этом избрании, он лежал уже без памяти на смертном одре и через несколько дней умер, так и не услыхав того, что над ним прочитали. Так и не дождался он давно и вполне заслуженного.

Похоронили его рядом с И. А. Гончаровым *. Над раскрытой могилой стояли седовласые «братья-писатели», глядя на которых, вспоминались вещие слова Некрасова, что в судьбе наших «братьев-писателей что-то лежит роковое»...

Много было среди обступившей толпы молодых девушек-курсисток, много студентов. много разных неведомых людей всяких возрастов. Стояли с непокрытыми головами среди серого петербургского осеннего дня и слушали похвальные речи, слишком запоздавшие признания и подводили отсталые итоги. Один только поэт Коринфский бросил слово в будущее и, глядя на молодежь, закончил свое стихотворение с пафосом:

В грядущих поколеньях
Ты будешь жить, уральский самоцвет!

И. Н. ПОТАПЕНКО

Воспоминания Игнатия Николаевича Потапенко (1856—1929) касаются его дружеских отношений с Чеховым и Маминым. Дмитрий Наркисович познакомился с Потапенко весной 1891 г. Необычайно плодовитый, но поверхностный беллетрист Потапенко изображал знакомый и Мамину быт духовенства. Некоторую известность он приобрел слащавой повестью «На действительной службе» (1890). Очень простой и приветливый И. Н. одно время часто бывал у Мамина. Вспоминали, как маленькая Аленушка пришла однажды в кабинет отца и серьезно его расспрашивала: «Папа, а папа, это тебя Потапенко научил писать сказки?»

Добросовестный мемуарист И. Н. Потапенко оставил развернутые отзывы А. П. Чехова о Д. Н. Мамине.

А. П. Чехов встречался с Д. Н. Маминым в 1890-е годы. По свидетельству известного переводчика Ф. Ф. Фидлера они познакомились в 1892 г., встретившись у него дома. С творчеством Мамина Чехов познакомился только в середине 1890-х гг. В 1890 г., когда А. П. Чехов ехал на Сахалин, он останавливался на три дня в Екатеринбурге, встретился со своим родственником А. М. Симановым, но Мамина не видел. С Урала он писал: «Больше всех нравится в здешних краях сибиряк Мамин... О нем говорят больше, чем о Толстом». (Письмо к сестре от 29 апреля 1890 г.) Второй раз упоминание о М.-С. в связи с Толстым встречается в письме к Суворину от 23 марта 1895 г. «...Мамин-Сибиряк очень симпатичный малый и прекрасный писатель. Хвалят его последний роман «Хлеб» (в «Русской мысли»); особенно в восторге был Лесков. У него есть положительно прекрасные вещи, а народ в его наиболее удачных рассказах изображается нисколько не хуже, чем в «Хозяине и работнике». Я рад, что вы познакомились с ним хоть немножко».

И Мамин-Сибиряк высоко ценил замечательного реалиста и новатора Чехова. Он с радостью говорил об «отходе» Чехова от Суворина, которого сам глубоко презирал, и негодовал по поводу травли Чехова Бурениным (письмо к сестре от 16 мая 1899 г.).

<А. П. Чехов и Д. Н. Мамин-Сибиряк>

...Из сверстников-беллетристов большими симпатиями его, Чехова, пользовались К. С. Баранцевич *, М. Н. Альбов *, В. А. Тихонов *. Но совершенно особое место он отводил Дмитрию Наркисовичу Мамину-Сибиряку.

Он вызвал в Чехове особый интерес и как человек и как писатель, и А. П. при встречах, видимо, присматривался к нему и наблюдал его. Он как бы любовался его самобытностью и часто говорил о том, что вот этого человека жизнь трепала, как, может быть, ни одного из нас, а он между тем не уступил ей ни капли из своего уральского колорита.

Как-то у него все выходило по-своему. Его грубоватая и зачастую неприемлемая в взыскательном обществе речь, изумительные по своей меткости шутки, лишенные всякой дипломатичности эпитеты, которые он с лицом невинного младенца преподносил приятелям, его полная беззаботность относительно внешности, небрежно торчащие волосы, кой-какая одежда — все это выделяло его из ряда других.

И невозможно было представить такой обстановки, где Мамин заставил бы себя быть иным. Всегда и во всем он был самим собою и таким остался до конца дней своих.

Чехов сравнивал его с черноземом где-нибудь в Тамбовской или Херсонской губернии: копай хоть три дня в глубину — все будет чернозем, никогда до песку не докопаешься.

В один из своих приездов в Петербург А. П., встретившись где-то с Маминым, так сильно заинтересовался им, что потом все время в разговоре возвращался к нему, а затем вдруг однажды покаялся, что ни одной его вещи не прочитал как следует.

Помню, что мы вместе зашли в книжный магазин Суворина, и он велел прислать ему все, что было издано отдельно, Мамина-Сибиряка.

И он принялся поправлять свою оплошность, каждый день в свободные часы читая Мамина, но, когда при встрече я его спрашивал о впечатлении, он, видимо, избегал определенно высказываться.

И только когда прошло несколько дней, он однажды сам заговорил об этом:

— А знаешь... Я про Мамина... Он в книгах такой же точно, как и в жизни... Тот же чернозем — жирный, плотный, сочный, который тысячу лет может родить без удобрения. Растут на нем дикие травы и злаки, им же несть числа, а в гущине их живут на воле зайцы, стрепеты, куропатки и перепела... Это — та степь, которая воспета Гоголем.

— Ты хочешь сказать, что он некультурен?

— Да, вот, слава богу, за культурностью он не гоняется*. Но зато в каждом его рассказе какой-нибудь Поль Бурже* извлек бы материала на пять толстых романов. Знаешь, когда я читал маминские писания, то чувствовал себя таким жиденьким, как будто сорок дней и ночей постился...

— Я теперь понял, почему он сам такой,— снова потом вернулся А. П. к той же теме.— Там, на Урале, должно быть, все такие: сколько бы их ни толкли в ступе, а они все — зерно, а не мука. Когда, читая его книги, попадаешь в общество этих крепышей — сильных, цепких, устойчивых, черноземных людей,— то как-то весело становится. В Сибири я встречал таких, но, чтобы изображать их, надо, должно быть, родиться и вырасти среди них. Тоже и язык... У нас народничают, да все больше понаслышке. Слова или выдуманные, или чужие. Я знаю одного писателя-народника — так он, когда пишет, усердно роется у Даля* и в Островском и набирает оттуда подходящих «народных» слов... А у Мамина слова настоящие, да он и сам ими говорит и других не знает.

В другой раз, снова вернувшись к этой теме, Чехов сказал:

— Мамин принадлежит к тем писателям, которых по-настоящему начинают читать и ценить после их смерти. И знаешь почему? Потому что они свое твор-

чество не приурочивали к преобладающему направлению... *

Это уже было отчасти и про себя. Его ведь тоже упрекали в равнодушии к направлению. Одно время это было даже ходячей фразой, которую повторяли люди, привыкшие высказывать готовые суждения с чужого голоса: «Чехов — талант, но без всякого направления».

Известный в то время критик Скабичевский, который весь состоял из направления *, немало способствовал распространению этого взгляда.

Симпатии Чехова к Дмитрию Наркисовичу завершились торжественным совместным снятием в фотографии. В качестве общего их приятеля на этой карточке очутился и я.

М. П. ЧЕХОВА

Лучший друг своего брата и собиратель материалов о нем, прекрасный педагог, тонкий художник Мария Павловна была близка Антону Павловичу, знала его жизнь и его друзей. Все силы она отдала увековечению памяти брата, содействуя пропаганде и изучению его творчества. «Это она была приветливой хозяйкой в ялтинском доме, когда у Антона Павловича собирались Горький, Мамин-Сибиряк, Куприн, Станиславский, Немирович-Данченко, Васнецов...» — писал биограф Н. А. Сысоев («Сестра великого писателя». Сб. «Антон Павлович Чехов», Ростов., Книж. изд-во, 1954, стр. 88).

Перед столетием со дня рождения Мамина М. П. нашла необходимым напомнить советскому читателю о той творческой связи и лучших взаимоотношениях, которые она наблюдала между обоими писателями, предоставив в распоряжение прессы фотографию Чехова и Мамина, заснятую в Ялте в 1900 г.

<О встречах Д. Н. Мамина и А. П. Чехова>

Это было более полувека тому назад — в апреле 1900 года, когда Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк был в гостях у моего брата Антона Павловича. Помню, как сразу шумно стало в нашем саду по приходе Дмитрия Наркисовича и других писателей. Антон Павлович был в прекрасном настроении, шутил, смеялся.

С большим уважением и интересом относился он к уральскому писателю. Ему нравился самобытный талант Мамина-Сибиряка. «Читая его книги,— говорил Антон Павлович,— попадаешь в общество... крепышей — сильных, цепких, устойчивых людей, и как-то весело становится... Там, на Урале, должно быть, все такие: сколько бы их ни толкли в ступе, а они все — зерно, а не мука... Мамин принадлежит к тем писателям, которых по-настоящему начинают читать и ценить после их смерти».

Ценил Антон Павлович Мамина-Сибиряка за неисчерпаемую творческую силу его таланта и сравнивал его даже с Л. Н. Толстым. «У него есть положительно прекрасные вещи, и народ в его наиболее удачных рассказах изображается нисколько не хуже, чем в «Хозяине и работнике»,— писал Антон Павлович в одном из своих писем.

А. М. Горький в письме к Мамину-Сибиряку писал: «Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом — это дает красоту и силу ему. Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали Вашими книгами, открыв целую область русской жизни, до Вас незнакомую нам».

До самой своей смерти Антон Павлович не прерывал связей с Д. Н. Маминым-Сибиряком.

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ

Отрывки из воспоминаний Константина Сергеевича Алексеева-Станиславского (1863—1938) «А. П. Чехов в Московском Художественном театре» дают представление о связях театра и демократической общественности. Замечательный режиссер, актер и теоретик театра вспоминает о том, как на третий год после открытия театра в апреле 1900 г. «художественники» приезжали в Крым для показа «Чайки» и «Дяди Ванн» Чехова, «Одннокнх» Гауптмана и «Эдды Габлер» Ибсена.

В Севастополе, перед поездкой в Ялту, «мы узнали,— пишет Станиславский,—...что там собрались чуть ли не все представители русской литературы: Горький, Мамин-Сибиряк, Станюкович, Бунин, Елпатьевский, Найденов, Скиталец. Это еще больше взволновало нас» (сб. «Чехов в воспоминаниях современников», Гослитиздат, 1954, стр. 360).

<Писатели в Ялте в 1900 г.>

...На следующее утро (по приезде в Ялту) первым долгом пошли в театр. Там ломали стену, чистили, мыли — одним словом, работали вовсю. Среди стружек и пыли по сцене разгуливали А. М. Горький* с палкой в руках, Бунин, Миролюбов, Мамин-Сибиряк*, Елпатьевский, Владимир Иванович Немирович-Данченко*.

В Ялте летом 1898 г. А. М. Горький, Д. Н. Мамин, Д. Н. Телешов и И. А. Бунин.

Осмотрев сцену, вся компания отправилась в городской сад завтракать. Сразу вся терраса наполнилась нашими актерами, и мы завладели всем садом.

За отдельным столиком сидел Станюкович, он както не связывался со всей компанией.

Оттуда всем обществом, кто пешком, кто человек по шести в экипаже, отправились к Антону Павловичу...

...Мария Павловна разрывалась на части, а Ольга Леонардовна *, как верная подруга, или как будущая хозяйка дома, с засученными рукавами деятельно помогала по хозяйству.

...Горький со своими рассказами об его скитальческой жизни, Мамин-Сибиряк с необыкновенно смелым юмором, доходящим временами до буффонады, Бунин с изящной шуткой, Антон Павлович со своими неожиданными репликами, Москвин * с меткими остротами — все это делало одну атмосферу, соединяло всех в одну семью художников. У всех рождалась мысль, что все должны собираться в Ялте, говорили даже об устройстве квартир для этого.

Словом, весна, море, веселье, молодость, поэзия, искусство — вот атмосфера, в которой мы в то время находились.

Такие дни и вечера повторялись чуть ли не ежедневно в доме Антона Павловича.

15 Заказ № 504

Т. Л. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874—1952) выступила в литературе в 1890-е годы. Она была известна как драматург, прозаик, поэт, переводчик и мемуарист. Ее воспоминания написаны по просьбе «Комиссии по изучению жизни и творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка», работавшей при Литмузее в Москве в 1939—1940 гг 9 июня 1939 г. Т. Л. сообщила комиссии: «Мамина-Сибиряка я... встречала довольно часто во время так называемых «общих плаваний», когда в Москву приезжал Чехов. Он (то есть Мамин) был много старше нашей, тогда очень молодой, компании, но мы все относились к нему прекрасно, так как он был человек привлекательный своей простотой и сердечностью. Он был очень несчастлив в семейной жизни, с нами он «отдыхал душой», как он говорил. Было это все лет сорок тому назад, если не больше, и подробности наших встреч выветрились из моей памяти... Я думаю, что М. П. Чехова больше моего могла бы вам сообщить».

В. Д. Бонч-Бруевич тогда же просил Т. Л. расшифровать сообщаемые сведения: «1. Вы пишете, что встречали Д. Н. Мамина «довольно часто». Сообщите, пожалуйста, в какие годы, в Москве или Петербурге? 2. Что известно вам об отношениях Мамина и Чехова? 3. Что называете вы «общими плаваниями»? 4. Вы делаете важное утверждение о том, что «Мамин был очень несчастлив в семейной жизни». Это относится к смерти горячо любимой им жены М. М. Абрамовой?..» Заканчивал письмо Владимир Дмитриевич очень характерно: «Простите, что беспокою... Но такова уж наша обязанность собирателей литературно-исторических фондов...»

<Письмо о Д. Н. Мамине>

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич!

С удовольствием отвечу Вам на все Ваши вопросы, поскольку могу.

1) Встречалась я с Маминым в Москве, в 1894 году встретила его в первый раз. Встречались мы, главным образом, в редакциях «Русской мысли» и «Русских ведомостей»—тогда эти органы привлекали все, что было в Москве, да и в провинции, интересного и свежего. Конечно, так называемого «левого направления». Еще бывали у Дмитрия Ивановича Тихомирова, редактора-издателя «Детского чтения», журнала для детей, но очень серьезного и представлявшего как бы филиал вышеназванных «Русской мысли» и «Русских ведомостей».

Не следует забывать редакции «Артиста» изд. Ф. А. Куманиным *. У всех них бывали то обеды, то вечеринки, на которых часто раздавались «недозволенные речи» и за скромной бутылкой красного вина провозглашались тосты за уничтожение самодержавия и пр., ну, да Вы, верно, это помните и без меня.

2) Чехов очень любил Мамина, считал его талантливым, и он-то меня с ним и познакомил.

3) «Общими плаваниями» называлось вот что: когда Чехов приезжал в Москву из Мелихова * или из каких-нибудь поездок, он останавливался почти всегда в Большой Московской гостинице, против Иверской, где у него был свой излюбленный номер. Он давал знать о своем приезде, и с быстротой беспроволочного телеграфа весть эта разносилась: «Антон Павлович приехал». Тут дорогого гостя начинали чествовать, и чествовали так усиленно, что он сам себя прозвал «Авеланом» — это был морской министр, которого тогда ввиду франко-русского альянса беспрерывно чествовали то в России, то во Франции — и вот, когда приезжал «Авелан», начинались так называемые «общие плавания». Это были завтраки в «Эрмитаже», или обеды у Тестова, или наконец, поездки к Яру или в Стрельну, съемки у фотографа, собрания литераторов, концерты — Антона Павловича затаскивали, его так любили и его приезды составляли для московских друзей и товарищей его — праздник. Он сам

писал, что в Москве «жил в беспрерывном чаду», и не без облегчения уезжал в свое тихое Мелихово.

Вот в этих-то «общих плаваниях» нередко принимал участие Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Он наезжал — кажется из Петербурга — и мы все хорошо относились к нему. Мне нравилась его необыкновенная простота. Он был крупный, плечистый, совсем не похожий на «писателя» как я их себе представляла в юные годы — скорей на сибирского прасола, с открытым русским лицом, с постоянной трубочкой в зубах. Лицо его сразу вызывало к себе полное доверие. Его любили дети и не боялись животные. Ребятишки одних знакомых Чехова встречали его всегда с радостью и кричали: «Мама, мама, иди скорей — твой Сибиряк пришел»,— полагая, что «Мамин» относится к их маме. Мне тогда сказали — и это было известно в литературных кругах — что он очень несчастлив в семейной жизни, но я никогда не была любопытна и о подробностях не расспрашивала, только знаю, что в то время у него не было жены — ушла ли она, или умерла, я не знаю; говорили, смутно, помню, что она была актриса. У него осталась болезненная дочка Аленушка; для нее он и писал свои милые «Аленушкины сказки», за которые пользовался особенной симпатией ребятишек. Они от него всегда и требовали «сказок», и иногда получали. В Москве, среди друзей, он оттаивал душой, любил немного выпить — и тогда становился очень чувствителен. Вот я и вспоминаю забавный эпизод, связанный с ним. Он в такие минуты преисполнялся нежностью к своей соседке, если она была молодая девушка или женщина, и говорил ей трогательные и проникновенные вещи. Всегда при этом был рыцарски почтителен. Не избегла общей участи и я, и, как-то провожая меня в санях, зимней морозной ночью под ярким звездным небом, едучи по таким тихим тогда московским переулкам — он говорил мне: «Милая, чистая девушка, такая же чистая, как эти звезды! Будь я моложе! Будь я достойнее... Я сказал бы вам: стань моей звездой, свети мне на моем трудном пути... Но я несчастный, обреченный...» Тут мы подъехали к подъезду «Мадрида», и появление швейцара остановило его красноречие...

Вскоре после этого пришла ко мне одна из моих приятельниц и начала рассказывать мне:

— Бедный, бедный Мамин-Сибиряк, как мне жаль его...

— А что?

— Да вот, представь, он вчера провожал меня от Тихомировых — и вдруг так трогательно, со слезами на глазах, стал говорить мне...

— «Милая, чистая девушка!..» — прервала я ее. — Такая же чистая, как эти звезды и т. д.

— Почему ты знаешь? — спросила она.

Мое объяснение несколько смутило ее, но потом мы обе принялись дружно смеяться.

Нет сомнения, что под этими романтическими словами — бывшими в такой моде в те времена — крылось действительно большое душевное одиночество и неудовлетворенность и личной и общественной жизнью. — Мамин ведь был «писатель-гражданин», как тогда выражались, но оценка его уже не входит в мою компетенцию. Могу только прибавить, что в литературных кругах он пользовался всегда уважением и симпатией. Я лично разделяла эту симпатию, поскольку позволяли наши беглые встречи. А он относился ко мне очень хорошо, особенно его почему-то умилял мой маленький рост, он говорил: «Такая маленькая, и так пишет...»

Вот все, что сохранила память на расстоянии — страшно вымолвить — сорока пяти лет со времени встреч с ним. Я, к сожалению, никогда не помню детально, всегда широкими мазками — скорей впечатление, чем факты: так вот, впечатление от него осталось теплое и хорошее.

Простите, что больше ничего не могу сообщить Вам и позвольте Вам выразить свое уважение.

С приветом

Т. Щепкина-Куперник

А. М. ГОРЬКИЙ

Воспоминания А. М. Горького (1868—1938) важны для понимания взаимоотношений Горького и Мамина. Из переписки А. М. Горького с Пятницким в 1902 г. известно, как он ценил творчество Д. Н.: «Талант его всюду крупен и ярок», «очень хороши его Сибирские и Уральские вещи», «Хороший, интересный писатель. Его необходимо издать дешево». («Письма к К. П. Пятницкому». М.—Л., 1954).

В этих письмах есть одно характерное «но». По мнению Горького, Мамин «господь с ним, совсем не общественный человек». Оно относится примерно к той же категории наблюдений, что и слова Чехова: «Дмитрий Наркисович за культурностью не гоняется». (Из воспоминаний И. Н. Потапенко). Речь идет о разных аспектах «общественного» и «культурного».

Через десять лет Горький в приветствии писал, что книги Д. Н., «писателя воистину русского» «помогали понять и полюбить русский народ, русский язык».

В воспоминаниях Горького затрагивается серьезно волновавшая обоих писателей тема пауперизма и босячества, как угрожающего социального явления. Развивающийся капитализм вызывал обнищание значительных групп трудящихся, рост «резервов», порождая — как говорил В. И. Ленин — психологию отчаяния «выбитого из колеи интеллигента или босяка, а не пролетария» (статья 1901 г. «Анархизм и социализм». (Соч., т. 5, стр. 300).

На Горького так же, как и на Толстого, произвел «сильное впечатление», рассказ «Башка» (1884), убеждавший — по мнению Горького — в том, что «иногда и грязь не мешает человеку блестеть алмазами духовной красоты» (М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941, стр. 50—51). Ведь и сам А. М., например, в рассказе «Как поймали Семагу» любовался тем, как босяк может пожертвовать свободой ради маленького подкидыша,

найденного им зимой на улице. Но «алмазы духовной красоты» терялись уже в трущобах, где жили горьковские «Бывшие люди» (1897), эту повесть очень любил Д. Н. (она была у него в отдельном издании т-ва «Знание», 1906 г.) Через год после опубликования «Бывших людей» появился очерк Мамина на те же темы — «У теплого моря» («Русское богатство», № 11, 12). В нем выводится «несчастненький» босяк, алкоголик, неврастеник и нытик «бывший» врач Жемчугов, вызывающий если не сочувствие автора, то снисходительное к себе отношение. Но рядом с ним показан уже другой босяк — хищник, выродженец, индивидуалист Свирский. Босяки Мамина так же, как и «Бывшие люди» Горького, отличаются от босяков раннего Горького, протестующих одиночек. Это, как писал Мамин, «отбросы народа-гиганта». Горький в воспоминаниях о Мамине отразил скорбь и негодование писателя по поводу босяков из разлагающейся буржуазной среды, представляющих собой явную «социальную опасность» и заведомо чуждых пролетариату.

«Чужие люди»

...Однажды, не встретив Д. Н. Мамина-Сибиряка в городском саду Ялты *, обычном месте наших свиданий, я пошел к нему в пансион и, войдя в комнату Мамина, сразу наткнулся на выпуклые глаза. Яркий блеск их тотчас напомнил мне вечер на Лабе *, босяков и доктора в чесуче.

— Вот, знакомьтесь,— сказал Дмитрий Наркисович, махнув на гостя короткой, толстой рукою,— интересная миазма!

Гость приподнял голову и снова опустил ее, упершись подбородком в край стола; так — голова его казалась отрезанной. Сидел он нагнувшись, далеко отодвинув стул, руки его были скрыты под столом. С обеих сторон лысого черепа рогато и задорно торчали вихры сивых волос, открывая маленькие уши. Мочки ушей оформлены резко, как будто вспухли. На бритом лице воинственно топорщились серые усы. На нем синяя рубаха, оторванный ворот ее не застегнут, обнажает кусок грязной шеи и мускулистое правое плечо. Сидит он так, как будто приготовился перепрыгнуть через стол, а под столом

торчат его босые ноги в татарских туфлях. Зорко присматриваясь ко мне, он говорит знакомым, ленивеньким баритоном:

— Есть такой грибок, по латыни его зовут: мерулиус лакриманс,— плачущий; он обладает изумительной способностью втягивать влагу воздуха. Дерево, зараженное им, гниет с чудовищной быстротой. Достаточно, чтобы одна балка построенного вами дома была поражена этим грибком и — весь дом начинает гнить.

Подняв голову, доктор стал медленно высасывать пиво из стакана, двигая острым кадыком; кадык и щеки его были покрыты темной густой шерстью.

Мамин, уже сильно выпивший, внимательно слушал, выкатив свои огромные круглые глаза. Под его армянским носом дымилась любимая коротенькая трубка, он покачивал головою и сопел, втиснув круглое, тучное тело свое в плетеное кресло.

— Все врет, миазма,— сказал он, когда гость начал пить, а гость, опустошив стакан, снова наполнил его и, облизывая намокшие в пене усы, продолжал:

— Так вот: русская литература нечто очень похожее на этот грибок; она впитывает всю сырость жизни, грязь, мерзость и неизбежно заражает * гниением здоровое тело, когда оно соприкоснется с нею.

— А?— спросил Мамин, толкнув меня локтем.— Каково?

— Литература — такое же болезнетворное, гнилостное начало, как этот плачущий грибок,— невозмутимо и настойчиво повторил гость.

Мамин начал тяжело ругать злого критика и, схватив пустую бутылку, застучал ею по столу. Боясь, как бы он не стукнул по лысому черепу гостя, я предложил ему пойти гулять, но гость встал и бесцеремонно,— кажется, искусственно — зевнул.

— Это я пойду гулять,— сказал он, усмехаясь, и ушел, шагая легко, быстро, как привычный пешеход.

Дмитрий Наркисович рассказал мне, что человек этот привязался к нему в порту, заинтересовал его своим злоречием и второй день раздражает, всячески порицая литературу.

— Присосался, как пиявка. Отогнать — духу не хватает, все-таки он интеллигентный подлец. Доктор Аркадий Рюминский или Рюмин, фамилия от рюмки, навер-

ное. Умная бестия, злая! Пьет, как верблюд, а не пьянеет. Вчера я с ним целый вечер пил, он рассказал мне, что пришел сюда повидаться с женой, а жена у него будто бы известная актриса...

Мамин назвал имя, громкое в те годы.

— Действительно, она здесь, но, наверное, эта миазма врет! И, свирепо вращая глазами, он стал издеваться надо мною:

— Это — ваш товар, ваш герой *, очень хорош! Лгунище. Все неудачники — лгуны. Пессимизм — ложь потому, что пессимизм — философия неудачников...

Мамин-Сибиряк написал рассказ о встрече босяка-доктора с его женою, знаменитой артисткой. Не помню, как озаглавлен этот рассказ *. Босяк изображен в нем несчастненьким пьяницей и не похож на человека, каким доктор Рюминский захотел показаться мне.

Е. П. ПЕШКОВА

Екатерина Павловна Пешкова (р. 1878 г.), урожд. Волжина, жена и друг А. М. Горького, участница освободительного движения, политэмигрантка с 1907 по 1913 гг., встречалась с Д. Н. Маминым-Сибиряком в 1900-х годах.

Дружеское отношение Алексея Максимовича к Мамину продолжалось до самой смерти Дмитрия Наркисовича в 1912 г. Их сближало многое. И прежде всего традиции демократической литературы Горький всегда высоко ценил литературную деятельность Дмитрия Наркисовича.

В 1900 г. он дал прекрасный отзыв об одном из «Уральских рассказов» Мамина — «Башка», из быта босяков («Нижегородский листок», 1900 г., 14 октября, № 282). В 1901 г. Мамин-Сибиряк вместе с Горьким и другими писателями выступил с открытым протестом против избиения полицией мирной политической демонстрации 4 марта на Казанской площади в Петербурге. В эти годы имена Горького и Мамина-Сибиряка нередко назывались рядом — их ожесточенно травила черносотенная печать. В 1902 г. В. Г. Короленко предлагал в почетные академики Д. Н. Мамина-Сибиряка, К. М. Станюковича и А. М. Горького.

В этом же 1902 г. Горький хлопочет о «дешевом издании» произведений Мамина, этого — по его словам — «крупного и яркого таланта» («Письма к К. П. Пятницкому», М.—Л., 1954).

Начиная с 1905 г. Мамин-Сибиряк тяжело болеет и все реже появляется в литературных кругах. В 1912 г. Алексей Максимович приветствует с Капри Дмитрия Наркисовича по случаю исполнившегося сорокалетия его литературной деятельности и благодарит его за его труды как «друга и учителя».

Воспоминания о встречах с Д. Н. Маминым-Сибиряком

В начале века, в 1900 г., мы с Алексеем Максимовичем и трехлетним сынишкой Максимом приехали в Ялту. В то время здесь собрались представители нескольких поколений литературы и искусства.

В Ялте жили в это время Константин Михайлович Станюкович, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк, жил Иван Алексеевич Бунин, приехал Куприн; на своей новой даче в Аутке жил Антон Павлович Чехов.

В эту весну в Крым приехал Московский Художественный театр во главе с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко и Константином Сергеевичем Станиславским. Два ряда спектаклей в Севастополе, вся труппа театра переехала в Ялту, чтобы показать свои постановки Антону Павловичу.

Ежедневно все мы встречались, иногда в гостеприимной квартире Чеховых, чаще — после спектаклей — в Ялтинском городском саду. Среди всей этой большой компании я была самой молодой и с особым почтением относилась к представителям старшего поколения писателей.

Навсегда запомнилась мне внушительная фигура Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. Алексей Максимович с большим уважением и интересом относился к нему. Он говорил, что книги Мамина-Сибиряка помогли ему глубже полюбить русский народ и русский язык. Язык Мамина-Сибиряка Алексей Максимович считал прекрасным, очень любил он рассказы Дмитрия Наркисовича об Урале, показывающие большое знание фольклора и быта.

В тот приезд Дмитрий Наркисович с восьмилетней дочкой Аленушкой и женой жили в Ялте в меблированных комнатах «Джалита», на углу Набережной и Ломоносовского бульвара. Мы в это время жили на даче над гостиницей «Ялта» в уличке, ведущей на Дарсану, но каждый день спускались на Набережную к морю.

С Дмитрием Наркисовичем мы встречались обычно или около книжного магазина И. А. Синани — место постоянных встреч приезжающих в Ялту писателей,

художников и артистов. Иногда встречались в Городском саду или на Набережной.

Алексей Максимович с удовольствием подолгу беседовал с Маминым-Сибиряком. Особенно его интересовали рассказы о людях, быте и природе Урала.

Во время их бесед обсуждались появлявшиеся в то время литературные новинки, вспоминались старые авторы, которых оба они прекрасно знали.

Часто беседовали о Куприне, Бунине, Телешове; Алексей Максимович с восторгом говорил о Чехове.

Иногда эти встречи и дружеские беседы велись на даче у Чехова, иногда в семье доктора Леонида Валентиновича Средина, где считали своим долгом побывать приезжающие в Ялту художники, писатели, музыканты. Леонид Валентинович был тонким знатоком искусства, с его мнением очень считались.

В музеях Антона Павловича Чехова хранится немало фотографий писателей, бывавших у Антона Павловича. Есть среди них и снимки Мамина-Сибиряка.

Сохранились фотоснимки и в архиве Л. В. Средина, который вместе с сыном Анатолием — в ту пору еще гимназистом,— фотографировал бывавших у него друзей. Эти снимки можно встретить теперь в литературных музеях Москвы, Ялты, Свердловска и других городов.

Мне вспоминается Дмитрий Наркисович за большой кружкой пива с неизменной короткой изогнутой трубкой. Он мог подолгу сидеть на берегу, любуясь морем или внимательно наблюдая гуляющих по Набережной курортников. Эта курортная публика не нравилась Мамину-Сибиряку, что отражено в ряде его крымских рассказов 1901—1903 гг.

Бывал Дмитрий Наркисович на рынке и в порту, встречаясь и беседуя здесь с матросами, рабочими и крестьянами. Интересен его очерк «Перекати-поле», напечатанный в «Русском богатстве» в 1901 г. о тамбовских крестьянах, приехавших в Ялту в поисках работы.

Особенно интересовали его так называемые «сезонники», которые из года в год приезжали в Ялту на заработки во время виноградного сезона.

Часто можно было встретить Дмитрия Наркисовича, гуляющего с дочкой Аленушкой, нервной, болезненной девочкой. Она ходила тогда на костылях. Худенькая,

с выразительными черными глазами, она была любимицей отца.

Дмитрий Наркисович вообще любил детей и мог подолгу разговаривать и шутить с ними. Гуляя с нашим маленьким сынишкой Максимом, я не раз встречалась с Дмитрием Наркисовичем и Аленушкой, и мы гуляли вместе. Он оживленно разговаривал с Максимом, шутил с ним. Однажды мой сынишка с неудовольствием пожаловался мне: «Что это дедушка думает, что я маленький, играет со мной в козу-дерезу». Дмитрий Наркисович очень смеялся, когда я рассказала ему об этом.

Я слыхала в 1905 году, что Мамин-Сибиряк с семьей живет в Крыму, в Балаклаве. Говорили мне, что он тяжело болен, но революционные события того времени в Севастополе и в Крыму помешали мне побывать у него.

Впечатления от встреч с Дмитрием Наркисовичем и у меня и у Алексея Максимовича остались яркие, незабываемые.

И. А. БУНИН

Иван Алексеевич Бунин (1870—1953) познакомился с Маминым-Сибиряком в 1895 г. В начале зимы этого года он выступал вместе с Д. Н. на литературном вечере в пользу «переселенческого фонда». В 1897 г. Мамин Д. Н. сообщал матери, что на именинах у него был «начинающий беллетрист Бунин». В книге В. Н. Муромцевой-Буниной «Жизнь Бунина» (Париж, 1958) говорится, что Бунин любил Мамина за его ум, за остроумие». Встречались они часто, сотрудничая в 90-е годы в одних и тех же изданиях.

<Крупный талант>

Д. Н. Мамин-Сибиряк, оригинальный, самобытный талант, чрезвычайно умный, с оттенком скептицизма. В то же время замечательно нежной души человек.

Встречались мы с ним в редакции «Мира божьего», а еще раньше в редакции народнического журнала «Новое слово».

Он отличался удивительно красивой внешностью, здоровый, крепкий, так что теперь — то было не так давно — мне странно читать, что у него «седая голова на исхудавшей шее». Настолько это описание не вяжется с сохранившимся в моей памяти образом покойного.

Крупный талант, не использовавший до конца своих сил, не сказавший своего последнего слова!

Ф. Ф. ФИДЛЕР

Фридрих Фридрихович Фидлер, которого многие русские литераторы звали Федором Федоровичем (1859—1919), начал выступать как переводчик русских поэтов на немецкий язык с 1878 года. В его переводах вышли в Лейпциге сборники стихотворений Лермонтова (1893), А. Толстого (1895), Никитина (1896), Пушкина (1897), Некрасова (1902), Фета (1907).

Фидлер находился в дружеских отношениях с многими русскими писателями и журналистами конца XIX — начала XX вв. и систематически собирал материалы о их жизни и творчестве. Известны его воспоминания о В. М. Гаршине, Я. П. Полонском, Н. С. Лескове.

Знакомство Ф. Ф. Фидлера с Д. Н. Маминым-Сибиряком продолжалось больше двадцати лет. «После каждой встречи с Маминым,— сообщает Фидлер,— я — в тот же день или на следующее утро — заносил в свой литературный дневник все, относящееся к этим встречам. Записи эти были и есть очень сухи и кратки, так как я боялся «беллетризацией» дать фактам не совсем верное освещение».

Дневниковые записи в 1916 г. были Фидлером систематизированы. Тринадцатого мая 1916 г. он читал их близким друзьям писателя, среди которых был художник А. К. Денисов-Уральский.

Записи Фидлера часто очень натуралистичны, внимание сосредоточено на мелочах быта, на болезненном состоянии Мамина в последние годы. Однако этот близкий знакомый Мамина, не способный раскрыть духовный облик писателя, сохранил в памяти много таких деталей, которые привлекательны безусловной достоверностью и позволяют увидеть такие стороны характера Дмитрия Наркисовича, которые не замечали другие мемуаристы. Составитель извлек из воспоминаний Фидлера наиболее значимое, расположив записи в прежнем — дневниковом — порядке.

Из дневника

Декабрь 1891 г.

Впервые я встретил Дмитрия Наркисовича 2 декабря 1891 на вечеринке у Любовь Яковлевны Гуревич *, в редакции журнала «Северный Вестник» (Троицкая, 9), где он уже напечатал три своих рассказа. Нас представили. Он уже слышал о моем существовании от ныне покойного собрата по перу М. Н. Альбова... Я предусмотрительно захватил с собой свой большой альбом автографов и попросил Мамина украсить его своим вкладом. Он мягко улыбнулся: «Слыхал я про вас!» и тотчас написал: «Собирание автографов, как всякая другая страсть коллекционировать, относится к области маленького психического расстройства».— Вот так комплимент при первом знакомстве!— заметил я с полушутливым упреком. Он как бы спохватился, сделал из точки запятую и добавил: «Которое я разделяю».

Никаких серьезных разговоров в этот вечер не велось. Мамин все время непринужденно шутил. Эта непринужденность — ничего общего с развязностью и фамильярностью не имевшая — слов и манер дышала какой-то самостоятельностью, самобытностью, черноземной силой. Обаяние этой мягкой, бессознательно ласковой силы покоряло — как я впоследствии постоянно мог убедиться — себе всех без исключения как нечто само собой понятное и не вызывало ни в ком внутреннего или внешнего протеста. Во всех литературных кружках он казался своим человеком, другом дома и каждого отдельного члена семьи.

Октябрь 1892 г.

...Я впервые был у него <Мамина> (Саперный пер., 8, кв. 14).

«Ты мне написал в альбом, что и ты коллекционируешь. Что же, именно?»— спросил я.— «Вот, например». И он показал мне разные раритеты: окаменелый кусок дерева, рукописный указ XVI в., старые монеты и редкие драгоценные камни с Урала.

Январь 1893 г.

...Было свыше двадцати градусов мороза.

«А я должен щеголять в легких штиблетах, без галош»,— вздохнул Мамин.— «Почему?» — «Потому что денег нет».— «Но ведь ты массу зарабатываешь!»—«Массу. Но и массу трачу».— «На кого и на что?» — «Не на себя. Самого себя мог бы прокормить за десять рублей в месяц. Но... покрытие старых долгов, воспитание Аленушки, поддержка отца Маруси и т. д...»

Октябрь 1894 г.

«Кого видел?» — спросил я Мамина. «На днях Николая Константиновича <Михайловского>. Я его страшно люблю... Да и он меня, кажется, любит. Но у него я не чувствую себя как дома: ведь он кружковщик и игнорирует не принадлежащих к его приходу, а я — широко общественный человек, и приходов для меня не существует...»

Март 1896 г.

Мы отправились в Кредитное Общество, где он должен был читать в пользу семьи неизлечимо больного Гл. Ив. Успенского. Шумно и душевно приветствуемый переполненной залой, Мамин появился на эстраде. С непринужденной грацией молодого, дрессированного на свободе медведя он направился к кафедре, с улыбкой кланяясь направо и налево и кивая тому и другому знакомому из публики. И не было тут ничего самоуверенно-развязного, ничего саморекламного — а была естественная простота и наивность доверчивого ребенка. А публика еще с большей сердечностью, дружелюбно хихикая и смеясь, продолжала его приветствовать... Читал он достаточно громко и ясно и был пять раз вызван.

Сентябрь 96

<Мамин говорил>:

«Михайловский не критик, а публицист. Во всей русской литературе — прошлой и настоящей — для него существовало только два гения: Глеб Успенский

и Короленко. Меня он считает недостойным развязать у них ремни. Но я, тем не менее, очень его люблю».

Январь 1898 г.

Да, он всегда шутил и балагурил — над другими и над самим собой, и от души хохотал, когда другие трунили над ним. Иногда его веселое настроение переходило границы и становилось явно болезненным.

...Он рассказывал мне, что по Крыму он путешествовал с издателем «Детского Чтения» Д. Ив. Тихомировым, в своем тулупе и вообще во всем облике, до того походившем на Льва Толстого, что среди публики часто слышались сдержанные возгласы: «Толстой!» И вот, на больших станциях, Мамин громко обращался к своему спутнику: «Толстой, идем водку пить!»— брал его под руку, и оба направлялись к буфету и выпивали, а публика глазела на «Толстого» в оцепенении.

Август 1898 г.

«Сейчас видно, что это настоящий писатель, которого много читают, а не шантрапа: только настоящий писатель может обладать такой роскошной енотовой шубой!»— улыбнулся он, увидев у меня на стене свой портрет.

Сентябрь 1898 г.

Мне Михайловский говорил: «Из всех современных русских писателей, у Мамина наибольше всех литературного темперамента: он инстинктивно, наивно, бессознательно писатель, насквозь всегда и везде! Его крупный, непосредственный талант вне всякого сомнения. И какой это оригинальный, какой свежий и, невольно, комичный человек!»

Октябрь 1899 г.

Про одного маленького немецкого писателя я заметил, что он не достоин развязать ремни у одного крупного собрата — беллетриста. Мамин внушительно добавил: «Не только развязать ремни — он не достоин поцеловать след блохи, укусившей околевшую собаку беллетриста!»

Февраль 1902 г.

...Мамин получил в высшей степени радостную весть: Абрамов сообщил ему телеграммой из Томска, что отказывается от всех своих прав на Аленушку. «Наконец-то я ее могу усыновить! Десять лет висел надо мной этот дамоклов меч! Сколько я за это время выстрадал!.. Но если б он не согласился, я бы его укокошил! Я азиат!»

Июль 1902 г.

В Пятигорске, объехав Машук, мы прополоскали наши иссохшие глотки, сидя на веранде ресторана. Потом я удалился на короткое время для встречи Н. Н. Златовратского. Когда я без него, то есть с этим поездом он еще не приехал, вернулся и подошел к Мамину с сообщением: не приехал, он поднялся из-за стола, откинул голову, прищурил глаза и вызывающе спросил: «Что вам угодно?» Я улыбнулся, а он, вращая глазами, закричал: «Кто вы такой? Что вам от меня надо?»— «Маменька, брось!»—ответил я тревожным полушепотом. Но он, принимая еще более воинственную позу, рычал: «Как вы смеете ко мне приставать? Кто вы такой? Знать я вас не знаю и знать не желаю!» Я совершенно растерялся: — «Маменька, опомнись!» — Но он, окончательно освирепев, уже ревел: «Прислужáщие! Что это за безобразия у вас творятся?! Уберите от меня этого нахала, или я его сокрушуууу!» Публика повскакала из-за столов, все кельнера сбежались и готовы были на меня накинуться: я стоял ни жив ни мертв и с ужасом сознавал только одно: белая горячка!.. Но вдруг Мамин широко распростер свои могучие объятия, загреб меня, и целуя и как-то ликуя, вопил: «Феддор, старрый шашлыккк!» Кельнера отступили, переглядываясь в недоумении; публика, перешептываясь и пожимая плечами, уселась — и трагикомическое представление кончилось. Но еще долго мы были предметом всестороннего любопытного и озабоченного внимания.

Октябрь 1902 г.

«Я мог бы жениться на молодой и красивой девушке — таких случаев представлялось несколько,— но я выбрал тетю Олю, потому что лучшей матери для

Аленушки я себе не мог представить... Ведь я живу только для Аленушки! Только любя ее, я люблю себя!»

Март 1903 г.

В «Капернауме» * Мамин сообщил мне с умилением и гордостью, что Аленушка написала стихотворение «О превратности жизни», начинавшееся словами: «О, сколь превратен этот свет. Совсем, совсем в нем правды нет!» — «Я ей посоветовал писать только то, что она сама переживает, а лучше всего — вообще ничего не писать!»

Сентябрь 1903 г.

«По-французски я говорю, как собака по забору лазает»,— уверял он.

Январь 1904 г.

...в полдень, как только я узнал о внезапной кончине Михайловского, я отправился из гимназии Гуревича на квартиру покойного. Здесь я столкнулся с Маминым. Лицо у него было мрачное, горестное, а глаза полны слез. Тут же он начал писать некрологическую заметку — вероятно, для «Русских ведомостей» *, выписывая цитаты из «Баюшки-баю» Некрасова.

...После похорон Николая Константиновича мы поехали в «Капернаум» помянуть покойного. Мамин произнес в честь его речь — целый дифирамб, в котором, однако, проскользнули слова «дипломат» и «он всех держал от себя на почтительной дистанции».

Ноябрь 1904 г.

...А меня он <Мамин> просил: «Приведи ты нам хоть раз декадента, настоящего, дикого, чтобы он рычал».

Декабрь 1904 г.

На юбилее — ныне покойного — Ник. Ив. Позднякова две барышни, чтобы ввести оживление, начали танцевать, но вскоре погасли. Мамин обратился к ним: «Какие вы барышни?! Вы — валерьяновые капли! Настоящие барышни должны так танцевать, чтоб из-под всех четырех копыт искры брызгали!»

... 1908 г.

...Летом 1908 г. я был заграницей и посетил Максима Горького на Капри. Речь зашла о Мамине: «Вот это настоящий человек, черт его дери, настоящая широкая русская натура! И крупный писатель! Его «Петко» — хо-рошая книга!» * — воскликнул Алексей Максимович.

Февраль 1911 г.

Когда собирались праздновать пятидесятилетие раскрепощения народа, Мамин не хотел участвовать в торжестве: «Что праздновать-то? Дали народу голодную свободу!» *

Март 1912 г.

А. И. Куприн всегда восторгался «Бойцами». «Его талант — громадная скала!» — воскликнул он. Потом он прочел наизусть вступление к «Аленушкиным сказкам» и восторгался: «Эти сказки — стихотворения в прозе, художественнее тургеневских!»

Июль 1912 г.

Вернувшись из заграницы, я посетил Мамина в Павловске. Он ужасно похудел: веко правого глаза наполовину опущено. Оказывается, что летом от постоянного упорного лежания у него образовался плеврит, принявший угрожающий для жизни характер; но кризис благополучено миновал... Он, видимо, был очень рад моему приходу. Но говорил он мало; все время поддерживать разговор приходилось мне. Видимо. подбадривая себя, но все же со вздохом, он сказал: «Вот, скоро помирать буду... Смерть не страшна. Она — переход к лучшему бытию. Она — торжество... И отец это говорил, и, потому, отпевал покойников всегда в белой рясе... Да, жить русский человек не умеет; но зато он умеет умирать!!!» После некоторого молчания, он вдруг спросил: «Альбом захватил?» — «Всегда». — «Давай!..» Он велел себе надеть очки и, лежа на правом боку, держа левую руку под одеялом, он с трудом начал писать, причем, я альбом держал перед ним на маленькой подушке. Вот что он написал:

«Дорогой Фриц, вот и конец скоро... Жалеть мне в литературе нечего, она всегда для меня была мачехой...* Ну, и черт с ней, тем более, что для меня лично она переплетена была с горькой нуждой, о какой не говорят даже самым близким друзьям. Есть русская сказка, когда перед богатырем выпали три дороги: налево поедешь — будешь без коня; направо поедешь — конь будет сыт, а сам голоден; а прямо поедешь — не видать тебе ни коня, ни головы.

Так как тогда не было Меньшикова *, то добрый молодец поехал прямо. Так и русская литература. Но не будем об этом говорить.

Д. Мамин-Сибиряк».

Смысла последнего абзаца, с намеком на нововременского столпа М. О. Меньшикова, я и теперь не понимаю.

22 октября 1912 г.

В передней мне Ольга Фр. сообщила, что Мамин дает себе вполне отчет в предстоящем юбилее. «Ты знаешь, что тебе готовят юбилей?»— спросила она.—«Да».—«Ты рад?»—«Да».—«Вот несколько газетных статей по этому случаю. Прочесть тебе?» — «Нет. ...Надо помирать!» — «Что ты, Митя? Ведь ты начинаешь поправляться!» — «Это вам всем так кажется, потому что вы этого не понимаете...» Я пошел к нему и успел с ним обменяться только следующими фразами:— Можно мне к тебе прийти в следующую пятницу?— спросил я осторожно.— Всегда!— ответил он твердым голосом.— Даже с несколькими твоими друзьями? — Всегда!..

26 октября 1912 г.

Ровно в 4 ч. мы, члены юбилейного комитета — в лице: проф. С. А. Венгерова, А. А. Измайлова, Е. П. Карпова, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовского, И. Н. Потапенки и меня (Е. Н. Чириков должен был уехать на войну, а А. Н. Будищев не мог отлучиться от захворавшего дифтеритом сына... Почему А. И. Куприн не пришел — мне неизвестно) — собрались на парадной лестнице дома № 3 по Верейской, около швейцарской, и поднялись в квартиру № 16. Жена и дочь встретили нас и сообщили,

что слабость Мамина дошла до того, что он за всю последнюю ночь ни разу не мог даже окликнуть кого-нибудь (при нем, конечно, дежурили). Потом Ольга Францевна пошла к нему, дала ему каких-то, сразу подкрепляющих и сильно возбуждающих, капель и впустила нас. «Юбиляр» сидел на кровати, довольно высоко прислоненный к подушкам, с опущенной головой и неподвижно устремленным в одеяло взором. Я сел на стул в его ногах и прочел наш адрес, страшно волнуясь и спеша. «Вот, вот — он умрет!» — думалось мне. Во все время чтения фигура Мамина представляла из себя изваяние. Когда я кончил, он не только не сказал ни слова, но даже не моргнул. Немые и неподвижные, стояли члены комитета в слабоосвещенной комнате. Во время панихиды среди присутствующих царит больше оживления!.. С. А. Венгеров прочел привет от московского Общества любителей русской словесности. Гробовое молчание. Потом я перечислил только фамилии самых выдающихся и известных представителей литературы под их телеграммами и письмами и поставил обрамленную фотографическую группу членов юбилейного комитета на оттоманку у стены против постели. Кое-кто из нашей депутации подошел к постели и назвал себя, пожимая неподвижную руку чествуемого,— он не поднял глаз, не шевельнул пальцем и не произнес ни звука. В глубоком потрясении, один за другим, мы отступили и последовали за кивнувшей нам на столовую Ольгой Францевной. Все бесшумно сели за стол, но никто не ел и не пил. Вошла на цыпочках Аленушка и сообщила, что папа заснул. Шепот гостей стал едва слышным... Ольга Францевна рассказывала, что Мамин, сегодня днем удивленно спросил о причине необычной суматохи в квартире; когда ему напомнили, что сегодня ведь его юбилей, он воскликнул: «Такой радостный день, а я должен умереть!» — и заплакал.. Она пошла к больному, вернулась минут через пять и сообщила, что он только что прошептал: «Я ничего не ответил!.. Но я отвечу другой раз... в столовой... со стаканом вина!..» В пять часов мы все ушли.

2 ноября 1912 г.

В ночь на сегодня, в 1 ч. Мамин скончался.

Б. Д. УДИНЦЕВ

Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке в годы его петербургской жизни

Когда я встречался с Дмитрием Наркисовичем во второй половине 1900-х годов, это был уже стареющий, часто болевший человек, но всегда очень внимательно и с интересом относившийся к молодежи. В 1903 г. он приезжал к нам на Урал. Я подолгу живал у него будучи гимназистом во время своих приездов в Петербург с бабушкой Анной Семеновной и, наконец, находился в постоянном общении с ним с 1910 по 1912 гг.

Эти встречи были очень содержательны. Мне иногда казалось, что он как-то переобременен воспоминаниями и наблюдениями, что не только велик его архив и переполнена библиотека, но что и сам он прожил уже не «одну жизнь», как мечтал молодой студент в «Чертах из жизни Пепко», а многие жизни «страдая и радуясь тысячью сердец!» Отсюда проистекали — известная утомленность, желание уединяться иногда от людей, сменявшиеся впрочем возвратом к тем же людям. Особенное удовлетворение доставляли мне тогда беседы с дядей по вопросам литературы и искусства, возникавшие в связи с уроками, которые я давал Аленушке. И в другое время, за чайным столом, во время совместных прогулок и посещения театров, возникали эти беседы, незабываемо интересные, полные сведений о жизни прошлого, о лю-

дях, с которыми он встречался, о мыслях и вопросах, которые ставили и возбуждали в нем жизнь и его творчество.

Воспоминания неизбежно фрагментарны. Они говорят о том, что «всплыло» и воскресло в памяти в период написания их.

* * *

Квартира в доме № 3 по Верейской (близ Загородного) наиболее памятна. Солидный дом, тихая улица, пять просторных высоких комнат. Центр квартиры — кабинет писателя с двумя большими окнами на улицу. Шкафы с книгами, картины; в простенке между окнами, над письменным столом,— вид Висима. Чуть дымят трубы завода, зеленеют липы около старой церкви... Внизу надпись: «Дорогому земляку на память о дорогой родине. А. Денисов-Уральский, 19/IV. 1903 г.». У противоположной стены комнаты, около двери в прихожую, открытый (с полками для рукописей) шкаф, разрисованный рукой того же Денисова.

Против оттоманки кровать, над ней большой портрет Льва Толстого. На письменном столе портрет М. Е. Салтыкова-Щедрина, уральские камни и высокохудожественные изделия из них — пресс-папье, чернильница. Около стола простое кресло кустарной работы. На одной из стен громадные оленьи рога, присланные кем-то из Висима, ягдташ, ружья.

Хозяин чаще всего в простой синей тужурке, с неизменной трубкой, всегда доброжелательный, приветливый... Часто он сидит в столовой, на излюбленной качалке, обложенный газетами, книгами. В углу за ним — деревянная статуя будды, рядом — шкаф с редкими изданиями. На шкафу — белый гипсовый бюст самого Дмитрия Наркисовича. По другую сторону — этажерка с журналами, в которых он сотрудничает. В простенке между окнами — красивый резной шкафик из Абрамцевской мастерской (он очень нравится дяде Мите), над ним — закопченная тарелка от «Палкина» со сделанным на ней прекрасным рисунком волка художника В. П. Овсянникова. Еще выше — чучело уральского орла.

По другую сторону кабинета — комната Аленушки, в ней посредине — стол для занятий из сибирского

кедра. Книги, рисунки. Здесь я провел много вечеров, занимаясь с Аленушкой и беседуя с дядей Митей. По другую сторону от прихожей — маленькая гостиная с двумя окнами на внутренний двор. Картины с видами Урала, в простенке — медведь Каслинского литья, подарок Владимира Наркисовича Мамина.

При ближайшем знакомстве с дядей Митей мне, естественно, хотелось побольше узнать о его молодости, о начале его литературного пути.

Но он в конце жизни говорил об этих годах чрезвычайно мало, часто ссылаясь на «Черты из жизни Пепко»: «Я там все описал». Это было тяжелое время, и переживать его снова хотя бы в рассказе (а устные рассказы Дмитрия Наркисовича были всегда ярки и прочувствованы) ему, вероятно, не хотелось.

Часто, когда он видел у себя на Верейской молодежь, он, покачивая головой, говорил:

— Как много дал бы я в свое время за то, чтобы, живя в Петербурге, бывать у кого-нибудь в семье, но мне в молодости иногда буквально не в чем было выйти «в люди». Не пойдешь же в грубых сибирских сапогах и рваном костюме в дом, где есть молодые девушки.

Помню, как Дмитрий Наркисович был однажды ответственным распорядителем землячеcкого студенческого вечера (в зале «Пальма») и несколько раз к нему заходили товарищи — устроители вечера. За обеденным столом нам подали рыбу. Завязывается беседа. «А вы где обедаете?»—«Да вот в студенческой столовой...»—«А не колбасой с чаем?..» И, не выслушав ответа, он уже горячился и говорил: «А ведь, небось, не знаете, что есть замечательная рыба — невский сиг! Недорогая (здесь вообще рыба недорогая), вкусная, ну что стоит самому на керосинке сварить себе уху, изжарить наконец! Вот и я студентом тоже... на колбасе голодал и не знал, как быть сытым на берегу Невы». Вся речь обычно заканчивалась шутливым подмигиванием: «Эх вы!..»

План питания полусерьезный, полушуточный, но опять-таки вызывавший на воспоминания о полуголодном студенте-репортере.

Он тогда же рассказал нам — как много времени отнимала у него эта репортерская работа, вечные поиски материала, беготня по редакциям. Даже здесь появлялись эксплуататоры-посредники, вроде некоего Волоки-

тина, который давал авансы отдельным репортерам, получая от них за это более «горячую хронику». Словом, жилось исключительно тяжело и «многие спивались», как дядя говорил, от непосильного, нервного труда... «Какое уж тут учение»,— добавлял Мамин.

В 1891 г. Петербург встретил Дмитрия Наркисовича иначе, чем в 1870-х годах. Редакция нового журнала «Мир божий» сразу же прислала к нему в качестве «посла» официального редактора журнала, известного педагога Виктора Петровича Острогорского, с целью заручиться согласием Мамина на постоянное сотрудничество в журнале. Он получил от писателя рукопись «Зимовье на Студеной». Так завязались у Мамина отношения с этим журналом. Он вошел в тесный редакционный кружок, сблизился с А. А. Давыдовой, издательницей журнала, и ее семьей, здесь же познакомился и сошелся с Н. К. Михайловским, Г. И. Успенским и вообще с тем литературным «салоном», который собирался у А. А. Давыдовой.

Но вскоре (22 марта 1892 г.) произошло событие, определившее всю дальнейшую жизнь Дмитрия Наркисовича. У него родилась дочь Елена, а через несколько дней умерла ее мать, Мария Морицевна. Велико было горе Мамина, оставшегося с болезненным и хрупким ребенком на руках!

Кроме Аленушки, у Дмитрия Наркисовича оказалась на попечении девятилетняя сестра Марии Морицевны Лиза Гейнрих. Отец Лизы, больной старик *, жил в Екатеринбурге (он умер в 1895 г.), мать умерла еще раньше. Несмотря на общий надзор и исключительное внимание со стороны Давыдовых к больной Аленушке, в доме дяди стоял порядочный кавардак. (Он так и говорил: «кавардак»). Дмитрий Наркисович рассказывал, как к нему приходили со ссорами нянька и кухарка, кухарка и бонна и т. д. Он свирепо «рычал», и на время все прекращалось.

Аленушка болеет. Часть врачей советует ехать за границу, другие — в Крым, но, в конце концов, по совету известного тогда врача Петерс решают поселиться в Царском Селе. В этом же 1894 г. в воспитательницы к Аленушке поступила О. Ф. Гувале, немало оказавшая ей услуг и за предшествовавшие два с половиной года.

Царское Село — тихий, чистый, весь в садах, окруженный парками, город точно создан был для воспитания больного ребенка и тихой творческой работы.

В Царском Селе Мамины переменили несколько квартир, в 1894 г. жили на Колпинской улице, в доме Вуич, потом на Оранжерейной, в доме Бартолициус. В 1895 г. в Царское переехал экономист Д. И. Рихтер. Осведомившись, что в одном с ним доме живет Дмитрий Наркисович, Д. И. Рихтер пишет ему записку: «Узнал, что Вы — Мамин-Сибиряк. Буду рад познакомиться. Не пошлете ли последней книжки «Русской мысли» (или какого-то другого журнала)».

Экстраординарно заводится знакомство с известным экономистом и статистиком, работавшим тогда, как говорил мне дядя Митя, над «интереснейшим» «Опытом разделения Европейской России на районы по естественным и экономическим признакам».

Дмитрий Наркисович очень ценил познания Рихтера в области экономики. Он показывал мне его многочисленные работы по земской статистике, о помещичьем землевладении, о продажных ценах на землю. Все эти книги и оттиски статей были с личными надписями. Видно было, что Мамин читал и хорошо знал их. Не без некоторой гордости Д. Н. рассказывал о том, что в 1870-х годах Рихтер долго жил заграницей, работал наборщиком в типографии журнала «Вперед» (Лаврова) * и переводил «Коммунистический манифест» К. Маркса; а мои товарищи по университету уже в 1910-е годы сообщали, что Дмитрий Иванович дает некоторым из них возможность знакомиться у себя дома с полным комплектом «Колокола» Герцена. Это была тогда большая редкость.

Знакомство Д. Н. с Рихтером перешло в близкие отношения. Помню, как дядя Митя подолгу беседовал с ним на экономические темы, узнавал от него новости из научного мира.

В 1912 г. Дмитрий Иванович хоронил Мамина, а в 1914 г. и Аленушку, посвятив ей, которую он знал с детства, теплый и задушевный некролог «Памяти Аленушки» («Русские ведомости», 1914, № 211).

Рассказывая о Мамине, собеседнике и образованнейшем человеке, необходимо вспомнить его своеобразный историзм, вытекавший из настойчивого стремления до-

биться более углубленного понимания исторической правды, без какой-либо фальсификации, правды в ее конкретности и обязательно в живых образах людей, а не схемах. Я рассказывал дяде Мите о профессорах-историках — Ростовцеве, Дьяконове, Латкине, Платонове, а он, интересуясь русской историей по преимуществу, наводил меня постоянно на тему — становление русского самодержавия, на волнующие темы Грозного, Годунова, Петра. Его страшно интересовал генезис русского монархического централизма, борьба с феодальными республиками Пскова и Новгорода, ожесточенные столкновения крестьянства и «молодших людей» с купцами, боярами и царскими слугами. Разбирая как-то при мне свой архив, он показал однажды справку о запрещении в 1905 г. его «Сударь-Пантелея». Цензоры справедливо учуяли в этом небольшом рассказе для юношества подлинный дух свободы, который пронизывал также и повесть «Охонины брови», и рассказ «Славен город великий Новгород!» (1908 г.)

Собирателя-археолога Мамина тоже влекли к себе не московская и петербургская старина, а Новгород, русский Север, Урал и Сибирь. Придешь, бывало, в его кабинет-музей, а он... сидит и подолгу роется в своих вещах и книгах, а потом начинает рассказывать о каком-нибудь раритете, вывезенном с Урала. или из Новгорода. Много рассказов-лекций выслушал я тогда о поездке писателя в Новгород — в 1895 г., в Ладогу — в 1901. На всю жизнь остались у меня в памяти эти удивительные экскурсии в прошлое, связанные при этом как-то с самой последней современностью.

Центральную Россию Мамин лично почти не знал. С «центром» он знакомился в Москве, встречая здесь много типичных русских людей, приезжавших отовсюду. Москву он любил, пожалуй, больше Петербурга. Рассказывал всегда о Тихомирове, Гольцеве, Телешове, о братьях Немировичах-Данченко, об обществе Чехова, Левитана, Яворской, Щепкиной-Куперник. Мамину было хорошо известно, как высоко ценили его талант москвичи-писатели.

Для Мамина Чехов был уже представителем «новых людей», он ласково называл его «Антоша» и всегда с любовью вспоминал о встречах с Чеховым в 1890 гг. и о его замечательных произведениях.

Вспоминаю, как в 1903 г. Мамин, будучи в Екатеринбурге, увидел на столе у моей матери групповой портрет «Д. Н. Мамин, А. П. Чехов и И. Н. Потапенко» с пометкой «9 января 1896 г.». Он посмотрел, задумался и сказал: «Это в тот год, когда в Александринке провалили «Чайку», а затем добавил: «Говорят, что сейчас он очень нездоров»... Елизавета Наркисовна стала вспоминать историю этой фотографии. В январе 1896 г. она была в Петербурге, и Д. Н. «специально для нее» устроил два литературных обеда. На первый он позвал Михайловского, Давыдову, Южакова и Скабичевского, а на второй — только Чехова и Потапенко. На следующий день, после 8 января, когда был «чеховский» обед, писатели снялись и обменялись затем фотографиями. Кроме фотографии, у Елизаветы Наркисовны долгое время сохранялся еще рецепт лекарства, прописанного ей Антоном Павловичем. Кто-то из присутствующих спросил Д. Н.: «А почему вы не позвали тогда Михайловского и Чехова вместе?»—«Ну, что вы,— ответил Мамин,— ведь и Михайловский (и Успенский в свое время) считали Чехова бескрылым восьмидесятником. А тут еще был и Скабичевский, который безобразно сравнивал Чехова чуть ли не с клоуном и считал, что он окончит жизнь под забором *. Теперь он хвалит меня,— сказал дядя Митя,— а раньше... и на мою голову валились — Мамин выразился образно — куски «старой литературной штукатурки».

Когда я беседовал с Маминым о Чехове в 1910-х годах, он говорил, что любит и высоко ценит его творчество, но признался, что ему «чем-то» ближе «второй Чехов»— Горький. И в том, и в другом он видел писателей «общественников», противников народнического сентиментализма и талантливых новаторов в литературе.

* * *

В апреле — мае 1900 г. Мамины были в Ялте. Ольга Францевна рассказывала мне о Леониде Витальевиче Средине, докторе, доброжелательно объединявшем около себя ялтинских гостей-писателей, а Дмитрий Наркисович показывал группы, снятые на веранде дачи Срединых — Горький, Бунин, Телешов и Мамин.

...После Ялты и летних впечатлений от Селища (име-

нье сестры Михайловского) и Павловска, в Царском показалось жить скучно.

Дядя Митя жаловался, что попадать из Царского в Петербург ему становилось все труднее, да и заметно стал сокращаться круг знакомых. Дмитрий Наркисович в 1900 г. «рванулся» поэтому в Петербург.

По рассказам Ольги Францевны, он сначала очень активно стал посещать заседания Союза писателей, избран был в члены комитета литературного фонда (1901). Но общественные события стали как-то болезненно его волновать. Он возмущается англо-бурской войной, пишет негодующий рассказ об империалистах-англичанах («Иии»). Д. Н. с возмущением «переживает» издание правительством правил о сдаче студентов, «нарушающих нормальную университетскую жизнь», в солдаты. Студенческие демонстрации в России начинают принимать характер народного движения. 4 марта 1901 г. демонстрация на Казанской площади в Петербурге была разогнана казаками, а близкие знакомые Д. Н.— Н. Ф. Анненский, А. В. Пешехонов * и др., были жестоко избиты полицией. Дмитрий Наркисович, в числе сорока петербургских литераторов, не задумываясь, подписывает протест по поводу этих варварских избиений революционно-настроенной толпы. «Мы полны ужаса перед будущим, которое ожидает страну, отданную в распоряжение кулака и нагайки»,— писали передовые писатели, обращаясь с протестом и к правительству и к обществу. Вскоре же начинаются высылки и аресты отдельных представителей литературы.

Хотя и далекий от какой-либо политической деятельности, но «невоздержанный на язык», вспыльчивый Дмитрий Наркисович легко мог попасть в беду.

Вспоминаю, что в 1903 г. (когда Д. Н. приезжал на Урал) многие беседы его и его близких знакомых (М. А. Колосова *, Батмановых *) касались «Златоустовской бойни» *, во время которой войска расстреляли сотни демонстрантов. Помню, как Мамина буквально «трясло» от этих рассказов, если не очевидцев, то людей хорошо осведомленных о рабочем движении на Урале.

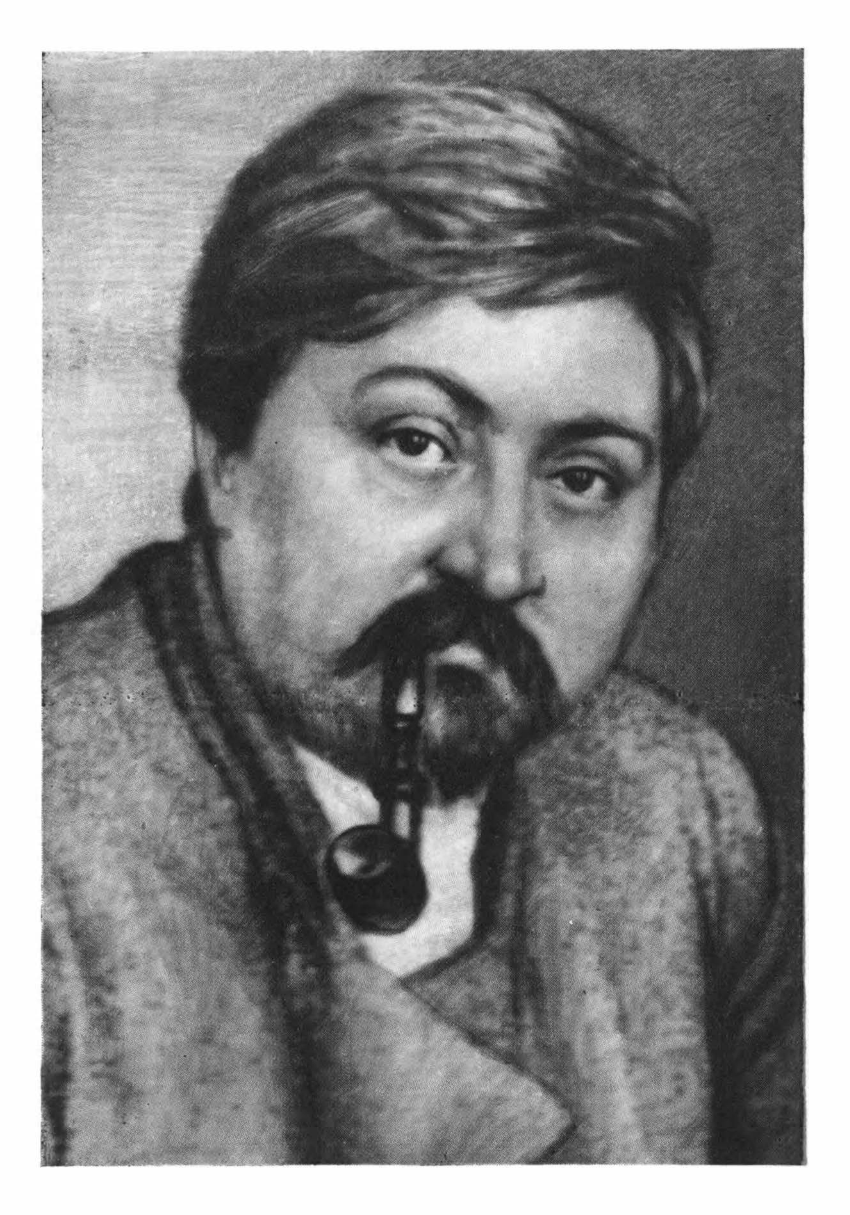
Напряженная обстановка тех лет в столице определенно мешала творческой работе писателя. По воспоминаниям тети Оли, он стал жаловаться, что Петербург

его утомляет, что ему не хватает солнца, тишины. Летний сад и даже Нева, расположенные близко к Пантелеймоновской улице, где жили Мамины, не могли заменить Аленушке царскосельских парков, которые она так любила. И отец, и десятилетняя дочь потянулись назад в тихое Царское.

С 1902 по 1908 г. новое шестилетие в Царском.

Поселились на спокойной Малой улице, в доме Никифоровых. В воспоминаниях семьи Д. Н. об этих годах царскосельский парк фигурировал постоянно. По его аллеям любит бродить Аленка, да и сам писатель подолгу остается здесь. Я помню, как в один из приездов к Маминым я, тогда мальчишка-гимназист, и двенадцатилетняя Аленушка буквально целыми днями пропадали в парке. Кажется, никогда после не узнал я так хорошо этого замечательного «дворцово-паркового ансамбля», как в 1904 г., когда нашим постоянным гидом был дядя Митя. Лицейский сад, старый Екатерининский парк, большой пруд, Камеронова галлерея, Чесменская колонна, чудесная «девушка с кувшином», увековеченная Пушкиным,— по всем этим памятным местам мы прошли не один раз с нашим экскурсоводом. Обходили почему-то только Александровский дворец (там, по-видимому, часто жила царская семья). Зато Екатерининский дворец осматривали досконально. Владелица Царского Екатерина Вторая вызывала у Мамина страстное негодование, пожалуй, не меньшее, чем Грозный. Когда я, уже студентом, заговорил как-то (после лекции по международному праву) о внешнеполитических успехах Екатерининского царствования, Д. Н. мне весьма выразительно заметил: «А ты, брат, почитай-ка лучше В. С. Семевского: «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», Мамин-Сибиряк напомнил мне, что внешнее величие царствования русской Семирамиды куплено было ценой невероятного внутреннего убожества. Он сказал: «Башкирские бунты, пугачевщина и дубининщина на Урале — прекрасный итог века Екатерины».

Обстановка жизни в Царском (в 1902—1908 гг.) была прежняя. Как и раньше, бывают старые друзья: Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков, д-р Жихарев, художник Денисов-Уральский. Алексей Кузьмич Денисов постоянно бывал у Мамина. Их сближала крепкая дружба на почве исключительной любви к своему краю. Встречаясь,

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Конец 1900-х г.

они могли часами беседовать о родине. Алексей Кузьмич часто ездил на Урал и, приезжая, всегда рассказывал о том, что он видел нового, с кем встречался.

Мне с дядей Митей приходилось несколько раз бывать у Алексея Кузьмича и дома, в его квартире против Казанского собора, и в магазине уральских камней на Морской. Дмитрию Наркисовичу очень нравились уральские пейзажи Денисова, его художественные изделия из камней. Пожалуй, это был самый близкий друг Дмитрия Наркисовича, связывавший его с Уралом в петербургские годы.

Будучи тяжело болен, Денисов после революции не смог выехать из Финляндии, ставшей с 1918 г. буржуазной республикой, там и умер. В 1922 г. он писал мне из Усекирки, где у него была дача, и делился предположениями о передаче целого ряда материалов «Екатеринбургскому» университету. К сожалению, Алексей Кузьмич не успел осуществить этих планов.

Другим очень интересным и своеобразным человеком, которого я часто встречал у Маминых, был доктор Степан Сергеевич Жихарев. Дмитрия Наркисовича очень интересовали командировки Жихарева, служившего в медицинском департаменте, на голод, холеру, чуму. Однако в 1908 г. после знаменитого выступления Толстого: «Не могу молчать», Жихарев, как он говорил, решил порвать с чиновной деятельностью и перешел на частную практику. Дмитрий Наркисович очень одобрял этот шаг, так как не терпел чиновничьей петербургской среды.

Жихарев любил и хорошо знал русскую литературу, был близко знаком и дружен почти со всеми тогдашними литераторами. Когда Мамин переселился в Царское, виделись они еженедельно по воскресеньям. Дмитрий Наркисович приезжал к Жихареву, между прочим, он любил писать в спокойном кабинете Степана Сергеевича очередные фельетоны для «Русских ведомостей», или держать их корректуру.

В 1900-е годы в Царском появляются и новые знакомые — педагоги Мухины (Мухин — уроженец Урала), через них Аленушка устанавливает какие-то связи с Анненским *. Аленушке нравятся его стихи, но дядя решительно далек от творчества сколько-нибудь близкого к декадансу и символизму.

«Кругом что-то делается серьезное и большое», «мы на пороге больших событий»,— писал он в декабре 1904 г. матери. Значение революции 1905 г. Мамин не понял, а либералом, верящим в конституцию, стать не мог. И в письмах, и в разговорах он любил вспоминать старообрядческого писателя-инока Павла Любопытного, который в 1848 г. был в Австрии и писал своим единомышленникам, что «конституция есть нож, медом помазанный».

Дмитрий Наркисович лукаво подсмеивался, когда цитировал этот «переосмысленный» им афоризм. Старообрядческий публицист предупреждал свою паству по поводу надвинувшейся угрозы «мировой» революции, а Мамин-Сибиряк убеждал не верить политике «лисьего хвоста» реакционного правительства.

Второй темой, волновавшей писателя в эти годы, оказалась война на Дальнем Востоке. Д. Н. никак не одобрял пресловутой маньчжурской авантюры.

В 1902 г. воспитанница дяди — Лиза Гейнрих поступила на курсы сестер милосердия, а 1904—1905 гг. провела на войне. От нее он получал частые сведения о беспорядках на фронте, которые и привели в конце концов самодержавие к военному краху.

Мамин тяжело переносил известия о поражениях армии, сопряженных со страшными жертвами. Аленушка передала мне как-то газетную вырезку со стихотворением «Варяг» * (крейсер, геройски затопленный своим экипажем), и сказала: «Знаешь, папе тоже очень нравятся эти стихи:

«Мы пред врагом не спустили
Славный Андреевский флаг.
Нет! Мы взорвали «Корейца».
Нами потоплен «Варяг».

Тема «войны» граничила для Мамина с темой «родины», со все увеличивающимися страданиями народа. Моя бабушка очень часто в эти годы ездила к Дмитрию Наркисовичу в Царское. Однажды по возвращении она рассказывала матери: «Поражаюсь я Мите, как он расспрашивает обо всем — помнит до сих пор нищенку висимскую Марью Рак, разузнает о болезнях сторожа Калины, да я и не знаю многих, о ком он хочет узнать...»

Моя мать отвечала: «Что же тут удивительного. Ведь Калина был первый приятель Мити. Помнишь, как он за-

писывал песни Калины». Анна Семеновна продолжала: «Вот тоже рассказ написал — «Пустыньку» — о каких-то сапожниках. да пьяницах, которые выезжают «на дачу» под Петербургом. Да уж и интересно ли все это?»

В 1910 г. уже после смерти Анны Семеновны, я рассказал дяде Мите об этих литературно-критических сомнениях бабушки. Он грустно улыбнулся и ответил несколько «ученой» фразой: «А знаешь, сопротивление цепи определяется слабейшим звеном ее. Горьковские босяки и мои пьяницы — это ведь и есть «слабейшее звено». Мы их презирать особенно не должны».

* * *

В воспоминаниях о последних годах жизни Мамина (1908—1912) необходимо уделить место Аленушке, жизненная судьба которой была неразрывно связана с отцом.

Когда я приехал учиться в Петербург, дядя Митя просил меня взять на себя занятия с Аленушкой по русской истории и истории русской литературы. Мы занимались с ней год (1910/1911), иногда в комнату Алены приходил дядя Митя и урок незаметно превращался в беседу, а учитель и ученица со вниманием слушали своего авторитетного консультанта. Эти беседы оставили глубокий след в моем душевном и интеллектуальном развитии, потому что касались важнейших проблем теории и истории литературы. Но прежде чем сказать о них, остановлюсь на Аленушке. Помню, она подарила мне две тетради стихов, одна из них теперь утеряна.

Пересматривая эти, часто несовершенные «опыты», вспоминая длительные беседы и встречи я живо восстанавливаю перед собой образ моей двоюродной сестры, болезненной, хрупкой девушки, много читавшей и думавшей, но рано (всего 22 лет) ушедшей из жизни. Дядя Митя был болезненно к ней привязан, ведь она росла инвалидом, с какими-то нервными подергиваниями, остатками детского паралича, с изломанной нервной системой. Иногда он с грустью слушал ее стихи, осторожно проверял ее знания, указывал, что читать, а нередко «взрывался», сердился на ее странности, и здесь, в качестве успокоителя выступала тетя Оля.

Чаще всего Аленушка писала о тяжелых субъективных настроениях *. Когда Дмитрий Наркисович слушал

стихи, он задумывался и говорил иногда мне: «Вы с сестрой счастливые, вы здоровы, можете работать, а она... Занимайся с ней, пожалуйста, побольше, отвлекай от таких настроений». И мы занимались, читали, беседовали, но настоящей дружбы и понимания не получалось. Дядя Митя просил мою сестру курсистку (Анну Дмитриевну) брать Аленушку в студенческое общество, но здесь ее как-то стеснялись, не могли найти общий язык. Это было тяжело и для нас, и для отца.

Занятия с Аленушкой и связанные с ними беседы Д. Н. по вопросам философии и литературы явились для меня в свою очередь как бы научным семинаром, потому что Дмитрий Наркисович вскользь, незаметно высказывался по ряду волновавших меня тем.

Я помню, например, что тогда я услышал его подробное и своеобразное понимание Гегелевского понятия*— «дискретность» мира. Он говорил о «хаосе» отдельных фактов, о многообразии линий жизни, о жизни, распадающейся на детали, «случайные» эпизоды, и «происшествия». В конгломерате жизненных явлений можно встретить все, что хочешь, и здоровое, и патологическое... И все это охватывается понятием «жизнь», в которой писатель находит свои прототипы, идет от них к образам, а от «хаоса» к творческим «единствам».

В 1908 г. Мамины переехали в Петербург. Аленушке было уже 17 лет. Дмитрий Наркисович говорил, что теперь он особенно ценит тех немногих друзей, которые «не изменили» ему и среди сутолоки петербургской жизни не забывали старого писателя. (Кругом в литературе было много нового и уже чуждого ему). По пятницам он ездит в Литературное общество (вплоть до закрытия его). Я часто бывал с ним там. Остроумный и живой до конца дней своих, Мамин везде собирал около себя кружок, сыпал шутками, меткими сравнениями, вообще горел и искрился. У меня не остывало впечатление, что здесь, среди литературной публики, всегда его ждали. Ждали, что хитро заблестят характерные маминские глаза, рассказан будет крепкий уральский анекдот, повеет теплом и лаской речи «любимца публики».

Встречи в литературном обществе были самые различные — профессора, критики, поэты, газетчики. Мамин тут же рассказывал нам с Аленушкой о многих из них.

...Вот показалась небольшая, сухонькая старушка с

выразительными карими глазами. Мамин встал, как-то вытянулся перед ней и почтительно поцеловал ее руку. А когда она прошла, Дмитрий Наркисович заметил: «Я горжусь тем, что имею счастье быть знакомым с этой женщиной». Это была известная деятельница революционного движения — Вера Ивановна Засулич. Задержался около маминского столика Петр Филиппович Якубович-Мельшин, народоволец, каторжанин, один из редакторов «Русского богатства». Он «душевно» беседует с Аленушкой по поводу ее стихов. Явное недовольство у сидящих за нашим столиком вызывает М. Кузьмин. Литературное общество — место пересечения различных путей и линий... Нас с Аленушкой интересуют многие из них. Но мы видим, что дяде Мите ближе всех Засулич и Мельшин. В то же время я понимаю, что, уважая и ценя этих людей, он психологически как-то далек от них...

Мамина не тянула политика, как таковая, как политическое действие. Он с охотой мог говорить на литературные и философские темы, остро чувствовал социальную неправду, но, когда дело доходило до споров между отдельными политическими течениями, он сразу смолкал, плохо разбираясь в «деталях», которые, конечно, не были деталями.

...И в эти последние годы дядя много читал. Утром застанешь его обязательно за ворохом газет. Прочитывались всегда внимательно обе екатеринбургские газеты. Днем работал, а вечером опять за книгой.

Я помню в полуосвещенном кабинете на Верейской старые томы «Четьи-миней», какие-то раскольничьи списки, полные собрания сочинений Соловьева, Ключевского, Костомарова, литература по Пермскому краю. Мамин в качалке или с книжкой на кровати. Если не читает, то сидит и отмечает по каталогам и «Книжной летописи», заказывая потом О. Ф. купить, что ему нужно. И нельзя было подумать, что книга дорога! Все, конечно, покупалось. Я помню, показывает Д. Н. редкое издание «Слова о полку Игореве» и сейчас же с жаром начинает доказывать, что у филологов должна быть специальная кафедра для изучения этого памятника. Так ценил он художественную старину, так понимал замученную русскую красоту! И ценил ученых историков; про нашего земляка профессора М. А. Дьяконова Дмитрий Наркисович не раз говорил: «Этот человек, как свеча, горит перед

наукой», очень ценя его исследования по русскому праву. Характерно, что другого ученого он навел на мысль заняться посессионным правом, которому и сам отдал много страниц, художественно изображая быт, выросший на почве этого института.

Молодые же писатели нередко обращались к нему за советами, особенно пробующие свои силы в детской литературе. Но, кажется, последним, кто был у него,— был писатель-рабочий с одного из петербургских заводов. Это было уже во время болезни.

В годы петербургской жизни Д. Н. чаще всего уезжал на лето в г. Павловск. Он очень любил его. В Павловске и подкараулила его болезнь. Снимали маленькую дачу. Дмитрий Наркисович интересовался всегда грибами и «плодами земными», вел нескончаемые разговоры с дворником стариком Василием, устраивая на завалинке целые собеседования. Вечером ходил на музыку, аккуратно присутствуя на всех сколько-нибудь значительных концертах павловского вокзала. Особенно любил традиционную играемую здесь увертюру Чайковского «1812 год».

По зимам Мамин часто бывал в Москве, гостил здесь у своего друга Д. И. Тихомирова. Большая поездка последних лет (1902 г.) была им совершена на Кавказ. Ездили Михайловский, Фидлер и Дмитрий Наркисович. От этой поездки остались фотографии путешественников в черкесских костюмах и прелестная повесть в юмористических тонах в сборнике «Старинка и новинка».

По-настоящему Мамин любил только Север и Урал. По его же собственной теории, здесь сказывалась «страсть», доходившая до несправедливости. На Минеральных водах, писал он, «кругом горы и сидишь точно на дне какого-то котла». Они «давят». «Терек — грязная речонка» и т. д. То ли дело Чусовая, разливы Камы и «милые зеленые горы».

Связи с Уралом были всегда очень интенсивны. Бывали у дяди некоторые товарищи по семинарии, И. Н. Климшин, часто приезжала мать Д. Н.— Анна Семеновна. Последнее время бывали инженер Мостовенко. Н. Ф. Магницкий. Иногда под влиянием рассказов об Урале он начинал строить план новой поездки. Но развивавшаяся болезнь подавляла эти желания...

4 августа 1911 г. с Д. Н. случился роковой удар как раз в любимом им Павловске. Положение ухудшилось с

лета 1912 г., когда начался еще и плеврит. Пало настроение, но до самых последних дней он порывался писать. «Много тем накопилось»,— говорил дядя, показывая на записную книжку. Она, вместе с другими вещами Д. Н., погибла в дни гражданской войны, когда О. Ф. не было дома (больная, она жила на Кавказе). В связи с этим мне припоминается одна из бесед у постели больного. В кабинете никого не было. У него в руках я заметил томик Пушкина: «Что ты это читал?» — «Скупого рыцаря», а теперь смотрел вот на свои книги и рукописи и подумал: «Куда потекут сокровища мои, если что случится. Аленушка больная, тетя Оля многого и совсем не знает». Я попытался уверять дядю Митю, что он поправится, начнет работать. Но он перебил меня: «Дело даже не во мне и не в вас всех, а в том, что накопленные традиции и опыт очень уж часто пропадают, и новые люди часто начинают все снова». Мы оба замолкли. Эта беседа осталась в памяти, как последняя.

П. П. СЛАВНИН

Порфирий Петрович Славнин (1877—1957), историк-краевед, знаток Сибири. В 1905 г. он участник студенческого движения в Петербурге, сотрудник студенческой большевистской газеты «Молодая Россия», лектор рабочих университетов в городах Томске, Тайге и др.

Многие годы Славнин посвятил музейной работе в Москве, Ленинграде, Томске, Тобольске. Как археолог он внес ценный вклад в сибирскую археологию. Им оставлено свыше 80 научных работ. Как журналист П. П. писал по самым различным вопросам, связанным с культурой, историей и хозяйством Сибири.

Из воспоминаний журналиста

Мамин-Сибиряк — мой земляк. Хотя встречи мои с бытописателем Урала и Сибирского Зауралья в Нижнем Тагиле, Екатеринбурге и Петербурге были случайны и мимолетны, но запечатлелись в моей памяти.

Я родился в 1877 г., на Чусовой. Детство, отрочество и часть юношеских лет прожил в заводах: Ревда, Билимбай, Кушва и г. Екатеринбурге. Бывал в Нижне-Тагильском и Висимо-Шайтанском заводах.

Впервые я встретился с писателем в Нижнем Тагиле у деда своего Григория Дмитриевича Левицкого. Дед мой (по матери) в 30-х годах XIX века был преподавателем географии и латинского языка в Пермской семинарии, потом принял духовный сан и был переведен в Нижне-

Тагильский завод настоятелем собора. Одновременно дед преподавал в училище историю и географию.

Д. Н. Мамин-Сибиряк вышел из кабинета с дедом. Я попался ему на глаза, он, шутливо потрепывая меня, спросил: начал ли я ходить в школу? Мне он показался великаном из сказки с большими выразительными черными глазами, с шевелюрой волос и трубкой в руках. После ухода его дед, подняв руку вверх, с гордостью сказал: «Это наш писатель, певец Урала!» Я был счастлив встречей с писателем.

Летом 1887 года в Екатеринбурге открылась Уральская Научно-промышленная выставка. В июле мы с отцом выехали по железной дороге со ст. Гороблагодатской в Екатеринбург. Выставка произвела на меня, девятилетнего, чарующее впечатление. Особенно чугунные кони, шкатулки, рамочки, статуэтки каслинских литейщиков, златоустовские трости с рукояткой топориком, изделия гранильщиков, минералы, чум вогульский и пр. Глаза разбегались по экспонатам. Проходя по обширной территории выставки, мы столкнулись в горнозаводском отделе с Дмитрием Наркисовичем. Он в организации выставки принимал деятельное участие. Отец поздоровался за руку с Дмитрием Наркисовичем как с знакомым, а я, сняв картуз, почтительно поклонился писателю, которого недавно видел в Тагиле у деда. Отец бывал в Висимо-Шайтанском заводе и знал семью Мамина. Мне отец заметил, что выставка больше всех обязана замечательному уральцу, писателю Мамину-Сибиряку.

Позднее я случайно встретился с Дмитрием Наркисовичем в Екатеринбурге в саду при доме Харитонова. В этом громадном, великолепном доме помещалась редакция газеты «Урал».

Харитоновский сад был общественный. Вечерами там устраивались гулянья с музыкой и аттракционом. Были и театральные постановки гастролеров. Днем в саду гуляющих не было. Забегали иногда школьники. Как-то в осенний солнечный день я прямо из училища с ранцем пришел в сад. Побродив по восхитительным аллейкам, я засел зубрить латынь. Смотрю, по саду шествует знакомая фигура уральского писателя с неразлучной трубкой в зубах. Я с замиранием сердца следил за его прямым шагом. Когда он приблизился к беседке, я вскочил, поздоровался и радостно сказал, что знаю, кто он.

Напомнил встречи в Н. Тагиле и на выставке. Дмитрий Наркисович присел на скамейку и разговорился со мной. Стал расспрашивать об училище, где «во время оно» учился сам.

Некоторых учителей он знал: И. Е. Соколова, А. П. Антонинова, А. М. Попова. Смеялся добродушно над прозвищами их: «Созон», «Бизон», «Петушок», «Антипа беспятый», «Аккузативус», «Мартышка», «Выдра». Ученики тоже имели прозвища и подвергались «обряду крещения». Мое прозвище было «Пепко».

В этот раз Дмитрий Наркисович показался мне таким приветливым, простым, помолодевшим, шутливым. Рассказал мне о замечательном харитоновском доме, о легендах, с ним связанных. Тогда я не читал еще «Приваловские миллионы», в будущем заинтересовался. С увлечением прочитаны мною были «Бойцы». Картина каравана по р. Чусовой мне измлада была знакома.

Закончив свой интересный рассказ о харитоновском доме, Дмитрий Наркисович ласково простился и вышел из сада. А я, очарованный, смотрел ему вслед и с большим любопытством стал осматривать загадочный дом Харитонова.

В те годы Мамина-Сибиряка можно было частенько встретить на улицах, в скверике у пруда, в музее, театре.

В 1901 году я зачислился студентом Петербургского университета. Жил в Петербурге до 1907 г., после приезжал из Сибири по делам в столицу временами.

В 1902 году я встретился с Дмитрием Наркисовичем в Питере на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, расположенной на территории «Соляного городка»*, вблизи Фонтанки и Летнего сада. На этой выставке я, как принимавший участие с правительственным агрономом Н. Л. Скалозубовым в составлении «Обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии», был экскурсоводом сибирского отдела. На выставке перебывало много известных лиц: Д. И. Менделеев, Максим Ковалевский, В. В. Стасов, Д. А. Клеменц и другие ученые, писатели, художники. Как-то пришел и Мамин-Сибиряк. Я обрадовался встрече с нашим писателем. На вид тогда ему было лет пятьдесят. Но он мало изменился, только шевелюра волос чуть-чуть посеребрилась. Все такой же эпически-спокойный, самобытный уральский богатырь.

Дмитрий Наркисович не спеша, внимательно обозревал выставку. Обладая любознательностью, в силу которой ни одно явление не казалось ему заурядным, он особенно заинтересовался тюменскими коврами и искусными изделиями тобольских косторезов. Помимо широко известных резных изделий из мамонтовой кости: письменных приборов, шкатулок, рамок для фото, портсигаров, мундштуков, трубок, запонок, гребешков, брошек и пр., на выставке экспонировались целые картины-панорамы северных народностей: чум с фигурами людей, собак, оленей, нарты в упряжке с седоком, направляющим собак «хореем» и пр. Обозрев сибирский отдел, Дмитрий Наркисович расспрашивал меня о Тобольске: «Какова жизнь? Чем там люди дышат?» На мой ответ: «На низ сходят, тем и живут»,— Д. Н. рассмеялся. Я пояснил, что главная статья спроса и предложения — рыба. Тобольские промышленники ежегодно отправляются в низовье Оби, где у них пески, и возвращаются в город с богатым уловом. Зимой на базаре крупная рыба сложена была, как дрова в поленнице, а мелочь — в коробах. Значительная часть рыбы увозилась на Ирбитскую, Нижегородскую, Ишимскую и др. ярмарки.

Спрашивал, кто из политических ссыльных живет в Тобольске? Я назвал ему Виктора Федоровича Костюрина (революционная кличка «Алеша Попович»), осужденного по «процессу 193».

Жена его Мария Николаевна Костюрина (урожд. Емельянова), после Якутской ссылки тоже поселилась в Тобольске и была официально редактором-издателем газеты «Сибирский листок».

Украинский поэт-революционер Павел Арсеньевич Грабовский, после отбытия заключения в Вилюйске, выслан был в 1899 г. в Тобольск, где поручены были ему секретарские обязанности губернского совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в связи с открытием в 1902 г. в Петербурге сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки.

В Сибири, за недостатком образованных служащих, принимали на работу в учреждения и политических ссыльных на низшие должности регистраторов, делопроизводителей, секретарей и т. п.

Дмитрий Наркисович внимательно слушал и задавал разные вопросы.

— Не затерялись ли могилы декабристов?*

— Памятники на могилах декабристов В. К. Кюхельбекера, Вольфа, Муравьева, Башмакова существуют, но плохой сохранности. О необходимости реставрации памятников декабристов мною была написана заметка, которая была напечатана в газете «Сибирский листок» и обсуждалась в Городской думе». (Впоследствии памятники были реставрированы).

Дмитрий Наркисович, одобрительно взглянув на меня, печально промолвил:

— Не дорожим мы памятниками старины.

Спросил о состоянии Тобольского музея, где периодически я сотрудничал.

— Музей процветает. Пользуется популярностью. Помимо научной работы, ведет общественную. Экскурсии, публичные научные доклады, краеведческие собрания. Д. Н. заинтересовался, какие в Тобольске музеи, имеются ли археологические и этнографические коллекции. Перечислив в научном отношении более ценные, я сообщил ему, между прочим, что в музее хранятся кое-какие личные предметы Меншикова, Александра Даниловича, ближайшего сподвижника Петра I. Предметы поступили в музей из г. Березова, куда Меншиков был в 1727 г., сослан, где и умер в 1729 г.

Поведал я и о «карнаухом колоколе»*, сосланном в Тобольск из Углича в 1593 г. и в XIX веке освобожденном по манифесту. Точная модель этого злополучного колокола, отправленного снова в г. Углич, хранится в музее.

Внимательно обозрев выставку и приятно побеседовав, Дмитрий Наркисович поднялся и, любезно попрощавшись, ушел, оставив в памяти моей глубокий след.

После закрытия выставки этнографические экспонаты поступили в организующийся в 1902 г. этнографический отдел при Русском музее. Заведующим этим отделом был назначен известный этнограф Дмитрий Александрович Клеменц, работавший во время ссылки в Сибирь в Минусинском музее и участвовавший в Сибирской и Монгольской экспедициях.

В новый отдел потребовались сотрудники. Я обратился к Д. А. Клеменцу, он принял меня, поручив описание сибирских коллекций.

Помню, как пришел в музей Мамин-Сибиряк. Он интересовался собранием, главным образом, уральских и си-

бирских предметов. Клеменц любезно показал ему все, что было в то время собрано. Они долго толковали, пока Клеменц не вызван был на заседание в музей. Нить беседы перешла к нам, и мы этим воспользовались. Этнограф А. А. Макаренко, недавно вернувшийся из сибирской ссылки, рассказывал об Енисейском крае, о жизни там, о сибирском народном календаре, им составленном, и пр. Беседа с Маминым-Сибиряком продолжалась на разные урало-сибирские темы. Собственно Сибирь в творчестве Мамина-Сибиряка отразилась лишь косвенно, хотя и довольно ярко в цикле «Сибирских рассказов».

Еще раньше, в марте месяце 1902 г. я встретился с Дмитрием Наркисовичем при сугубо печальной процессии выноса из вагона гроба с прахом писателя Глеба Ивановича Успенского и переноса его с железнодорожного перрона на кладбище. Среди небольшой кучки старых «братьев-писателей» (Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко, И. Н. Потапенко, П. И. Вейнберг, Н. Ф. Анненский, А. И. Богданович, Ф. Д. Батюшков* — председатель литературного фонда* и другие, немногие), шествующих за гробом, выделялся Мамин-Сибиряк. Погода была пасмурная, не по-весеннему холодная. Кроме писателей, сопровождали траурный кортеж несколько читателей и почитателей покойного писателя. Во время похоронной процессии мы обменялись с Дмитрием Наркисовичем лишь несколькими грустными словами и, предавши прах автора «Власти земли», разошлись с кладбища под завесой дождя в разные стороны. Мне очень было жаль срезанной серпом смерти культурной силы в лице Глеба Ивановича Успенского, но еще более жаль было отчизны, не умеющей достойно оценивать своих выдающихся сынов.

Дальнейшие мои встречи с Д. Н. Маминым-Сибиряком в Петербурге были эпизодичны: на выставке картин художника Денисова-Уральского в октябре 1902 г., в публичной библиотеке, где я периодически, по договоренности с библиотекарями Ф. П. Кеппен и Х. М. Лопаревым, в свободное время от занятий в университете и работ в этнографическом отделе Русского музея, составлял каталоги. Раз я столкнулся с Дмитрием Наркисовичем в библиотеке на площадке лестницы, он шел от В. В. Стасова, писатель поинтересовался работой моей в библиотеке.

Встречался однажды с Дмитрием Наркисовичем в редакции прогрессивной газеты «Наша жизнь»*, сотрудником которой я состоял с ноября 1904 г.

«Наша жизнь» часто подвергалась административным и судебным карам. Конфискация номеров газеты, штраф, запрещения выпуска газеты, привлечение редактора и издателя к судебной ответственности. И «Наша жизнь» всякий раз, как феникс, возрождалась под новым названием: «Товарищ»,«Народное хозяйство», «Современное слово». Руководил газетой проф. Ходский*, издателем был Котельников. Юридическими редакторами были разные лица из сотрудников газеты, готовые «на заклание».

По какому делу заходил Мамин-Сибиряк к проф. Ходскому, который и жил в помещении редакции (Невский пр.), мне неизвестно. Встреча наша была мимолетна. Только он, поздоровавшись со мной, шутливо изрек: «Камо пойду, ты тамо еси...»

Еще повстречались как-то в Питере, на Бассейной, у Владимира Платоновича Сукачева* — издателя журнала «Сибирские вопросы», * где время от времени печатались мои корреспонденции из Сибири. Редактировал «Сибирские вопросы» Петр Михайлович Головачев *, сибиряк, бывший преподаватель Енисейской гимназии и Тюменского реального училища. Штатных сотрудников у «Сибирских вопросов» не было, печатались добровольцы-сибиряки. Издатель — меценат В. П. Сукачев, сам сибиряк, бывший иркутский городской голова. В Иркутске сохранились картины, пожертвованные им городу, которые и послужили основой для создания в Иркутске художественного музея.

Когда пришел Мамин-Сибиряк в издательство, мы втроем с Головачевым и Сукачевым подбирали материал для очередного выпуска журнала. Визит известного писателя был явно неожиданным для издателя. Дмитрий Наркисович начал разговор с одобрения издания печатного сибирского органа в столице. «Сибирские вопросы», радикальный по тому времени журнал, являлся для сибиряков как бы отдушиной, ибо в сибирской подцензурной прессе невозможно было протащить такой материал, который здесь печатался. В журнале, помимо острых сибирских вопросов, помещалась и критика на действия сибирских помпадуров. При общей беседе Мамин-Сибиряк высказался о будировании в печати скорейшего вве-

дения в Сибири земства, которому он, по-видимому, придавал положительное значение. Земский вопрос в Сибири и был, вероятно, поводом прихода его. Издатель, между прочим, горевал, что журнал плохо расходится, мало подписчиков, несмотря на доступную плату, розничной продажи нет, издание убыточно. Квартира его комплектами журнала за старые годы завалена. «Сибирские вопросы» издавались в СПБ с 1905 по 1913 гг.

Тут вспомнили и старинные сибирские журналы, издававшиеся в Петербурге: «Сибирский вестник» (1818—1824), «Азиатский вестник» (1825—1827), «Восточное обозрение», «Сибирский сборник». Вспомнили издававшийся в конце XVIII века в г. Тобольске ежемесячный журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» * (1789—1791). При дальнейшем разговоре с Дмитрием Наркисовичем с издателем мы с Головачевым не присутствовали, спешили в типографию.

В Петербурге в начале XX века пользовались большой популярностью литературные вечера, периодически устраиваемые «Литературным фондом» в Тенишевском зале, на Моховой улице. Аудиторию наполняла преимущественно учащаяся молодежь — студенты и курсистки («лесгафтички» и «бестужевки»). Литературные вечера обычно открывал председатель «Литературного фонда» Ф. Д. Батюшков — историк русской литературы, редактор либерального журнала «Мир божий». После краткого его критического обозрения текущей литературы выступали на эстраде поэты и прозаики, из старых писателей нередко выступали Н. К. Михайловский, П. И. Вейнберг, В. Г. Короленко, В. В. Вересаев (Смидович), И. Н. Потапенко, В. Г. Богораз-Тан, П. Ф. Якубович (псевдоним Л. Мельшин) и др. Появление на эстраде Н. А. Морозова, просидевшего свыше 20 лет в Шлиссельбургской крепости, аудитория шумно приветствовала. Не каждый день встречаешь таких людей. Морозов читал свои стихи из цикла «Звездные песни», запрещенные в то время к опубликованию. На следующем литературном вечере он читал «Откровение в грозе и буре» до выхода в свет этой книги (1907 г.).

Из славной плеяды писателей на литературных вечерах выступали Максим Горький, Леонид Андреев, Иван Бунин, Куприн, Евгений Чириков, Валерий Брюсов, Скиталец (Петров).

Громом аплодисментов публика награждала их. На одном из литературных вечеров показался Мамин-Сибиряк. Расставшись с родным Уралом, он, как мифический Антей, потерял творческие силы.

Во время антракта я поздоровался с Дмитрием Наркисовичем, направляющимся с трубкой в курилку. Грустен, меланхоличен, покуривал он, а я рассказывал ему о «Кружке молодых», образовавшемся в университете по инициативе студентов-филологов. В кружок входили: Александр Блок, Сергей Городецкий, А. Гидани, М. Гофман, А. Кондратьев, А. Ремезов, Корней Чуковский, Дмитрий Цензор и др. Литературные вечера устраивались в одной из аудиторий.

Последняя встреча с Маминым-Сибиряком произошла в Царскосельском поезде. Судьба явно благоприятствовала мне. Я не мог не нарадоваться той случайной встрече, которая свела меня с сердечным человеком и писателем в одном вагоне. Он сидел с неизменной трубкой и печально посматривал в окно, время от времени растирая рукой колени ног. По-видимому, ревматизм донимал его. В нем уже не было признака той ясной жизнерадостности, которой он всегда пленял. Угрюм, молчалив. Казалось, он был чужд всему, что происходило вокруг, погруженный в свои сокровенные мысли. На мое восхищение Царскосельским парком он слабо реагировал. Его не так прельщали эти искусственные места, как уральские. Вдали Урала он, как лето без солнца. Переключились на Урал. Он оживился.

— Урал, Урал! Тело каменно, сердце пламенно...

Лида Гейнрих, М. К. Куприна-Иорданская, Д. Н. Мамин, О. Ф. Гувале (крайняя справа).

В. ВАРИЛЬЕ

Редакция не располагает никакими данными об авторе настоящих воспоминаний.

<Встречи с писателем>

Редактор «Мира божьего» В. П. Острогорский, узнав, что я переезжаю в Царское Село, обрадовался:

— Вот как кстати! Зимой сам туда ехать боюсь, а нужно вырвать ответ у Мамина: писал ему раза три,— молчит. Вот вы там к нему и зайдите с записочкой!

Мне это поручение было особенно приятно: Д. Н. Мамин-Сибиряк уже давно был одним из самых любимых моих писателей, но видеть его мне не доводилось ни в Петербурге, ни в Москве, где я знал его первую жену актрису М. М. Абрамову, одно время державшую там драматический театр.

В ближайшую поездку в Царское решил разыскать Мамина.

Опыт научил меня, что в провинции лучший адресный стол и руководитель — вокзальный буфетчик.

— Дмитрий-с Наркисович-с?! — с какой-то особой радостью откликнулся обходительный ярославец.— Да помилуйте-с! Вон они у столика пивком утешаются собственноручно: там у них завсегда абонированная ложа на всех проходящих.

Я оглянулся: у окна одиноко сидел грузный мужчина в каком-то своеобычном архалуке из верблюжьего сукна. В обрюзглом, словно дымом покрытом, лице я все же сразу узнал знакомые по фотографии черты писателя.

— Вон оно, дело-то какое! — тихо, с хрипотой проговорил он, свертывая записку Острогоского.— Не любитель я до писем-то, так Виктору Петровичу и не ответил, вот старик и серчает. Надо, стало быть, утихомирить

Взяв от официанта карандаш, Мамин на обороте той же записки ответил и попросил меня вручить ответ «по принадлежности». Взглянув на большие часы над стойкой, он приказал тому же официанту:

— До поезда-то с полчасика будет, так ты спроворь им кружечку.

Я приготовился к разговору, но он шел туго. Мамин больше пытливо посматривал на меня из-под шапки и только задал два-три вопроса про Острогорского. Видно было только, что он, как и большинство пишущей братии, любил и ценил его.

Дня через два, опять на том же вокзале, мне снова пришлось ждать поезда. Мамин сидел в той же позе словно не сходил с места за эти дни. Я хотел было только поклониться ему, но он подманил меня пальцем и опять распорядился насчет кружки пива. И опять перекинулись двумя-тремя пустыми замечаниями насчет погоды, пива и т. п. С тех пор вошло в обычай, чтобы при всяком ожидании на вокзале,— а ждать там приходилось очень часто и по расписанию и еще чаще без расписания,— я садился за стол Мамина. Это распространялось еще на несколько человек: два учителя местной гимназии*, начальник телефонной станции, врач придворного госпиталя. Мамин больше помалкивал, отделываясь короткими замечаниями. Зато слушал мастерски: видно было по его живым, блестевшим глазам, что не только всякая мелочь рассказа доходила до него, но что он переживал каждый такой рассказ. Это заменяло ему газеты Однажды я предложил ему свежий номер газеты с какой-то забористой статьей. Мамин недовольно отмахнулся.

— Не любитель я до этого овоща! Пустяков много пишут, а суть знакомые перескажут! Ну, вот скажите, что вы мне любопытного показать хотите?

И так заставил рассказать ему вкратце содержание статьи.

Еще внимательнее глядел он на все, что, как в панораме, проходило перед его глазами непрерывной лентой. А лента была любопытная, красочная. Тогда в Царском стояло четыре гвардейских полка, с гусарами во главе. По зимам жил двор. И из-за этого сюда ежегодно наезжали министры, особы, представлявшиеся ко двору, а еще больше всякие любители потереться вокруг «сфер» и проникнуть к той влиятельной челяди всяких сортов и калибров, которой так много наседает вокруг всякого двора. Гусары, кирасиры со своими дамами ехали из скучного Царского в Петербург ради столичного воздуха. И все это множество развязного, коротко друг друга знавшего и перекликавшегося по-русски и по-французски, народа кучилось на маленьком деревянном вокзале: новый громадный каменный, с подземными переходами «под путями», тогда еще только был начат постройкой.

Видно было по лицу Д. Н., как отвратительна была ему вся эта публика: он своей мимикой, на редкость выразительно, движением одних бровей или пальцев давал беспощадную оценку тому, что проходило перед нашими глазами и что из разговоров доходило до нашего стола.

Как-то раз, после того, как поезд унес все это «общество» в Петербург, а мы засиделись за столом, Д. Н. разошелся и произнес нечто вроде монолога.

— Какой ужас! Эта человечья тля, полная вырождения, пропившаяся, проигравшаяся, не знающая и не желающая знать ни страны, ни народа,— наши верхи, откуда и только откуда выбирают наших правителей, хозяев судьбы великого народа. Пощелкает он вот так годиков пять шпорами перед размалеванными дамами, и они же пристроят его в губернаторы, а потом в министры, и росчерк пера такой пустышки будет определять жизнь и судьбу многих миллионов. Не надо и слушать, что они лопочут между собой: по рожам видно, что под их касками никогда никакая мысль не ночевала. Спросите вон в киоске у барышни, что они покупают? Кроме «Стрекозы» * да «Конского вестника»* во всю жизнь никакого печатного листа у них в руках не бывало, а судачить и рядить о чем угодно будут с полной верой в свою непогрешимость. Вот намедни такой верзила в красных рейтузах прощался с приятельницами: в командировку посылает,

дядя — переселенцев за Байкал направить*; такой туда направит, где не то что переселенцу, а собаке притулиться негде будет! Он станет покрикивать, а народ будет гибнуть да разоряться... Послать бы его денщика, так куда больше проку бы вышло... А сколько форсу зададут. сколько денег казенных просадят...

— Так вот и надо, стало быть, так повернуть дело, чтобы этих соколиков в бобровых шинелях убрать в сторонку, а их денщиков поставить на их место,— заметил один из собеседников, восторженный почитатель Глеба Успенского.

Мамин ничего не ответил, опустил голову ниже к кружке с пивом и, видимо, о чем-то думал после необычной для себя ораторской вспышки. Затем поднял голову и заговорил снова.

— За что свои «Приваловские миллионы» ценю? Удалось в них подметить черточку, что везде оправдывается! Бабой семья держится, как там все на плечах у старухи*. Посмотрите на здешних барынь! Все светлейшие да баронессы. А сравнить их хоть бы с теми девицами легкого разлива, что сюда же к милым дружкам наезжают! Охтенские да лиговские мещанки, а и телом, и обращеньем сколько очков вперед дадут баронессам-то! Да и по нарядам-то больше пристойности; баронессам-то не мешало бы позаимствовать! Иной раз сидишь вот так, да и сравниваешь какую-нибудь графиню Зорникау с Катькой-паучком и не знаешь, кто же из них двух — «дама из Амстердама»? Одним словом, одна гниль у нас поверху плавает, и кто этому горю пособить сможет?

Кто-то заметил, воспользовавшись паузой, что умная и дельная женщина может вывести иного мужчину на правильную дорогу.

— Ну, конечно! — подхватил Мамин.— Все мы на бабьем поводу ходим, и велико счастье того, кому судьба по дороге дельную бабу в поводыри послала... Зато потерять ее да одному остаться — не доведись никому! — прибавил он каким-то осевшим голосом, и мне подумалось, не вспомнил ли он при этом свою первую жену (М. М. Абрамову), которую, по-видимому, не мог забыть даже после вторичной женитьбы.

...Быть у Мамина на дому довелось мне только раз. Жил он на одной из тихих улиц, далеко от придворных и гвардейских улиц, на даче весьма скромного облика

Какая-то угнетающая чистота и подчеркнутая опрятность бросались в глаза уже в передней: такой вид имеют не жилые дома, а образцовые клиники. И что-то больничное пропитывало все его жилище: полное отсутствие звуков, зря брошенных, как подобает в обжитом доме, вещей, какие-то священно-трепетные движения прислуги. И сам хозяин, сидевший у окна с цветами, здесь совсем не походил на вольготно восседавшего за пивом вокзального завсегдатая. Говорил он как-то обо всем иначе, с виноватой улыбкой, без тех лукавых усмешек, какими так расцвечивалась его беседа. Казалось, будто кто посадил белого медведя под стеклянный колпак, и он сам дивится непривольной обстановке. Во время моего очень непродолжительного визита Мамин несколько раз взглядывал на дверь в соседнюю комнату.

Вернувшись на вокзал к своей компании, я поделился этими впечатлениями, не могу сказать, чтобы слишком отрадными: ничего дурного я там не видел и не слышал, хозяин был даже, пожалуй, слишком ласков, а все-таки еще раз сходить к нему не хотелось. Оказалось, что такое впечатление от его домашнего житья-бытья осталось чуть ли не у всех. Одни видели здесь отражение настроения, какое вносила в домашнюю его обстановку хронически больная дочь его от М. М. Абрамовой, Аленушка его дивных сказок, а кой-кто видел мертвящее влияние жены-англичанки*, от которой он будто бы и спасался на вокзале.

Однажды утром я пошел побродить по Царскосельскому парку. Я был уверен, что погуляю в одиночестве, как вдруг на скамейке у самого озера я увидел Мамина. Я хотел было пройти мимо, но он окликнул меня...

— Вот только в такую пору и можно как следует наслаждаться этим дивным парком. Много за него грехов отпустится матушке Екатерине, но редко кто им пользуется по-настоящему: днем его пакостят светские тараторки, велосипедисты и всякая иная нечисть, не говоря уже про соглядатаев, которыми здесь хоть пруд пруди. А в эту пору вся эта публика еще почивать изволит, и вот тут-то нашему брату и раздолье: дыши воздухом да гляди на воду. Лучше этого ничего на свете и быть не может...

И, словно заправский художник-пейзажист, он стал восторгаться и красками деревьев, и бегущими линиями

облаков, с их отражением на поверхности озера. Но похвал его хватило не надолго.

— Хорошо, очень хорошо, а все не то, что у нас там за Уралом. Кто не видел тамошних лесов, не любовался Камой и Чусовой, не дышал тем воздухом, каким летом по утрам пьянят тамошние озера, тот не знает красоты природы. И вот каждый раз, как поброжу здесь да начну вспоминать сибирские леса и реки, так и расстроюсь: только рану старую разбережу, что не могу там жить. И люди там под масть природе: крепкие, цельные, не чета здешнему народишку, насквозь испаскуженному столичной слякотью...

— А чего бы вам там не поселиться? — спросил я.— Ведь до столичных забав охотник вы не большой, а рукописи посылать отовсюду можно: живет же вон Короленко в Нижнем.

— Во-первых, Короленко — особь статья! Такого другого кряжа во всей нашей литературе нет, да, пожалуй, и не было. А затем и его, пожалуй, не без причины бранят, что больно мало пишет. Тут, хоть и погано, да все-таки раз в неделю, хочешь не хочешь, а петербургские редакции сам навестишь, да и оттуда послы частенько жалуют: то Николай Федорович Анненский, то Ангел Иванович Богданович, то Федор Дмитриевич Батюшков, а получишь с родных мест свежих настоек да нельмы, так и Виктор Петрович явится, ну и расшевелят. А там, на приволье-то от письменного стола совсем, пожалуй, отстанешь. Да и перед глазами нужно всю эту пестроту видеть*. Посердишься вот этак с приятелем, поддаст он каким-нибудь анекдотцем жару, а сядешь потом за стол, так гнев-то наш на бумагу сам и ложится да нить рассказа и тянет. Недаром Салтыков говорил, что нашего брата следует на сковородке поджаривать, чтобы жиром не зарастали. Сибирская жизнь кондовая, веками устоявшаяся и на версту в землю корнями ушедшая. Пока с нее не снимут цепей, какими ее заковали, поворачивается она медленно, и поэтому про нее писать я могу и здесь: воспоминаний да прежних встреч на мой, не больно-то длинный, век, авось хватит. А здесь, хотя и больное, а всетаки сердце, и бьется оно быстро, даже, пожалуй, слишком быстро. Когда я студентом сюда приехал, одни студенты да фельдшерицы 8 февраля по кухмистерским шумели, если не выпадало какой-нибудь оказии вроде похорон

Тургенева *. А теперь, слышу, каждые полгода университет градоначальник осаждает, устраивая тут же правильные атаки и вылазки. А что творится на каждом заседании Общества грамотности*, Союза писателей или Вольно-экономического общества *? За студентами двинулись рабочие. Это все новое, а во что оно выльется, что из этого получится, знать не только любопытно, но и необходимо. Стало быть, нужно быть на месте, и смотреть, и слушать. Иначе и сибирских делов не поймешь. Это еще покойник Ядринцев твердил: «Здесь за нитку дергают, а мы там у себя корчимся». Посмотрю у себя на вокзале, как какой-нибудь благодетель человечества «имел счастье представляться его величеству», и почти без ошибки могу судить, каких делов там, за Уралом, наделает такой столичный слеток. От этих «даров центра» туже всего приходится тамошнему народу.

— Вы, стало быть, автономист *? — спросил я в шутку Д. Н.

— Заморскими ярлыками обклеивать себя не мастер,— ответил он совершенно серьезно,— я знаю, что хозяйство, да и вся жизнь там так сложны и своеобычны, что наладить их с пользой для дела может не чужак, а только человек, там родившийся и вплотную подошедший к коренному населению. Пока же всем будут править за тысячи верст из столичных канцелярий люди, точно не знающие, что ближе, Иртыш или Обь, и не вполне уверенные, что это: не то гора, не то город, проку от таких порядков ожидать едва ли приходится...

Прошло больше четверти века с тех пор, как я в последний раз видел любимого писателя. Не пересказываю здесь множества его рассказов из прекрасно знакомого ему прошлого Сибири: большинство их он сам напечатал. Только в устной передаче он все называл подлинными именами и приводил подробности, какие из-за цензуры приходилось опускать. Но рассказывал он куда бледнее, чем писал. Краски у него, видимо, родились на бумаге. Зато становилось ясно, как мало вымысла было во всем, что печатал этот глубоко правдивый и искренний знаток далекой окраины...

С. И. ЯКОВЛЕВ

Сергей Иванович Яковлев, родившийся на Урале, (1862 г.) перепробовал массу профессий. Он был кузнецом, старателем, штейгером, охотником, рыболовом, учителем, художником в газете, лектором, писателем. Занимался он краеведением, положил много труда на изучение Сибири. Яковлев, несомненно, был незаурядным художником, о чем свидетельствуют его рисунки, хранящиеся в Свердловском архиве. Наброски типов и жанровых сценок, выразительные и правдивые, временами производят впечатление иллюстраций к произведениям Мамина-Сибиряка. Такая творческая близость должна была бы привести к более интересным воспоминаниям, но известная узость взгляда, а может быть, и плохое владение мемуарным жанром привели Яковлева к фиксации небольших частностей в жизни и характере Мамина, впрочем, небезынтересных для понимания личности писателя.

Д. Н. Мамин-Сибиряк

...Вспоминая Д. Н. Мамина, сейчас же представляешь себе его красивую, крупную фигуру, ставшую к старости еще более могучей, с открытым лицом и чудными, немного задумчивыми глазами под тяжелыми, как он сам называл, «восточными» веками.

Красив был покойный Д. Н. Мамин, и его наружность вполне гармонировала с его незлобливым, добрым нравом и почти детским простодушием. Безобидно иронизи-

руя над кем-либо, он также подчас простодушно подтрунивал и над собой.

Уже в 1901 г., когда Д. Н. жил безвыездно в Петербурге, автору этой заметки, приехавшему с Урала, приходилось бывать у него, и разговор нередко сводился на тему о киргизских лошадях.

Д. Н. Мамин, наблюдая жизнь родного Урала, конечно, не мог не обратить внимания на значение лошади в заводской работе, а также и в домашнем хозяйстве уральского населения.

Издавна завелось, что большинство лошадей на Урале было киргизской породы, благо степи находятся рядом. Статные, горячие степняки не всегда были удобны для тяжелой заводской работы: подвозки руды, топлива и пр., но отдельные из них представляли богатый материал, дававший рысаков, иноходцев и бегунов (скаковых). Это развило на Урале широкий конский спорт, нередко в отдельных случаях переходящий в область криминального: хороший киргизский «бегунчик», могущий скакать 10—15 верст или сделать в упряжи, «не кормя», в легких саночках в одну ночь 150—180 верст, наводил на грешные мысли какого-нибудь мирного заводского обывателя или богатого зауральского поселянина использовать такого коня для грабительских целей или при торговле краденым золотом.

Кровь новгородских ушкуйников, разных разбойничьих элементов и вообще неужившихся на родине людей — этих первых посельников Урала, конечно, давала обильный материал для создания типа этих охотников, среди которых были легендарные герои, ставшие героями в народных сказках, песнях и баснях. Само собой разумеется, что Мамин-Сибиряк не мог пройти мимо такой исторической черты быта Урала, а будучи сам страшным охотником до лошадей (суровая судьба, державшая его в ежовых экономических рукавицах, позволяла ему держать в Екатеринбурге лишь одну невзрачную белую лошадку — «конь-ветер») — во всех своих произведениях дал яркие описания и эпизоды, где фигурирует такой «конь-ветер».

И вот однажды Д. Н. предложил мне посмотреть петербургских троечников, стоявших тогда у цирка Чинизелли на Фонтанке. Троечники встретили Д. Н. как давно знакомого им любителя лошадей. Он велел выехать

одной упряжке, чтобы показать образцовую охотничью тройку мне, земляку, тоже горячему лошаднику, как он иногда называл меня в шутку.

Когда двинулась огромная, черная, как ночь, коренная под золоченой дугой, а мастные пристяжные, гремя серебряными колокольчиками на «подгорках», блестя длинными, от «трока до земли» наборными «переметами», взметнули стройными ногами и узорная «кошева» тронулась с места, то действительно получалась красивая картина в старорусском стиле, чему дополнением служил и ямщик с павлиньим пером на шляпе.

Как сейчас вижу лицо Д. Н., когда он жадно впился горящими глазами в красавицу-тройку, безмолвно приглашая меня тоже полюбоваться ею. Вороные кони были действительно великолепны, но каждый взятый порознь так как они шли немного в «разнобой», что почти обычно для таких крупных лошадей, сведенных в тройку.

Я сообщил Д. Н. мой вывод и напомнил ему о наших уральских охотничьих тройках, подобранных «волос в волос» и по масти, и по росту, и по темпераменту из небольших, широкогрудых, длинных киргизов, которые на ходу в глазах знатоков и охотников представляют один и законченный аккорд, «один дружный вздох», не то, что эта бутафорская тройка, тяжелые кони которой «сядут на хвост» после 20—25 верст хорошей езды. Д. Н. сознался, что у него в Петербурге все уральское «начинает выдыхаться», как он выразился, и повторял это потом по всякому поводу и в других случаях, видимо, сознавая и чувствуя, как уральскому писателю необходимо бывать на родном Урале.

Но ему так и не пришлось увидеть родного Урала. Не однажды он упоминал с некоторой долей горечи, что его «мало читают на родине, а вот здесь, в Петербурге, рабочие охотно берут мои книги,—хотят узнать, какова жизнь уральского рабочего».

Простое, ласковое обращение со всеми, без различия рангов и происхождения, бесконечная доброта к окружающим создавала вокруг Д. Н. атмосферу доброжелания и любви к нему. И, вероятно, его доброта принимала иногда и более реальную форму.

Я помню такой случай: в доме на Пантелеймоновской ул. № 13, где жил Д. Н. в 1900—1901 гг., потерялась в общей вешалке дорогая дамская ротонда, за что должен

был отвечать швейцар, еще молодой ярославец, Исаакий, как все его называли. Шуба стоила 800 рублей. Исаакий был в отчаянии, и понятно: его могли лишить места и задержать его залог 200—300 рублей, если он не уплатит за потерю. Д. Н. горевал не менее Исаакия, сочувствуя ему. Я имею основание предполагать, что сочувствие Д. Н. было далеко не платоническим, так как Исаакий остался служить на том же месте и при всяком случае, встречаясь со мной, особенно восторженно отзывался о Д. Н., называя его «человеком, каких теперь нет».

Большой художник был Д. Н. Мамин-Сибиряк, вместе с тем он был отзывчивый, прямой и по-хорошему гордый человек.

Я помню, когда-то мне пришлось жить на одном закинутом в глушь Северного Урала, заброшенном прииске, где, кроме меня, был только один живой человек — неграмотный сторож.

Найдя на книжной полке томик Мамина-Сибиряка, я нередко коротал скучный зимний день, читая моему одинокому слушателю чудные рассказы, которые он слушал с выражением мучительного внимания на бородатом лице. Когда эта литература была исчерпана и мы перешли к другим авторам, каких я нашел на той же полочке, то внимание моего бородача значительно упало, видимо, он все еще находился под впечатлением Мамина-Сибиряка и никак не мог сосредоточиться на чем-нибудь другом. Уж потом, рассуждая о прочитанном, я услышал его определенное мнение о произведениях, даже скорее о самом авторе: «Справедливый человек, справедливый». Это была большая похвала непосредственного человека.

А. Т. МИХАЙЛОВ

Воспоминания Апполона Тимофеевича Михайлова (род. в 1862) относятся к 1900-м годам. Автор воспоминаний — бывший учитель из Чердынского края, журналист, участник революционного движения. В середине 1890-х годов издал «Народный календарь». После Октябрьской революции — редактор чердынской газеты.

А. Т. Михайлов мог посетить Мамина в апреле 1910 г. во время II Всероссийского съезда писателей, на котором он присутствовал, как представитель газеты «Уральская жизнь». Но так как он встретился у Дмитрия Наркисовича с В. Н. Маминым, умершим в 1909 г го встреча была, очевидно, раньше.

<Памятные встречи>

Меня, старого уральского журналиста, давно тянуло ближе познакомиться с Дмитрием Наркисовичем, но все как-то откладывалось в безобразной сумятице петербургской жизни. Наконец, случай представился. За мной специально зашел один знакомый Дмитрия Наркисовича, и мы отправились по Загородной до Технологического института, в районе которого жил писатель. Нас встретила последняя супруга Дмитрия Наркисовича и с немецким акцентом указала, как пройти в кабинет. Из боковых дверей выглянула бледная, с русалочьим взглядом, девушка 15 лет, но под строгим взглядом немки смущенно удалилась в соседнюю комнату. Это была

любимая дочь Дмитрия Наркисовича Аленушка, оранжерейное существо.

В кабинете, под полуспущенными шторами, увидя нас, тяжело поднялся с кресла высокий, плотный старик с ласковыми глазами и радушно протянул пухлую руку:

— А, земляк-уралец. Очень рад.

У него сидел его брат Владимир Наркисович *, екатеринбургский адвокат, по какому-то делу приехавший в Петербург. Понемногу завертелась беседа. Сначала перебрали, как водится, общих знакомых, покритиковали их дела, посмеялись. Вспомнили старое. Прошлись по современной литературе. Дмитрий Наркисович как-то косо улыбнулся.

— «Скребцы»,— сказал он после некоторого молчания, и большие круглые глаза его засветились огоньком:— Сидит скребец и все скребет и скребет перышком, на этом и выезжает. Смотришь, писатель появился.

— Я уже теперь ничего не пишу,— сказал он на мой вопрос.— Что-то охоты не стало. На отдых, видно, пришла пора...

Мне показалось, что Дмитрий Наркисович силился затаить в себе тяжелый вздох.

— Впрочем, детские сказки. Сочинения мои купил Тихомиров. Вот и живем. Куда же вы? Посидели бы...— тепло улыбаясь, проговорил он, заметя наше движение, чтобы встать.

...Встречался я с Дмитрием Наркисовичем на собраниях Петербургского общества журналистов, происходивших еженедельно в клубе инженеров на Николаевской улице. Читались доклады, преимущественно на литературные темы, в заключениях давались литературно-концертные отделения, на которые приглашались артисты Александринки, выступали и литераторы. На этих собраниях нередко приходилось видеть Дмитрия Наркисовича, сидевшего рядом со своей дочкой Аленушкой. Приходил он уже в «настроении» и, не взирая на публику, с риском нарушить тишину, шутил с Аленушкой, дурачился, трепля ее за косу, щекоча шею. Аленушка робко улыбалась своим бледным русалочьим личиком и словно не смела противиться нежным отеческим ласкам в неподходящей обстановке. По обыкновению Д. Н. не дослушивал доклада и удалялся под руку с дочерью в буфет, где и досиживал до конца за бутылкой пива

Увидя во время перерыва меня, он жестом пригласил подсесть и налил стакан пива. Беседа, однако, уже не вязалась. Он молчал, устремив глаза куда-то вдаль, по временам дополняя пивом стакан. Аленушка глядела ему в глаза, наивно улыбаясь, и тоже молчала.

Помню раз, после какого-то доклада, начались оживленные прения. Из дверей буфета показалась крупная фигура Дмитрия Наркисовича. Он сел на стул и через минуту попросил слова. У председательствующего на собрании Батюшкова по лицу пробежала тень, сменившаяся сейчас же любезной улыбкой, и слово было предоставлено. Дмитрий Наркисович грузно поднялся и начал оппонировать докладчику. Говорил долго, не по существу, отвлекаясь в сторону. В общем, получалось впечатление какого-то бессвязного набора слов. Батюшков застыл в своей снисходительной улыбке. Все чувствовали себя в довольно неловком положении. И слушать было тяжело, и протестовать нельзя. И всем было ясно, что когда-то крупный талант популярного писателя погибает и спасти его уже невозможно.

...Умер Дмитрий Наркисович зимой. За гробом шла большая масса публики, преимущественно литераторы, учащиеся. Весь Урал, закинутый судьбою в холодную столицу, собрался проводить своего любимого писателя, певца Урала. Среди провожающей массы можно было видеть известного уральского художника Денисова-Уральского, издателя «Уральской жизни» и «Современника» Певина, выделялась массивная фигура с русской большой бородой книгопродавца-издателя Тихомирова, близкого друга Дмитрия Наркисовича, экстренно прибывшего из Москвы на похороны. Во время шествия вдруг откуда ни возьмись затрещал киноаппарат. Схоронили Дмитрия Наркисовича в Александро-Невской лавре. Было произнесено несколько речей. Поэт Апполон Коринфский прочитал стихотворение, где назвал покойного «уральским самоцветом». Страстную речь произнес Денисов-Уральский, сказавший по адресу некоторой части петербургских литераторов: «Вы все время гнали нашего Дмитрия Наркисовича, все время травили его, и вот он не захотел лечь на вашем Волковом кладбище, и мы хороним его в Александро-Невской лавре». Вскоре умерла и Аленушка *, и легла рядом с отцом.

Как-то вскоре после смерти Мамина-Сибиряка Ба-

тюшков сделал публичный доклад * о творчестве его, где проводил ту мысль, что Мамин-Сибиряк не может быть поставлен на ряду с нашими лучшими беллетристами, что это просто был бытописатель небольшого района, хотя в произведениях его порой и просвечивает некоторая доля таланта. Батюшкову горячо возражал Аничков *, доказывая, что почивший писатель несомненно крупный талант, и своими высокохудожественными произведениями он заслужил место рядом с нашими корифеями изящной литературы; если же находятся литераторы, которые его не признают, то этому совсем другая причина: Мамин-Сибиряк держался в стороне от определенных литературных лагерей, шел своей дорогой, и не прав Батюшков, говоря, что через несколько лет Мамин-Сибиряк совсем будет забыт читающей публикой. Это неправда, Мамин-Сибиряк — крупный талант, настоящий художник слова, а не только бытописатель восточной окраины. И читающие массы его не забудут. Слова Аничкова сбылись.

П. И. ЗАЯКИН-УРАЛЬСКИЙ

Воспоминания Павла Ивановича Заякина (1877—1920) писателя-рабочего, с 1904 г. члена РСДРП, с 1912 г. сотрудника большевистской «Правды», участника революций 1905 и 1917 гг., устанавливают связь Д. Н. с представителями пролетарской литературы. Как раз в годы знакомства с Д. Н. варварски была сожжена книга стихов Заякина «Северная муза» (1908 г.). Литературное наследство Заякина составляет несколько сборников стихов и рассказов. Избранные его произведения издавались Свердлгизом в 1935 г., затем в 1956 г.. в двухтомнике «Рассказы и повести дореволюционных писателей Урала»

Из бесед и личных впечатлений

— Мы встретились с Дмитрием Наркисовичем в Петербурге,— говорил мне А. К. Денисов-Уральский,— на похоронах Н. В. Шелгунова * в 1891 г. Но знакомство началось в Екатеринбурге с 1883 г. Как писатель и уже автор «Приваловских миллионов» он был тогда известен. В Екатеринбурге между нами не было тех отношений, которые создались впоследствии, именно в Петербурге. Он был здесь уже писателем с именем, а я лишь выбивающимся художником, но оба мы одинаково нуждались и страдали от необеспеченности.

А. К., между прочим, помнил такой эпизод:

— Мне нужен был рубль, и я попросил его у Дмит-

рия Наркисовича. Он горько улыбнулся и сказал: «Я богат, могу не только денег дать, но еще и угостить тебя». Мы пошли и выпили по кружке пива. Дмитрий Наркисович заплатил за пиво двугривенный и дал мне рубль. Но после этого у него в кошельке не осталось ни копейки.

В столичной сутолоке, под ярмом нужды, в постоянном труде, волнуясь и мучаясь, Дмитрий Наркисович не терял бодрости духа и оставался цельной натурой, с широкой, доброй русской душой, прямотой характера и свободой суждений.

— Однажды мы были,— рассказывал А. К.,— у доктора X *. Общество собралось большое. В числе гостей были Дмитрий Наркисович и отец доктора сенатор X *., бывший председатель суда, разбиравшего в 70-х годах политическое дело «126-ти» *. В беседе зашла речь об этом деле. Сенатор и судья вспоминали подробности дела и рассказывали. Говорили также и другие. В заключение коснулись подвигов Разина и Пугачева. Сенатор выразил удивление, что Разин однажды был помилован *. Между тем его следовало сразу повесить. На эти слова Дмитрий Наркисович вдруг выпалил: «А я бы вас вот первого повесил». Это было настолько неожиданно, что все вдруг замерли как пораженные громом. Сенатор побледнел, но, быстро овладев собой, свел все на шутку. Дмитрий Наркисович горячо любил Урал, прежде часто ездил туда, даже занимался там археологическими раскопками *, но в последнее время не раз говорил А. К.:

— Я туда не поеду. Там меня не читают... Ни в одном городе не расходится так мало моих книг, как в Екатеринбурге. Между тем я больше других любил на родине этот город...

Мне лично пришлось бывать у Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка лишь с 1909 г.

Он чаще всего принимал меня в своем кабинете *. Это была небольшая комната. В ней, кроме письменного стола да нескольких стульев, стояли книжные шкафы и кожаный диван. На стенах висели картины. На полу, у дивана, лежала медвежья шкура. Стул, на котором всегда сидел писатель, был особенный, со спинкой в виде резной дуги. Я нередко заставал Дмитрия Наркисовича за работой. Но он при моем появлении откладывал

в сторону мелко исписанные листы, закуривал трубку и охотно разговаривал.

Когда я пришел к Дмитрию Наркисовичу в первый раз, был ранний час утра. Он работал. Едва я сделал шаг в комнату, как он быстро поднялся из-за стола. На меня взглянуло знакомое мне по портретам лицо. Я пожал протянутую мне руку.

— Рад видеть уральца. Садитесь, поговорим.

С первых же слов нашей беседы, касающейся жизни Урала, для меня стало ясным, что Дмитрий Наркисович живо интересуется судьбой родного края. Мы долго говорили о кризисе *, о причинах, вызвавших его, о бедственном положении рабочих. В голосе Дмитрия Наркисовича слышались нотки сарказма и глаза загорались особенным огоньком, когда он говорил об уральских набобах, бестолково прожигавших миллионы за границей.

— Жизнь теперь на Урале изменилась, но рутина осталась. Все идет по-старому... То же убогое устройство... Те же землянки для рабочих... То же круглое невежество *...

Дмитрий Наркисович закурил трубку и, попыхивая, не спеша, красочно, ярко обрисовал мне обстановку прииска, на котором, экскурсируя по Уралу, он жил некоторое время, и в заключение рассказал любопытный случай:

— Брожу по свалкам, собираю камешки для коллекции, нахожу нечто такое, чего не видывал и... не знаю... Спрашиваю у администрации прииска — понятия не имеют. Привожу находку в Петербург... Встречаюсь с X., показываю ему... Тот удивлен: — «Где вы нашли?» — «Там-то».— «Да ведь это осьмистый иридий. Он дороже золота... Во Франции ему цена такая-то».— «А на нашем Урале этот иридий и потом многие годы выбрасывали на свалку».

Собеседником Дмитрий Наркисович был очень интересным. Говорил выразительно с интонацией, мимикой и жестами, употребляя иногда уральские, меткие слова: «загривок», «уставщик» и пр.

Перед уходом я заинтересовался картиной, на которой был изображен завод и, рассматривая ее, прочел надпись: «Д. Мамину — дорогому земляку на память о дорогой родине. А. Денисов-Уральский» *.

Дмитрий Наркисович мне пояснил: «Это Висимо-Шайтанский завод. Там я родился».

В одно из последующих посещений Дмитрий Наркисович показывал мне коллекцию уральских камней, вспоминая при этом, какие камни и где и когда приобретены.

Дал мне на память маленький александрит и сказал:

— На память об Урале.

Тогда же показал, как редкость, старообрядческий иконостас-складень, относящийся к XVI—XVII веку, купленный у одного из уральских старообрядцев *.

Среди предметов старины я заметил деревянную статую и спросил:

— Это не божок пермяков?

— О, нет,— сказал, смеясь, Дмитрий Наркисович,— это Будда. Бывают металлические и каменные и их много, а это деревянный — и потому — редкость. Антикварий, у которого я купил эту фигуру, говорил мне: «Практишная вещь... Останетесь довольны».

И затем, удовлетворяя мое любопытство, показал мне еще много вещей, добытых им при раскопках на Урале.

Однажды я застал Д. Н. Мамина-Сибиряка за перепиской рукописей.

— Вы сами переписываете, Дмитрий Наркисович?— не без удивления спросил я.

— Никогда ни одной строки никто мне не переписывал *,— ответил он.— Когда переписываю, то, случается, пишу совсем не то, что было ранее написано.

— Вы столько написали, Дмитрий Наркисович, что подумать страшно, какая была работа.

— Да, работал, нужно работать.

Говорили мы, конечно, много о литературе.

Начало своей литературной карьеры Дмитрий Наркисович мне обрисовал так:

— Я был студентом, занимался репортажем для газеты. Писал урывками роман. В первый день газетной работы меня командировали на заседание Энтомологического общества *, недоумевал: что буду там делать? По части энтомологии — мало смыслю. Знал только, что это наука о жуках, бабочках, козявках. И в то же время вставал вопрос: в чем пойду туда? Обычно ходил я в серой визитке и высоких сапогах бураками. Товарищ дал

мне ботинки, а об остальном сказал: «Напрасно тебя смущает визитка. Другие будут думать, что ты оригинал: все в черном, а ты не признаешь этого, и только...» Сходил на собрание, написал отчет, сдал, его урезали наполовину. Меня это огорчило: я священнодействовал, а секретарь вычеркивает.

В литературу попал случайно. Написал рассказ и понес рукопись в редакцию. Меня встретили сурово. Редактор * взглянул на заголовок и говорит: «Надо переделать. Не выразительно... Вот у меня рукопись — «Поцелуй Иуды»... вот это громко. За одно заглавие можно напечатать». Взял мою рукопись, сказав: «Уйдет на затычку». С той поры я стал писать. Позднее был в редакции «Отечественных записок» у М. Е. Салтыкова-Щедрина. Он принял меня тоже сурово. Но на другой день, когда прочел мою рукопись, обласкал меня: «Пишите, молодой человек, работайте, совершенствуйтесь. Искра есть, со временем будет пламя».

Я вышел от него взволнованным и настолько был счастлив, что забыл надеть калоши и вспомнил о них только у себя на квартире.

М. Е. Салтыков-Щедрин был прав — искра дала яркое пламя.

КОММЕНТАРИИ

П. А. ЕЛПИДИН

ИЗ БЕСЕД С ТЕМИ, КТО ПОМНИТ МАМИНА

Печатается по тексту сборника «Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке», Свердлгиз, 1936 [1].

Стр. 21 *Костя* — Константин Романович Рябов (1853—1882), заводский служащий, сын «запасчика» Висимского завода. О нем у Мамина-Сибиряка говорится в воспоминаниях «Из далекого прошлого» (Соч. изд. «Правда», т. 10) и незаконченной повести автобиографического характера «Семья и школа». (Сб. «Худородные», Свердловское книжное издательство, 1958, стр. 253—254). Походы Мамина с Костей по Уралу описаны, например, в рассказе «Ужасный случай» (Первый сборник «Рассказов и сказок», 1897) и в других рассказах.

Стр. 22 *«Юрий Милославский»* — роман М. П. Загоскина. Автор романа *«Черный ящик»* К. П. Масальский (1802—1861). Романы *«Шапка юродивого»* и *«Таинственный монах»* написаны Р. М. Зотовым (1795—1871).

Стр. 23 *Билимбай* — центр лесного горного района. В этих малообжитых тогда местах совершались «моления» старообрядцев на могилах их «старцев», подвергшихся гонениям со стороны правительства, старообрядцы были не только носителями протеста против государства, но и хранителями реакционного религиозного изуверства и мракобесия. Подобные «моления» изображены у Мамина-Сибиряка в романе «Три конца» (1890 г.).

Стр. 23 *...выигранных Демидовым в карты.* — В очерках Мамина-Сибиряка «От Урала до Москвы» говорится, что украинцы, жители, окружающих Нижний Тагил заводских поселков, считают, что они «проиграны графом Разумовским одному из Демидовых». (Гослит-

[1] Далее сокращено: «Воспоминания», 1936.

издат, т. 8, стр. 306). Тут же он продолжает: «Насколько это верно, в настоящее время трудно сказать, но невероятного, собственно говоря, в этом ничего нет: если существовали проплеванные деревни и если крепостных меняли на собак, отчего не существовать и проигранным». В современных записях Уральского фольклора среди преданий также встречаются исторические воспоминания о выигранных Демидовыми крестьянах, переселенных на заводы. См. об этом в книге «Предания реки Чусовой», изд. Уральского государственного университета под ред. В. П. Кругляшовой, 1961, стр. 33.

Стр. 25 *Хиония Алексеевна.*— О прототипе Хионии рассказывается в работе А. Г. Березкиной «О фактической основе сюжета и прототипах романа «Приваловские миллионы». Ученые записки Куйбышевского пединститута, 1948, вып. 9.

Стр. 25 *Медведь-Камень.*— На берегу р Тагил близ устья р Баранчи.

В. П. ЧЕКИН

У СЕСТРЫ ДМИТРИЯ НАРКИСОВИЧА

Печатается по тексту сборника «Урал», изд. газеты «Уральский край», Екатеринбург, 1913 г.

Стр. 27 *...нашей заводской жизни...*— В Висимо-Шайтанском заводе, принадлежащем к группе тагильских заводов, которыми владели Демидовы, Мамины жили с мая 1852 года по сентябрь 1876 года. Висимо-Шайтанский завод (сейчас поселок Висим) был типичным горнозаводским поселком В 1852 году, когда родился Д. Н., здесь было 236 дворов и около 2000 жителей. Завод перерабатывал чугун, получаемый из Н. Тагила. Доменная печь была построена только в 1865 году.

Родной Висим Мамин-Сибиряк вспоминал всю жизнь. Он называл себя «висимским автором», не раз упоминал о том, что «вскормлен висимским хлебом и вспоен висимской водой». Живя в Петербурге, просил послать фотографию Висима.

Стр. 27 *ни разу не проезжал... по Чусовой.*— 26 октября 1912 г. в «Голосе Урала» была напечатана беседа сотрудника газеты с М. Я. Алексеевой, в которой она будто бы сообщала, что «сам Д. Н на Чусовой никогда не был...», что картины уральской природы написаны им «с чужих слов». Елизавета Наркисовна очень возмущалась этим интервью, как «сочиненным».

Стр. 27 *две такие поездки.*— Письма Д. Н. к родителям свидетельствуют о трех путешествиях его по Чусовой — в 1868, 1869 и 1870 гг.

В августе 1877 г., собираясь в Петербург, Д. Н. сообщает брату Владимиру: «Едва ли мне придется ехать через Екатеринбург. В Пермь придется отправляться в конце августа, чтобы не упустить караван, на котором будут отправляться вещи Демидовых на Па-

рижскую выставку». (Письмо от 9 августа 1877 г.). В автобиографии Д. Н. вспоминает, что с 1878 г. по 1882 г. он совершил несколько «путешествий вверх и вниз по р. Чусовой». Чусовая описана Д. Н. в произведениях 1874—1883 гг.: «Отрезанный ломоть» (рукопись), «Легкая рука» (рукопись), «Легкая рука» (рассказ в «Современных известиях»), «Русалки» («Кругозор»), «В камнях», («Дело»), «На реке Чусовой» (сб. «По Уралу»), «Бойцы» («Отечественные записки»).

Стр. 27 *...до Левшина.*— Об этом плавании говорится в письме родителям от 22 августа 1870 г. Левшино — пристань и станция со складами металлов средне-уральских заводов. (См. «Старая Пермь». Соч., Свердлгиз, т. XII, стр. 294).

Стр. 27 *...Приезжая студентом на каникулы.*— Сведений о всех приездах Д. Н. на каникулы не сохранилось. В письме Наркиса Матвеевича к Д. Н. от 12 июня 1874 г. выражается желание убедиться. «насколько» Д. Н. «развился умственно в продолжение года. В другом письме от 14 апреля 1875 г. он вспоминает о приезде сына на Урал в 1873 г. О поездке «в начале 70-х годов» говорится в рассказе «Горой» (1886 г.). До Кына Д. Н. ехал на лошадях, а далее «поднимался горой», то есть вверх по Чусовой до пристани в устье Межевой утки.

Стр. 27 *псаломщик.*— Дьячок Николай Матвеевич Дюков (1816—1875), любитель природы, страстный охотник, спутник Д. Н. в его охотничьих странствиях. О нем — в воспоминаниях писателя «Из далекого прошлого».

Стр. 28 *...в «Емеле-охотнике».*— Ошибка. Прототипом Емельки («Зеленые горы») и Емели-охотника (в одноименном рассказе) был Прокопий Шурыгин, житель Туляцкого конца Висима. Д. Н. нравились иллюстрации к «Емеле-охотнику» выдающегося живописца-передвижника К. А. Савицкого. Он находил в образе Емели какие-то черты близости к прототипу. (Соч. изд. «Правда», т. 10, илл. после стр. 64).

Стр. 28 *«отец Матрентий»*— Матрена Афанасьевна Попова. Ее черты отражены в образе Василисы Авдеевны в очерках «От Урала до Москвы».

Стр. 28. *И. Е. Соколов.*— С 1876 по 1879 г. преподавал в Пермской духовной семинарии логику, теорию словесности и историю литературы. Во время пребывания П. П. Бажова в Екатеринбургском духовном училище был здесь инспектором. Умер в Екатеринбурге в марте 1902 г. В письме к матери от 4 марта 1902 года Мамин вспоминает о нем с большой любовью.

Стр. 29 *...с философским спокойствием.*— В письме к матери от 30 ноября 1885 года Мамин-Сибиряк, сообщая об отказе журнала «Вестник Европы» напечатать рассказ «Летные», пишет: «Неприятно, но что будешь делать — значит статья плоха и необходимо ее еще раз переделать, хотя я писал ее со всем тщанием и потому очень рассчитывал на нее. Такова бывает судьба, милая мама, авторских статей: авторы, как и родители, часто ошибаются в своих детищах... Видишь, как я благоразумно философствую и нисколько не горячусь, как это бывало прежде...»

Стр. 29 *...после инцидента с Щедриным.*— Отказ Щедрина напечатать рассказ Д. Н. имел место, по-видимому, осенью 1875 г. По воспоминаниям А. С. Маминой, Д. Н. сообщал об этом родителям, но письмо не сохранилось.

По всей вероятности, это была повесть «Мертвая вода», (рукопись хранится в ГАСО), переработанная в 1882 г. в повесть «Максим Бенелявдов» и опубликованная в журнале «Дело», 1883, № 2, 3.

Стр. 29 *Скабичевский* — Александр Михайлович (1838—1910) — критик-народник, сотрудник «Отечественных записок», деградировавший к либерализму. Пользовался некоторым влиянием в 1870-х годах, которое утратил в 1880-х годах, так как совершенно не мог разобраться в новых литературных течениях, обнаружив, например, полную несостоятельность в оценке творчества А. П. Чехова. Мамин-Сибиряк, С. Я. Надсон, В. М. Гаршин и другие писатели относились отрицательно к его выступлениям.

В записных книжках Д. Н. 1880-х годов находится ряд заметок о Скабичевском («Жует старую жвачку», «начетчик», «вырождение критики») и т. д. В соч. изд. Свердлгиза, т. VIII, стр. 339 опубликован памфлетный отрывок материалов к «Чертам из жизни Пепко», посвященный Скабичевскому, как типичному выразителю народнической критики.

Стр. 30 *Когда мы жили в Екатеринбурге...* — Д. Н. жил в Екатеринбурге с 1878 г. по 1891 г.

Стр. 30 *...разными досужими газетчиками...* — Один из таких резких отзывов был опубликован, например, в «Известиях книжного магазина т-ва Вольф», 1910, № 11.

Ф. Ф. Фидлер в неопубликованных записях приводит такой же отзыв о декаденстве и некоторых явлениях в современной Мамину реалистической литературе:

«Эту литературу просто противно в руки взять, а не только говорить о красоте современных произведений. Красота в литературе умерла давно. Осталось одно сквернословие и безобразие. Мы, староверы, литературы и хулиганских бредень не читаем... Все эти купринские «Ямы», андреевские «Голоды» — вонь, банальная, грязная вонь, развращающая молодое поколение больше, чем вся пинкертоновщина... Покойный профессор Пирогов говорил, что «в каждом человеке есть душевные ватерклозеты». А современный писатель, как золотороец, роется там и грязными брызгами забрасывает чистую душу читателя. Не красота в современной литературе, а грязь и слякоть».

Стр. 31 *Михайловский* — Николай Константинович (1842—1904), публицист, критик, идеолог либерального народничества, эклектик в философии. С одной стороны — «один из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века» (В. И. Ленин. Народники о Михайловском), он с 1869 г. по 1884 год сотрудничал в «Отечественных записках», «энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета», «помогал... подполью» (там же). С другой стороны — был идеологом реакционного народничества: отвергал неизбежность развития капитализма в России, проповедывал внеклассовый подход к общественным явлениям, что вызывало резкую отповедь В. И. Ленина в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и в других. Десять лет (1894—1904) Михайловский руководил журналом «Русское богатство». С развитием русского марксизма, ранее приметный в литературной критике, утратил свое значение. Идейное влияние Михайловского на Д. Н. автор воспоминаний сильно преувеличивает. Их отношения были только отношениями личной дружбы. Никакого отражения взглядов Михайловского 90-х годов в переписке Д. Н. Мамина нет.

Стр. 31 *...как одного из видных сотрудников «Русского богатства».*— В журнале «Русское богатство» в 1892—1893 гг. печатался цикл рассказов под названием «Детские тени», в 1894 г.— роман «Черты из жизни Пепко», в 1899 г.— роман «Падающие звезды» и ряд рассказов.

Стр. 31 *«Аленушкины сказки».*— Печатались в «Детском чтении» и «Всходах» в 1894—1896 гг.

В. П. ЛУКАНИН

ДЯДЯ МИТЯ

Печатается с некоторыми сокращениями по тексту сборника «Воспоминания», 1936.

Стр. 33 *Авдотья Матвеевна* (1840—1896) — младшая сестра Наркиса Матвеевича, имела сына Павла (1865—1912) и дочь Наталью (1862—1907). Описана в воспоминаниях «Из далекого прошлого».

Стр. 33 *Матвей Петрович.*— Отец Наркиса Матвеевича, дьякон в селе Покровском, Ирбитского уезда.

Стр. 33 *своего дома* — в настоящее время литературный музей Д. Н. Мамина-Сибиряка (г. Свердловск, ул. Пушкинская, 27).

Стр. 34 *...брат Николай* — Николай Наркисович (1850—1916). Старший брат писателя, средней школы не окончил, одно время служил канцеляристом, жил с матерью, помогал Д. Н. переписывать рукописи. Способный музыкант и певец, прекрасный рассказчик. Страдал запоями.

Стр. 34 *...и о них говорили...*— В автобиографической записке, написанной в 1886 г. для предпринимаемого А. С. Пругавиным справочника о современных писателях, Мамин-Сибиряк писал о себе в третьем лице:

«Для себя большие читали «Современник» и Добролюбова, и Д. Н. детским ухом прислушивался в далеком медвежьем углу к отзвукам и отголоскам великого движения конца 50-х и начала 60-х годов». (Соч. изд. «Правда», т. X, стр. 195.)

Стр 35 *«...этот, благословивший мое детство образ...»*— Цитата, как и предыдущие, из автобиографических воспоминаний «Из далекого прошлого». Отец Дмитрия Наркисовича Наркис Матвеевич родился в 1827 г. Окончил Пермскую духовную семинарию. Был священником в Висимо-Шайтанском заводе, входившем в Нижне-Тагильский округ заводов, принадлежащих Демидовым. Умер 24 января 1878 г. В автобиографических воспоминаниях «Семья и школа» Мамин-Сибиряк так рисует портрет отца: «Мой отец был высокий и статный мужчина, с окладистой бородой, с густыми волосами, рассыпавшимися по плечам. У него были небольшие серые глаза, которые так спокойно всегда смотрели из-под густых бровей. Мой отец был самый спокойный человек, какого мне приходилось встретить. Это спокойствие не было вынужденным, от него не веяло холодом, нет — это была какая-то сила, она чувствовалась окружающими,

особенно влияние ее отражалось на женщинах и детях. Мой отец не пил вина, не курил, не играл в карты, и вообще не допускал в своей жизни ничего, что носило на его языке названия «прихотей». Отец кончил курс в семинарии в сороковых годах. О времени его ученья я ничего не знаю, кроме того, что отдали его учиться, когда ему было еще только восемь лет, и отдали прямо в бурсу. По окончании курса семинарии мой отец тотчас же должен был жениться, так как неженатых не посвящают в священники. Соображения, которыми руководился отец при выборе себе подруги жизни, заключались, главным образом, в том, чтобы не делать неравной партии. Товарищи отца гонялись за богатыми невестами, за влиятельными родственниками. Мой отец был сын дьякона и взял дочь дьякона, сироту, рано потерявшую мать. Я не думаю, чтобы та или другая сторона могла быть недовольна заключенным союзом. Тихо и мирно жили эти люди, добросовестно несли свои обязанности, и я всегда с удовольствием вспоминаю об этой жизни и думаю, что недаром сказано об уменье распорядиться хорошо тем малым, что выпадает на долю человека».

Стр. 35 *мать Анна Семеновна.*— Родилась в 1831 г., умерла 21 марта 1910 г. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях «Семья и школа» писал о ней:

«Мать моя по характеру походила на отца. У нее были большие карие глаза, которые и я получил по наследству. Ее выпуклый лоб оттенялся густыми каштановыми волосами, всегда гладко причесанными. Эти волосы были так густы, что мать не раз отрезывала целые косы в видах экономии времени, уходившего на нас и на хозяйство. Мать никогда не ласкала нас с братом. Я не слыхал от нее более нежного названия, кроме обыкновенного Мити, ни в минуты радости, ни в минуты гнева.

Моя мать рано очутилась сиротой. На ее руках лежало небольшое хозяйство сельского дьякона с восьми лет. Эта постоянная трудовая жизнь рано столкнула ее с людьми и выработала тот характер, для которого немыслима жизнь без работы. Ее образование в родительском доме ограничивалось уменьем читать, писать, первыми правилами арифметики и чтением душеполезных книг. Я всего этого, конечно, не помню и застал свою мать с газетой в руках, с развернутой книгой на коленях. Это чтение производилось обыкновенно за чаем, когда мать отдыхала от трудов по хозяйству, или же в постели. Мать любила пить чай, она подолгу просиживала над самоваром, глядя в книгу, раскинутую на коленях или на столе. Мать редко улыбалась, она мало говорила.

Я не слышал, чтобы она применяла в своем разговоре вычитанные мысли и фразы, но она много думала над прочитанным, и ее глаза, оторвавшись от книги, подолгу останавливались на одной какой-нибудь точке».

Интересна запись в дневнике Анны Семеновны 11 ноября 1866 г., в которой видно высокое представление о назначении человека в жизни. Она пишет: «Сколько у меня страху за настоящее и будущее моих детей, будут ли они людьми честными, трудолюбивыми выдержанными, полезными для других...

Стр. 35 ...*няни* — Лукерьи Ермоленко из Висима.

П. Н. СЕРЕБРЕННИКОВ

<ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОУЧЕНИКА>

Печатаются по машинописной копии из архива Б. Д. Удинцева. Автограф хранится в Пермском краеведческом музее.

Стр. 37 *...были заложены еще здесь.*— Мамин-Сибиряк, по словам Ф. Ф. Фидлера, говорил: «В семинарии я получил прекрасное образование. Очень хорошо преподавалась философия, удовлетворительно — математика и древние языки и совсем плохо — новые», январь 1904 г. (Из записей Ф. Ф. Фидлера. Машинописная копия, подготовленная Л. Ф. Фидлер.)

Стр. 37 *Бакланов Н. П.*— Преподаватель Пермской семинарии, в 1869—1875 гг. Был «прикосновенен» к делу 193-х «о пропаганде в Империи», но «за недостатком улик» не был привлечен к суду. В 1870 г. руководил занятиями Д. Н. по химии.

Стр. 37 — *он имеет высший балл — пять...*— В свидетельстве, выданном Мамину, об окончании четырех классов семинарии, отличные оценки у него по тригонометрии, физике, космографии, психологии, французскому языку, обзору философских учений. По русской словесности, геометрии, истории, греческому и латинскому языкам — успехи оценены как очень хорошие.

Стр. 37 *...Тайная ученическая библиотека.*—«Семинаристы не имели права пользоваться общественными библиотеками, а ученическая библиотека была лишена права пополняться литературой по естествознанию, социальным и политическим наукам, а также журналами... Бывшие семинаристы, ставши студентами, приезжая на каникулы, привозили для библиотеки книги, особенно изъятые цензурой, иногда литографированные (в том числе профессорские лекции), а также и подпольную литературу. В общем, состав изданий совпал с тем каталогом книг для самообразования, который в 1880-х годах был напечатан в Челябинске золотопромышленниками Покровскими, составление которого молва приписывала кружку писателей, под руководством Н. К. Михайловского и В. И. Семевского». (Ненапечатанные воспоминания И. Г. Остроумова «За 50 лет».)

Стр. 38 *...История этой библиотеки и особенно гибели ее...*— Библиотека была раскрыта случайно при аресте ученика 6 класса П. Ф. Кудрявцева (за хранение полученной из Казани прокламации) в 1881 г. Дело это связано отчасти с В. Г. Короленко. (В сентябре 1880 г. В. Г. был поселен в Перми под надзором полиции и служил на железной дороге. В августе 1881 г. он был выслан из Перми в Сибирь). Когда арестовали Кудрявцева, он — по сообщению Короленко —«испугался и стал давать слишком откровенные показания. Между прочим, в числе знакомых, он назвал и меня». Кудрявцев впрочем отрицал, что Короленко давал ему прокламации и запрещенные книги. По показаниям Кудрявцева был привлечен ряд семинаристов. Выяснилось, что библиотека имела сплоченный круг читателей. Начальство сразу же расправилось с «виновными».

Губернатор и жандармский окружной начальник старались, наоборот, не раздувать дело. В конце концов история с тайной библиотекой закончилась сравнительно благополучно — карцером «по нескольку дней и двойками за поведение» («История моего современника») (См. еще Н. Седых «Очерки истории Пермской духовной семинарии за 1877—1884 гг., Пермь, 1915, стр. 223—227).

Стр. 38 ...*знакомство с одним из самых популярных в то время в Петербурге газетных репортеров г. Волокитиным.*— Сохранились письма Н. и А. Волокитиных к Д. Н., датированные 1878 г. В них сообщается о судьбе оставленных Д. Н. в Петербурге рассказов («все лежат») и высказывается желание, чтобы он приехал в Петербург. О Волокитине имеются сведения, например, в «Воспоминаниях журналиста» А. Е. Кауфмана («Исторический вестник», 1912, XI).

Е. В. БИРЮКОВ

Д. Н. МАМИН-СЕМИНАРИСТ

Печатается по тексту иллюстрированного приложения к газете «Уральская жизнь». Екатеринбург, 19 января 1913 г. Перепечатывалось в «Воспоминаниях», 1936 г.

Стр. 40 ...*В числе первых учеников.*— Д. Н. закончил Екатеринбургское духовное училище 26-м, так как перед окончанием болел тифом. После первого класса семинарии он был 8-м. («Пермские епархиальные ведомости». 1871, № 30, 28 июля, стр. 368).

Стр. 41 ...*отличное сочинение.*— П. Н. Серебренников в неопубликованных воспоминаниях-некрологе «Памяти Д. Н. Мамина» сообщает: «Немалое влияние на развитие таланта Д. Н. оказало также и увлечение семинаристов длинными сочинениями с явным подражанием тому или другому из корифеев литературы. Эта писательская жилка явилась, очевидно, результатом чтения журнальных статей и подражания им, сочинения писались иногда по частям с припиской: «продолжение следует».

Стр. 41 ...*получал мало денег.*— На содержание Д. Н., он стоял «на своих хлебах», тратил 5—6 руб., на квартиру 6—7 руб. Общий расход в месяц не превышал 11 руб. (письмо родителям от 6 декабря 1869 г.). 15 мая 1870 г. он пишет, что «всех денег издержал в этот год 107 р. серебром, точно также, как и в прошедшие» В записях Н. М. Мамина — общий расход за 1870 г. указан в 139 руб. 20 коп.

Стр. 42 ...*по берегу Камы.*— По рассказам Н. Н. Мамина, Д. Н. очень любил ездить в лес по правому берегу Камы, в район Гайвы. Д. Н. огорчало, что Кама «пустынная, дикая река. Селения встречаются редко...» («От Урала до Москвы»). Ему нравились в ней «затаенная сила и суровая поэзия».

П. В. МУРАШОВ

У Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Воспоминания печатаются по автографу автора, хранящемуся в личном архиве Б. Д. Удинцева. Первоначально в несколько иной редакции опубликованы в газете «Урал», 1907, ...сентября.

Стр. 44 *...в Царском Селе* — Д. Н. жил в Царском с 1902 по 1908 гг.

Стр. 44 *...сломал ногу.* — «Выходил с извозчика, лошадь дернула, я упал, и левая нога оказалась сломанной». (Письмо к матери от 5 декабря 1905 г.) Почти весь 1907 г. Д. Н. ходил, прихрамывая.

Стр. 44 *Удинцев* — Дмитрий Аристархович, муж сестры Д. Н.

Стр. 44 *Весновский* — В. А. (род. в 1873 г.), не столько талантливый, сколько опытный журналист, краевед, автор путеводителей по Уралу, сотрудник столичных и провинциальных изданий, редактор ряда либеральных уральских газет.

Стр. 44 *...о налетах Лбова.* — Рабочий Мотовилихинского завода на Урале, участник революции 1905 года, ставший анархистом, организатором нескольких «экспроприаций», казнен в 1908 г.

Стр. 44 *...Очень интересуется... фольклором Кавказа.* — По материалам кавказского фольклора Мамин ничего не написал. В 1906 г. в «Юной России» появился рассказ Д. Н. «Погибельный Кавказ», как результат поездки на Кавказ в 1902 г.

Стр. 45 *Первый рассказ он напечатал в приложениях к «Сыну отечества».* — Это известно из заметки в записной книжке Д. Н. 1884 г.: «На затычку» (первый рассказ в «Сыне отечества») Е. А. Боголюбов. «Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка». Выпуск 1-й, Пермь, 1944, высказывает предположение, что этим «первым произведением» Д. Н. был рассказ «Старцы», напечатанный в № 16 журнала за 1875 г.

Факты начала литературной деятельности освещены в романе Мамина-Сибиряка «Черты из жизни Пепко».

Стр. 45 *Ив. Ив. У-кий.* — Редактор-издатель «Сына отечества» Иван Иванович Успенский. «Успенский, издатель «Сына отечества», не имел ровно никакого отношения к литературе. Он был сначала певчим, а потом каким-то образом приобрел в свою собственность «Сын отечества». (А. В. Круглов. «Первые шаги». «Исторический вестник», 1894, № 4.)

Стр. 46 *Ялтурский.* — Лицо не установленное.

Стр. 47 *...семнадцать листов.* — В письме к матери от 4 декабря 1894 г. Д. Н. он вспоминал «первый роман... в 17 печ. листов» (считая по 30 руб. за лист, автор должен был получить около 500 руб.).

Стр. 47 *Петр Николаевич Р-в.* — По-видимому, это прототип Селезнева в романе «Черты из жизни Пепко» «старичка», пришедшего познакомиться с «Поповым» и игравшего затем не малую роль в развитии романа.

Стр. 47 *«В водовороте страстей».* — Роман напечатан Д. Н. под псевдонимом Е. Томский в 1876 г. в «Журнале русских и переводных романов и путешествий» (редактор-издатель Александр Кехрибард-

жи), помещен в апрельской (1-80-я стр.), майской (81—144-я стр.) и июньской (147—177-я стр.) книжках. В письме к отцу от 8 сентября 1876 г. Мамин сообщал, что его обманул редактор журнала, где печатался роман, за который он должен был получить около 500 руб., а получил 50 руб. Отдельным изданием роман был выпущен в 1877 г. типографией-хромолитографией А. Траншеля, Петербург. Стремянная, 12.

Стр. 47 *Харибарджи.*— Судя по издательскому соглашению Д. Н., (архив Б. Д. Удинцева) издателем был Александр Яковлевич Кехрибарджи.

Стр. 48 *...исполнительный лист на 499 рублей.*— В письме к отцу от 2 декабря 1876 г. Д. Н. сообщает: «20 октября было мировым судьей постановлено взыскать с ответчика 449 рублей и 40 рублей судебных издержек»

В. П. ЧЕКИН

МАМИНСКИЙ КРУЖОК В ЕКАТЕРИНБУРГЕ>

Печатается с незначительными сокращениями по тексту сборника «Урал». Изд. газеты «Зауральский край». Екатеринбург, 1913.

Стр. 51 *...два общественных деятеля-юриста.*— Николай Флегонтович Магницкий (1856—1930), известный екатеринбургский адвокат, и Иван Николаевич Климшин (1856—1921), судебный следователь, близкие друзья Мамина-Сибиряка в восьмидесятые годы.

Стр. 51 *...«Зауральского края».*— Екатеринбургская газета кадетского направления, издававшаяся в 1912—1917 гг., с 1906 по 1911 гг. выходила под названием «Уральский край».

Стр. 52 *«Уральские рассказы».*— Два тома «Уральских рассказов» в издании И. А. Пономарева и Д. А. Бонч-Бруевича появились в 1888—1889 гг. В сборнике «Урал» (после стр. 72-й) помещена фотография членов кружка Д. Н. — И. Н. Климшина, А. А. Фолькмана, Н. В. Казанцева и Н. Ф. Магницкого,— на фоне фотографии Д. Н. и книжки «Уральских рассказов». Дата — 26 октября 1888 г (день именин Д. Н.).

Стр. 52 *«В водовороте страстей».*— Упоминаемый экземпляр хранится в Гослитмузее в Москве. На нем надпись: «Этот роман — произведение зеленой юности; по нему Вы, Марья Якимовна, можете судить, подвинулся ли автор вперед в своих следующих работах. Автор».

Стр. 52 *«Старатели»*— Очерк из уральской жизни, помещен в «Русской мысли», 1883 г., январь — февраль. В сборнике «В глуши», 1898 г. и последнем десятитомном издании сочинений Мамина печатается под названием «В горах». Дарственный экземпляр А. С. Маминой хранится в Висимо-Шайтанском музее. На нем надпись: «Милой моей маме от автора. Екатеринбург. 1883 года, 27 января».

Стр. 52 *...послал их в «Дело».*— М. Я. сообщает, как о факте, о посылке «Старателей» в журнал «Дело» еще при жизни Г. Е. Благосветова (он умер 7 ноября 1880 г.)

После неудачи у Благосветова Д. Н. в 1880 г. приступил к составлению второй редакции «Старателей», направив ее 29/IV 1881 г. в «Слово», а позднее в «Вестник Европы». О неудаче в «Вестнике Европы» писатель вспомннает в письме к матери от 18 января 1882 года. Рукопись очерка с пометкой «1880 г. 1 декабря, Екатеринбург» хранится в Государственном архиве Свердловской области.

Стр. 53 *...работал над «Приваловскими миллионами».*— Рукописи свидетельствуют о том, что Д. Н., действительно, начал работать над романом в 1877 г., когда он жил в Н.-Салде. (Е. Боголюбов, «Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка, вып. 2, г. Пермь, стр. 28.) Однако подготовка материалов началась с 1872 г. Д. Н. сам сообщает: «Большой роман «Приваловскне миллионы» с небольшими перерывами писался около десяти лет», то есть с 1872 по 1882 гг. (Автобиографическая записка. (соч. изд. «Правда», т. X, стр. 196).

Стр. 53 *...Совсем, кажется, не знал черновиков.*— Мамин-Сибиряк по этому поводу писал матери: «...Тургенев по 9 раз переделывал все свои статьи, а я едва успеваю написать черновую, и, если переделаю два раза, то прихожу в некоторый ужас от такого барства работы. Собственно говоря, и я буду делать так же, только вот немного заправимся финансами: напишу статью и положу — пусть вылежится, а потом переделаю ее». (30 ноября 1885.) В письме от 12 января 1886 г. он вновь возвращается к этому вопросу: «В эти годы мне приходилось печатать много недозревшнх вещей, но ведь не всегда так будет — вот поправлюсь с делишками, и тогда уж заведем настоящий «штиль» в борзописании и будем переделывать каждую вещь раза по три и больше».

Стр. 54 *...Кетов Михаил Константинович* (1850—1919), юрист, член суда. Сохранились письма Д. Н. 1885 года из Москвы к Кетову с описанием лнтературной жизни в Москве. (Музей нм. Мамина-Сибиряка.)

Стр. 54 *Фолькман Адольф Александрович* — податной инспектор, впоследствии начальник контрольной палаты в Перми. М. Я. была дружна с его семьей. В 1889 г. М. Я. открыла женскую ремесленную школу при содействии А. Г. Фолькмана, отца А. А. Фолькмана («Екатеринбургская неделя», 1890, № 2, стр. 35).

Стр. 54 *...Н. В. Казанцев* — Николай Владимирович (1849—1904) один из друзей Д. Н., писатель. Под влиянием народнических идей организовал в Башкирии земледельческую колонию, некоторое время занимался приисковыми делами и разорился. В 1886—1904 гг. был прикован к постели вследствие сухотки спинного мозга. В 1878—1886 гг. часто бывал у Мамина. Д. Н. часто посещал Казанцева в период его болезни. Он с уважением относился к экономке Казанцева старушке Ф. К. Кузьминой (о ней см. в Воспоминаниях И. В. Остроумовой и М. А. Ивановой). Казанцев много выступал как беллетрист и драматург, сотрудничая в «Екатеринбургской неделе», «Артисте» и др. периодических изданиях. В предисловии к «Повестям и рассказам» Н. В. Казанцева Мамин писал: «...Лично мне, помимо автора, дорого в книге и то, что ее содержание посвящено главным образом родному Уралу». Здесь же Д. Н. отмечал в творчестве Н. В. «непоколебимую веру в те идеалы, которые всег-

да служили, служат и будут служить человечеству путеводными огнями. Все это так дорого, особенно когда кругом видишь сомнение, усталость, крушение самой веры...»

Стр. 55 ...*двоюродный брат Д. Н., учитель.*— Гавриил Алексеевич Мамин, сын священника, родился в 1854 г., учился в екатеринбургском духовном училище, потом в гимназии. В 1876 году привлекался к дознанию по делу 193-х, был «реабилитирован» за недостатком улик (см. «Деятели революц. движения», Словарь, т. II, вып. 3, стр. 875). В начале 1880-х годов это был до нельзя напуганный человек, всего опасавшийся. Обстановка в его семье напоминала ту, которую Д. Н. в 1882 г. описывал в рассказе «В худых душах». Прозвище «Никодим в нощи» имело поэтому политическую окраску.

Стр. 56 ...*у Г. Г. Казанцева.*— Этот случай имел место в доме Г. Г. Казанцева (1848—1902). Крупный золотопромышленник, гласный думы, одно время городской голова, он получил прекрасное образование, владел огромной библиотекой, собственной лабораторией, собственным театром (в доме по нынешней улице Декабристов, № 36).

Здесь ставились серьезные постановки («Смерть Ивана Грозного», «Гроза» и т. д.) с декорациями работы В. Г. Казанцева. В то же время ученость и культура уживались у Г. Г. с консерватизмом, религиозностью и старокупеческими замашками.

Стр. 57 ...*Критика Введенского.*— Арсений Иванович Введенский (1844—1909), либеральный критик, сотрудник «Русских ведомостей», «Нового времени», редактировал издания классиков, которые выпускались журналом «Нива», рецензировал некоторые произведения Д. Н. («В камнях», «На улице», «На рубеже Азии» и др.) Так в письме А. С. Маминой Д. Н. пишет: «Введенский... не особенно бранится, хотя и не без некоторых горьких истин. (12 января 1886 г.)

Стр. 57 ...*столкновения с Скабичевским.*— См. примечание к воспоминаниям Е. Н. Удинцевой.

Стр. 57 ...*Шишонко*— Василий Никифорович (1833—1889), инспектор народных училищ в Перми, историк-краевед, составитель «Пермской летописи», «Пермский Нестор-летописец», по выражению Д. Н. («Старая Пермь», очерки, Свердлгиз, т. XII, стр. 295) «В. Н. Шишонко», некролог, газ. «Деловой корреспондент», 1889, № 205).

Стр. 58 ...*взято из этих летописей.*— Исторических рассказов, в которых Д. Н. опирался бы на факты Пермской летописи Шишонко, нет. Летописи были использованы им лишь при работе над повестью «Охонины брови» (см. Е. Боголюбов, «Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка», вып. 3, Пермь, 1944).

Стр. 58 ...*конечно интересовался?*— Д. Н. в 1880-е годы очень интересовался общественными науками. Об этом свидетельствуют его записные книжки, состав библиотеки, занятия статистикой и политической экономией. К 1880-м годам относится изучение Маркса. (См. А. И. Груздев. «Из истории распространения «Капитала» К. Маркса в России 1870-х годов».—Уч. зап. пединститута им. Герцена, 1958, т. 170).

Стр. 58 ...*гласные.*— Члены городских дум и Земских собраний. Гласные дум и Земских собраний избирались съездом избирателей, владельцев недвижимости. В марте 1885 г. Д. Н. купил дом на

Пушкинской улице, а в 1888 г. был избран «как домовладелец», в гласные.

Стр. 58 *...писатель-художник и мечтатель...*— Либеральным друзьям Д. Н., знавшим одну форму общественной деятельности: маленькие дела на пользу общества, было непонятно, что вся публицистика Мамина, его очерки «От Урала до Москвы», «С Урала», «От Зауралья до Волги», статьи «Кризис уральской горной промышленности», «Значение минерального топлива для Урала», и др. полны боевого общественного духа, что Мамин-Сибиряк, выражая интересы демократических масс Урала, решительно выступал с разоблачением антигуманной и космополитической сути буржуазии и ее «практики».

Стр. 58 *...купить «Екатеринбургскую неделю».*— 5 февраля 1890 г. Д. Н. писал В. А. Гольцеву об «Ек. нед.»: «Эта газета 10 лет издается у меня под носом, и я, работая в десятках других изданий, не могу в ней участвовать именно из чувства порядочности. Сначала под редакцией Штейнфельда (1879—1885 гг.) она писала в духе горных инженеров (то есть заводчиков), а сейчас на откупе у головы Симанова — в ней нельзя поместить ни одной строки, чтобы не задеть «симановскую родню», которая захватила и городские и земские дела. Мы хлопочем лет шесть о второй газете, и Симанов нам не дает ходу, через губернскую администрацию конечно». (Гослитиздат, т. 8, стр. 652—653).

Когда появились очерки «От Урала до Москвы» в «Русских ведомостях» (1881—1882 гг.), «Ек. нед.» — стремясь всячески оправдать администрацию Тагильских заводов — выступила с корреспонденцией из Н. Тагила, защищавшей заводчиков (Гослитиздат. т. 8, стр. 689).

3 марта 1884 г. Д. Н. саркастически писал брату о том, что ему приходится работать «в стране гогов и магогов, где процветает «Ек. нед.» (там же, стр. 635).

Стр. 58 *Газета перешла в другие руки.*— Штейнфельд в 1885 году продал «Екатеринбургскую неделю» Г. Тиме, затем она перешла в руки крупного купца Симанова, одно время городского головы.

Стр. 58 *Мамин уехал, но сотрудничал...*— Д. Н уехал из Екатеринбурга в Петербург в марте 1891 г. и в газете не сотрудничал.

Стр. 59 *Новый редактор «Недели»...*— П. Н. Галин (1835—1908), журналист, беллетрист. С 1886 г. по 1896 г. редактор «Ек. нед.» 16 дек. 1890 г. М. М. Абрамова, в будущем жена Д. Н., писала В. Г. Короленко: «С прессой здешней не лажу. Галин ужасная дрянь — такой нечистоплотный, гадкий человек. Первое время, когда я приехала — он у меня бывал каждый день, превозносил мой талант и т. д., а в конце вздумал разыгрывать любовь — с предложением произвести меня в знаменитости и сделать звездой на екатеринбургском горизонте. А когда я ему объяснила, что никогда не покупала себе рекламы, да еще такой ценой и выгнала вон, то нажила смертельного врага — вредил все время мне и в труппе, и в газете. («Ек. нед».) — даже уезжать хотела... Но я решила отомстить ему — когда буду уезжать — опубликовать в другой газете его письмо ко мне, где он предлагает мне на выбор его любовь или ненависть. Мамин не советует этого делать, говоря, что никогда не следует отвечать пошлостью на пошлость — но я с ним не согласна. Это должно, по-моему, только выяснить — положение артистки в провинции

и может пристыдить его и...— ой, простите, надоела с этой мерзостью, да так уж наболело...»

В. Г. Короленко, получив эту исповедь, сделал на письме М. М. лаконическую пометку — «К характеристике прессы». В книге П. П. Бажова «Дальнее — близкое» Галин представлен в более благоприятном свете. О Галине см. воспоминания П. М. Сивкова — «Газетное дело на Урале тридцать лет назад» (Пермский краеведческий сборник», вып. 4. Пермь, 1928), а также А. С. Ладейщиков «Писатели Урала» (био-библиографический справочник, Свердлгиз, 1949).

Стр. 59 *о закрытии «Отечественных записок».*— Щедрин в письме Н. К. Михайловскому от 29 июня 1884 г. писал о закрытии журнала: «С тех пор, как у меня душу запечатали, нет ни охоты, ни повода работать. Вся суть заключалась в непрерывном общении с читателем... Для русского литературного деятеля это, покамест единственная подстрекающая сила... А надежд на восстановление общения очень мало». (М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Госполитиздат, 1957, стр. 332).

Стр. 60 *...в последней.. книжке «Отечественных записок».*— Печатание романа «Горное гнездо» было закончено в последней перед закрытием, апрельской книжке за 1884 г.

Стр. 60 *...не особенно любил всякие поездки.*— Неверно. В автобиографии Д. Н. так характеризует период с 1877 по 1881 г.: «Знакомства по охоте, путешествия вверх и вниз по р. Чусовой, странствования по приискам и заводам — все это теперь дополнялось новыми наблюдениями, знакомствами и личным опытом». (Соч. изд. «Правда», т. X, стр. 196).

В 1887 г. Мамин совершил большое путешествие по За ралью, в 1888 г. был в Чердыни, Западной Сибири, Южном Урале.

Стр. 60 *...1881 и 1886 годы.*— К 1881 году следует добавить и 1882 г., так как Д. Н. и М. Я. Алексеева жили в Москве с сентября 1881 до мая 1882 г. В августе-сентябре 1882 г. они совершили вторую кратковременную поездку в оскву. 1883 и 1884 гг. провели в Екатеринбурге и в августе 1885 г. уехали в оскву, где жили до 1886 г. Мамин-Сибиряк на краткий срок выезжал также в Москву в мае 1890 г.

Стр. 60 *...подружился с Златовратским.*— Николай Николаевич Златовратский, писатель-народник (1845—1910) начал печататься в 1866 г.

Мамин познакомился со Златовратским в сентябре 1885 г. (письмо к матери от 24-го сентября 1885 г.), в октябре Златовратский был у Д. Н. (письмо к матери от 2-го октября 1885 г.), и затем они стали встречаться на литературных «четвергах». В письмах к Кетову 10 октября 1885 г. Д. Н. жалуется на Златовратского: «Неглупый человек, но скучен». Однако он бывал у Златовратского и позднее, приезжая из Петербурга.

Стр. 60 *Ключевский.*— Василий Осипович (1841—1911), историк, профессор. Магистерская диссертация «Древнерусские жития святых, как исторический источник» (М., 1871), докторская диссертация «Боярская дума древней Руси» (М., 1882 г.). В 1900-х годах появился его четырехтомный курс Русской истории, очень ценимый Д. Н.

Стр. 60 *Стороженко.*— Николай Иванович (1836—1906), историк литературы, шекспиролог. В 80-х годах работал в Об-ве любителей рос. словесности, как председатель, и издатель трудов Об-ва.

Стр. 60 *Чупров.*— А... И... (1842—1908), экономист, публицист либеральный общественный деятель. Аграрные работы его вызвали резкую критику В. И. Ленина.

Стр. 61 *Это было в 1887 году.*— Поездка по Южному Уралу в июне — июле 1886 г. отразилась в письмах к матери и в очерках «По Зауралью» — с купюрами опубликованных в «Новостях и биржевой газете», 1887 г. Полностью очерки напечатаны в № 8/9 альманаха «Южный Урал», г. Челябинск, 1952 г. (17—87 стр.). Целью путешествия была станица Михайловская Троицкого уезда, Оренбургской губернии. Д. Н. в очерках «На кумысе» («Русская мысль», 1888, кн. 9—10) пишет о приисках Тарасова и др. и о Демаринском винокуренном заводе Поклевского, описанном им в 1895 г. в романе «Хлеб». Увельды и Челябинск описаны также в рассказах «Мертвое озеро» и «Ночевка».

Стр. 61 *совсем не был охотником.*— Отношение к охоте у Д. Н. менялось и было полно противоречий. «Защищать охоту нельзя... С другой стороны, в большинстве наших удовольствий есть известный элемент жестокости. Возьмите уженье рыбы, коллекционирование насекомых». («Зеленые горы»). Решающим является для писателя социальный момент. Он отрицательно относится к барским охотам («Горное гнездо»), но понимает необходимость промысловой охоты (очерк «Говорок», рассказы «На шихане», «Емеля-охотник», «Зимовье на Студеной»). Только благодаря охотничьим странствованиям писатель изучил природу Урала и его фауну. (Б. Удинцев, «Д. Н. Мамин, как уральский охотник», ж. «Боец-охотник», 1937, № 6, стр. 48).

Стр. 62 *«Адвокат и жаба».*— В «оде» рассказывается о том, как жадный адвокат, построивши дом, старается избежать празднования новоселья, договаривается с «жабой», чтобы она вползла к нему в горло. Даже при расходах на лечение это все же выгоднее. Явившиеся друзья уходят «не солоно, как говорится, хлебавши, и вновь адвокатское свинство познавши». Д. Н. знал наизусть это произведение И. Н. Климшина и охотно читал его к неудовольствию Н. Ф. Магницкого.

Стр. 62 *«Старое чувство живуче».*— Точнее — «Старые чувства живучи», драма в 4 действиях. «Театрал», 1897, № 125 (кн. 25).

Стр. 63 *...пьесу из уральской жизни «Золотопромышленники».* Пьеса напечатана в «Наблюдателе» в октябре 1887 г., в ноябре шла в Екатеринбурге и в декабре в Москве у Корша.

В 1954 г. «Золотопромышленники» (иначе «На золотом дне») появились на сцене Свердловского драматического театра. О «новом рождении пьесы» говорилось в «Советской культуре», 24 июля 1954 г., в связи с этой постановкой. «Вечерняя Москва» 23 июня 1955 г. писала: «Это, безусловно, одна из лучших пьес своего времени. Несправедливо забытая она вновь возвращается на сцену». А. Мацкин писал в ж. «Театр», 1955, № 10: «С внешней стороны в «Золотопромышленниках» было немало признаков рутины, а в глубину замысла пьесы (в свое время) никто не вник».

По мотивам пьесы Свердловской киностудией был поставлен фильм «Во власти золота» (1958 г.).

Стр. 63 *...объемистое предисловие.*— Очерк Д. Н. «Город Екатеринбург» (стр. 1—57) помещен в «Сборнике историко-статистических и справочных сведений по г. Екатеринбургу и уезду» (Екатеринбург, типография «Ек. нед.», 1889). В советских изданиях очерк напечатан в собрании сочинений Свердлгиза т. 12.

Стр. 63 *...и рисовал?* — Обстановка и архив последней квартиры Д. Н. не сохранились. В Гослитмузее сохраняются два рисунка Д. Н. маслом (портрет отца и зимний пейзаж) и акварель («Уголок сада»). В Свердловском музее выставлена акварель работы Д. Н. с изображением «бойца» на р. Чусовой. В Свердловске у Н. Ф. Магницкого имелась (до 1917 г.) картина Д. Н. маслом, с изображением «Генеральской дачи в Екатеринбурге». Она была воспроизведена (вкладная фотография) в сборнике «Урал» 1913 г. Картина впоследствии была утеряна.

М. А. КАЗАНЦЕВА-ИВАНОВА

< Д. Н. МАМИН И ЕГО ДРУЗЬЯ >

Воспоминания печатаются впервые по автографу, хранящемуся в личном архиве Б. Д. Удинцева.

Стр. 67 *Певин — Петр Иванович.* С 1896 г. редактор екатеринбургской газеты «Урал». С 1899 г.— издатель «Уральской жизни». В Петрограде в 1912—1915 гг. издавал журнал «Современник». Умер в 1919 г.

Стр. 67 *Комаров* Антон Васильевич — сотрудник «Уральской жизни».

Стр. 67 *«старика».*—«У беспоповцев богослужения совершались начетчиками из собственной среды. Беспоповцы вербовали сторонников, главным образом, в демократических кругах города и деревни» (В. Д. Бонч-Бруевич. Избр. соч., т. 1. О религии, религиозном сектантстве и церкви. М., 1959, стр. 400).

Стр. 68 *...любила читать...* — Д. Н. в своих произведениях неоднократно отмечал повышенную грамотность старообрядцев, разделяя взгляд революционного демократа А. П. Щапова: «Раскол вызывал своеобразную народную «мыслительность». В их общинах редкий был неграмотный. Много было грамотных женщин». (А. П. Щапов. Собр. соч., т. II, стр. 502).

Стр. 68 *А. С. Погорелов.*— Сигов А. С. (1860—1920). В 1880—1890 гг. жил в Перми, но бывал в Екатеринбурге у брата И. С. Сигова.

Стр. 68 *«Всякому свое»* — комедия в 4 д. (Артист», 1890, № 5). В 1892—1893 г. шла в Петербургском Михайловском театре.

Стр. 69 *...Г. Г. Казанцева* — Г. Г. Казанцев не был постоянным членом кружка. Д. Н. относился к нему отрицательно, особенно после инцидента с «бедными родственниками» (см. воспоминания Алексеевой).

Стр. 69 *...молодые Онуфриевы.*— Дочери врача В. М. Онуфриева (1848—1938), Лидия и Александра, хорошие знакомые Д. Н.

Стр. 71 *...открыла профессиональную школу...* — М. Я. разработала проект устава «Женской профессиональной школы», добилась его утверждения попечителем учебного округа, в 1889 г. школа была открыта.

Д. А. УДИНЦЕВ

О МАМИНЕ-СИБИРЯКЕ

Воспоминания печатаются по тексту «Воспоминания», 1936 г. Первоначально были помещены в иллюстрированном приложении к газете «Уральская жизнь». Екатеринбург, 19 января 1913 года.

Стр. 73 *Чекан.*— Владимир Георгиевич, чиновник горного правления, в 1896 г. приобрел «Екатеринбургскую неделю» и вместо нее с 1897 г. стал издавать ежедневную газету «Урал». Позже редактор «Пермских губернских ведомостей».

Стр. 73 *...«поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.*— Персонажи «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя (1834 г.).

Стр. 74 *Поссорившись таким же образом с Галиным, Сибиряк ушел из «Недели».*— Мамин-Сибиряк перестал сотрудничать в «Екатеринбургской неделе» не из-за личной ссоры с редактором, а вследствие несогласия с направлением газеты, он писал позднее: «Не могу в ней участвовать из чувства порядочности».

Стр. 74 *Южаков.*— С. Н., либеральный народник. О нем подробнее в воспоминаниях М. К. Куприной-Иорданской.

Стр. 74 *Тавдинская железная дорога.*— от Екатеринбурга до г. Тавды, ныне центра Верхне-Тавдинского района, Свердловской области. В 1910 г. Д. Н. получил из Пермского земства печатный доклад с ходатайством перед правительством о проведении этой дороги и был очень заинтересован им.

Стр. 74 *Гарин-Михайловский.*— Николай Георгиевич (1852—1906), писатель, инженер-путеец, участник Телешовских «сред» и сборников «Знания».

Стр. 75 *«Главный барин».*— Рассказ из цикла «Сибирских рассказов», помещенный в № 267 «Русских ведомостей», за 1893 г. (Соч. изд. «Правда», т. 5, стр. 13).

Стр. 75 *Пути на Север.*— Чердынское земство, в котором работал Д. А. Удинцев, было занято изысканием и проведением гужевых дорог на Север (от Чердыни к Якшинской пристани на р. Печоре, Усть-Немский тракт и др.).

Стр. 75 *«Старый шайтан».*— Рассказ из цикла «Сибирских рассказов», напечатан в «Русских ведомостях», 1903, № 142, 144 (Соч. изд. «Правда», т. 5), «Заволочье» в рассказе г. Чердынь. Прототип «председателя управы Костылева», который «проводит дороги, мечтает о соединительных каналах» и т. д.— Д. А. Удинцев.

Стр. 75 *«Вольный человек Яшка».*— В рассказе того же названия из цикла «Уральских рассказов», напечатан в газете «Русские ведомости», 1893 г.

Стр. 75 *поп Савелий.*— В «Последнем требе» («Мир божий», 1892, 12).

Стр. 77 *А. А. Давыдова.*— См. Воспоминания М. К. Куприной-Иорданской.

Стр. 77 *М. К. Давыдова.*— М. К. Куприна-Иорданская.

Стр. 77 *Лиза Гейнрих.*— Воспитанница Д. Н., сестра М. М. Абрамовой, вторая жена А. И. Куприна.

Стр. 77 *Засодимский.*— Павел Владимирович (1843—1912), писатель-народник.

В. А. ЛЯПУСТИН

ВСТРЕЧИ, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ...

Печатается по тексту сборника «Воспоминания», 1936 г.

Стр. 79 *Чупин* — Наркис Константинович (1824—1882), известный историк Урала. С 1862 по 1882 гг. директор Уральского горного училища. В печати выступил впервые в 40-х годах. Автор капитальных работ: «Географического и статистического словаря Пермской губернии» (7 вып., 1873—1886), «Обзора горного законодательства» и др.

Мамин-Сибиряк ценил фактический материал, собранный Чупиным, признавал его большие заслуги в науке, но сдержанно относился к его работам в целом, как лишенным общей концепции.

Стр. 80 *...в музее.* — Музей Уральского Общества любителей естествознания, основан одновременно с началом деятельности общества в 1870 г.

Стр. 81 *...дом главного горного начальника.* — Особняк классического стиля (начала XIX в.), на берегу пруда, теперь там помещается городская больница № 2.

Стр. 81 *Иванов.* — Управлял заводами в 1871—1891 гг. Известен тем, что «со всех сторон родством себя обставил». В ненапечатанном стихотворении Д. Н. «На Иоссу» разоблачается эта «семейственность».

Стр. 82 *...лет на семь-восемь раньше меня.* — Д. Н. вышел из семинарии в 1872 г., Ляпустин окончил ее в 1887 г., то есть на 15 лет позже.

Стр. 83 *О семинарской нелегальной библотеке.* — См. воспоминания П. Н. Серебренникова.

Стр. 83 *...номера «Колокола» и «Полярной звезды» А П. Герцена.* — О распространении произведений и изданий Герцена в Перми см. в статье Хотякова И. Я. «Нелегальная работа библиотеки А. И. Иконникова — В кн.: «Советская библиография», сб. статей и материалов, вып. 2 (33), 1952, стр. 49—58, и Геровой Ф. С. «Революционно-демократические движения в Пермской губернии в 60-х годах XIX века», Пермь, 1952.

Стр. 85 *...рассказывал нам о генерале Глинке...* — Глинка Владимир Андреевич (1790—1862), главный начальник заводов уральского хребта в 1837—1856 гг. Глинка был ярким представителем феодально-крепостнического режима на Урале. Мамин-Сибиряк в очерке «Город Екатеринбург» отметил отрицательные и положительные стороны характера и деятельности этого диктатора Урала.

«Сам Глинка оставил по себе все-таки хорошие воспоминания, как человек честный, что не мешало окружающим его воровать на пропалую. Внушительная наружность, высокий рост, военная николаевская выправка придавали ему диктаторский вид. Это и был диктатор — прямой, грозный, справедливый до жестокости, вспыльчивый и милостивый. Держал он себя просто строго, с солдатской грубостью».

Стр. 85 *...процесса уральских магнатов Зотова и Харитонова.* — 1820-е гг. — Этот процесс изложен Д. Н. в очерке «Екатеринбург».

Стр. 88 *«Приваловские миллионы».*— Впервые роман был напечатан в журнале «Дело», 1883, № 1—5, 7—11.

Стр. 89 *«Верный раб».*— Повесть Д. Н. Мамина впервые напечатана в «Северном вестнике», 1891, № 7 и 8.

П. М. БЫКОВ

ПОЕЗДКА Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА ПО ПРИИСКАМ

Воспоминания печатаются по тексту сборника «Урал». Екатеринбург, 1913.

Стр. 92 *Шемахинский.*— Железоделательный завод Кыштымского округа, в бывшем Красноуфимском уезде, Пермской губернии.

Стр. 92 *Аслановская волость.*— Центр ее д. Арасланова, бывшего Красноуфимского уезда.

Стр. 92 *Нижне-Сергинский.*— Чугуноплавильный и железоделательный завод, центр Сергинско-Уфалейского округа, в бывшем Красноуфимском уезде.

Стр. 92 *Доброхотов В. А.*— Врач, арендатор серно-соляных вод, известных под именем «Солонец». Курорт описан в рассказе «Живая вода» (сборник под тем же названием, изд. Д. И. Тихомирова, 1905). И. В. Попов выводится в рассказе под собственным именем.

Стр. 93 *Ревдинский завод.*— Под именем Краснослободского описан Д. Н. в рассказе «Доброе старое время». Здесь был дворец одного из Демидовых и домашний театр.

Б. Д. УДИНЦЕВ

СЕМЕЙНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания написаны для настоящего издания

Стр. 97 *Особенно сильное впечатление произвел на нее Константин Павлович Поленов.*— К. П. Поленов (1835—1908), металлург. Окончил Московский университет в 1856 г. и в 1859 г. — геодезическое отделение Академии генерального штаба в Петербурге. Преподавал в Н.-Тагильском техническом училище. С 1862 по 1864 гг. — управитель в Висиме, где и познакомился с Маминым; с 1864 по 1902 гг. — управитель в Н.-Салде. Последние годы жизни провел в Екатеринбурге. Имя К. П. вошло в историю техники, так как он ввел в Н.-Салде (на построенной Вольтоном в 1875 г. фабрике) новый способ так называемого «непрямого бессемерования». (Некролог, написанный В. Е. Грум-Гржимайло в «Горном журнале», 1908, август).

Стр. 99 *...о том влиянии Писарева, которое он пережил в Перми, в 1868—1872 гг.*— В автобиографической повести «Худородные» Мамин пишет: «Между прочим, нам попался пятый том Писарева,

в котором нами была прочитана «Университетская наука». Мы прочли Писарева раза по два и потом уже успокоились немного. Это чтение, по крайней мере, как мне кажется, оставило по себе в нас сильное впечатление, здесь в первый раз я почувствовал живое влияние живого слова печатной книги». («Худородные», Свердловское книжное издательство», 1958, стр. 222).

Стр. 99 *...с интересом рассказывал мне о работах Ф. Ф. Зелинского.* — Профессор Петербургского университета, знаток классических древностей.

Стр. 100 *Мне как-то сразу припомнились тогда образы инженеров из «Горного гнезда»* — Выдающийся советский металлург, академик Михаил Александрович Павлов (1863—1958) прекрасно знал Урал и многих прототипов маминских романов. Об этом М. А. упомянул в «Воспоминаниях металлурга»: «Мамин-Сибиряк написал роман «Горное гнездо», где описывает Тагильский округ. Там хорошо изображены обычаи и нравы горного мира, изображены (под вымышленными именами) все персонажи, участвующие в заводской жизни, начиная от владельца (Демидова) и кончая мелкими служащими. Тот, кто хочет иметь представление о старой уральской жизни, должен прочесть «Горное гнездо». Я еще застал в живых некоторых лиц, описанных Маминым-Сибиряком».

В связи с этим Б. Д. Удинцев в 1944 г. обратился к М. А. с просьбой осветить подробнее вопрос о прототипах «Горного гнезда» и получил следующие ответы:

«Уважаемый Борис Дмитриевич!

Отвечаю на Ваше письмо по отмеченным Вами пунктам:

Действующие лица «Горного гнезда». Я не видел Демидова, который приезжал в Тагил (я знаком только с последним выродком династии — Элимом и его второй женой урожденной графиней Шуваловой, не мог видеть и главного управляющего инженера Вольстеда, которого его жена Раиса Павловна называет, не стесняясь, дураком, но который вовсе не был дураком, а хорошим инженером, что впрочем вытекает и из того, что рассказывает Мамин-Сибиряк.

Я был знаком с Поленовым, которого Мамин-Сибиряк переименовал в Вершинина, с «немцем Майзелем» — известным инженером Фрейлихом, который — подобно другим управителям — не охарактеризован Маминым-Сибиряком, как техник, между тем как был хорошим инженером; он не был таким заядлым немцем, каким выглядит в «Горном гнезде», был женат на русской, дочери его вполне русские; с ними Фрейлих доживал свои последние дни в Царском Селе, не думая о возвращении в Германию, где у него были родные (его племянник Фрейлих известный в литературе инженер). Кто изображен под именем офицера Сарматова — я позабыл».

Стр. 101 *...дядя Митя подарил мне оттиск статьи В. И. Семевского «Из истории крестьянского вопроса».* — Статья В. И. Семевского «Из истории крестьянского вопроса. Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях М. Е. Салтыкова. Напечатана в кн.: «Сборник правоведения и общественных знаний». Труды юридического общества при Московском университете. Т. 1. Спб. 1893, стр. 125—205.

Стр. 101 *Сыромолотов.*— Федер Федорович (1877—1949), участник Екатеринбургской группы и Союза борьбы за освобождение рабочего класса, большевик, видный деятель партийных организаций на Урале, соратник Я. М. Свердлова по организации революционной борьбы в Екатеринбурге.

Окончил горное училище, выступал как поэт. Стихотворения его печатались в «Правде».

Стр. 101 *...использованы им в очерках «От Зауралья до Волги».* «Волжский вестник», 1885, № 220, 238, 247, 253, 263. Дело о «рудном болоте», см. в № 238.

Стр. 102 *...разоблачительные материалы о невьянцах, асташевцах и братии.* — Полковник Асташев один из крупнейших владельцев Березовских золотых приисков, которые арендовались у казны. За его спиной стояли и некоторые придворные.

Стр. 103 *...легко оперирует библиографическими указателями Д. Д. Смышляева, М. В. Малахова, И. Г. Остроумова.* — Имеются в виду указатели литературы по Уралу: Д. Д. Смышляев. Источники и пособия для изучения Пермского края. Пермь, 1876. Его же «Указатель статей, касающихся Пермской губернии и напечатанных в неофициальной части отдела «Пермских губернских ведомостей» в течение 1841—1880 гг. (Отд. оттиск из «Сборника статей, касающихся Пермской губернии». Пермь, 1882. Продолжение этой работы, доведенной до 1884 г. см. в приложении «Пермским губернским ведомостям», 1885, № 13). М. В. Малахов «Указатель книг и статей о Пермском крае. 1866—1784», «Екатеринбургская неделя», 1884, № 26, 28, 32, 35—41, 46—49, 1885, № 7—10, 15, 22—29, 32, 33. И. Г. Остроумов продолжил работу Малахова в 1886—1887 гг., публикуя время от времени в той же газете обзоры новых статей об Урале.

Стр. 104 *...хранилась... коллекция рукописей XVII века...* — Позднее коллекция была передана в Государственный архив.

Стр. 104 *Зверев.* — П. Н. (1853—1921). Работы П. Н. Зверева использовались В. И. Лениным в книге «Развитие капитализма в России».

Стр. 105 *Кони.* — Анатолий Федорович (1844—1927), известный русский судебный деятель, писатель, после революции профессор Ленинградского университета.

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Д. Н. МАМИНЕ-СИБИРЯКЕ

Печатается по тексту альманаха «Южный Урал», 1952, № 8/9.

Стр. 111 *...к моему отцу.* — Д. А. Бонч-Бруевичу, топографу по специальности, чиновнику межевого департамента и управляющему типографией т-ва Кувшинову.

Стр. 111 *Пономарев.* — Иван Александрович, соученик Д. Н. по духовному училищу и семинарии. В феврале 1886 г. он был у Д. Н. в Москве, по дороге в Крым («где, кажется, покупает себе именье» писал Д. Н. матери 12 февраля 1886 г.). В 1888—1889 гг. издал 2 тома «Уральских рассказов» и «Горное гнездо» в типографии Кувшинова, перешедшей затем к Д. А. Бонч-Бруевичу. Выпускал также книги некоторых других уральских авторов.

Стр. 117 *...«его» убили.* — 1 марта 1881 г. был убит Александр II.

Стр. 118 *«Избранные произведения русской поэзии».* — Составил

В. Д. Бонч-Бруевич. До революции вышло два издания (1894 и 1899 гг.).

Стр. 119 *Завтра у нас будет Дмитрий Наркисович.*— Кратковременная поездка Д. Н. из Екатеринбурга в Москву другими материалами не устанавливается. Все лето 1888 г. Д. Н. «проездил по Уралу». В письме к Вл. Мамину от 5 октября 1888 г. Д. Н. писал: «был в Чердыни и севернее, ездил на Южный Урал и поднимался на самую высокую гору Иремель. Потом был на водах в Курьях и Обухове, ездил в Мурзинку, где добывают цветные камни и, наконец, под Тюмень, на только что выстроенную писчебумажную фабрику. Материала набрано достаточно. «Может быть, в перерыв между этими поездками Д. Н. и был в Москве, если это не ошибка памяти мемуариста, «сдвинувшей» действительно бывшие события. Возможно, что изложенные в воспоминаниях факты относятся к пребыванию Мамина в Москве в мае 1890 года, когда Пономарев выпускал роман Д. Н. «Горное гнездо».

Стр. 122 *...какому-нибудь Михайловскому.*— Такой пренебрежительный кивок в сторону Михайловского объяснялся, по-видимому, тем, что в 1890 г. появился его фельетон в № 104 «Русские ведомости», более чем скептически расценивающий Чехова, которого уже знала читающая публика.

Стр. 122 *...в «Отечественные записки».*— Предложение Д. Н. со стороны М. Е. Салтыкова «присылать» произведения относилось к марту 1883 г.

Стр. 122 *«Русская мысль»... меня печатает.*— Либеральный московский журнал, редактировавшийся В. А. Гольцевым, предоставлял страницы и более левым писателям. В 1883—1889 гг. в «Русской мысли» напечатано 8 произведений Д. Н. В 1890 г. печатался роман «Три конца».

Стр. 122 *«Наблюдатель».*— Петербургский журнал, издававшийся под редакцией А. П. Пятковского. В 1880-х годах в нем печатались Мамин, Пальмин и др. демократы. С 1886 по 1889 г. Д. Н. поместил в нем 8 рассказов.

Стр. 125 *...был в Петербурге.*— О пребывании Д. Н. в Петербурге зимой 1888 г. до сих пор не было известно. Но возможно, что В. Д. ошибся, т. к. Мамин жил в это время в Екатеринбурге.

Стр. 126 *...в ноябре 1888 г. после выхода в свет первого тома «Уральских рассказов».* — Из переписки Д. Н. с Д. Н. Анучиным (письмо к последнему от 20 августа 1888 г.) и с А. Н. Пыпиным (письмо к нему от 3 декабря 1888 г.) видно, что сигнальные экземпляры тома первого рассылались с августа 1888 г. В письмах В. Д. Мамина 4 июня 1888 г. говорится, что первый том поступил в продажу 28 мая. Последнее наиболее вероятно.

Стр. 127 *...второй том... уже набирается.*— Из письма И. А. Пономарева к Д. Н. от 24 марта 1889 г. видно, что весной 1889 г. II том уже печатался и предполагалось, что к лету 1889 г. он поступит в продажу.

Стр. 135 *...из жизни типографских рабочих.*— Рассказ «Черная армия» («Детское чтение», 1899, № 1).

Стрь 136 *...второй том... не ранее, чем через год,*— то есть в 1889 г.

Стр. 137 *...в конце декабря 1889 г. к выходу второго тома.*— Сведений о том, что Д. Н. был в Москве в ноябре — декабре 1889 г. не имеется.

Стр. 138 *«Наша мысль».*— Еженедельный большевистский журнал. Выходил в 1906 г. На пятом номере запрещен. (В. Бонч-Бруевич. «Большевистские издательские дела в 1905—1907 гг. Л., 1933, стр. 19, 71).

Стр. 138 *«Вестник жизни».*— Легальный большевистский журнал. Выходил в Петербурге в 1906—1907 гг. Был закрыт правительством.

Стр. 138 *Румянцев П. П.*— Журналист, переводчик «Критики некоторых положений политической экономии» К. Маркса (1896), сотрудник ж. «Жизнь», газеты «Новая жизнь». После Октября — белоэмигрант.

Стр. 138 *«Образование».*— Журнал либерально-буржуазного направления (1892—1909). В 1905—1907 гг. близок к легальному марксизму, но в нем сотрудничали и большевики. В 1906 г. В. И. Ленин напечатал здесь часть работы: «Аграрный вопрос и «критики Маркса». В 1908 г. большевики оставили журнал ввиду его поправения.

Стр. 138 *«Современный мир»*— Журнал, издававшийся в 1906—1918. В 1910 г. В. И. Ленин в письме к Горькому охарактеризовал его направление как «зачастую меньшевистски-кадетское (теперь с уклоном в сторону партийного меньшевизма)». (Соч., 4 изд., т. 34, стр. 380). В нем сотрудничали М. Горький, Л. Андреев, И. Бунин, Д. Бедный и др. В 1908 г. Д. Н. напечатал в «С. м.» рассказ «Пустынька», № 5.

Стр. 138 *Иорданский.*— Николай Иванович (1876—1929), публицист. В 1907—1917 гг. редактор «М. б.» и «Совр. мира», до Октябрьской революции меньшевик, после Октября член РКП(б). Занимал ряд ответственных должностей по НКИД, Госиздату, Книгосоюзу.

Стр. 139 *Гувале.*— Ольга Францевна (1854—1934), педагог, воспитательница М. К. Давыдовой и Аленушки Маминой, с 1900 г. жена Д. Н. Влад. Дм. очень ценил заслуги О. Ф. в деле издания «Полного собрания сочинений» Д. Н. Мамина в 12 томах (1915—1917 гг.)

Стр. 139 *Ковалевский* — Максим Максимович (1851—1916), либеральный профессор юрист, историк, социолог. С 1909 г. — издатель журнала «Вестник Европы».

Стр. 141 *...припадая на правую ногу.*— В письме к матери от 5 декабря 1906 г. Д. Н. сообщает, что «сломал левую ногу».

Стр. 142 *«Морская болезнь» Куприна.*— Публиковался в альманахе «Жизнь», 1908 г., № 1. Рассказ этот, принижавший представителей социал-демократии, вызвал протесты Горького, Воровского, Короленко.

Стр. 142 *М. П. Арцыбашев* —(1878—1927), реакционный писатель, белоэмигрант. В романе «Санин» (1907) проповедывал отрицание общественных идеалов, прославляя эгоизм и половую распущенность.

Стр. 142 *Ф. Соллогуб* —(Тетерников, 1863—1927), реакционный писатель, декадент. В романе «Мелкий бес» (1905) им изображен маньяк Передонов, самодовольный карьерист, охваченный манией преследования. Роман проникнут пессимизмом.

Стр. 143 *Кранихфельд* —(1865—1918), критик, один из редакторов ж. «Совр. мир», был близок к меньшевикам. В 1912 г. написал некролог памяти Д. Н. («Совр. мир», 1912, № 11). В 1917 г. в книге «В мире идей и образов», т. III, Изд. «Жизнь и знание» напечатана его статья о Д. Н.

Стр. 144 *...только Короленко.*— В 1905 г. Короленко напечатал около 60 статей на общественно-политические темы, в 1906 г. — около

40 статей, в 1907 г.— 10 статей в «Рус. бог.» и ряд корреспонденций.

Стр. 145 *Северянин.*— Псевдоним И. В. Лотарева (1887—1941), поэт, «эгофутурист».

Стр. 145 *...буду все печатать у вас.*— На самом деле в «Современном мире» Д. Н. напечатал только один рассказ «Пустынька». Печатался он в 1907—1910 гг. в «Русской мысли» и журналах для детей.

Стр. 145 *...читать их не могу.*— В 1907 г. в «Рус. мысли», № 1 (то есть еще до появления в редакции В. Брюсова) напечатан рассказ Д. Н. «Мумма» (т. IX, стр. 428) с резкой критикой «декадентской галиматьи», ницшеанства и мистицизма.

Стр. 145 *...все молчит.*— Уже в отношении II Госуд. Думы (февраль-июнь 1907 г.) Д. Н. писал матери 11 марта 1907 г.: «Мужички слушают и помалкивают до поры до времени. Оторопь берет и животы подводит перед начальством. Веками запугивали, ну «ен» и молчит, пока господа говорят. Пока, впрочем, говорят больше глупости... На настоящую Думу никто особенных надежд и не возлагал, потому что набрался пуганый народ». 1 ноября 1908 г. Д. Н. писал матери: «В начале года все интересовались Госуд. Думой, а теперь совершенно равнодушны...»

Н. В. ОСТРОУМОВА-СИГОВА

ВОСПОМИНАНИЯ О Д. Н. МАМИНЕ

Печатаются с сокращениями по авторизованной копии из архива Б. Д. Удинцева. Публикуются впервые.

Стр. 148 *...Мамин состоял в числе сотрудников «Екатеринбургской недели».*— Мамин-Сибиряк до 1886 г. участия в «Екатеринбургской неделе» не принимал. В 1886 г. он сотрудничал весьма активно, напечатав статьи «Кризис уральской горной промышленности». «О значении минерального топлива для Урала», «Сибирско-уральская научно-промышленная выставка», очерк «Святой уголок», рассказы «Учителька», «Пароходный купец» (последний был перепечатан из «Развлечения»). В письме к матери от 19 января 1886 г. он связывает начало своей работы со сменой редактора:

«Вместе с твоим письмом получил и письмо от Галина, который теперь будет управлять «Екатеринбургской неделей». Я там буду работать, наконец. Целые восемь лет ждал возможности работать в своей газете... Как иногда достигаются трудно самые простые вещи!»

Стр. 148 *Сделка по продаже газеты не состоялась.*— Попытка получить газету в руки маминского кружка относится к 1886 г. В 1886 г. издатель Г. А. Тиме продал типографию и газету Симонову, креатуре мукомолов. С № 27-го 1886 г. газету подписывает уже редактор П. Н. Галин, а с № 43 — издатель А. М. Симонов.

Стр. 149 *Котелянский.*— Б. О. (1860—1892), врач, погиб на эпидемии тифа. Образ этого выдающегося человека дан в рассказе «Жид» («Мир божий», 1893, 12). Им написана рецензия на сборник «Уральских рассказов» Д. Н. («Екатеринбургская неделя», 1888, № 2).

Стр. 149 *Зайцева-Ложкина.*— Е. Н. (1862—1936) подвергалась неоднократно преследованиям за революционную деятельность. Вместе с мужем Н. П. Ложкиным (1869—1942) основала «Вятское книгоиздательское т-во», выпустившее за 16 лет работы свыше 200 названий книг, отличавшихся демократической направленностью, дешевизной и хорошим оформлением. С 1905 г. жила в Петербурге, работая в книжном складе «Провинция», основанном Н. В. Мешковым. Последние годы жизни провела в Москве.

Стр 150 *Строгановы.*— В очерках «Старая Пермь» Д. Н. подробно рассказывает о «лендлордах» Строгановых, которым Москва «закабалила громадную площадь земли» (Свердлгиз, т. 12, стр. 303). Все это принадлежало одним Строгановым, а теперь распалось по боковым линиям того же феодального рода.

Стр. 150 *«абрамовщина».*— Правое крыло народничества, возглавлявшееся в средине 1880-х годов Я. В. Абрамовым (1858—1906), сотрудником ж. «Неделя» и др. изданий. Сторонники Абрамова выступили с проповедью «малых дел». Борьбу с «абрамовщиной» вел Н. В. Шелгунов, например, в «Очерках русской жизни». Д. Н., иронизируя по поводу «переливания из пустого в порожнее», солидаризируется с Шелгуновым в том, что так называемые «восьмидесятники» были «лишь пустопорожним промежутком» между шестидесятниками и поколением 1890 гг.

Стр. 151 *...крепостное право... продолжает существовать на Урале* — В. И. Ленин в статье «По поводу юбилея» (1911 г.) писал об обезземелении крестьян и создании в 1861 г. кабальных, то есть фактически полукрепостных и даже почти «крепостных» арендаторов (Соч., т. 17, стр. 86). Акад. С. Г. Струмилин в письме к Б. Д. Удинцеву от 25 октября 1959 г. говорит, что Мамин-Сибиряк «имел все основания негодовать по поводу того ограбления помещиками горнозаводского населения Урала, какое протекало здесь под флагом «освободительных» мероприятий. Это присвоение феодалами земельных наделов горнозаводского населения, при сохранении за ними жепокосов и других остатков посессионных прав, отнюдь не вело к уничтожению крепостнических пережитков, а наоборот закрепляло их на многие годы».

Стр. 152 *...одну десятину покоса, да 200 сажен выгона.*— В. А. Весновский в статье «Земельный вопрос» приводит интересные цифры: «Вместо того, чтобы наделить по 5—7 десятин пахотной земли на душу по крайней мере 85% бывших горнозаводских людей, заводчики дали землю только 15%, при этом не пахотной, а покосной, да и то всего по одной десятине 600 кв. сажен на душу, и не наличную, а на ревизскую». («Урал Северный, Средний и Южный» Сост. Ф. П. Доброхотов с участием В. А. Весновского, В. С. Зыбина. Петроград, 1917).

Стр. 152 *...ни клочка земли.*— Пользуясь темнотой и бесправием населения, заводчики пустили слух, что «те из бывших рабочих, которые примут земельный надел, вновь будут закрепощены, тогда «сельские сходы стали выносить единогласные постановления о нежелании принять надел». Крестьяне-«дарственники», согласившиеся получить без выкупа «дарственный» надел (равный $^1/_4$ нормального) — получали земли так мало, что не хватало для прокормления. В заметках по Зауралью («Новости» 1887 г.) Д. Н. писал: «Зауральские помещики всучили крестьянам даровой надел, то есть Гагаринский осьминник на душу». В очерке «Говорок» (1889 г.) он

рассказывает, как «всучили бывшим крепостным даровой надел, а, когда подошла очередь подписывать уставную грамоту... мужики наотрез отказались от всякого надела».

Стр. 152 *...в кабале более жестокой, чем при крепостном праве.*— В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин говорил о «кабальном положении уральского рабочего». Он устанавливает, что «крестьяне *в большинстве* губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней, безысходной кабале у помещиков». («Пятидесятилетие падения крепостного права», Соч. изд. 4, т. 17, стр. 65.)

Вопросы пореформенного экономического развития Урала поставлены Маминым-Сибиряком в этом плане в очерках «От Урала до Москвы», «С Урала», статье «Кризис уральской горной промышленности» и др. Очерки «С Урала» печатались в «Новостях» в 1884—1885 гг. с тех пор не перепечатывались.

Стр. 152 *...только третья часть заводского населения... обеспечена работами.* — К. В. Боголюбов в «Вопросах творческой истории романа «Три конца» (1950 г.) приводит факты сокращения численности рабочих по материалам «Екатеринбургской недели» 1883 г. «Число заводов за 20 лет не увеличилось. Только 30% горнозаводского населения находит работу на заводах» (№ 31, стр. 503). О том же с тревогой писал и Н. В. Шелгунов в «Очерках русской жизни» (СПБ, 1895, стр. 779).

Стр. 152 *...запрещены всякие огнедействующие заведения.*— По уставным грамотам населению запрещалось возводить на усадьбах огнедействующие заведения, даже кузницы.

Стр. 152 *...делали вывод, что он революционер.*— Остроумова-Сигова как бы передает здесь оценку «Екатеринбургской недели», конечно, далекой от какой бы то ни было революционности.

Стр. 154 *...сестра с мужем.*— Е. Н. и Д. А. Удинцевы.

Стр. 155 *...не писать о голоде.*—11 августа 1891 г. Д. Н. пишет из Петербурга матери: «из газет узнаю цены на хлеб и овес в Екатеринбурге и ужасаюсь... Страшная беда, и мое уральское сердце болит за несчастную родину». 22 сентября: «Ты описываешь надвигающуюся голодовку — что только и будет... Пермская губерния даже не попала в число голодающих, губернатор не пожелал... Мерзавец... о своей шкуре заботится больше всего, чтобы в его губернии было все благополучно» Гослитиздат, т. 8, стр. 657).

А. И. ШУБИН

<В ЕКАТЕРИНБУРГЕ>

Печатается по тексту сборника «Воспоминания», 1936 г.

Стр. 158 *Маклецкий.*— Директор Сибирского банка, основатель музыкального училища и музыкального кружка, художник-акварелист, в 1900 г. выстроил в Екатеринбурге концертный зал.

Стр. 159 *Ольхин.*— Александр Александрович (1839—1897), близкий к кругам революционных народников юрист, сотрудник нелегаль-

ной печати, поэт, переводчик, автор известного текста «Дубинушки».

В 1880 г. сослан на Урал, жил в Шадринске, сотрудничал в «Екатеринбургской неделе», сохранилась переписка его с Д. Н.

Стр. 161 *Карпов.*— Евтихий Павлович (1857—1926), в 1870 г. участник революционного движения, с 1880-х годов театральный деятель, драматург. Его драма «На земской ниве» появилась в 1888 г. Е. П.— друг Д. Н. Он входил в комитет по организации чествования сорокалетнего юбилея литературной деятельности Д. Н. Мамина.

Стр. 163 *«Горькая судьбина».*— Драма А. Ф. Писемского (1859). На конкурсе пьес им. графа Уварова получила премию (одновременно с «Грозой» А. Н. Островского). В реакционных кругах вызвала «неодобрение», прогрессивная же печать (М. Л. Михайлов и др.) отмечала ее высокие достоинства.

М. К. КУПРИНА-ИОРДАНСКАЯ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Д. Н. МАМИНЕ-СИБИРЯКЕ

Воспоминания М. К. Куприной печатаются по тексту прежде опубликованных воспоминаний в сборнике «Д. Н. Мамин-Сибиряк». Сто лет со дня рождения. 1852—1952 гг. «Материалы научной конференции». Свердлгиз, 1953, а также по ее воспоминаниям о Д. Н. в журн. «Огонек», 1947, № 49, и в книге «Годы молодости», изд. «Советский писатель», 1960. Подвергнуты автором некоторым сокращениям.

Стр. 168 *А. А. Давыдова.*— (1848—1902), жена К. Ю. Давыдова (1838—1889), знаменитого виолончелиста, издательница, общественная деятельница.

Стр. 168 *Острогорский Виктор Петрович* (1840—1902), педагог, историк литературы. Пропагандист идей Пирогова, Ушинского, организатор воскресных школ, активный работник комитета грамотности, сотрудник многих изданий. Он был официальным редактором журнала «Мир божий». Фактически редакционными делами занимался Ангел Богданович — друг Мамина.

Стр. 168 *«Зимовье на Студеной»*— Впервые напечатан в журнале «Мир божий», 1892, № 1, рассказ получил золотую медаль Петербургского комитета грамотности.

Стр. 170 *...никогда я не променял бы избушку на берегу Висимки... на какую-то паршивую виллу в Баден-Бадене или Буживале.* — Выпад против И. С. Тургенева. Баден-Баден город в Германии, где долго жил Тургенев с Виардо. Он скончался в Буживале, близ Парижа. И. С. Тургенев, хорошо знавший и высоко ценивший К. Ю. Давыдова, часто посещал музыкальные вечера в доме Давыдовых. А. А. Давыдова, конечно, рассказывала Д. Н. о Тургеневе. Отношение Д. Н. к последним произведениям Тургенева было отрицательным. Сохранился черновик неопубликованной рецензии Д. Н. на рассказ Тургенева «Отчаянный» (ЦГАЛИ).

Стр. 171 *легальные марксисты.*— Либерально-буржуазное извращение марксизма, возникшее в 1890-х годах и разоблаченное

В. И. Лениным, в частности в статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894) «Легальным марксистом» был зять А. А. Давыдовой, муж Л. К. Давыдовой, проф. М. И. Туган-Барановский (1865—1919). Как и другие «легальные марксисты», он позднее стал откровенным врагом марксизма, выступал как апологет капитализма.

Стр. 171 *Анненский Николай Федорович* (1843—1912), экономист-народник, сотрудник «Русского богатства». См. очерк А. М. Горького «Н. Ф. Анненский». Собр. соч. в тридцати томах. Т. 17.

Стр. 171 *Южаков Сергей Николаевич* (1849—1910), публицист либерально-народнического лагеря, член редакции журнала «Русское богатство» в 1894—1898 гг. Его экономические и социологические взгляды подверглись уничтожающей критике В. И. Ленина.

Стр. 171 *Елпатьевский.*— См. его воспоминания в настоящем сборнике.

Стр. 171 *поклонники сатирика.*— Литературная судьба Д. Н. была тесно связана с Щедриным. В 1875 г. он пытался поместить рассказ в «Отеч. записках», но был «отвергнут» Салтыковым. Только через восемь лет, в 1883 г., Салтыков принял его очерки «Золотуха» и «Бойцы», а также роман «Горное гнездо» (1884). Мамин высоко ценил доброжелательное отношение к себе Салтыкова.

Стр. 172 *Письма Салтыкова Мамин благоговейно хранил.*— Сохранилось 6 писем (1882—1884) и телеграмма (1884 г.) М. Е. Салтыкова к Д. Н. (Н. Щедрин. Полное собр. соч., т. XIX, Письма, кн. 2-я, М., 1939).

Стр. 172 *Успенский Глеб Иванович* (1843—1902), писатель, революционный демократ. С 1868 г. сотрудник «Отечественных записок». Своими произведениями показал, как капиталистические отношения проникают в деревню; отрицательно относился к либерализму, разделял, однако, некоторые народнические иллюзии. Начиная с 1892 г. был тяжело болен. В 1883 г. Успенский высоко оценил роман «Приваловские миллионы» (Д. Н. Письмо к В. Н. Мамину от 11 декабря 1883 г.) Д. Н. встречался с Г. И. в начале 1890-х годов, любил его за необыкновенную скромность. В 1896 г. Д. Н. участвовал в литературном вечере в пользу семьи Успенского.

Стр. 174 *...стал бы врачом...*— Д. Н. неоднократно писал и говорил о том, что демократическая интеллигенция сделала довольно много в борьбе с темнотой и предрассудками крестьянства. Он считал, например, что «земский врач — это крестьянский, а не господский врач», что санитарные и фабричные врачи, даже в условиях капитализма могут оказывать значительную помощь пролетариату. В качестве ярких примеров Д. Н. вспоминал земского врача И. И. Моллесона на Урале, фабричного врача-демократа Д. П. Никольского.

Стр. 175 *«Детские тени».*— Рассказы о детях, загубленных нелепыми и жестокими условиями жизни. Впервые в журнале «Русское богатство», 1892. Отдельное издание 1894 г. После революции не переиздавались.

Стр. 175 *...о «Пепко».*— О романе «Черты из жизни Пепко» Михайловский в марте 1894 г. написал несколько слов в одном из обзоров «Литература и жизнь» (Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута. Т. II. Спб. 1900, стр. 302). Он сравнивал роман с повестью В. В. Верещагина «Литератор» и со «Сценами из жизни богемы» А. Мюрже.

Стр. 175 *...его рассказов.*— Из всего написанного Маминым-Сибиряком Михайловский обратил внимание на один рассказ Д. Н., не вошедший в советские собрания сочинений — «Последние огоньки» («Русские ведомости», 1897, № 356; т. XII, Маркса, стр. 186). Михайловский писал о нем в феврале 1896 г. (Н. К. Михайловский. Отклики. Т. II, Спб., 1904 г., стр. 236) и в июле 1900 г. («Последние сочинения». Т. I. Спб., 1905, стр. 329). Вариантом этого рассказа является также ненапечатанная сказка на новый год «Греза востока», (рукоп. отд. Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина). Эти произведения Мамина Михайловский сравнивает с фантазиями француза Лапужа и В. Соловьева.

Стр. 176 *Шелгунов.*— Николай Васильевич (1824—1891), революционный деятель, публицист, профессор Лесного ин-та, автор (вместе с Михайловым М. Л.) прокламации «К молодому поколению» и автор прокламации «К солдатам».

Стр. 176 *Иванчин-Писарев.*— Александр Иванович (1849—1916), литератор, народник, член партий «Земля и воля» и «Народная воля». После возвращения из ссылки ближайший сотрудник «Русского богатства».

Стр. 176 *...«в сердце уголок».*— Вместо «и в сердце льстец всегда отыщет уголок» («Ворона и лисица» И. А. Крылова).

Стр. 176 *Кареев.*— Николай Иванович (1850—1931), либеральный историк, автор труда «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (1879). Ему возражал Г. В. Плеханов в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895). Конкретно-исторические работы Кареева сохраняют до сих пор значение (например, «История Западной Европы в новое время»). В 1929 г. Кареев был избран почетным членом Академии наук СССР.

Стр. 176 *Водовозова* — Е. Н. (1844—1923), педагог, последовательница Ушинского, писательница, автор популярной книги «Жизнь европейских народов» (1875—1883).

Стр. 176 *Семевский.*— Василий Иванович (1848—1916), историк, автор работ по истории крестьянства.

Стр. 176 *Хирьяков.*— А. М. (1863—1946), писатель, близкий знакомый Л. Н. Толстого.

Стр. 177 *Волынский.*— Аким Львович (1863—1926), реакционный искусствовед, критик. Проповедник «искусства для искусства». Трактовал Д. Н. как этнографа. Мамин резко критиковал его «Книгу великого гнева» (Сб. критических и политических статей, Спб, 1904 г.).

Стр. 177 *Миролюбов.*— Виктор Сергеевич (1860—1939) до 1897 г.— артист Большого театра, с 1896 г.— издатель, а с 1898 г.— редактор «Журнала для всех», в котором сотрудничал Горький, Чехов, Андреев, Куприн и др. Друг Д. Н. Мамина.

Стр. 177 *Потапенко.*— См. его воспоминания.

Стр. 177 *Мережковский.*— Дмитрий Сергеевич (1865—1941), реакционный писатель, поэт-декадент, автор исторических романов. Деятельный член «Религиозно-философского общества», вокруг которого группировались синодские чиновники, профессора-монархисты, реакционные писатели и философы. После революции белоэмигрант.

Стр. 177 *Гиппиус.*— Зинаида Николаевна (1869—1945), поэтесса. В 1896—1898 гг. появились ее сборники рассказов и стихотворений с проповедью культа «одиночества» и ницшеанства. Белоэмигрантка.

Стр. 177 *Надсон.*— Семен Яковлевич (1862—1887), поэт, выступил в печати в 1878 г. В его творчестве преобладали пессимистические настроения, скорбь и усталость, чему способствовали реакция 80-х гг. и тяжелая болезнь автора. А. А. Давыдова и О. Ф. Гувале близко знали его.

Стр. 178 *Победоносцев.*— К. П. (1827—1907) один из самых реакционных деятелей эпохи Александра III. С 1880 г. по 1905 г. — обер-прокурор Синода. Д. Н. ненавидел Победоносцева, который — по его словам — «затормозил русскую историю на целую четверть века» (письмо к матери от 11 марта 1907 г.)

Стр. 180 *...целый край.*— В 1912 г. в день сорокалетия литературной деятельности Д. Н. Горький писал ему: «Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту (связь с народом) и прекрасно показали Вашими книгами, открыв целую область русской жизни, до Вас незнакомую нам».

Стр. 180 *Чапыгин.*— Алексей Павлович (1870—1937), писатель, вышел из крестьянской среды, в 1883 г. приехал в Петербург, переменил много профессий, учился в школе Штиглица, много читал. Ранние произведения начала 1900 гг. посвящены жизни городской бедноты. В ряде рассказов отразилась революция 1905 г. Ему принадлежат романы «Белый скит» (1913 г.), «Разин Степан» (1927 г.) и «Гулящие люди» (1934—1937 гг.)

Б. Б. ГЛИНСКИЙ

ПАМЯТИ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Печатается по тексту журнала «Исторический вестник», 1912 г., с некоторыми сокращениями. Перепечатывался в сборнике «Воспоминания», 1936 г.

Стр. 189 *«Северный вестник».*— Д. Н. поместил в этом журнале роман «Золото» (1892 г.) и несколько рассказов.

Стр. 189 *...с объемистой рукописью... посвященною описанию добычи на Урале золота и платины.*— Очерк «Платина» опубликован в «Северном вестнике», 1891, № 10—12.

Стр. 190 *Миллионной улице.*— Приехав в Петербург, Д. Н. и М. М. поселились на Миллионной улице, дом № 9, прожив здесь с начала апреля до 17 мая, и затем переехали в Лесной.

Стр. 190 *.. в Лесном.*— А. А. Давыдова жила в Лесном в 1894 г., у нее же находилась и Аленушка. С августа 1894 г. Д. Н. переехал в Царское.

Стр. 190 *...на последнем писательском съезде.*— Второй Всероссийский съезд писателей состоялся 21—28 апреля 1910 г.

Стр. 191 *Одиночество... было несомненным спутником его жизни.*— Жалобы на одиночество (в письмах Д. Н. к С. С. Жихареву, В. И. Немировичу-Данченко, М. Н. Слепцовой и др.) в 1890-е гг встречаются постоянно.

Стр. 192 *«партийная» критика.*— Народническая критика.

Стр. 192 *...в наших журналах левого лагеря.*— Только с позиций весьма консервативного Глинского можно было считать «Вестник Европы» журналом «левого лагеря». Неправомерно и включение в

один ряд «Русских ведомостей» и старых революционно-демократических журналов «Отечественные записки» и «Дело».

Стр. 192 *«Русская мысль»*— Журнал либерально-буржуазного направления. Д. Н. сотрудничал в нем, начиная с 1883 г.

Стр. 192 *Лавров.*— Вукол Михайлович (1852—1912)), переводчик, издатель «Русской мысли» с 1880 по 1894 г., редактор-издатель с 1882 г.

Стр. 192 *Гольцев.*— Виктор Александрович (1850—1906), публицист, правовед, критик, либерал «левой окраски», с 1885 г. фактический редактор «Русской мысли». Друг Мамина. Письма Д. Н. к нему опубликованы в «Архиве В. А. Гольцева», т. 1, 1914.

Стр. 192 *Ремезов.*— Митрофан Нилович (1835—1901), историк-беллетрист, один из редакторов «Русской мысли».

Стр. 193 *...эпигоны этого журнала.*— После 1905 г. «Русскую мысль» возглавил лидер кадетов П. Б. Струве.

Стр. 194 *день ангела.*— Именины 26 октября ст. ст.

Стр. 196 *...мог составить украшение ее.*— 19 января 1902 г. В. Г. Короленко обратился со следующим обращением в Академию наук: «В почетные члены по отделу русского языка и словесности имею честь предложить нижеследующих лиц: 1) Н. К. Михайловского, 2) П. И. Вейнберга, 3) Д. Н. Мамина-Сибиряка, 4) К. М. Станюковича, 5) С. А. Венгерова, 6) Ф. Д. Батюшкова и 7) А. М. Пешкова-Горького» («Вестник Акад. наук СССР», 1932, № 2).

Стр. 196 *...Стихотворение, посвященное его памяти.*— На кладбище кроме Денисова-Уральского выступали с речами журналист Васильев (?) и П. И. Заякин. Поэт А. Н. Коринфский прочитал стихотворение:

Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка

С далеких гор угрюмого Урала,
Из глубины сибирских деревень
Он к нам пришел, как витязь без забрала;
Избытком сил душа его играла,
В его груди лежал талант-кремень.
Огнивом бодрой самобытной воли
Ударил он по этому кремню, —
И сотни искр, предвестниц лучшей доли,
Усеяли родное наше поле —
Навстречу солнцем рдеющему дню.
Сверкал талант и сыпал самоцветы,
Не иссякала мощная руда
Во дни, когда закаты и рассветы
Сменялися, борьбой страстей согреты,
Над поприщем свободного труда.
Размаха ширь, захват сердец глубокий,
Стихийная народная душа
Сказалась в нем, нашли исток широкий
И ринулись, как горных вод потоки,
В русло живого творчества спеша.
Он с нами жил, и жизнь вокруг кипела,
Жизнь, полная больных, тяжелых снов;
Толпа рабов оковами гремела, —

А перед ним — и здесь тайга шумела,
Звала мечту в родную глушь лесов.
И взор вперял в далекие он дали,
Туда, где мысли первое зерно
Взошло в душе, где очи увидали
На утре лет всю глубь, всю ширь печали,
Где понял ум, как людям жить темно.
И перенес — случайный гость столицы —
От Чусовой, с Тагила синих вод
На яркие и сочные страницы
Кряжистые героев вереницы,
Сибиряков приветливый народ.
По рудникам, по шахтам, по заводам,
По гребням гор, по стойбищам лесным,
По мощных рек волнующимся водам,
Среди прогалин, по тропам и бродам
Пошли его читатели за ним.
Сроднил он с нами чуждое нам небо;
Сроднил своих героев навсегда —
От скромного отца «Последней требы»
До сильных душ из «Золота» и «Хлеба»
До коршунов из «Горного гнезда».
Устои быта в их разладе с новью
Бой «Миллионов» с хмурой нищетой
Запечатлел живою сердца кровью,
И красоту с «Охониною бровью»,
И даже «Счастья дикого» прибой, —
Все вызвал он из дум заветных сени...
А годы шли да шли путем своим,
Зовя на жизнь ряд новых поколений;
И «Детские» оплаканные «Тени»,
Как стая птиц, взлетели перед ним.
Открылся мир пытливых светлых глазок,
Мир замыслов наивных и простых, —
Чуждаяся затверженных указок,
Заветный мир «Аленушкиных сказок»
Он воплотил в созданиях своих.
Недуг подкрался тяжкий и сурово
Холодное забвенье наложил
На все, чем жил, чем жить хотел он снова;
Последнее дум заповедных слово, —
Не лучшее ль — он детям посвятил...
Его посевов не заглохнет нива,
Как ни темнит ее туманный день,
Как ни глушит бурьян ее ревниво,
Не даром било звонкое огниво
В былые дни в его талант-кремень!
Теряяся в тревогах и в сомненьях,
Мы забываем зори светлых лет,
Меняемся во вкусах и во мненьях;
Но верю я: в грядущих поколеньях
Ты будешь жить, уральский самоцвет!

С. Я. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ

ДМИТРИЙ НАРКИСОВИЧ МАМИН-СИБИРЯК

Печатается по тексту сборника «Воспоминания», 1936. Впервые опубликовано в журнале «Русское богатство», 1912, № 11.

Стр. 200 *...про Ермака.*— Образ Ермака (XVI век) привлекает Мамина еще в юности, когда он из Петербурга просил отца собирать «рассказы о Ермаке». Писателя интересовали выдающиеся русские люди XVI века, колонизаторы Сибири с Ермаком во главе. В рассказе «Покорение Сибири» (1882) он дает биографию «вольного человека» Ермака, «уроженца Урала», подчеркивая при этом прогрессивное значение освоения Сибири.

Стр. 200 *...про Пугачева.*— В повести «Охонины брови» Д. Н. Мамин изобразил крестьянское восстание на Урале (1762—1764) и пугачевское движение. В автобиографии писатель рассказывает о плане «трилогии», в которой «первый роман должен был закончиться пугачевщиной, которая захватила уральские заводы».

Стр. 200 *...в старой Новгородской летописи.*— О новгородском периоде в истории Урала Д. Н. пишет в очерках «Старая Пермь» (Соч. изд. Свердлгиз, т. 12, стр. 319): «Живучесть новгородского духа (на Урале) просто изумительна, и теперь еще можно проследить известную преемственность типов».

Стр. 200 *...говор на «о».*— Мамин писал, что «горластое новгородское «о» из Новгорода перешло по Заволочью в Старую Пермь, а отсюда в Сибирь» (Соч. изд. Свердлгиз, т. 12, стр. 319). Это совпадает и с современными данными о северно-великорусских говорах (В. В. Иванов. «Русские народные говоры», 1957, стр. 51).

Стр. 200 *...Двенадцать лет.*— Ошибка, в 1861 г. Д. Н. было 9 лет.

Стр. 200 *...этнографический писатель.*— Этнографом считал Мамина Н. К. Михайловский. Волынский в «Книге великого гнева», 1904 г. снисходительно замечал, что «Мамин не лишен в своей этнографической сфере довольно крупного таланта».

Стр. 202 *«Могилки».*— Впервые в «Русской жизни», 1891, № 205.

Стр. 203 *«Настоящий».*— Подзаголовок рассказа: «из походного альбома». Впервые «Русская жизнь», 1891, № 210, в соч. изд. Маркса, т. 12, стр. 294.

Стр. 204 *Ближе я сошелся с Маминым в Ялте...*— Д. Н. был в Крыму четыре раза — в 1897, 1900, 1902, 1905 гг. Встречи с С. Я. Елпатьевским относятся к 1900 году.

Стр. 205 *О-отец дья-якон рассказывал...*— 14 декабря 1937 г. в год двадцатипятилетия со дня смерти Д. Н., на вечере его памяти в доме Советского писателя в Москве народная артистка О. Л. Книппер-Чехова мастерски читала этот отрывок из «Воспоминаний» С. Я. Елпатьевского.

Стр. 206 *«Джалита».*— Гостиница в Ялте.

Стр. 207 *Артель пришла мост строить.*— В журнале «Русское богатство» (1901 г.) был напечатан очерк Д. Н. «Перекати-поле», отражавший тяжелое положение пореформенной деревни. В основу

очерка положен факт — приезд в Ялту на заработки большой группы тамбовских крестьян.

Стр. 208 *...в том журнале, который задавал тон...*— в «Отечественных записках». Там печатались очерки «Золотуха», «Бойцы» и роман «Горное гнездо» в 1883—1884 гг.

Стр. 209 *Сколько он написал...*— В собрание сочинений Д. Н., изданное Марксом и считающееся наиболее полным, вошло 249 названий, 144 произведения для детей и юношества не вошли в него, имеется еще до сотни названий, «затерянных» в различных периодических изданиях, и ненапечатанных произведений (публицистика, очерки, газетные отчеты, научные статьи).

Н. Д. ТЕЛЕШОВ

< ИЗ ВСТРЕЧ >

Печатается по сборнику «Воспоминания», 1936 г.

Стр. 213 *Тихомировы.*— Дмитрий Иванович (1844—1915), педагог, общественный деятель, издатель, педагогические труды начал выпускать еще в начале 1870-х годов. Издавал «Азбуку правописания», «Букварь», хрестоматии («Вешние всходы»), создал один из лучших демократических журналов — «Детское чтение». Около редакции журнала (на Тверской, в доме № 28) группировались передовые писатели и педагоги. В 1912 г., после смерти Д. Н. Мамина, напечатал статью о Д. Н. в «Педагогическом листке» (кн. 8, стр. 579). Верным соратником в его трудах по народному образованию была Е. Н. Тихомирова.

Стр. 213 *«Аленушкины сказки».*— Печатались в «Детском чтении», начиная с 1894 г., отдельным изданием вышли в 1897 г. 15 декабря 1896 г. Мамин писал матери: «Это моя любимая книжка, ее писала сама любовь, и поэтому она переживет все остальное».

Стр. 213 *«Светлячки».*— Печатались в «Детском чтении», 1898 г. январь — сентябрь. Отдельное издание вышло в 1899 г.

Стр. 214 *«Среда».*— Кружок прогрессивных писателей-реалистов, собиравшийся у Н. Д. Телешова (на Чистопрудном бульваре, д. № 21, в 1904—1909 гг. в его же квартире на Земляном валу, ул. Чкалова, 51), а с 1909 г. в литературно-художественном кружке (на Б. Дмитровке). 17 октября 1912 г. перед юбилеем Д. Н. участники «Среды» — Н. Телешов, И. Бунин, В. Гиляровский, П. Сакулин, Климентова-Муромцева и др., поздравляли Мамина с сорокалетием его деятельности.

Стр. 215 *Артем.*— Артемьев Александр Родионович (1842—1914), артист Художественного театра.

Стр. 217 *Похоронили его рядом с Н. А. Гончаровым.*— В 1956 г. прах Д. Н. Мамина, М. М. Абрамовой и Аленушки был перенесен из Лавры на Волково кладбище.

И. Н. ПОТАПЕНКО

< А. П. ЧЕХОВ И Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК >

Отрывок из воспоминаний Потапенко печатается по изданию «Чехов в воспоминаниях современников», Гослитиздат, 1954, стр. 285—287. Первоначально они появились в журнале «Нива», 1914, № 26—28.

Стр. 219 *Баранцевич.*— Казимир Станиславович (1851—1927), беллетрист, сотрудничал в журналах «Родник», «Колосья», «Детское чтение».

Стр. 219 *Альбов.*— Михаил Нилович (1851—1911), беллетрист, близкий знакомый Тихомировых, писал и детские рассказы.

Стр. 219 *Тихонов.*— Владимир Алексеевич (1857—1914), беллетрист, драматург, в 1891—1894 гг. редактор журнала «Север».

Стр. 220 *...за культурностью он не гоняется.*— Можно думать, что под «культурностью» А. П. Чехов подразумевал здесь интеллигентскую утонченность, изощренность.

Стр. 220 *Поль Бурже.*— Противопоставление Мамину его современника Бурже — в устах А. П. Чехова — очень характерно. Бурже психолог, лингвист, критик, аристократически надменный декадент, поэт «страсти нежной», изощренный знаток искусств, создатель «целой галереи сложных по своей психологии типов» «высшей» интеллигенции (З. Венгерова).

Стр. 220 *Даль.*— Владимир Иванович (1801—1872), составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» (1863—1866), вышедшего до 1914 г. в четырех изданиях.

Стр. 221 *...преобладающему направлению...*— Чехов как бы солидаризируется с Д. Н. тоже «равнодушным к направлению», утверждая значение «творческой индивидуальности писателя».

Стр. 221 *...Скабичевский, который весь состоял из направления.*— Работая над романом «Черты из жизни Пепко», Д. Н. в екатеринбургских записных книжках оставил несколько весьма резких высказываний о догматизме критиков-народников типа Скабичевского («...начетчики», «...жуют старую жвачку...»)

М. П. ЧЕХОВА

< О ВСТРЕЧАХ Д. Н. МАМИНА И. А. П. ЧЕХОВА >

Печатается по тексту публикации в «Литературной газете», 1952, 28 августа, № 104.

В «Литературной газете» была также воспроизведена оригинальная фотография, на которой сняты А. П. Чехов и Д. Н. Мамин в саду дачи в Ялте.

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ

<ПИСАТЕЛИ В ЯЛТЕ В 1900 г.>

Печатается по тексту сборника «Чехов в воспоминаниях современников». Гослитиздат, 1954, стр. 365—366.

Стр. 224 *Горький.*— В письме от 3 декабря 1898 г. Чехов советовал Горькому познакомиться с Короленко, Потапенко, Маминым и Эртелем «Это превосходные люди... и... общество их, — писал он, — будет для вас с лихвой окупать неприятность и неудобство столичной жизни» (М. Горький. Собр. соч., т. 12, стр. 265).

Стр. 224 *Мамин-Сибиряк* — после заключения брака с О. Ф. Гувале (февраль 1900 г.) Д. Н. и О. Ф. апрель — май 1900 г. провели в Ялте.

Стр. 225 *Немирович-Данченко.*— В. И. (1859—1943) режиссер, драматург, один из создателей Художественного театра. Д. Н. познакомился с В. И. Немирович-Данченко («брат знаменитого корреспондента») в сентябре 1885 г. (Письмо к матери от 6 октября 1885 г.).

Стр. 225 *Ольга Леонардовна.*— Книппер-Чехова (1868—1959), артистка Художественного театра, с 1901 г. жена А П. Чехова.

Стр. 225 *Москвин.*— Иван Михайлович (1874—1946), артист Художественного театра с 1898 г.

Т. Л. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК

<ПИСЬМО О Д. Н. МАМИНЕ>

Печатается впервые по автографу, хранящемуся в архиве Б. Д. Удинцева.

Стр. 227 *Куманин.*— Федор Андреевич (1855—1896), редактор-издатель журнала «Артист», в котором Д. Н. сотрудничал в 1890—1891 гг.

Стр. 227 *...из Мелихова.*— Деревня Мелихово (близ станции Лопасня, Московско-Курской жел. дор.), в которой находилась усадьба, в 1892—1899 гг. принадлежавшая А. П. Чехову.

А. М. ГОРЬКИЙ

«ЧУЖИЕ ЛЮДИ»

Печатается по собр. соч. А. М. Горького, гослитиздат, т. 15. Написано в 1923 г. Впервые опубликовано в журнале «Беседа».

Стр. 231 *Ялта.*— Мамин и Горький жили в Ялте в 1900 г.

Стр. 231 *...на Лабе.*— А. М. Горький встречался с А. П. Рюминским «в 1891 году около Майкопа, на Лабе, а потом, лет через десять

в Ялте» («Чужие люди»). По-видимому, и Д. Н. знал Рюминского ранее 1900 г., т. к. очерк «У Теплого моря» появился в 1898 г.

Стр. 232 *...литература... заражает...*— в 1896—1898 гг. появились высказывания Л. Н. Толстого, развивающие мысли о том, что «искусство есть деятельность заражающая», что «посредством искусства могут быть переданы самые возвышенные и самые низменные чувства». Пессимист и циник Рюминский сводит искусство к «мерзостям жизни», вызывая негодование Д. Н.

Стр. 233 *Это — ваш товар, ваш герой...*— Мамин (может быть, не прочитав еще тогда повесть Горького «Бывшие люди») вспоминает «прежних» босяков Горького, упрекая его в идеализации босячества, чего, как известно, не было. Более того, в 1898 г. в очерке «у Теплого моря» Д. Н., взяв для «Жемчугова» в качестве прототипа А. П. Рюминского, все же показал его не как «лгуна» (лгуном дан «Свирский»), а передал действительную трагедию мужа актрисы.

Стр. 233 *Не помню, как озаглавлен этот рассказ.*— Имеется в виду очерк «у Теплого моря». Напечатан в журнале «Русское богатство», 1898, № 10.

Е. П. ПЕШКОВА

ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧАХ С Д. Н. МАМИНЫМ-СИБИРЯКОМ

Воспоминания написаны в мае 1961 г. для настоящего издания.

И. А. БУНИН

<КРУПНЫЙ ТАЛАНТ>

Воспоминания И. А. Бунина даются в записи корреспондента газеты «Раннее утро». Интервью было получено в связи со смертью Мамина-Сибиряка. Перепечатано в «Уральской жизни» (1912 г., 9 ноября, № 250).

Ф. Ф. ФИДЛЕР

ИЗ ДНЕВНИКА

Печатается по машинописной копии, предоставленной в распоряжение редакции Л. Ф. Фидлер. Автограф хранится в Институте русской литературы Академии наук СССР.

Стр. 240 *...у Любовь Яковлевны Гуревич, в редакции «Северного вестника».*— Л. Я. Гуревич (1866—1940) издательница «Северного вестника» со второй половины 1891 года. С этого времени в журнале

все большую роль начинают играть декаденты во главе с реакционным эстетствующим критиком Акимом Волынским.

В 1891 г. Мамин Д. Н. сотрудничал в журнале, даже принимал участие в редакционных делах, составляя обзор провинциальной печати на правах заведующего отделом провинциальной жизни. Напечатав в 1892 г. роман «Золото», он никакого участия в журнале в дальнейшем не принимает.

Стр. 244 *«Капернаум...»*—«По словам Мамина, будто бы так окрестил ресторан постоянно бывавший там когда-то писатель В. С. Слепцов. Посещали «Капернаум» некоторые сотрудники «Современника» и «Отечественных записок». В последующие годы там продолжали бывать старые литераторы». (М. Куприна-Иорданская «Годы молодости» «Советский писатель», 1960 г., стр. 102—103).

Стр. 244 *...начал писать некрологическую заметку, вероятно, для «Русских ведомостей».* — Некролога Михайловского Мамин не публиковал.

Стр. 245 *Его «Пепко»—хо-рошая книга!*— Роман «Черты из жизни Пепко», впервые напечатан в ж. «Русское богатство», 1894, № 1—10. Разговор о романе мог возникнуть в связи с выходом в свет в 1908 году третьего отдельного издания романа (изд. Стасюдевича).

Стр. 245 *Дали народу голодную свободу.*— Мысль о реформе 1861 года, как обмане народа, получившего «голодную свободу», встречается в очерках Д. Н. «От Урала до Москвы», «С Урала». Наиболее ярко суть «крестьянской реформы» в народной оценке выражена писателем в очерке «Золотуха» (1883). Герой очерка говорит: «Выходит, что наша-то мужицкая воля поровнялась, прямо сказать, с волчьей».

Стр. 248 *Жалеть мне в литературе нечего, она всегда была для меня мачехой.* — В сознании Мамина все время жила мысль о том, что он не понят критикой, не оценен ей. В конце жизни, когда журналы, в которых он был ранее желанным гостем, забыли его, когда для читателей он оставался только популярным детским писателем, в письмах его горькое ощущение заброшенности, несправедливости, безразличия критики к нему становится лейтмотивом.

Стр. 248 *Меньшикова...*— Михаил Осипович Меньшиков (1859—1919), в девятисотые годы реакционный публицист, сотрудник газеты «Новое время», одного из наиболее воинствующих органов реакции.

Б. Д. УДИНЦЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ О Д. Н. МАМИНЕ-СИБИРЯКЕ В ГОДЫ ЕГО ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ

В основу воспоминаний положен текст воспоминаний, написанных в 1912 г. и напечатанных в первом сборнике газеты «Зауральский край» под названием «Урал», издание, специально посвященное памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка (Екатеринбург. 1913, стр. 59—63). Они были перепечатаны в 1936 г. в сб. «Воспоминания». Значительно переработаны для настоящего издания.

Стр. 251 *...больной старик.*— Мориц Григорьевич Гейнрих (1829—1895), эмигрант, участник венгерского восстания 1848 г. скрылся в

России. Жил на Украине, в 1856 г. переехал в Пермь, где открыл фотографию. В 1863 г. женился на дочери врача. В 1885 г. участвовал в экспедиции на Новую Землю. В 1886 г. после смерти жены переехал в Екатеринбург, где и умер.

Стр. 252 *Лавров.*— Петр Лаврович (Миртов) (1823—1900), представитель революционного народничества.

Стр. 254 *...под забором.*— Д. Н. вспоминает рецензию Скабичевского в «Сев. вестнике» 1886 г., кн. 6 на «Пестрые рассказы» А. П. Чехова («газетные писатели» обычно кончают тем, что им «приходится в полном забвении умирать где-нибудь под забором». Чехов, по мнению Скабичевского, «записался в цех газетных клоунов»).

Стр. 255 *Пешехонов.*— (1867—1933), публицист-народник. Организатор народно-соц. партии, один из редакторов «Русского богатства». В 1922 г. выслан за границу.

Стр. 255 *М. А. Колосов.*— Народоволец, бывш. семинарист, вышел из 4-го класса семинарии в 1877 г. (о нем см. Быстрых Ф. Возникновение Уральской областной организации РСДРП/б. Свердловск, 1933, стр. 12).

Стр. 255 *Батмановы* — Алексей Никифорович (1861—1954), нотариус, родился в Турьинских рудниках в 1882 г., окончил гимназию, учился в Петербургском университете, в 1884 г. был арестован, в 1885 г. высылался в Казань, а в 1886 г. в Шенкурск, Архангельской губ. По возвращении в Екатеринбург работал в нотариальной конторе. Алексей Никифорович и Александра Владимировна Батмановы вместе с Е. М. Кремлевой явились организаторами екатеринбург. публичной обществ. биб-ки им. В. Г. Белинского, открытой 26 мая 1899 (в день смерти Белинского, в 1848 г.).

Стр. 255 *...«Златоустовской бойни».*— Расстрел бастовавших рабочих казенного оружейного завода 13 марта 1903 г.

Стр. 257 *...Анненского.*— И. Ф. Анненский (1856—1909), поэт, переводчик, драматург и критик.

Стр. 258 *«Варяг».*— В вырезке (из неизвестного издания) стихотворение это подписано «Я. Репнинский». По сообщению А. М. Новиковой (сб. «Русские народные песни», Гослитиздат, 1957, стр. 672—673), оно принадлежит Р. Грейнцу и переведено на русский язык Е. М. Студенской.

Стр. 259 *Чаще всего Аленушка писала о тяжелых субъективных настроениях.* — Вот несколько примеров, взятых из ее стихотворений:

Вдруг сердце сожмется с болезненной силой
Рыданье дрожит на устах.
И кажется жребий кому-то уж вынут.
Один уже строгой отмечен судьбой.
И должен нас скоро навеки покинуть,
Уйти на последний покой...

Она горячо сочувствует юному Надсону, который:

Жил средь нас с душой своей больною,
Не видя солнышка и радостных цветов;
Обуреваемый тяжелою тоскою,
Он слышал только звон, кандальный звон оков.

Иногда Аленушка старалась преодолеть свои тяжелые настроения, она писала:

Пусть жизнь играет мной, но горькое рыданье
Не от меня ей слышать суждено.
И несмотря на тяжкие страданья
В душе моей и ясно и светло.

В числе стихотворений Аленушки есть одно, объясняющее тяготение дяди Мити и Аленушки к Царскому:

О, парк заиндевелый,
Весь в белизне кудрей,
Мой парк лазурно-белый,
Весь в серебре ветвей.

Блестят его седины,
Сияют под лучом,
На тихой речке льдины
Засыпаны снежком.

Хрустальное молчание
Стоит между снегов,
Его очарование
Лишь рушит скрип шагов.

Да крик ворон голодных.
Зловещих черных птиц...
И на полях холодных
Пушистый бег лисиц.

И тихо все, лишь сосны
Чуть шепчут в полусне
О том, придут ли весны?
Воскреснут ли оне?

Стр. 260 *Гегелевского понятия.*— Мамин уже в семинарии познакомился с философией Гегеля, особенно в связи с изучением им трудов Чернышевского по эстетике.

П. П. СЛАВНИН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЖУРНАЛИСТА

Воспоминания написаны для настоящего сборника. Автограф хранится в Литературном музее им. Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Стр. 266 ...*Соляного городка.*— Там помещались сельскохозяйственный музей, а с 1881 г. и кустарный музей.

Стр. 268 *Не затерялись ли могилы декабристов.*— В 1830—1850 гг. в Тобольске отбывали ссылку Бобрищевы-Пушкины, Муравьев, Фонвизин и др. Большинство из них очень нуждалось, болели, а некоторые и умерли в Тобольске (В. К. Кюхельбекер).

Стр. 268 ...*О карнаухом колоколе, сосланном в Тобольск.*— Колокол, в который, по преданию, звонили при убиении царевича Дмит-

рия. Сосланный в Тобольск «в наказание» за возмущение угличан, он был возвращен в г. Углич в 1893 г.

Стр. 269 *Батюшков.— Федор Дмитриевич* — (1857—1920), профессор историк литературы, либеральный критик. С 1902 по 1906 г. редактор журнала «Мир божий». В 1897—1898 гг. редактор журнала «Космополис», выпускавшегося на четырех языках. Д. Н. в 1897 г. поместил в «Космополисе» рассказ «Грех» (см. Ф. Д. Батюшков «Д. Н. Мамин-Сибиряк», журнал «Голос минувшего», 1913, № 1).

Стр. 269 *Литературный фонд.*— или «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым», организовано в 1859 г. при участии И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского и др.

Стр. 270 *«Наша жизнь».*— Лево-кадетская газета, 1904—1906 гг. За напечатание манифеста Совета рабочих депутатов (1905) Ходский был трижды судим. Д. Н. выписывал эту газету.

Стр. 270 *Ходский.*— Леонид Владимирович (1854—1919), экономист, специалист по аграрному вопросу, буржуазный демократ. После 1917 г.— белоэмигрант.

Стр. 270 *Сукачев.*— В. П. издатель (1890-е гг.). Им выпущен ряд трудов по истории Восточной Сибири («Иркутск. Его место и значение...», 1891; «Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии», 1896, и т. д.). Некоторые издания выпускались Сукачевым в пользу об-ва вспомоществования учащимся Вост. Сибири.

Стр. 270 *«Сибирские вопросы».*— Журнал, выходивший в 1905—1913 гг. В журнале сотрудничали многие прогрессивные писатели, профессора университета и ссыльные.

Стр. 270 *Головачев.*— П. М. приват-доцент университета, автор работ по истории Сибири («Сибирь в Екатеринбургской комиссии», М., 1899; «Характер и значение колонизации Сибири в XVI и XVII столетиях», 1906, и др.), в «Сибирских вопросах» помещал статьи о земском и городском самоуправлении, о переселенченском движении, о законопроектах, касающихся Сибири.

Стр. 271 *«Иртыш, превращающийся в Ипокрену».*— Первый журнал в Сибири, выходил ежемесячно в Тобольске в 1789—1791 гг.

В. ВАРИЛЬЕ

< ВСТРЕЧИ С ПИСАТЕЛЕМ >

Печатается по тексту сборника «Воспоминания», 1936, первоначально были напечатаны в журнале «Сибирские огни», 1928, № 5.

Стр. 274 *...два учителя местной гимназии.*— у Д. Н. бывал учитель гимназии А. А. Мухин, а через Мухина он познакомился и с его коллегами.

Стр. 275 *«Стрекоза».*— Развлекательный юмористический журнал, выходивший в Петербурге с 1875 по 1908 г., преобразован затем в «Сатирикон».

Стр. 275 *«Конский вестник».*— Журнал «любителей конской охоты» и «охотников конского бега».

Стр. 276 *...переселенцев за Байкал направить...*— В 1906—1910 гг. количество переселенцев в Сибирь увеличилось. Но организация

перенаселения была из рук вон плоха. Многие крестьяне погибали в пути, окончательно разорялись. В рассказах «Правильные слова» (1889), «У святых могилок» (1899) Д. Н. рисовал тяжелое положение переселенцев. В 1896 г. он был в числе организаторов вечера в пользу переселенцев.

Стр. 276 *...все на плечах у старухи.*— Подразумевается Мария Степановна Бахарева — одна из героинь романа «Приваловские миллионы».

Стр. 277 *...мертвящее влияние его жены-англичанки...*— Более, чем преувеличено. О. Ф. вынуждена была «опекать» Д. Н. в периоды, когда он начинал «увлекаться» выпивкой в дружеской компании (В. П. Острогорский и др.), а это как раз и возбуждало кривотолки.

Англичанка.— Ошибка. Предки О. Ф. Гувале по подданству были французские граждане, они обрусели и жили постоянно в Петербурге. О. Ф. Гувале окончила женский патриотический институт и занималась преподаванием, пользуясь известностью, как педагог.

Стр. 278 *...всю эту пестроту видеть* — Д. Н. далее ссылается на М. Е. Салтыкова, считавшего, что писатель «не должен зарастать жиром» где-нибудь в провинции. В воспоминаниях о М. Е. неоднократно упоминается, что он хотел жить в Петербурге. «Только этот город — подхлестывает мысль» (сб. «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников», М., 1957, стр. 135).

Стр. 279 *похороны Тургенева.*— 27 сентября ст ст. 1883 г.

Стр. 279 *Общество грамотности.*— При Вольном экономическом обществе. В 1890-х гг. в нем работали Г. А. Фальборк, В. И. Чернолусский, и др. прогрессивные деятели по народному образованию. Издательство выпускало книги прогрессивно-демократического направления. В 1896 г. Комитет был закрыт правительством.

Стр. 279 *Вольное экономическое общество.*— Первое в России экономическое общество (осн. в 1765 г.), в конце XIX и начале XX в. выступало, как представитель либеральной общественности.

Стр. 279 *автономист.*— Варилье имеет в виду сочувствие писателя группе сибирских областников — Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева и др.

С. И. ЯКОВЛЕВ

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

Печатаются по тексту сборника «Воспоминания», 1936.

А. Т. МИХАЙЛОВ

< ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ >

Воспоминания печатаются по тексту, опубликованному в «Пермском краеведческом сборнике», вып. 4. Пермь, 1928, стр. 235—238. Перепечатывались в сб. «Воспоминаний», 1936 г.

Стр. 285 *Мамин* — В. Н., (1863—1909), младший брат писателя.

Стр. 286 *Аленушка.*— Скончалась 5 сентября 1914 г.

Стр. 287 *Батюшков сделал доклад.*— Слово на вечере, посвященном памяти Д. Н., организованном Всероссийским литературным обществом в Петербурге 28 ноября 1912 г. Батюшков говорил здесь, что Мамин словно не доходил до какой-то черточки, чтобы закрепить своим именем образы и мотивы, которые, однако, он первый умел уловить и наметить.

Стр. 287 *Аничков.*— Евгений Васильевич (1866—1937), литературовед и фольклорист. На вечере 28 ноября 1912 г. выступил с докладом — «Мамин-Сибиряк, как звено историко-литературных событий». В журнале «Мир божий», 1905 г., № 10, была напечатана его статья о Д. Н.

П. И. ЗАЯКИН-УРАЛЬСКИЙ

ИЗ БЕСЕД И ЛИЧНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Печатается по тексту, опубликованному в «Уральской жизни», 1912, 26 октября. Перепечатывались в сб. «Воспоминаний» 1936 г., стр. 156.

Стр. 288 *...на похоронах Н. В. Шелгунова.*— 15 апреля 1891 г. Эти похороны превратились в политическую демонстрацию, после чего отдельные участники ее были арестованы и высланы.

Стр. 289 *доктор Х.*— Степан Сергеевич Жихарев (1860—1930), друг Д. Н.

Стр. 289 *...сенатор Х.*— Когда писались воспоминания Заякина, нельзя было опубликовать порочащих этого сенатора сведений, так как Сергей Жихарев (1822—1899) представлял собой один из столпов царского режима. Выдвинувшись на пост прокурора, этот сатрап проявлял исключительную свирепость в деле «искоренения» революции. Он особенно «прославился» процессом «193-х». Даже высшая власть вынуждена была, наконец, с ним расстаться. Его «сдали» в Сенат, и обиженный прокурор удалился в свое именье. Он обладал таким деспотическим характером, что даже взрослые дети его «опасались». Д. Н., встречая С. С. Жихарева у его сына, с интересом наблюдал это «порождение режима», вступал с ним в беседы, за глаза иронически называл «папашей» и — по воспоминаниям К. М. Жихаревой — делал уморительно-испуганную физиономию при одном известии о появлении «сенатора».

Стр. 289 *...дело «126-ти».* Неверно; дело «193-х». К концу 1874 г. свыше 1000 революционеров-народников были арестованы и в 1877—1878 гг. судимы. Процесс «193-х» отличался жестокостью, людей хватали, несмотря на отсутствие улик, арестованных доводили до самоубийства, многие умерли в суровых условиях заключения.

В 1874 г. и Д. Н. попал «под надзор» за то, что, якобы, участвовал в пении песен «возмутительного содержания» в Третьем Парголове. В 1875 г. в одном из неотправленных писем к сыну Наркис Матвеевич очень беспокоился — «не в крепости ли он? не в Сибири ли?»

Стр. 289 *Разин был помилован.*— Никакого «помилования» в сущности не было. Разбив правительственные астраханские войска, Ра-

зин двинулся на Каспий (1668), а возвращаясь с огромным «дуваном», вступил в переговоры с воеводами и отдал им часть добычи. «Воеводы,— пишет Костомаров,— подружились со Стенькой, ели, пили, прохлаждались с ним», и,— в конце концов, «проводили» его на Дон.

Стр. 289 *...археологическими раскопками.*— Археологические работы Д. Н. освещены в переписке 1888 г. с Д. Н. Анучиным («Записки отдела рукописей» Лен. б-ки, 1939, вып. 2, стр. 32): Е. М. Берс в книге «Археологические памятники Свердловска и его окрестностей» (Свердловск, 1954) сообщает об «археологических работах, проводившихся Маминым самостоятельно и при участии К. И. Фадеева на Карасьих озерах».

Д. Н. «открыл новые памятники в районе Ирбитского озера и Сухого лога, а также стоянку во Втором Карасьем озере и на левом берегу Исети, близ парка культуры в Свердловске» (стр. 20).

«Сборы Д. Мамина с озера Карасьего до сих пор экспонируются в Московском Историческом музее (см. А. Я. Брюсов. Путеводитель по музею, 1939).

Стр. 289 *...в своем кабинете.*— На Верейской ул., д. 3, кв. 16. В нем он скончался в 1912 году.

Стр. 290 *...долго говорили о кризисе.*— Начиная с кризиса 1900 г. и до конца 1908 г. промышленность переживала длительный период застоя.

Стр. 290 *...те же землянки... то же невежество.*— По гениальной характеристике В. И. Ленина: «В произведениях этого писателя (то есть Мамина-Сибиряка) рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения» (Соч., изд. 4, т. 3, стр. 233).

Стр. 290 *«Денисов-Уральский».*— Картина маслом имеет внизу на лицевой стороне надпись: «Д. Мамину — Денисов-Уральский. Царское Село. СПб., 19. IV. 1903 г. Дорогому земляку на память о дорогой родине — Урале». В раме черного багета. Дар Гослитмузею от О. Ф. Маминой.

Стр. 291 *...у одного из уральских старообрядцев...*— многочисленные предметы старообрядческой старины в 1916 г. переданы О. Ф. Маминой в музей УОЛЕ. (см. «Каталог фондов Д. Н. Мамина-Сибиряка», изд. Гослитмузея, 1949, стр. 146).

Стр. 291 *...никто не переписывал.*— В Екатеринбурге Д. Н. помогал переписывать его произведения Николай Наркисович Мамин, в Петербурге — все рукописи переписывались лично.

Стр. 291 *...Энтомологического общества.*— Е. А. Боголюбов находит, что именно этот первый отчет Д. Н. напечатан в «Русском мире» 15 января 1875 г. (Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка, Пермь, 1944, стр. 30).

Стр. 292 *Редактор.*— Редактор-издатель «Сына отечества» И. И. Успенский (см. воспоминания Мурашева).

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА[1]

1852

Октября 25. Рождение Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка в Висимо-Шайтанском заводском поселке, Пермской губернии.

1860

Осень. Поступление Мамина-Сибиряка в начальную школу. Дружба с детьми из рабочей среды Т. Ерохиным, П. Ткачевым, М. Балакиным, Е. Ляпцевым.

Начало тесных дружеских отношений с сыном заводского служащего Костей Рябовым, которого Мамин-Сибиряк называл своим «первым другом».

1864

Лето. Мамин-Сибиряк, его старший брат Николай и сын висимского дьякона Николай Тимофеевич Архангельский готовятся под наблюдением отца писателя к поступлению на высшее отделение Екатеринбургского духовного училища.

Осень. Мамин-Сибиряк принят на высшее отделение Екатеринбургского духовного училища, но «ошеломляющие впечатления» Мамина-Сибиряка от бурсы вынуждают отца взять его из училища.

1865

Мамин-Сибиряк под наблюдением отца повторяет дома курс среднего отделения духовного училища. Увлекается чтением художественной литературы.

[1] Составил Б. Д. Удинцев. Все даты приводятся по старому стилю.

1866

Осень. Мамин-Сибиряк поступает на высшее отделение Екатеринбургского духовного училища.

1868

Осень. Мамин-Сибиряк поступает в 1-й класс Пермской духовной семинарии. Первое плавание на барках от пристани Межевая Утка до Перми, начало знакомства с жизнью чусовских бурлаков.

1869

Осень. Духовная семинария не удовлетворяет Мамина-Сибиряка, в письмах к отцу он резко критикует учебные программы. Начинает заниматься самообразованием, изучает французский язык, пользуется книгами семинарской, а также частной библиотеки, увлекается театром.

1870

Зима — весна. Мамин-Сибиряк намерен перейти в реальное училище или (после окончания четырех общеобразовательных классов семинарии) в технологический институт; в письмах к отцу он заявляет, что не хочет кончать духовную семинарию и превращаться в «губителя молодых умов».

Мамин-Сибиряк пользуется книгами нелегальной ученической библиотеки, читает произведения Герцена, Писарева, Чернышевского. Участвует в конспиративном ученическом журнале.

1872

Июнь. Мамин-Сибиряк по окончании 4-го класса уходит из духовной семинарии.

Августа 24. Мамин-Сибиряк подает прошение о приеме на медицинское отделение Петербургской медико-хирургической Академии.

Сентябрь 1—15. Неудачные вступительные экзамены на медицинское отделение Академии.

Мамин-Сибиряк принят на ветеринарное отделение Медико-хирургической Академии.

Осень. Начало работы над романом «Приваловские миллионы».

1874

Осень. Работа Мамина-Сибиряка над очерком «Легкая рука» (на рукописи, хранящейся в Свердловском областном архиве, имеется авторская помета: «Первоначальная редакция «Бойцы»— писана в 1874 г.»).

Начало репортерской работы в газете «Русский мир» (корреспонденции о заседаниях петербургских научных обществ).

1875

Март. Мамин-Сибиряк работает в газете «Новости» ввиду приостановки по распоряжению правительства на три месяца выпуска газеты «Русский мир».

Апреля 20. В № 15 журнала «Сын отечества» напечатан рассказ Мамина-Сибиряка «Старцы».

Мая 14. Мамин-Сибиряк сообщает отцу, что после 20 апреля им помещены в печати «еще три небольших рассказика» (их названия и место публикации не установлены).

Лето. Мамин-Сибиряк работает над романом «В водовороте страстей».

Осень. Продолжение репортерской работы в газетах.

Конец года. Мамин-Сибиряк предлагает свою повесть (название не установлено) в редакцию журнала «Отечественные записки». М. Е. Салтыков-Щедрин признает ее слабой.

1876

Весна. Серьезное заболевание Мамина-Сибиряка, по-видимому, туберкулезом.

Мая 26. Мамин-Сибиряк оставлен на третьем курсе ветеринарного отделения Медико-хирургической Академии, как не сдавший экзаменов.

Весна — лето. Появление рассказов Мамина-Сибиряка в «Сыне отечества»: «Старик» — № 2 и 3, «В горах» — № 18 и 19, «Не задалось» — № 26 и в «Кругозоре»: «Красная шапка» — № 31 и 32, «Русалки» — № 28 и 29.

Печатание первого романа Мамина-Сибиряка «В водовороте страстей» (под псевдонимом: «Е. Томский») в «Журнале русских и переводных романов и путешествий» (издатель А. Траншель).

Августа 5. Мамин-Сибиряк уволен из Петербургской Медико-хирургической Академии «по прошению».

Сентябрь. Переезд семьи Мамина-Сибиряка из Висимо-Шайтанского завода в Нижне-Салдинский завод.

Сентября 1. Мамин-Сибиряк принят на юридический факультет Петербургского университета.

1877

Январь — май. Занятия Мамина-Сибиряка на первом курсе Петербургского университета.

Весна. Выход в свет отдельного издания (издатель А. Траншель), без согласия автора, романа Мамина-Сибиряка «В водовороте страстей», под псевдонимом «Е. Томский».

В № 23 и 24 журнала «Кругозор» напечатан рассказ Мамина-Сибиряка «Тайны зеленого леса».

Весна — начало лета. Обострение болезни (по-видимому, туберкулеза). Материальные затруднения. Отъезд из Петербурга на Урал к родителям.

Знакомство с Марией Якимовной Алексеевой.

Лето — осень. Собирание материалов для повести «Сестры». Продолжение работы над романом «Приваловские миллионы».

Начало осени. Ввиду продолжающейся болезни Мамин-Сибиряк решает оставить Петербургский университет.

1878

Января 24. Смерть отца писателя.

Март. Безуспешные поиски работы в Нижнем Тагиле.

Апрель. Переезд Мамина-Сибиряка в Екатеринбург на постоянное жительство. Гражданский брак с М. Я. Алексеевой.

Апреля 23. Мамин-Сибиряк отправляет свой роман «Семья Бахаревых» (одна из ранних редакций «Приваловских миллионов») в петербургский журнал (не установлено, в какой). Роман не был напечатан.

Август. Семья Мамина-Сибиряка, оставшаяся после смерти отца без всяких средств, переезжает в Екатеринбург, где живет на заработки Мамина-Сибиряка, получаемые им от домашних уроков.

Зима. Возникновение в Екатеринбурге Маминского кружка, в котором участвуют: уральский писатель Н. В. Казанцев, юристы М. К. Кетов, И. Н. Климшин и Н. Ф. Магницкий, податной инспектор А. А. Фолькман и др.

В течение года. Работа над романами «Каменный пояс» (вторая редакция «Приваловских миллионов») и «Омут» (первая редакция «Горного гнезда»). Возникновение замысла романа «Хлеб», для которого Мамин-Сибиряк начинает собирать материалы.

1880

Продолжение работы над романом «Каменный пояс». Создание второй редакции этого романа. Работа над очерками «Бойцы» и «Старатели».

1881

Лето. Заканчивается работа над четвертой редакцией «Приваловских миллионов» («Сергей Привалов»).

Август. Мамин-Сибиряк вместе с женой приезжает в Москву и живет здесь до мая 1882 года.

Октября 6. Напечатан первый очерк путевых заметок «От Урала до Москвы» в № 269 «Русских ведомостей» (до конца 1881 года появилось 5 очерков; печатание окончено в феврале 1882 года).

Ноября 4. Мамин-Сибиряк окончил статью «Покорение Сибири» (напечатана в № 2 и 3 «Иллюстрированного журнала для детей» за 1882 г.).

Мамин-Сибиряк работает над последней редакцией романа «Приваловские миллионы».

Ноябрь — декабрь. Работа над очерками «В камнях» и «На золотом прииске», над рассказом «Китайцы и американцы» и сказкой «Греза Востока».

1882

Начало года. Мамин-Сибиряк решает перейти исключительно «на литературный труд» (об этом он впоследствии писал в автобиографической заметке — 1886 г.).

Март — май. В № 3 журнала «Дело» напечатан рассказ Мамина-Сибиряка «В камнях», а в № 3, 4, 5 журнала «Устой» — рассказ «На рубеже Азии».

Май. В № 5 журнала «Дело» напечатан рассказ Мамина-Сибиряка «Все мы хлеб едим...»

Декабря 19. Письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина Мамину-Сибиряку о том, что редакция «Отечественных записок» охотно поместит «Золотуху» в одном из ближайших номеров журнала. В письме к Г. З. Елисееву от 15 декабря Салтыков-Щедрин называет «Золотуху» «прекраснейшими очерками».

Декабрь. Напечатан рассказ Мамина-Сибиряка «В худых душах» в «Вестнике Европы».

1883

Январь. Начало печатания (окончено в ноябрьской книжке) романа «Приваловские миллионы» в журнале «Дело».

Напечатан в № 1 «Русской мысли» рассказ «Старатели».

Февраль. В № 2 «Отечественных записок» помещен рассказ «Золотуха».

Марта 15. Письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина Мамину-Сибиряку с просьбой присылать свои произведения для напечатания в «Отечественных записках».

Июль — август. В № 7, 8 «Отечественных записок» напечатаны очерки «Бойцы».

Октября 30. Мамин-Сибиряк сообщает брату Владимиру, что Салтыкову-Щедрину начало романа «Горное гнездо» «весьма понравилось.. ждет с нетерпением продолжения».

1884

Январь. Начало печатания в «Отечественных записках» (окончено в апрельской книжке) романа «Горное гнездо». Одновременно в «Вестнике Европы» печатается (также окончен в апрельской книжке) роман «Жилка» («Дикое счастье»).

Апрель. Работа над очерками «История Урала» (напечатаны в газете «Новости и биржевая газета»).

Апреля 20. Закрытие царским правительством журнала «Отечественные записки».

Август — сентябрь. Работа над рассказом «Башка» (напечатан в № 11 «Русской мысли»).

Сентября 1. Окончание Маминым-Сибиряком романа «Бурный поток» («На улице»).

1885

Февраль — сентябрь. Работа над пьесой «На золотом дне» («Золотопромышленники»).

Апрель. В № 77 и 78 «Волжского вестника» напечатана статья о П. П. Демидове: «Один из анекдотических людей».

1886

Марта 22. Мамин-Сибиряк избран в действительные члены Общества любителей российской словесности.

Весна. Начало сотрудничества Мамина-Сибиряка в «Екатеринбургской неделе» по приглашению П. Н. Галина, нового редактора газеты (напечатано несколько статей, в том числе «Кризис уральской горной промышленности», № 29—31). Расхождение с редакцией, в частности с секретарем редакции И. Г. Остроумовым, по идеологическим вопросам и прекращение сотрудничества.

Май. Поездка в Киев.

Июнь. Путешествие по Южному Уралу (Качкарь, Михайловка, Касли, Златоуст).

Август. Непродолжительная поездка Мамина-Сибиряка из Екатеринбурга в Москву.

1887

Январь — октябрь. Работа над романом «Три конца» (Напечатан в 1890 году в № 5—9 «Русской мысли»). Одновременно Мамин-Сибиряк работает над романом «Именинник» (напечатан в «Наблюдателе», 1888, № 1—4).

Лето. Поездка по Пермской губернии. Мамин-Сибиряк производит археологические раскопки — «для изыскания Чудских древностей».

Июль. Активное участие Мамина-Сибиряка в работе «Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки».

Ноября 10. Первое представление пьесы «Золотопромышленники» («На золотом дне») в Екатеринбургском драматическом театре.

Декабря 18. Первое представление пьесы «Золотопромышленники» («На золотом дне») в Московском театре Корша, с участием В. Н. Давыдова и А. Я. Гламы-Мещерской.

1888

Январь. Работа над пьесой «Общий любимец публики» (в 1889 г. переделана в роман того же названия).

Марта 23. Окончен исторический очерк «Город Екатеринбург» (напечатан в справочнике на 1889 год: «Город Екатеринбург»).
Июнь. Поездка на Северный Урал (Чердынь, Ныроб).
Июль. Поездка по Южному Уралу, подъем на гору Иремель.
Август — сентябрь. Поездка в Курьи, Обуховку, Мурзинку и на Успенскую писчебумажную фабрику.
Осень. Выход в свет первого тома сборника «Уральские рассказы».

1889

Лето. Поездка Мамина-Сибиряка по уральским приискам.
Август. Полемика Мамина-Сибиряка с И. Г. Остроумовым («Екатеринбургская неделя», 1889, № 31) о значении губернского города Перми и уездного Екатеринбурга. Мамин-Сибиряк предсказывает быстрое развитие Екатеринбурга как важного промышленного центра Среднего Урала.

1890

Августа 5. Хлопоты Мамина-Сибиряка по политическому делу ирбитского крестьянина И. И. Черемных, обвиняемого в богохульстве.
Сентябрь. Знакомство Мамина-Сибиряка с драматической актрисой Марией Морицевной Гейнрих-Абрамовой, приехавшей в Екатеринбург с труппой П. П. Медведева.
Ноябрь. Поездка в Широкое, Далматов и Катайское с целью собирания материала для повести «Охонины брови» и романа «Хлеб».

1891

Январь. Разрыв Мамина-Сибиряка с первой женой М. Я. Алексеевой и вступление в гражданский брак с М. М. Гейнрих-Абрамовой.
Марта 8. Отъезд из Екатеринбурга в Петербург с М. М. Гейнрих-Абрамовой на постоянное жительство.
Июнь — декабрь. Работа над романами «Золото» и «Хлеб».
Июль — сентябрь. Работа над исторической повестью из времен Пугачевщины «Охонины брови» (напечатана в № 8, 9 «Русской мысли» за 1892 год).

1892

Марта 21. Рождение дочери Мамина-Сибиряка Елены.
Марта 22. Смерть жены писателя М. М. Гейнрих-Абрамовой.
Апрель. Знакомство в семье Давыдовых с Ольгой Францевной Гувале.

1893

Октября 27. Начало работы над «Аленушкиными сказками» (сказки печатались в 1894—1896 годах).

Зима. Работа над романом «Без названия» (напечатан в «Мире божьем», 1894, № 1—10) и продолжение работы над «Хлебом».

1894

Январь. Начало печатания романа «Черты из жизни Пепко» («Русское богатство», № 1—10).

Августа 27. Переезд Мамина-Сибиряка в Царское Село на постоянное жительство (живет там до 1900 года).

1895

Январь. Начало печатания романа «Хлеб» в «Русской мысли» (закончено в № 8).

Марта 23. Отзыв А. П. Чехова о Д. Н. Мамине в письме к А. С. Суворину: «У него есть положительно прекрасные вещи, а народ в его наиболее удачных рассказах изображается нисколько не хуже, чем в «Хозяине и работнике».

Ноябрь — декабрь. Работа над романом «Ранние всходы» (печатался в «Мире божьем», 1896, 1—9).

1896

Января 8. Встреча Мамина-Сибиряка с А. П. Чеховым, И. Н. Потапенко и Е. Н. Удинцевой в Царском Селе.

Октябрь — ноябрь. Статья А. Скабичевского «Д. Н. Мамин-Сибиряк» в «Новом слове».

1897

Января 25. Открытие Союза русских писателей. Мамин-Сибиряк избран членом первого комитета Союза.

1898

Май. Мать и сестра писателя переезжают в Чердынь. Интерес Д. Н. к краю, поражающему «своей ужасающей бедностью» (п. от 7 июня).

Мая 31. Письмо к В. А. Гольцеву. Мамин недоволен рецензентом «Русской мысли», разбиравшем его «Легенды». («Он приписывал мне роль только собирателя и превознес тем, что не мог отличить авторского сочинения от народного творчества»).

1899

Вышла в свет книга В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», изд. М. И. Водовозовой; В. И. Ленин о творчестве Мамина-Сибиряка: «В произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с «добросовестным ребяческим развратом» «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России». (В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 427).

Январь — октябрь. В «Русском богатстве» печатается роман «Падающие звезды».

Март. Участвуя у Д. И. Рихтера в споре с народниками, Мамин-Сибиряк высказывает убеждение, что «русский марксизм... не только не уменьшится в своем влиянии, но получит еще большее распространение» (из собственноручной записи Мамина-Сибиряка, хранится в собрании Г. Д. Рихтера).

1900

Февраля 6. Брак Мамина-Сибиряка с Ольгой Францевной Гувале.

Апрель — май. Мамин-Сибиряк в Крыму, встречи с Горьким, Чеховым, Станиславским, Буниным. (См. очерк М. Горького «Чужие люди» в журнале «Беседа», 1923, № 2).

1901

Февраля 2. Мамин-Сибиряк избран в члены Комитета Литературного фонда.

Февраль. Мамин-Сибиряк участвует в письме-протесте петербургских литераторов по поводу избиения демонстрантов.

1902

Июль. Поездка Мамина-Сибиряка на Кавказ вместе с Н. К. Михайловским. По дороге он посещает Ялту.

Сентябрь. Переезд Мамина-Сибиряка из Петербурга в Царское Село на постоянное жительство.

Октябрь. Мамин-Сибиряк посещает выставку картин А. К. Денисова-Уральского. Он считает ее ценной, с точки зрения ознакомления широких масс с Уралом.

В письмах к Пятницкому А. М. Горький рекомендует издательству «Знание» осуществить собрание сочинений Мамина-Сибиряка (см. А. М. Горький. Письма к Пятницкому, 1954).

1903

Лето. Мамин-Сибиряк усиленно работает для «Русских ведомостей» (здесь в 1903 году напечатаны: «Сон» № 5 и 6, «Букет ланды-

шей»— № 74, 77, «Дорогой хлеб науки»— 107, 111, 118, «Старый Шайтан»— 142, 144).

Август. Поездка Мамина-Сибиряка на Урал. Путешествие по Волге и Каме. С 18 по 27 августа он — в Екатеринбурге.

Сентября 5. Возвращение Мамина-Сибиряка с Урала в Царское Село.

1905

Конец августа — сентябрь. Поездка в Балаклаву. Мамин-Сибиряк живет вместе с А. И. Куприным.

Декабря 13. В письме к матери Мамин-Сибиряк негодует по поводу жестокой расправы царских войск с восставшими трудящимися в Москве и других городах.

Декабрь. Запрещение цензурой для отдельного издания рассказа Мамина-Сибиряка «Сударь Пантелей свет Иванович» (опубликован в «Детском чтении»).

1907

Январь. Напечатан рассказ «Мумма» в «Русской мысли», в котором писатель критикует декадентство.

Марта 11. В связи со смертью Победоносцева Мамин-Сибиряк пишет матери, что Победоносцев «затормозил русскую историю на целую четверть века... У всей литературы висел камнем на шее».

1908

Зима — весна. В письмах к матери Мамин-Сибиряк жалуется на понижение работоспособности, вызванное все более ухудшающимся состоянием здоровья. Не имея возможности выезжать из Царского Села и Петербурга, он сетует также на недостаток материалов: «... приходится перебирать старое или придумывать».

Июнь. На даче в Келломяках Мамин-Сибиряк готовит сборник рассказов для детей «Старинка и новинка», он включает в него описания своих последних поездок на Кавказ («Погибельный Кавказ»), по Финскому заливу («По Варяжскому морю») и др.

Лето. Мамин-Сибиряк занят подготовкой своих произведений для переиздания.

1909

В течение года. Уральские писатели Г. А. Булычев и П. И. Заякин (будущий сотрудник большевистской «Правды») готовят в Петербурге к изданию «Уральский сборник» (из произведений главным образом рабочих авторов), с участием Мамина-Сибиряка (см. воспоминания Г. А. Булычева и П. И. Заякина в сб. «Воспоминания о Д. Н. Мамине-Сибиряке», Свердловск, 1936, также в газете «Уральская жизнь», 1912, № 238).

1910

√ *Марта 21.* Смерть матери писателя.

1911

Августа 4. Кровоизлияние в мозг. Паралич руки и ноги. Мамин-Сибиряк до последних дней своей жизни находится в постели.

1912

Лето. Мамин-Сибиряк заболевает плевритом, что еще больше ухудшает состояние его здоровья.

Октября 26. Литературная общественность отмечает юбилей сорокалетней литературной деятельности Мамина-Сибиряка. А. М. Горький пишет ему из Капри: «В день сорокалетия великого труда Вашего люди, которым Ваши книги помогли понять и полюбить русский народ, русский язык,— почтительно и благодарно кланяются Вам, писателю воистину русскому. Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом,— это дает красоту и силу ему. Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали Вашими книгами, открыв нам целую область русской жизни, до Вас незнакомую нам. Земле родной есть за что благодарить Вас, друг и учитель наш». (Письмо А. М. Горького было подписано многими эмигрантами, жившими в Италии).

Ноябрь, ночь с 1 на 2. Смерть Мамина-Сибиряка.

Ноября 3. Большевистская «Правда» печатает некролог, в котором высоко оценивает творчество Мамина-Сибиряка. «Умер яркий, талантливый, сердечный писатель,— говорится в некрологе,— под пером которого оживали страницы прошлого Урала, целая эпоха шествия капитала, хищного, алчного, не знавшего удержу ни в чем».

Ноября 4. Похороны Мамина-Сибиряка на Никольском кладбище Александро-Невской лавры (Петербург).

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

Редактор *Т. Раздьяконова*
Художник *Г. Перебатов*
Художественный редактор *Г. Кетов*
Технический редактор *Н. Пальмина*
Корректоры *Н. Рабинович*
и *А. Курленко*

Подписано к печати 27/IX 1962 г. Уч.-изд. л. 19.73
Бумага 54×84/16=11,0 бумажного — 18,04 печ. л.+
+13 вкл.
НС 38922. Тираж 20 000. Заказ 504. Цена 90 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск, проспект Ленина, 49

